И. Х. Урилов

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ (МЕНЬШЕВИЗМА)

1917 год в жизни российского меньшевизма
В февральские дни 1917 г. и два месяца спустя
I Всероссийский съезд Советов • Июльский кризис
Два съезда российских социал-демократов
II Всероссийский съезд Советов
Социал-демократы и большевистский переворот
Учредительное собрание как эпилог
демократических преобразований в стране

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
Институт всеобщей истории
Центр истории мировой социал-демократии

И. Х. Урилов

История российской социал-демократии (меньшевизма)

Часть пятая

ЗВЕЗДНЫЕ И ТРАГИЧЕСКИЕ ДНИ ПАРТИИ

(Февраль 1917 – январь 1918 гг.)

Издательство «Собрание»
Москва 2013

УДК 94(47)''1908/1918''
ББК 63.3-4
У68

ISBN 978-5-9606-0120-7

Научный редактор
доктор исторических наук
С.В.Тютюкин

© Урилов И.Х., 2013
© Оформление. ООО «Издательство «Собрание», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.
Характеристика источников и литературы
5

ГЛАВА I
1917 год в жизни российского меньшевизма
77

ГЛАВА II
В февральские дни 1917 г. и два месяца спустя
95

ГЛАВА III
I Всероссийский съезд Советов
163

ГЛАВА IV
Июльский кризис
189

ГЛАВА V
Два съезда российских социал-демократов
253

ГЛАВА VI
II Всероссийский съезд Советов
278

ГЛАВА VII
Социал-демократы и большевистский переворот
332

ГЛАВА VIII
Учредительное собрание как эпилог демократических преобразований в стране
412

Заключение
457

Введение

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Академическая история российского меньшевизма в 1917–1925 гг. еще не написана, хотя многие издания касаются жизни и деятельности РСДРП и ее руководителей в то время. Итоги изучения истории РСДРП в последнее двадцатилетие подведены во многих историографических обзорах, прежде всего в работах Б.С.Орлова, С.В.Тютюкина, В.В.Шелохаева и других исследователей[1]. В 1998 г. Тютюкин призвал историков создать честную и объективную историю меньшевизма и большевизма, национальных социал-демократических организаций. Он сетовал на то, что изучение истории РСДРП происходит «несколько хаотично, без продуманного плана»[2]. Но разные мнения, творческие устремления историков вряд ли напоминали «хаос». Это был, скорее, свободный поиск сюжетов, изучение которых было важным для решения общей проблемы. Со времени публикации итоговой статьи Тютюкина прошло более 10 лет. Многое изменилось с тех пор, но традиция более или менее независимого исследования сохранилась. Ныне стало возможным выявить и определенные тенденции в современном изучении истории РСДРП.

Одна из первых проявилась в 1990-е гг. и состояла в публикации ранее неизвестных или малоизвестных документов по истории российской социал-демократии. Наиболее важным было осуществление проекта «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Документальное наследие» (серийное из-

дание в 24 т., 28 книг), за который группа авторов во главе с руководителем проекта В.В.Шелохаевым была в 2003 г. удостоена Государственной премии РФ в области науки и техники. Среди этого многотомного издания были и сборники документов по истории меньшевизма.

Документальные публикации по истории меньшевизма, представившие документы этой партии с 1917 г. по 1924 г., стали результатом сотрудничества российских и зарубежных исследователей, что сказалось на привлечении документов не только отечественных, но и зарубежных архивов, на знакомстве читателей и с точкой зрения западных историков на изучаемые вопросы[3]. Отдельные сборники документов по истории меньшевизма публиковались независимо от этого проекта[4]. В изданиях, посвященных различным аспектам общественной жизни советского государства, особенно в первые годы его существования, опубликованы важнейшие свидетельства об эволюции меньшевизма в России [5]. Знакомство исследователей с новыми или малоизвестными ранее документами и воспоминаниями участников меньшевистского движения, научное сотрудничество с зарубежными исследователями, отсутствие жесткой цензуры и идеологической направленности способствовали созданию многих интересных и важных работ.

Разумеется, до октября 1917 г. каждая политическая партия в России имела свой архив, свою переписку, агитационно-пропагандистский материал, сочинения своих руководителей, а позже произведения и мемуары лидеров и участников движений. Нельзя утверждать, что подобные публикации прекратились сразу же после прихода большевиков к власти в стране. Труды Ю.О.Мартова и особенно Г.В.Плеханова издавались в 1920-е гг. в советской России[6], а в 1928 г. был издан сборник документов о социал-демократическом движении в стране, подготовленный в основном находившимися в эмиграции меньшевиками Б.И.Николаевским и А.Н.Потресовым. Но все эти издания касались деятельности лидеров меньше-

визма до октября 1917 г. Так, работа Мартова «Долой смертную казнь!», опубликованная небольшим тиражом в 1918 г., была переиздана в России только в 1990-е гг. Работы Плеханова 1917–1918 гг., изданные в свое время в Париже, до сих пор не переизданы на его родине[7].

В 1920-е гг. меньшевики-эмигранты издавали «Социалистический вестник» и многие документальные сборники, связанные с историей РСДРП (переписку лидеров, воспоминания и др.). Известно, что в ленинской библиотеке хранились работы Мартова и Плеханова, К.Каутского и А.Бебеля, что В.И.Ленин требовал собирать для него меньшевистские издания. В библиотеке И.В.Сталина подобных работ было намного меньше, но это не мешало ему в своих высказываниях вспоминать Плеханова, при чтении работ меньшевиков Д.Далина и А.Мартынова подчеркивать устраивающие его выводы или принять книгу бывшего меньшевика И.Майского с дарственной надписью[8]. В 1924 г. редактор журнала «Под знаменем марксизма» К.Я.Розенталь послал Сталину для просмотра статью члена ЦК партии меньшевиков профессора И.И.Рубина, заключенного в то время в Бутырскую тюрьму в Москве. Сталин ответил, что статью Рубина «следовало бы напечатать, несмотря на некоторые неточности и неловкости в формулировках. Тема очень важная и в высшей степени тонкая. Без неловкостей трудно обойтись»[9].

Документальные источники по истории РСДРП хранятся во многих российских и зарубежных архивохранилищах. В Москве — это Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ РФ, бывший архив КГБ СССР), в Санкт-Петербурге — архив Дома Г.В.Плеханова. Документы о работе местных российских организаций РСДРП находятся во многих областных и республиканских архивах. Только в РГАСПИ насчитывается более 20 фондов — это примерно 3 ты-

сячи дел, содержащих тысячи документов. В ЦА ФСБ РФ находятся документы, не только относящиеся к репрессиям против меньшевиков в советской России, но и исходящие из меньшевистских организаций или отдельных деятелей этой партии. Можно отметить наличие в нем рукописи статьи Мартова о Франце Мерингe, копий докладов Дана, Николаевского и других меньшевиков, прочитанных ими в клубе имени Мартова в Берлине в первой половине 1931 г. во время и после окончания судебного процесса над их бывшими товарищами в Москве. Подлинники и копии этих докладов хранятся в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме (далее – IISH), Гуверовском историческом архиве в Стэнфорде (далее – HIA) и Бахметевском архиве Колумбийского университета (далее – BAR) (США). Можно лишь догадываться, каким образом эти документы с грифом «только для членов партии» оказались в архиве Лубянки, как и рукопись Мартова. Идентичность текстов позволяет утверждать подлинность и достоверность этих документов[10].

Значительная часть документов РСДРП (преимущественно меньшевистских, ибо большевистские скупались за рубежом представителями советских архивов в 1920–1930-е гг. и активно собирались с конца 1940-х гг.) хранится в зарубежных архивах: IISH, HIA, BAR, и др. В архиве Международного института социальной истории хранятся персональные фонды документов П.Б.Аксельрода, Л.О.Дан и других известных меньшевиков, в Гуверовском институте находится большая коллекция документов по истории РСДРП, собранная Б.И.Николаевским и Н.В.Вольским, в архиве Бахметева – многие документы из архива меньшевика Б.М.Сапира, в историческом архиве Иерусалима (Израиль) – ряд материалов Бунда и т.д.[11]

Руководство РСДРП всегда придавало большое значение созданию архивов и использованию документальных материалов в политической борьбе. К документам апеллировали большевики и меньшевики в

своих внутрипартийных спорах. Российская политическая эмиграция с конца XIX в. активно участвовала в создании библиотек и архивов по истории революционного движения. Документальные собрания имела группа «Освобождение труда» Плеханова, редакции социал-демократических газет и журналов. Эти хранилища создавались в местах их пребывания: Женеве, Париже, Кракове, Берлине и других городах. Отдельно создавались личные архивы Аксельрода, Ленина, Мартова, Плеханова и других лидеров РСДРП.

В 1912 г. в Берлине был создан социал-демократический (меньшевистский) архив. Судьба его, по словам Николаевского, сложилась драматично. После прихода в Германии к власти нацистов Берлин были вынуждены покинуть многие российские социал-демократы, в большинстве переехавшие в Париж. Тогда на границе были задержаны, а затем и погибли множество документов из личных архивов Р.А.Абрамовича, П.А.Гарви, из вещей Ф.И.Дана была изъята часть материалов архива Мартова. Николаевскому вместе с А.М.Бургиной тогда все же удалось доставить значительную часть оставшихся материалов меньшевистского архива в Международный институт социальной истории в Амстердаме. Фонды Центрального партийного архива (ныне РГАСПИ) существенно пополнились в 1930-е гг., когда во время так называемого «Академического дела» документальное собрание библиотеки Академии наук было переведено из Ленинграда в Москву. Среди поступивших документов были архивы и библиотеки В.Д.Бонч-Бруевича, П.Б.Струве, ряд меньшевистских документов, спасенных в годы Гражданской войны академиками А.А.Шахматовым и С.Ф.Платоновым[12]. Кроме того, в этот и в архив ЦА ФСБ РФ поступили материалы из собраний многих тогда репрессированных или отправленных в эмиграцию советских политических деятелей: Л.Д.Троцкого, А.И.Рыкова, Н.И.Бухарина и др.

В советской России были государственные и партийные архивы, и знакомство исследователей с подобными документами, попытки их вывоза за рубеж особо строго контролировались руководством страны

со второй половины 1920-х гг. Так, цензор Ленинграда запретил в 1933 г. Р.М.Плехановой вывезти во Францию двухтомник не изданных в СССР произведений Плеханова[13]. История создания архивных фондов и их хранения крайне важна для понимания происхождения документов и их дальнейшего источниковедческого анализа.

Исследователи давно заметили, что публикация документов активизируется во время смены правящих режимов в стране. Так случилось в России в 1920-е и в 1990-е гг. Тогда заметно возрастал интерес к истории и переосмыслению прошлого, чему способствовала и большая доступность в архивохранилищи. В советское время было издано множество сборников документов. Абсолютное большинство из них не содержало даже упоминания о политических партиях России, враждебных большевизму, или критически отзывались об их деятельности. Ныне известно, что все годы советской власти осуществлялся жесткий контроль даже над публикацией сочинений Ленина, полное академическое издание которых не осуществлено до сих пор[14]. Избирательный подход даже к документальным публикациям по истории правящей партии был характерен для той поры.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. резко активизировались исследования по истории РСДРП и связанные с этим документальные публикации (прежде всего воспоминания меньшевиков-эмигрантов) за рубежом. В 1958 г. жившие в основном в США российские меньшевики отмечали 80-летие Л.О.Дан. К ее юбилею был издан сборник писем и воспоминаний «Мартов и его близкие», посвященный семье Цедербаум. Сборник был подготовлен к печати Г.Я.Аронсоном, Л.О.Дан, Б.Л.Двиновым и Б.М.Сапиром[15]. В 1959 г. усилиями Л.О.Дан, Б.И.Николаевского и профессора Л.Хеймсона был начат «Menshevik project», который привел к изданию важных публикаций: интервью с еще жившими меньшевиками и участниками событий, изданию и переизданию воспоминаний и др.[16]

В 1980-е гг. Международный институт социальной истории в Амстердаме начал публикацию «Russian series on social history». В этой серии тогда были опубликованы письма Ф.И.Дана и материалы из архива Л.О.Дан, а также сборник документов, посвященный российским эсерам и выборочно – меньшевикам[17]. В этих изданиях явно ощущалось отсутствие материалов, хранящихся в российских архивах. Только изучение материалов различных архивохранилищ, может дать более объективное представление о деятельности российской социал-демократии. Так, М.Янсен опубликовал сообщение из «Бюллетеня голоса социалиста-революционера» (Харьков. 20 июля 1922 г.) о критике эсерами выступления И.М.Майского во время суда (1922 г.) над лидерами этой партии. Но это вторичный источник, и гораздо ценнее была бы публикация полного выступления Майского и критики в его адрес обвиняемых эсеров, содержащейся в стенографическом отчете судебного заседания, который хранится в ЦА ФСБ РФ (Ф. Н-1789). Ряд публикаций зарубежных историков, к сожалению, известны купированием издаваемых писем Ю.О.Мартова, отсутствием археографического обоснования и их комментирования (Ю.Г.Фельштинский) либо перепечаткой части ранее изданных документов без ссылки на их первую публикацию (В.Н.Бровкин)[18].

Известно, что советская историография и источниковедение историю меньшевизма не жаловали. Ныне происходит обратный процесс, хотя трудно представить историю РСДРП без взаимосвязи и взаимовлияния бывших в ней фракций меньшевиков и большевиков. Изданные с начала 1990-х гг. документальные сборники и исследования по истории РСДРП свидетельствовали о том, что центр изучения меньшевизма переместился в Россию. Многочисленные документальные издания по истории меньшевизма в определенной степени способствовали изменению традиционного для российских читателей негативного представления о меньшевиках. Разумеется, не все издания были достаточно полноценны, прежде всего из-за избирательной

и купюрной публикации отдельных документов. Так, в первом томе сборника «Меньшевики в 1917 году» часть писем Мартова к Надежде Кристи была дана не полностью, некоторые из них не были опубликованы вовсе (письма от 1, 27, 29 апреля; 2, 4, 11, 19, 20 мая; 25 августа 1917 г.). Авторы предисловия к сборнику документов о меньшевиках в 1922–1924 гг. отмечали, что Б.М.Сапир, составляя тома из писем Ф.И. и Л.О.Дан, не включил в них письма, представляющие их не в столь радужном свете, как он хотел[19].

Издатели и составители сборников документов имеют право публиковать то, что им кажется важным. Так, вероятно, при издании документов о деятельности меньшевиков в 1917 г. составителям и редакторам сборника были интересны прежде всего политические оценки Мартовым тех или иных событий. Но для характеристики лидера меньшевиков как человека, эволюции его политических пристрастий этого явно недостаточно. Без полного текста документа затруднен и его источниковедческий анализ. Изданные сборники документов о меньшевиках в 1917–1924 гг. поражают почти полным отсутствием материалов о провинциальных меньшевистских организациях, а также внутренней критики публикуемых источников[20]. Последнее замечание связано с возможной апологетикой меньшевистских документов. В советское время то же происходило с источниками, исходящими от канонизированных лидеров большевизма или документов партийных съездов правящей в стране партии. Наверное, следует в каждом конкретном случае не ограничивать комментарий справками об упомянутых в документе лицах, но и аргументированно отмечать достоверность и подлинность источников, опубликованных в сборниках, особенно относящихся к истории меньшевизма в советское время. Появилась также необходимость создания методики работы с массовым фальсифицированным источником, каким являются следственные дела меньшевиков, ставших в 1920-х — 1930-х гг. жертвами политических репрессий, а затем реабилитированных в связи с отсутствием в их действиях «состава престу-

пления». Археографическая подготовка таких изданий весьма сложна, как и комментирование подобных материалов[21]. Исследователей не вполне удовлетворяют издаваемые объемные документальные сборники. Они содержат массу неизвестной или малоизвестной информации о деятельности социал-демократии России, но остается попытка выяснить, что и по какой причине их составители не сочли нужным опубликовать. Поэтому будущие публикации связаны с фондовыми изданиями документов или их размещением в Интернете, что значительно облегчило бы знакомство исследователей с интересующим их архивным фондом в полном объеме.

Многочисленные документальные публикации по истории меньшевизма с начала 1990-х гг. вызвали и многие исследования российских историков этой проблемы. В основном они касались деятельности РСДРП до октября 1917 г., причем обобщающих работ на эту тему было создано немного[22]. В процессе их появления выяснилось, что, конечно, история меньшевистской фракции РСДРП имеет право на специальное изучение. Но при этом стало очевидным привлечение для полноты и объективности исследования истории большевизма, поскольку фракции взаимодействовали в рамках одной партии значительное время. На эту проблему обратил внимание М.С.Ольминский, когда в письме Сталину (декабрь 1931 г.) негативно отозвался о статьях В.В.Адоратского, М.А.Савельева и Е.М.Ярославского – тогда ведущих историков ВКП(б), начавших писать ее новую историю. Ольминский подчеркивал, что для создания правдивой истории нельзя не говорить о совместной дореволюционной работе большевиков с меньшевиками, троцкистами, сторонниками А.А.Богданова и другими социал-демократами, как и о том, что в октябре 1917 г. большевики действовали вместе с левыми эсерами и т.д. Ольминский считал, что нельзя смешивать научную историю партии с задачами повседневной агитации[23]. Заметим, что это заявление Ольминский сделал на фоне обсуждения письма И.В.Сталина в журнал «Пролетарская револю-

ция» «О некоторых вопросах истории большевизма»[24] и политического судебного процесса над несуществующим бюро ЦК меньшевиков (1931 г.).

Такое исследование в свое время предпринял В.Х.Тумаринсон. Но его прямолинейные выводы о том, что во всех спорах всегда были более правы меньшевики, лишены достаточной аргументации[25]. Известно, что на свободных выборах в Учредительное собрание большевики получили больше мандатов, нежели меньшевики, что последним удалось в 1917 г. лишь несколько месяцев быть одной из правительственных партий в стране и в октябре они уступили власть большевикам. В этом смысле создание обобщающей работы по истории РСДРП еще предстоит. Можно лишь сожалеть, что в 1990-е гг. изучение истории большевизма почти прекратилось, хотя проблема исследования этого левого, радикального течения, сформировавшегося в рамках РСДРП, осталась не решенной.

Наиболее полно в последние годы изучались персоналии, главные действующие лица РСДРП. Написание биографий лидеров меньшевизма и большевизма сопровождалось изданием документов, переизданием их избранных работ, переводом на русский язык наиболее интересных зарубежных публикаций и т.д. В начале XXI в. появилось значительное число переводных работ о Ленине, призванных в какой-то мере ответить на ту волну общественного интереса к вождю большевизма, который не могли удовлетворить российские историки[26]. Приходится признать, что зарубежные исследователи в настоящее время значительно больше внимания уделяют истории большевизма и ее вождям, нежели их российские коллеги. Российские историки стали основное внимание уделять истории меньшевизма, тогда как в советское время было наоборот.

Изучение биографий и деятельности лидеров меньшевизма было ознаменовано в последние годы переизданием их работ, публикацией различных, ранее малоизвестных документов, переводом на русский язык монографий о них зарубежных исследователей, появлением статей и книг российских историков.

Издания о меньшевистских лидерах осуществлялись независимо от значимости того или иного деятеля. Так, одними из первых были переизданы «Записки о революции» Н.Н.Суханова, и появились монографические исследования А.А.Корникова и И.Гетцлера о его жизни и деятельности[27]. Заметим, что в данном случае вначале появилась книга о Суханове российского, а затем израильского историка.

Труды и деятельность Г.В.Плеханова были широко известны советской историографии. Но не все его работы были изданы. В 1990-е гг. С.В.Тютюкин представил наиболее основательное на сегодняшний день исследование жизни и творчества Плеханова. Тогда же была переведена и издана на русском языке одна из лучших западных книг о нем Самуэля Бэрона[28].

В последние годы публиковалась переписка Плеханова и продолжалось изучение его деятельности, особенно в 1917 г.[29] Однако академическое исследование творческого наследия и биографии российского марксиста было нарушено «сенсацией», связанной с публикацией в ноябре 1999 г. «Независимой газетой» «Политического завещания Плеханова», вызвавшего восторженные отклики одних историков и аргументированные сомнения в его подлинности других[30]. Вскоре появились и статьи Е.А.Григорьевой, среди которых особенно первая вызвала негативную оценку ряда исследователей жизни и творчества Плеханова, увидевших в ее выводах стремление исказить и принизить роль выдающегося идеолога и теоретика российской социал-демократии[31].

Разумеется, о Плеханове многое писали и вспоминали те, кто его хорошо знал, особенно о последних месяцах и днях его жизни. Это его жена Р.М.Плеханова, А.Н.Потресов, Н.В.Вольский и другие[32]. В отличие от советской историографии, характеризующей деятельность Плеханова, как, впрочем, и Мартова, положительно, когда они поддерживали Ленина, и отрицательно, когда они выступали против него, Потресов утверждал, что Плеханов всегда оставался самим собой, что «двух» Плехановых не было. Он передавал

мнение Плеханова о невозможности победы социализма в экономически отсталой России и вспоминал его слова, обращенные к нему во время их последнего свидания. Тогда тяжело больной Плеханов сказал ему: «Не знаю, увидимся ли когда еще с вами, ведь все мы под большевиками ходим!» Вольский вспоминал о московских встречах с Плехановым в 1917 г. Он подчеркивал верность Плеханова идеям западной социал-демократии и перечислял такие его принципы, как проповедь идеи диктатуры пролетариата, подчинение интересам партии и другие, которые были восприняты руководством большевизма. По мнению Д.Шуба, Плеханов был, «бесспорно, самым сильным и ярким противником Ленина и большевизма». Многообразие высказываний о Плеханове свидетельствовали о различном толковании и оценке его наследия советскими и зарубежными исследователями.

П.Б.Аксельроду, одно время близкому другу и соратнику Плеханова, к сожалению, посвящено немного работ. Монографическое исследование А.Ашера о нем до сих пор не переведено на русский язык, а несколько статей и брошюр о деятельности Аксельрода[33] можно считать лишь продолжением изучения творчества этого выдающегося человека. В последние годы была издана переписка Аксельрода за 1880–1892 гг. со многими его корреспондентами[34]. Составители сборника анонсировали дальнейшую публикацию документов из архива Аксельрода, А.Н.Потресова и Ю.О.Мартова. Можно лишь сожалеть, что эти планы не предусматривают переиздания воспоминаний Аксельрода «Пережитое и передуманное» (Берлин, 1923. Кн. 1) и других его работ. Известно, что Аксельрод пользовался большим уважением Ф.И.Дана, Ю.О.Мартова, А.Н.Потресова, К.Каутского, Э.Бернштейна и многих других. Б.М.Сапир писал о нем, что «меньшевизм как политическая концепция... есть детище этого совершенно исключительного по своим интеллектуальным и нравственным качествам человека». По его мнению, дореволюционный меньшевизм (до февраля 1917 г.) имел своими лидерами Аксельрода, Дана, Мартова и

Потресова. «Ошибаются те, — писал Сапир, — кто записал в духовные отцы меньшевизма Плеханова. Он — родоначальник русского марксизма, одно время — союзник меньшевиков, в другое — большевиков, и кончил тем, что отдалился от тех и других, чтобы оказаться в 1917 г. изолированным от партии, обязанной ему своим марксистским мировоззрением»[35].

Б.И.Николаевский сообщал 1 марта 1922 г. Аксельроду о встречах с ним в 1917 г. и о том, что не мог удержаться от желания написать ему, как это делают многие. «Вы стали для нас, — писал он, — чем-то большим и более близким, чем кто-либо другой из вождей — теоретиков партии... Особенно остро эту близость ощущаешь теперь, после шести лет революции, принесшей нашей социал-демократической семье значительно больше потерь, чем самые тяжелые удары предшествовавшего десятилетия»[36]. Г.О.Бинштok, видный деятель меньшевизма, утверждал после разговора с И.Г.Церетели в 1919 г., что они оба считали Аксельрода «творцом российского меньшевизма»[37]. Подобные высказывания об Аксельроде являются еще одним свидетельством важности издания (переиздания) его работ, монографического изучения жизни и деятельности этого выдающегося представителя российской социал-демократии.

Аксельроду посвящали свои работы многие социал-демократы. П.А.Гарви свою брошюру с анализом десятилетнего большевистского правления в России посвятил «Основоположнику российской социал-демократии, учителю многих поколений борцов за освобождение рабочего класса Павлу Борисовичу Аксельроду с любовью и уважением»[38]. А.Н.Потресов в некрологе памяти Аксельрода подчеркивал его роль в создании российской социал-демократии и в том, что «он первый... сумел не только забить тревогу, но и принципиально определить ту опасность, которая грозила всему развитию рабочего и социалистического движения в России от направленности и практики, заложенных в идеях Ленина». Для Аксельрода, подчеркивал Потресов, большевизм — «это враг социал-демо-

кратии»[39]. Р.Абрамович видел в Аксельроде и Мартове воплощение «мирового меньшевизма»[40].

В последние годы многие труды историков были посвящены Ю.О.Мартову: переизданы ряд его работ[41], появились историографические обзоры, обобщающие итоги изучения биографии и деятельности этого признанного лидера меньшевизма[42]. Одновременно была переиздана с переводом на русский язык книга израильского историка И.Гетцлера о Мартове, появились статьи и монографии российских историков о нем[43]. Казалось бы, с изучением жизни и деятельности Мартова все обстоит благополучно, но это только на первый взгляд. Многие сюжеты, связанные с его политическими воззрениями и деятельностью, человеческими качествами, еще нуждаются в исследовании. К таким относятся его отношения с Лениным. Между ними была не столько борьба за лидерство в РСДРП, сколько за стратегию и тактику ее строительства и развития. Их личные отношения не прекратились после раскола на II съезде партии (1903 г.), но они стали более деловыми. Ленин и Мартов продолжали встречаться, если этого требовали обстоятельства: полемизировали, часто очень резко, но иногда находили общие точки соприкосновения. В 2005 г. была издана работа С.В.Белова о взаимоотношениях Ленина и П.Б.Струве[44]. История отношений Ленина и Мартова также представляет собой сюжет для большого исследования.

Важным представляется более подробно изучить предложенную в свое время Николаевским тему об отношениях Мартова с лидерами партии правых эсеров после октября 1917 г. Николаевский считал «исторической неправдой» утверждение Дана, будто бы в годы Гражданской войны меньшевики по призыву Мартова воевали с представителями «демократического социализма эсеровского толка». Он считал, что отношение меньшевиков и эсеров к «большевистской диктатуре» было тогда одинаково – резко отрицательным. Николаевский писал о позиции Мартова, считавшего политику эсеров опасной, потому что «в борьбе против большевиков и реакции они будут раздавлены». Мар-

тов призывал эсеров не воевать «на два фронта». Утверждение Николаевского о совместном заседании ЦК меньшевиков и эсеров в марте 1920 г.[45] документально подтвердить не удалось. Известно же следующее. 23 января 1920 г. Мартов писал Аксельроду, разъясняя тактику своих действий, что он борется за объединение революционных партий, за создание правительства, опирающегося не на одну партию, а на все демократические силы общества. 1 января 1922 г. на заседании Пленума Заграничной делегации партии социалистов-революционеров рассматривался вопрос о встречах с Аксельродом, а Чернова с Мартовым. Тогда было решено, «не затушевывая принципиальных разногласий, принять... указания ЦК относительно единства социалистического фронта»[46].

Ю.О.Мартов умер в Германии и был похоронен в Берлине. Это произошло в ночь с 3 на 4 апреля 1923 г. в санатории, где Мартов лечился от туберкулеза горла и сердечной недостаточности. Небольшое селение Шемберг в горах Шварцвальда тогда привлекло внимание мировой общественности. На кончину Мартова откликнулись в то время не только наиболее видные деятели социалистического движения, но и многолетние противники меньшевиков – большевики.

Мартов умер тихо, во время сна, как умирают без мучений только праведники[47]. 9 апреля более тысячи человек встречали на Берлинском вокзале гроб с его телом. Останки кремировали в Вильмерсдорфском крематории в 5 часов 40 минут 10 апреля 1923 г. В часы прощания возле крематория собрались М.Горький и Л.Каутская, делегации социалистических партий разных стран, родственники и друзья. С особенно проникновенной речью, полной горечи и печали, выступил П.Б.Аксельрод. Он всегда считал Мартова «самым талантливым (после Плеханова) в русской партии»[48], называя его «наш социал-демократический Добролюбов». Аксельрод был старше Мартова по возрасту на два с лишним десятка лет, поэтому в траурной речи счел необходимым извиниться за то, что пережил своего более молодого друга. «Я всегда, – говорил он, –

да и не только я, всегда с самого начала ценил Юлия Осиповича значительно выше всех из "молодежи" того времени... Но что особенно выделяло Мартова, — это исключительная духовность всего его существа»[49].

Присутствовавший при этом Б.И.Николаевский в тот же день писал А.Н.Потресову: «Сейчас вернулся с похорон Юлия Осиповича. Было очень тяжело. Было много речей, много венков... много собралось и народа... И так необычна была эта процедура панихиды в крематории, с органом, с частью пола, опускающегося под гробом...». Николаевский сообщал о предложениях увековечить память о Мартове изданием сборников его статей или собрания сочинений. «Но мне в первую очередь кажется необходимым, — продолжал он, — чтобы те, кто ближе знал Ю.О., написали о нем свои воспоминания. И в первую очередь я жду этого от Вас». Николаевский обосновывал свое предложение тем, что из организаторов «Искры» об этом больше никто не напишет: Ленин болен, а Аксельрод не был так близок к ее изданию[50].

Потресов писал Аксельроду 30 июня 1923 г., какое «потрясающее впечатление» произвела на него смерть Мартова. «Не могу до сих пор примириться с мыслью, что его нет, и мысль все обращается к тому далекому прошлому, когда я его знал еще 18-летним безбородым юношей. А теперь только в моей памяти вечно юного Ю.О. уже не существует!» Потресов в 1928–1929 гг. начал писать воспоминания, но завершить их не успел. О времени, которое интересовало Николаевского, он так и не написал[51]. Николаевский составил биографические даты жизни Мартова, которые содержали, видимо, проспект будущей, так и не написанной им книги[52].

Через два месяца, 11 июня 1923 г., на кладбище Gerichtstrasse в Берлине в присутствии родных и друзей был открыт памятник Мартову с бронзовой урной, заключающей его прах. На цоколе памятника по-немецки было написано: «Л.Мартов — борец за освобождение рабочего класса»[53]. В Берлине тогда же был открыт социал-демократический клуб имени Мартова. В его уставе говорилось о задачах объединения

российских социал-демократов, оказавшихся в эмиграции, важности распространения партийной литературы и увеличения финансовых средств партии[54]. Заграничная делегация РСДРП в качестве первых мер по увековечению памяти Мартова поручила Ф.И.Дану написать его краткую биографию, а редакции «Социалистического вестника» — издать сборник избранных статей Мартова, опубликованных им в 1917–1923 гг., а также переиздать его брошюры: «Долой смертную казнь!», «Мировой большевизм» и «Речь, произнесенную в Галле на съезде Независимой социалистической партии Германии». Тогда же Заграничная делегация РСДРП просила всех владельцев писем и рукописей произведений Мартова прислать в ее адрес эти материалы, а также воспоминания о нем[55].

Собрания памяти Мартова состоялись в Париже, Берлине, Женеве и других городах. «Социалистический вестник» периодически публиковал воспоминания и статьи, посвященные Мартову, а также его неопубликованные произведения, телеграммы соболезнования от различных лиц и комитетов РСДРП[56]. На смерть Мартова откликнулись журнал «Социал-демократ», издававшийся в советской России, а также многочисленные русские эмигрантские газеты и журналы. В эсеровском журнале «Революционная Россия» с большой статьей памяти Мартова выступил В.М.Чернов. Он отметил, что «как мыслитель Мартов был менее оригинален, чем Плеханов, но превосходил его последовательностью и верностью себе». У него менее «инициативный» и не такой «напроломный ум, как у Ленина, но зато его ум более тонкий и гибкий». Чернов указал на стремление Мартова объединить социалистов России в единую партию. Мартов подарил Чернову том своих воспоминаний с надписью «многолетнему друго-противнику», а не врагу. Поэтому, заключал Чернов, «мы, инакомыслящие социалисты, не ощущали в нем врага». В.М.Зензинов, член ЦК партии эсеров, в некрологе, посвященном Мартову, называл себя его учеником, характеризовал Юлия Осиповича, как «бесспорного вождя российской социал-демокра-

тии», а затем, после октября 1917 г. — лидером оппозиции, который страстно сражался за правду, как он ее понимал[57].

Многие из современников и коллег Мартова в своих воспоминаниях подчеркивали не только его вклад в мировое социал-демократическое движение, но и останавливались на характеристике личных качеств одного из лидеров меньшевизма. К.Каутский, отметив «великие заслуги» Мартова как «теоретика, практика, вождя», высоко отозвался о «духе Мартова», который он стремился внести в социалистическое движение. Это принципиальность, смелость и решительность, умение прислушиваться к жизни, неспособность жертвовать «принципами и великими целями ради минутных успехов». П.А.Гарви назвал свою статью о Мартове «Рыцарь духа», заявив, что «Мартов не только был вождем партии. Он был ее душой, совестью, честью»[58]. Д.Далин (Д.Ю.Левин. 1889–1962) вспоминал о работе с Мартовым в «Социалистическом вестнике». Он говорил не только о коллективном руководстве журналом (Мартов, Абрамович, Е.Л.Бройдо и Далин), но и о том, что его создателем и главным редактором был Мартов. Далин рассказал о вечерних встречах той поры, когда Мартов говорил о прошлом и настоящем партии и России. «В эти вечера, — писал Далин, — мы чувствовали подле себя подлинного большого человека нашей эпохи. Его проницательность была ошеломительна, и из Берлина он видел и понимал русские события куда яснее, чем многие, многие, стоящие у самых "истоков истории". В частности, никто лучше него не понимал Ленина: зная его лично, Мартов видел его насквозь. Вся хитрость Ленина, его "маневрирование" и "тонкая дипломатия" были у Мартова как на ладони. Поэтому-то и статьи его против выступлений Ленина (он писал их с особенным оживлением) всегда били прямо в точку»[59].

Из решений Заграничной делегации РСДРП по увековечению памяти Мартова было выполнено немногое. Разве что в «Социалистическом вестнике» регулярно печатались воспоминания и статьи о нем. Ф.И.Дан специальную брошюру о Мартове так и не

написал, хотя опубликовал несколько статей его памяти. В 1926 г. Дан переиздал на немецком языке книгу Мартова по истории российской социал-демократии до 1907 г., дополнив ее своим очерком истории РСДРП с 1908 г.[60]

Судя по данным библиографического указателя А.М.Бургиной, а также перечня произведений Мартова, предложенных В.В.Крыловым, за рубежом было издано (переиздано) немного его работ[61]. Наиболее крупной публикацией той поры стали письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова[62]. Публикация этой переписки вызвала неоднозначную реакцию еще живых тогда участников и очевидцев описываемых в ней событий. Р.М.Плеханова во время подготовки издания требовала от редакторов исключения негативных оценок ее мужа из писем Мартова. 28 января 1923 г. Николаевский разъяснял ей, что эти оценки нельзя «рассматривать как выпад против Г.В. (Плеханова). Достаточно прочесть предыдущие страницы книги с отзывом о Бельтове (Плеханове. — *И.У.*), чтобы отбросить это предположение». Николаевский замечал, что не может согласовать с Мартовым этот вопрос, «так как он тяжело болен»[63]. Уже после выхода «Писем» 3 февраля 1924 г. Ф.И.Дан и Л.О.Дан обосновывали в письме Р.М.Плехановой «резкое слово, сорвавшееся (с пера Мартова. — *И.У.*) в связи с именем Г.В.Плеханова». Они не видели смысла в публикации «политической переписки» без того, чтобы ввести читателя «в самую лабораторию идей... показать ему деятелей эпохи во всем их человеческом обличье — с их силою... слабостью... подъемами... и падениями, с их страстью, терзаниями и трагическими коллизиями». Они писали о той клевете, которая обрушивается на меньшевиков их противниками, и подчеркивали, что не хотели стать «такими же фальсификаторами истории и исторических документов»[64].

Николаевский ответил Плехановой двумя письмами (от 4 и 8 февраля 1924 г.), в которых писал, что ко всем изданиям относится как историк и согласен с редакционной коллегией сборника «Писем», которая

сочла нужным печатать письма Мартова «полностью, без выкидок». Он подчеркивал, что научные издания документов необходимы для беспристрастного изучения истории российской социал-демократии. Николаевский соглашался с Плехановой лишь в том, что время борьбы Плеханова с меньшевистским руководством было печальным явлением в его взаимоотношениях с Мартовым и в истории партии в целом. Он считал, что сокращать исторический документ нельзя, тем более что никакие резкие частные оценки не могут умалить личность Плеханова. Николаевский подчеркивал, что «в своей работе... руководствуется одним желанием: сделать издание достойным тех, чьи письма в нем публикуются»[65].

В работах российских и зарубежных историков довольно подробно рассматриваются меры, предпринятые Заграничной делегацией меньшевиков по увековечению памяти Мартова. Менее известны действия советского руководства в этом отношении. О реакции В.И.Ленина вспоминала Н.К.Крупская: «Когда Владимир Ильич был уже тяжело болен, он мне как-то грустно сказал: "Вот и Мартов тоже, говорят, умирает"». Крупская рассказала, как незадолго до смерти Ленин «в связи с Аксельродом спросил о Мартове. Я сделала вид, что не поняла. На следующий день он спустился вниз в библиотеку, в эмигрантских газетах разыскал сообщение о смерти Мартова и укорительно показал мне»[66].

Вскоре после смерти Мартова «Правда» и «Известия» (5 апреля 1923 г.) опубликовали некрологи. «Правда» назвала его талантливым человеком и «вождем российского соглашательства». К.Радек в «Известиях» подчеркивал, что Мартов был «убежденным, бескорыстным и честным противником» большевизма. В.И.Невский в некрологе, посвященном Мартову, утверждал, что вместе с Мартовым «умерло и то лучшее, что еще оставалось в меньшевизме как течении, вышедшем из одного корня, что и большевики». По Невскому, Мартов был «талантливейшим и, несомненно, честным и искренне думавшим социал-демокра-

том». Но и он, как Радек и другие партийно-советские историки и публицисты, отмечал заслуги Мартова до 1903 г., когда тот был вместе с Лениным, и критиковал его последующую деятельность[67]. А.В.Луначарский читал корректуру своих очерков о российских социал-демократах, в том числе и Мартове, когда узнал о его смерти. Он ничего не стал менять в тексте, но в примечаниях сообщил, что его мнение совпадает со статьей К.Радека, опубликованной по этому поводу в «Известиях»[68].

21 мая 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б), откликнувшись на кончину Мартова, приняло решение: «Признать желательным издать книгу о Мартове с его статьями»[69]. Вскоре встал вопрос об авторе такой книги. И.В.Сталин, зная о личном знакомстве Л.Д.Троцкого с Мартовым и его очерке о нем, полагал, что он может написать такую книгу, но поделился своими сомнениями с Г.Е.Зиновьевым: «Брошюра о Мартове может свестись к некой истории нашей партии. Согласны ли Вы предоставить это дело Троцкому?» Зиновьев ответил: «История нашей партии не выйдет из Мартова. Выйдет, вернее, история меньшевизма и философия ухода Троцкого от меньшевиков. Это, я думаю, безопасно. Но, конечно, надо смотреть в оба и в качестве сотрудников дать одного-двух надежных людей». Тогда Сталин заключил: «Я против того, чтобы дело было поручено Троцкому. "История", "некая" история нашей партии все же получится, по-моему»[70].

Книга о Мартове тогда в советской России не была подготовлена, но несколько его работ были опубликованы или переизданы[71]. Многие из них сразу же подверглись критическим рецензиям[72], а затем на долгие годы отправлены в спецхран. По данным А.М.Бургиной, Мартову принадлежит более 500 работ, но наиболее популярными из них стали его «Записки социал-демократа».

Первое издание «Записок» появилось в Берлине в 1922 г. и тогда же вызвало положительную реакцию современников[73]. Время завершения написания Мартовым первой части «Записок» датируется декабрем

1919 г. П.Ю.Савельев отмечает, что отрывки из этих воспоминаний появились в газете «Вперед» в начале 1918 г. Сестра Мартова Л.О.Дан вспоминала, как осенью 1919 г. семьи сестер Лидии и Маргариты Цедербаум собирались вместе и при свете коптилки, «лежа на диванах и за невозможностью читать, предавались воспоминаниям. Кто-нибудь начинал — а помнишь?.. и всегда оказывалось, что все помнил Юлий Осипович, который целые вечера вспоминал и рассказывал нам различные эпизоды нашего детства и своей революционной деятельности. Именно в те темные, холодные часы родились его "Воспоминания" ("Записки социал-демократа"), закончить которые, и то только первый том, он смог уже в Берлине, в последние месяцы своей жизни»[74].

Заключение Л.О.Дан нуждается в уточнении: первый том «Записок» Мартов закончил в Москве, а к работе над вторым томом приступал дважды: в 1919–1920 гг. в Москве, сразу же после окончания первого тома, и незадолго перед смертью, зимой 1922–1923 гг., за границей, когда у него под рукой не оказалось многих материалов, оставшихся в Москве. Сравнивая варианты воспоминаний Мартова, Николаевский отмечал, что первый том — более полный и точный, а второй — более обработан литературно. Он объяснял это тем, что в Москве Мартов «глубже вошел в свою работу над воспоминаниями и к тому же имел возможность для освежения памяти пользоваться такими источниками, которых за границей в его распоряжении не было; кроме того, вторую редакцию он, по-видимому, и сознательно хотел сократить, считая свой рассказ чересчур растягивающимся»[75]. Заметим и другое: Мартов широко использовал различные воспоминания из жизни РСДРП во многих статьях, связанных с внутрипартийной борьбой.

В Берлине «Записки» Мартова были опубликованы в издательстве З.И.Гржебина[76]. Гржебин, еще будучи в Москве, представил план издания в серии «Летопись революции» воспоминаний не только большевиков, но и их оппонентов, в том числе Мартова и

В.М.Чернова. С критикой этого плана выступили 9 ноября 1919 г. газета «Правда» и представитель Госиздата И.И.Скворцов-Степанов. Горький возмущался. В письме Ленину 2 ноября 1920 г. он утверждал: «Дело Гржебина — мое дело» и требовал продолжения с ним контракта, против чего выступало руководство Госиздата.

Горький считал необходимым и публикацию в издательстве Гржебина воспоминаний Мартова и Чернова. 26 июня 1920 г. он писал Ленину, что отправляет за границу рукописи их мемуаров. Горький высказывал опасения, что эти рукописи могут быть задержаны, и потому просил содействия в их прохождении через заместителя народного комиссара иностранных дел Л.М.Карахана. Он характеризовал воспоминания так: «Книга Мартова — определенно хороша, а произведение В.Чернова хотя и рисует его отчаянным болтуном и хвастуном, но изобилует очень ценными фактами и дает достаточно ясное представление о жизни эпохи». Горький передал Ленину и свои краткие рецензии на эти воспоминания. О рукописи Мартова Горький писал: «Прекрасно — ценно, сжато и честно написанная автобиография. Начата с детства, доведена до первой поездки за границу. Дает очень обширные сведения по истории развития марксизма и строения партии. Для молодых партийцев эта книга может дать очень много и в смысле знания и настроения»[77]. Ленин на письмо Горького отреагировал, направив это письмо вместе с отзывами к Карахану с запиской от 29 июня 1920 г.: «т. Каменев просит показать ему брошюры Чернова и Мартова. Устройте это поскорее и поаккуратнее». Прилагаемую записку просил ему вернуть[78]. Только после этой партийной цензуры людей, хорошо знавших Мартова, его рукопись оказалась в Берлине. Возможно, эту рукопись для доработки передал Мартову Гржебин, находившийся в то время в Берлине, а может быть, она находилась, как 17 октября 1920 г. Мартов писал Аксельроду, в полученном им «давно ожидавшемся мною пакете с материалами и начатыми работами, который одновременно с моим выездом был от-

правлен за границу». 25 ноября 1921 г. Мартов сообщал С.Д.Щупак, что с ним хочет повидаться Горький[79]. Воспоминания Мартова были опубликованы в серии «Летопись революции», которую вначале редактировали Б.Николаевский, Ю.Мартов и М.Горький.

Положительно была воспринята публикация этой книги и в Москве в 1924 г. В пробольшевистском предисловии А.С.Мартынова от имени издательства «Красная новь» разъяснялось, что предполагается публиковать лишь те сочинения Мартова, «в которых он выступал как борец за революционный марксизм. Настоящая книга — первая из этой серии сочинений»[80]. Мартынов, многие годы работавший вместе с Мартовым, не мог не знать, что все произведения Мартова без исключения были посвящены революционному движению в России в его социал-демократическом понимании.

Мартынов (Пиккер. 1865–1935) был меньшевиком с 1903 г. и членом ЦК РСДРП (1907 г.), депутатом Учредительного собрания от меньшевиков Тулы. В 1922 г. он заявил о своем отказе от меньшевизма, а в 1923 г. на XII съезде РКП(б) был принят в ряды большевистской партии. Политическая ангажированность поручения издательства именно ему написать предисловие к «Запискам» Мартова очевидна: Мартынов был известным меньшевиком, и это должно было вызвать к написанному им определенное доверие; ему предоставлялся случай еще раз покаяться за свое меньшевистское прошлое и в год смерти Ленина (введение было подписано 30 января 1924 г.) показать, что у РСДРП был только один пролетарский вождь и всякая критика в его адрес порочна и беспочвенна. Мартынов писал: «Когда Мартов жил, он тем более вреда мог принести делу пролетариата, чем больше у него было заслуг в прошлом. Это в полной мере объясняло и оправдывало ожесточенную борьбу коммунистов с ним». По мнению Мартынова, Мартов написал «честную, искреннюю и объективную» книгу, но вот Ленина «все же не сумел изобразить... в настоящем историческом свете». Мартынов пытался оспорить критические характе-

ристики, данные Мартовым «непорочному» большевистскому вождю. Однако ему не удалось опровергнуть замечания Мартова о том, что у Ленина было «презрение к людям», что из тактических соображений он мог по-разному использовать те или иные принципиальные теоретические положения. Мартынов заключал предисловие не аргументами, а декларативным заявлением: «Ошибка Мартова в оценке Ленина 90-х годов заключалась в непонимании того, что Ленин при всем его огромном интересе к теории... был... прежде всего беспощадный практический борец, практический революционный вождь, призванный руководить пролетариатом в самую революционную эпоху истории»[81].

Мартов, начиная свои «Записки», признавал их неизбежную субъективность. Он писал в предисловии: «Человек, ведущий политическую борьбу, сталкивается с другими людьми обычно в специфической обстановке, исключающей или затрудняющей, во всяком случае, возможность равномерно-глубокого проникновения во все стороны наблюдаемых характеров: борьба владеет самим наблюдателем и заставляет его в объекте наблюдения видеть и чувствовать, прежде всего, друга или врага, единомышленника или противника. Позже опыт жизни вносит общий корректив в составленные в пылу борьбы суждения о людях, заставляя сомневаться в их непогрешимости. Я буду поэтому в своих характеристиках встречавшихся мною в жизни людей довольно скуп на тот психологический анализ, которому с такой охотой предаются иные мемуаристы, верящие в свою способность угадать душевный механизм человека, которого от них отделяла густая психическая прослойка взаимной вражды. Поскольку я буду отклоняться от этой общей линии, что порою неминуемо, и вместе с характеристикой общественного деятеля набрасывать облик человека, прошу читателя вспомнить, что я излагал лишь свое впечатление от него, — впечатление, неизбежно прошедшее через призму политических симпатий или антипатий, а потому весьма и весьма условно могущее претендовать на объективность»[82].

Историки давно обратили внимание на разночтения в изданиях «Записок» Мартова. Так, в их первом издании (1922 г.) говорилось о встрече во дворе Красноярской тюрьмы Ленина и Н.Е.Федосеева в 1897 г. и о том, что Ленин «когда-то хорошо знал» Федосеева в Казани. В издании 1924 г. об этом говорилось менее определенно: Федосееву «очень хотелось повидаться» с Лениным, «которого он когда-то встречал в Поволжье». Из воспоминаний Ленина о Федосееве известно, что Ленин о нем многое знал, но неясно, встречались ли они[83]. Каким образом в изданиях оказались разночтения — неизвестно, можно лишь предположить, что советская публикация «Записок» Мартова подверглась редактированию.

Вторая часть недописанных воспоминаний Мартова хранится в РГАСПИ и представляет собой 29 машинописных страниц текста и дополнительные вставки к нему. Частично текст был опубликован в 1920-х гг., а полностью — лишь с новым переизданием «Записок» Мартова[84]. Заметим, что они были изданы и в переводе на английский язык. Для перевода было взято берлинское издание «Записок» 1922 г., новое русское переиздание осуществлено по советской публикации 1924 г.[85]

В последние годы были изданы работы Т.Ю.Поповой, дочери племянника Мартова Юлия Сергеевича Цедербаума, о судьбе представителей этой семьи в советской России, а также материалы и воспоминания родственников Мартова (Е.В.Гутновой, Ю.Я.Яхниной и др.), объединенные в сборнике «Из архива семьи Цедербаум»[86].

Разумеется, говоря о деятельности Мартова, исследователи вправе отмечать не только успехи, но и политические ошибки, с их точки зрения, допущенные лидером меньшевизма. Но писать об этом следует, аргументируя свои положения. К сожалению, этот принцип не всегда соблюдается. В последних статьях, посвященных истории РСДРП, тиражируется идея А.П.Ненарокова о том, что Мартов был временами далек от «истинного меньшевизма», оставаясь «всегда в меньшинстве». Более того, по его мнению, к началу

XXI в., правым выглядит не Ленин и не Мартов, а Потресов[87]. С этими утверждениями трудно согласиться, и об этом уже было заявлено публично[88]. Понятие «истинный меньшевизм» звучит весьма субъективно, а быть в «меньшинстве» еще не значит быть неправым в оценке конкретной исторической ситуации. Мартов отличался от Потресова, требовавшего от своих оппонентов категорической определенности, стремлением найти согласительное, конструктивное решение, и, только убедившись в невозможности его осуществления, он занимал определенную позицию. Что же касается высказывания Потресова о бесперспективности большевистского правления, то об этом предупреждали Плеханов, Аксельрод, В.И.Засулич, А.А.Богданов и в последние годы своей жизни Мартов. Потресов в очерке о Ленине говорил о том, как ему вместе с Мартовым «пришлось жестоко расплачиваться за... недоразумение, когда по окончании нашей ссылки мы заключили, по выражению Ленина, наш "тройственный союз" (Ленин, Мартов и я)». Он с восхищением говорил о Мартове, как бесподобном публицисте и многоопытном практике, наиболее популярном партийном деятеле, который был «точно рожден стать средоточием партии, ее воистину излюбленным представителем»[89].

В 1970–1980-х гг. о Мартове хотел написать Б.М.Сапир. 3 марта 1971 г. он вспоминал в одном из писем, что еще три года назад ему предложили написать о Мартове и ассигновали на этот проект 5 тысяч долларов, но он не истратил ни цента и план по написанию книги не выполнил. Но материалы для этой работы Сапир, видимо, собирал. В письме И.Минкову — одному из руководителей социал-демократической группы Нью-Йорка — Сапир сообщал в феврале 1971 г., что хочет написать работу о Мартове, что после книги о нем Гетцлера многие стали относиться к Мартову «отрицательно. Наверное, потому, что речь идет о человеке, потерпевшем поражение... Но он делит эту участь с цветом русской интеллигенции в социалистическом и кадетском лагере. Успех — это мерило качеств политического деятеля. Поэтому важно показать, что

путь, рекомендованный Мартовым, представлял собой альтернативу для русской революции»[90].

13 ноября 1989 г. Сапир в одном из писем отмечал, что Ю.Г.Фельштинский подготовил к публикации письма Мартова за 1916–1922 гг. и просил его написать к ним предисловие. Сапир отказался от этого предложения из-за болезни, хотя и назвал эти письма «настоящим кладом», поскольку они «бросают свет не только на позицию меньшевиков в революции, но и на положение в социалистической Европе после Первой мировой войны и, конечно, дают представление о самом Мартове». Сапир признавал, что лично Мартова знал мало, но был дружен с рядом людей, близких к нему, и много слышал о нем. Он вспоминал партийное собрание в 1919 г., проходившее в Замоскворецком клубе «Искра», на котором выступал Мартов. В своем выступлении Мартов «огласил письмо провинциального партийного комитета в ЦК с просьбой разрешить ему поглупеть, т.е. забыть марксистскую премудрость и поверить в большевистские химеры». В этой связи, продолжал Сапир, Мартов, цитируя Герцена, заговорил о трагической роли русской социал-демократии, которой суждено оставаться «умной ненужностью в совершающихся событиях... Конечно, ему были нетерпимы и террор, и неправда, пропитавшие большевистский режим»[91].

Человек живет, пока его помнят, пока ссылаются на написанные им труды, пока его идеи интересны последующим поколениям. Человек вправе выбирать, что ему запомнить и что забыть из событий и людей прошлого. Мартов относится к той плеяде политических деятелей, публицистов и историков, кого «забыть» в истории невозможно, ведь он был из числа гуманных, высоконравственных революционеров. Таких было немного в России, но Мартов по праву находится среди тех, кому обязана своим рождением российская демократия.

В последние годы активизировалось изучение жизни и деятельности А.Н.Потресова: изданы его избранные работы, переписка с Мартовым и другими со-

циал-демократами в 1892–1905 гг., появились статьи о нем[92]. Следует признать, что до сих пор лучшим исследованием, посвященным Потресову, является статья Б.И.Николаевского «А.Н.Потресов. Опыт литературно-политической биографии», опубликованная в виде предисловия к сборнику избранных произведений Потресова, изданному в Париже в 1937 г. Он писал о Потресове как человеке и политике[93]. Николаевский видел в нем одного из основателей российской социал-демократии, который, будучи в эмиграции, продолжал верить в демократическое будущее России. На похоронах Потресова в 1934 г. в Париже присутствовали не только социал-демократы, но и эсеры и кадеты, все, кто называл себя представителем демократической России. В статье, посвященной памяти Потресова, опубликованной в газете «Последние новости», редактируемой П.Н.Милюковым, выражалась надежда на то, что «наступит день, когда отвлеченный мыслитель Потресов победит мнимого реалиста Ленина и, хоть и с большим запозданием, русская жизнь вернется на указанный им путь нормального политического развития»[94]. Нет никакого сомнения в том, что изданные в последние годы сборники документов станут одним из оснований для появления фундаментального исследования об этом выдающемся российском социал-демократе.

Нет ни одной работы по истории РСДРП, где бы не упоминалось имя Ф.И.Дана. В настоящее время ему посвящены статьи, издана значительная часть переписки[95], но монографическое изучение его жизни и деятельности еще предстоит. Его современник Б.Л.Двинов писал о нем как о человеке, который после Мартова «был самым авторитетным и влиятельным вождем меньшевистской партии»[96]. Столь же высокого мнения был о Дане в своих «Записках о революции» Н.Н.Суханов, а Б.М.Сапир в предисловии к изданию писем Дана назвал его среди тех, с чьими именами связаны победы и поражения РСДРП. Статьи о Дане в энциклопедических изданиях содержат важный биографический материал, анализ же его деятельности

более подробно изложен в предисловии Сапира к изданным письмам Дана. Сапир называл Дана «как бы начальником генерального штаба меньшевистской партии, оставляющим за ее признанными лидерами намечение основных линий политической стратегии... Дан не пользовался расположением в рядах большевиков», которые, по признанию Мартова, «питали к Дану какую-то стихийную ненависть». Сапир писал о Дане как человеке и политике. С.В.Тютюкин назвал Дана «выдающимся организатором и способным публицистом»[97].

Из многих работ, написанных Даном, наиболее спорной оказалась его последняя книга – «Происхождение большевизма», изданная в Нью-Йорке в 1946 г. По мнению Сапира, это была третья попытка в социал-демократической литературе после Аксельрода и Мартова дать анализ большевизму как политическому течению. В отличие от своих предшественников, отрицательно воспринимавших большевизм, Дан связывал свои надежды на будущее с постепенной демократизацией тоталитарного режима, установленного большевиками в России. Сапир был не согласен с Даном в его попытках оправдать большевизм в какой-либо форме и видел ошибку последнего в нежелании показать разницу между большевиками и меньшевиками, хотя каждое из этих направлений выражало противоположные тенденции общественного развития не только в России. Он поражался Дану, который «игнорировал пропасть, отделяющую демократический социализм от тоталитарного коллективизма»[98].

В архиве Сапира сохранилась написанная им 16-страничная машинописная статья «Федор Ильич Дан и его последняя книга». В ней содержатся данные о биографии Дана, о том, как после окончания Дерптского университета он работал врачом, был рядом с Мартовым с 1896 г., а затем женился на его сестре Лидии Осиповне. Они были вместе до 1917 г., когда Мартов возглавил группу меньшевиков-интернационалистов, а Дан оказался среди тех, кто был за участие в работе коалиционного Временного правительства.

Сапир полагал, что Мартов из-за этого политического расхождения с Даном намного уменьшил свои шансы на приобретение влияния в партии в то время. По мнению Сапира, Дан был государственным деятелем, а Мартов — революционным трибуном. В конце 1917 г. Дан был вновь с Мартовым. По поводу расхождения с Мартовым Дан каламбурил: «Быть может, это звучит парадоксально, но я скажу, что правильна сегодня лишь та тактика, которая была ошибочна вчера и будет ошибочной завтра». 1 февраля 1947 г. Сапир писал одному из своих корреспондентов: «22 января ночью скончался Ф.И.Дан. Умирал он тяжело: рак легких. Сам врач, он вряд ли отдавал себе отчет, что с ним. Вряд ли кто-либо другой проявил бы столько выдержки. Подумать только, что книжку свою он писал, будучи обреченным человеком и испытывая жестокие страдания. К сожалению, последние годы он жил в одиночестве. Старые друзья не могли с ним встречаться. Он был слишком боевой натурой и политическим борцом, чтобы поддерживать личные отношения с людьми, от которых его отделяли глубокие разногласия. Вокруг него группировался небольшой кружок. За исключением одного-двух человек, кружок этот состоял из людей, далеких Дану. На похоронах они тонули в массе прежних почитателей Дана. Тяжелы были похороны. Нас осталось очень немного...»[99]

Среди этих немногих была жена Дана и сестра Мартова Лидия Осиповна Дан. В последние годы были изданы ее письма и воспоминания, появились исследования о ее жизни и деятельности[100]. Во всех работах она предстает социал-демократкой, человеком, в эмиграции ставшим связующим звеном для своих товарищей, одним из инициаторов создания проекта по истории РСДРП. Профессор Л.Хеймсон — научный руководитель проекта — позже вспоминал: «Я пребывал в блаженном неведении обо всех обстоятельствах, когда начал сближаться с этими старейшинами меньшевизма для того, чтобы руководить задуманным ими делом. Они бескорыстно сообщили мне, что пришли к выводу, что история меньшевизма должна быть написана и

что они теперь обращаются к нам для того, чтобы воплотить эту идею в жизнь». Хеймсон интервьюировал Л.О.Дан, Б.И.Николаевского и других еще живших меньшевиков. Он подробно рассказал со слов Л.О.Дан, что в ее петроградской квартире в 1917 г. вместе проживали Ф.И.Дан, Ю.О.Мартов и Б.И.Николаевский. Мартов и Дан тогда занимали различные политические позиции, но это не мешало им проживать в одном помещении и за вечерним чаем продолжать полемику. Из бесед с ними у Хеймсона сложилось впечатление, что они видели в Октябре 1917 г. «переворот», «безумный акт» со стороны большевиков, ввергнувший страну в гражданскую войну. Они видели в этом и свою ответственность, так как свержение монархии в стране выдвинуло меньшевистскую партию в центр политической жизни[101].

Редакция «Социалистического вестника» в связи с 80-летием Л.О.Дан (1958 г.) подчеркивала в обращении к ней деловые и личностные качества юбиляра, активное участие в работе партии особенно после февраля 1917 г.[102] В конце жизни ее мучили одиночество и болезни. В письме А.Балабановой 25 мая 1961 г. она писала: «Очень охотно ухожу в прошлое, так как настоящего у меня здесь нет (нет никаких корней в здешнем движении), да и мир так отвратительно выглядит в настоящий момент, что всегда приятно укрыться во что-нибудь бывшее»[103]. Л.О.Дан умерла в ночь на 28 марта 1963 г. в Нью-Йорке после тяжелой болезни на 85-м году жизни. Во время похорон знавший ее Г.Я.Аронсон говорил, что последние 16 лет после смерти мужа — Ф.И.Дана она «испила до конца горькую чашу одиночества», что у нее была скромная квартира, на стенах которой висели портреты Ф.Дана, Ю.Мартова, Ф.Адлера, О.Бауэра, Л.Блюма и Е.Кусковой. Б.И.Николаевский в некрологе памяти Л.О.Дан отмечал ее революционные заслуги, а с 1922 г., после высылки из советской России, тяжелую жизнь в эмиграции, «годы скитаний». «Личная жизнь ее последнее время была особенно тяжела, — писал Николаевский. — Она получила сведения, что в России едва ли не все ее близкие погибли... Особенно тяжелой

для Л.О. была гибель ее старшей дочери, младшая умерла еще в 1917 г. Погибли, расстреляны большевиками, все ее братья, а также племянники. Эти вести если не сломили, то, во всяком случае, тяжело придавили Л.О. Всегда неутомимая и бодрая, последние годы она жила как бесконечно уставший человек»[104].

Значительное внимание историки уделили и И.Г.Церетели – одному из ярких представителей партии меньшевиков[105]. Его думскую деятельность и активное участие в работе Временного правительства в 1917 г., а затем в создании Грузинской демократической республики высоко ценили современники. Воспоминания Церетели о Февральской революции стали неоценимым историческим источником[106]. Приходится лишь сожалеть, что монографического исследования о жизни и деятельности Церетели российскими историками пока не создано.

Интерес к биографическому жанру вызвал появление в последние годы публикацию дочери Б.О.Богданова Н.Б.Богдановой о своем отце, а также анализ воспоминаний В.К.Икова[107]. Важным было издание работ о выдающемся историке РСДРП Б.И.Николаевском[108]. Его деятельность по собиранию архива партии и публикации множества работ, посвященных ее истории, высоко ценили современники. Г.Аронсон вспоминал о нем как историке, собирателе документов, знатоке не только истории меньшевистской партии, но и большевистской элиты. Он сообщал о том, что Николаевский умер близ Стэнфорда в ночь с 21 на 22 февраля 1966 г. на 79-м году жизни. Аронсон обратил внимание на приверженность Николаевского в 1917 г. идеям Мартова, на его участие в качестве наблюдателя на Уфимском совещании членов Учредительного собрания, когда была создана Директория (сентябрь 1918 г.), на его высылку из советской России в 1922 г. Аронсон отмечал эволюцию взглядов Николаевского, который к началу 1930-х гг. разочаровался в левосоциалистической идеологии и стал намного ближе к Потресову, отрицательно относившемуся к большевизму и к возможности демократизации соз-

данного им режима. Аронсон указал на источники многих сведений, полученных Николаевским от его знакомых большевиков Н.С.Ангарского, А.С.Енукидзе, А.И.Рыкова, Д.Б.Рязанова и находящегося в эмиграции Л.Д.Троцкого. Он сообщил о дневнике Николаевского — «толстой тетради», в которой он видел записи его встреч и бесед «во время объезда им концентрационных лагерей в Германии после войны, в 1947 году»[109]. К сожалению, судьба дневника пока неизвестна. На собрании социал-демократов-эмигрантов 20 марта 1966 г. в Нью-Йорке, посвященном памяти Николаевского, выступил М.Вишняк. Он отметил, что идеологические разногласия между эсерами, к которым он относил себя, и меньшевиками как-то сгладились после свержения царизма в России в феврале-марте 1917 г. Вишняк подчеркивал выдающуюся роль Николаевского в защите лидеров эсеровской партии во время судебного процесса над ними в 1922 г. Это он немедленно написал о процессе Горькому и Мартову, а те подняли на защиту жизни осужденных Ромена Роллана, Анатоля Франса и др.[110] Это были фрагменты из жизни и деятельности Николаевского, а исследование его творчества в целом еще ждет своего автора.

В «Социалистическом вестнике» были опубликованы многие статьи памяти выдающихся деятелей РСДРП. Николаевский в некрологах памяти В.С.Войтинского (1885–1960), П.А.Берлина (1877–1962), М.М.Равича (1881–1962), Ю.П.Денике (1887–1964) и других говорил не только о важных биографических событиях в их жизни, но и об их участии в революционном движении. Статью памяти Денике он охарактеризовал как «опыт политической биографии». Свою политическую деятельность Денике начинал как большевик в 1905 г., будучи студентом Петербургского политехнического института, а затем Казанского университета. Тогда же он познакомился с Богдановым, Луначарским, слушал выступления Ленина. В 1907 г. Денике порвал с большевиками, его привлекали идеи демократического социализма. 1917 г. он встретил в Казани, где жили его родители и где он получил гимназическое образование.

Там он стал меньшевиком, сторонником Церетели, создания коалиционного правительства. После захвата власти большевиками Денике переехал в Петроград и стал одним из инициаторов движения уполномоченных от фабрик и заводов, организации демократического сопротивления большевизму. С 1922 г. Денике в эмиграции. Николаевский исследовал путь Денике к меньшевизму, считая его закономерным для российского интеллигента, думающего о будущем страны[111]. Различные фактические данные содержатся в статьях П.Гарви и Г.Аронсона памяти М.С.Кефали (Камермахер. 1881–1943), Р.Абрамовича и Б.Николаевского памяти П.Гарви (Бронштейн. 1881–1944), статьях к юбилеям Р.А.Абрамовича (Рейн. 1880–1963), С.М.Шварца (Моносзон. 1883–1973) и др.[112]

В архиве Сапира хранятся краткие биографические данные о 169 видных деятелях меньшевистской партии. Среди них и те, кто был меньшевиком, затем стал большевиком, и наоборот. В нем собраны некрологи о многих из них. Так, Г.Я.Аронсон 2 октября 1964 г. писал о Н.В.Вольском, очерком о котором он успел завершить воспоминания о меньшевистском движении. Или заметка о том, что Л.С.Ланде (1901–1976) сообщил Мартову в Берлин о голодовке меньшевиков в Бутырской тюрьме в 1922 г., организованной Ф.И.Даном, и другие данные[113].

В последнее время довольно активно изучалась судьба меньшевиков в советской России и в эмиграции после октября 1917 г.[114] Перспективным представляется изучение национальных социал-демократических организаций[115], а также опыта взаимодействия РСДРП с зарубежными социал-демократическими организациями[116].

История меньшевизма находилась в центре внимания многих российских и зарубежных исследователей в последние два десятка лет. Это не случайно. Б.Двинов писал в 1952 г.: «Меньшевизм был организационно разбит, никакой реальной политической силы он собой сейчас не представляет. Но идейно он оказался прав. Он сохранил свою идеологию и тем

самым сохранил себя для будущего»[117]. Двинов не ответил на вопрос, когда меньшевизм организационно был разбит? Официальная советская историография утверждала, что меньшевистская партия окончательно распалась в 1930–1931 гг., после известного суда над ее бывшими представителями. Ныне историки исходят из краха социал-демократического подполья в стране в 1922–1924 гг.[118]

Своеобразное впечатление производит монография А.П.Ненарокова, посвященная правому меньшевизму, который он характеризует как «прозрения российской социал-демократии»[119]. С одной стороны, в ней много интересных фактов и рассуждений автора, с другой — категорическое утверждение своей правоты, самолюбование и утверждение монополии на изучение данной проблемы. Так, возмущение Ненарокова вызвала моя публикация переписки Мартова и Потресова в 1898–1913 гг., в свое время подготовленная Б.И.Николаевским. Оказывается, он планировал ее опубликовать, а я совершил «преступление», его опередив[120]. Мне неинтересны его планы, мне важны научные результаты всех работающих по интересующей меня проблеме.

В эмиграции были изданы многие работы российских меньшевиков, вынужденных покинуть советскую Россию. Историография этих трудов еще не создана, есть лишь отдельные рецензии и указания на их значение и роль в развитии исторической мысли Российского зарубежья. М.Раев подчеркивал, что эти работы следует рассматривать в контексте истории РСДРП, где «годы изгнания предстают чем-то вроде печального эпилога»[121]. В историографических работах по истории российского зарубежья произведения меньшевиков либо не упоминаются (В.И.Цепилова), либо говорится о том, что экономисты-меньшевики Г.Бинштоk, А.Югов, А.Гурлянд активно сотрудничали с германскими учеными в 1920-е гг.[122] По мнению Н.В.Вольского, без знания эмигрантской литературы, переписки и воспоминаний людей, вынужденных по разным обстоятельствам покинуть Россию, «не может

быть в будущем написана настоящая история русской советской революции»[123].

В советской России меньшевиков ожидали репрессии, ссылки и высылки, тюремное заключение и физическое уничтожение[124]. Поэтому можно говорить о меньшевистской партии в России до 1925 г., а затем изучать судьбы оставшихся на родине меньшевиков, не забывая, что процесс реабилитации жертв политических репрессий, который активизировался в СССР после 1953 г., коснулся бессудно осужденных меньшевиков только в конце 1980-х — 1990-е гг. Главная военная прокуратура Российской Федерации 2 сентября 2000 г. признала А.Н.Потресова «привлеченным к уголовной ответственности незаконно и необоснованно, по политическим мотивам» и объявила о его реабилитации[125]. Затянувшаяся посмертная реабилитация деятелей меньшевистского движения в России, признание их полноценными гражданами страны обусловило и хронологические рамки данной работы.

Многие произведения меньшевиков, оказавшихся в эмиграции, были посвящены настоящему и будущему страны, которой они посвятили жизнь. Советский режим подверг их остракизму, но это никак не сказалось на их интересе к тому, что происходило в большевистской России. В этом смысле зарубежная меньшевистская историография заслуживает особого внимания[126].

В настоящее время возникла дискуссия о том, был ли советский режим тоталитарным[127]. Для меньшевиков сомнений не было: в СССР установилась разновидность тоталитарной формы правления. 26 июня 1920 г. Мартов писал А.Н.Штейну, что большевизм создает «противоестественную систему хозяйства и столь же противоестественную систему азиатского управления»[128]. По мнению А.П.Ненарокова, Аксельрод одним из первых поставил знак равенства между различными формами диктаторских политических режимов, тех, кто культивировал террор в решении политических и социальных задач, независимо от пропагандируемых идеологий[129]. В «Социалистическом вестнике» проблема создания тоталитарных типов государств в Ев-

ропе обсуждалась довольно широко[130]. 14 мая 1945 г. Б.И.Николаевский писал И.Г.Церетели: «В России идет быстрым темпом процесс оформления советского строя как наиболее последовательной из всех, какие когда-либо, знала история, форм тоталитаризма. Государство, целиком захваченное в руки одной партией, которая, в свою очередь, организована в деспотическую иерархию, регулирует все без исключения стороны духовной жизни страны»[131]. 4 июня 1985 г. швейцарский историк А.Либих спрашивал в письме Б.М.Сапира, кто среди меньшевиков употреблял термин тоталитаризм в отношении советской России и считалась ли теория тоталитаризма «альтернативой» классическому марксизму. Сапир ответил 25 июня 1985 г., что на страницах «Социалистического вестника» это делали Николаевский, Г.О.Бинштok и он[132]. И это только один из многих вопросов истории советской России, который занимал меньшевиков-эмигрантов.

История послеоктябрьского (1917 г.) российского меньшевизма изучена недостаточно. Внимание исследователей привлекает время полулегального функционирования партии в 1917–1924 гг. Эволюция взглядов российских историков при изучении этого сюжета весьма заметна: от указания на крах меньшевизма в советской России к изучению их деятельности в ту пору, к осмыслению репрессивных действий властей по отношению к ним и другим важным проблемам жизни меньшевиков в советском подполье и в эмиграции. Ныне история политических партий страны, в том числе и меньшевизма, стала существенной частью российской историографии.

Социал-демократы XXI столетия убеждены, что они являются альтернативой социал-национализму и что без них движение в будущее не может быть полноценным и успешным. Они неоднократно заявляли о критическом пересмотре сложившихся представлений по истории социал-демократии. Их современные программы свидетельствуют об отказе от приверженности марксизму при сохранении к нему уважения как к культурно-историческому явлению при учете

негативного опыта стран, где была дискредитирована социалистическая идея. Современная социал-демократия представляет собой движение с многолетней историей, коалицию более 140 политических партий, объединенных в Социалистический Интернационал. Ныне марксизм изучается многими как часть теории социализма, которая в XX в. в ряде стран стала временем экспериментов[133].

В постсоветской России не произошло полномасштабного возрождения социал-демократических идей. В современной России социал-демократическое восприятие будущего страны существует лишь как общественное движение. Причин тому много, и прежде всего они таятся в прошлом российской социал-демократии, когда ее радикальная часть – большевики избрали, как оказалось, тупиковый путь с многочисленными жертвами для достижения своих целей. От идей меньшевизма как части мировой социал-демократии в советской стране не осталось и следа. Возрождение всегда связано с большими трудностями. Они пока не преодолены.

Воскрешая прошлое, мы думаем о настоящем и будущем. Опыт прошлого заключается и в деятельности российской социал-демократии, создание полноценной истории которой становится все более важным и необходимым.

История российской социал-демократии неотделима от истории страны. Учитывая разные периоды развития политической жизни России в XX столетии, представленная монография условно поделена на три части. Первая из них посвящена времени демократического развития страны: от падения самодержавия до разгона Учредительного собрания (февраль 1917 – январь 1918 гг.); вторая – деятельности меньшевиков в условиях становления и утверждения однопартийного государства в тоталитарной стране (1918–1920-е гг.); третья – жизни российских меньшевиков в условиях репрессивной государственной политики, направленной на их физическое уничтожение, а также деятельности меньшевистского зарубежья.

Комментарии

[1] *Орлов Б.С.* Социал-демократия: история, теория, практика. Работы 2000–2005 гг. М., 2005; *Тютюкин С.В.* Современная отечественная историография РСДРП // Отечественная история. 1998. № 6. С. 54–64; *Шелохаев В.В.* «Политические партии России. Документальное наследие»: замысел, реализация, итоги и перспективы // Отечественная история. 2004. № 4. С. 199–207. См. также: *Урилов И.Х.* История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 2. Историография. М., 2001; *Суслов А.Ю.* Социалистические партии в советской России: отечественная историография. Казань, 2006; и др. См. также: Русское зарубежье в архивах Европы: материалы к аннотированному указателю статей из отечественных журналов и продолжающихся изданий (2005–2010 гг.) // Российская история. 2011. № 5. С. 208–221; Русское зарубежье в архивах США: аннотированный указатель статей из отечественных журналов и продолжающихся изданий (2005–2009 гг.) // Российская история. 2010. № 6. С. 203–214. В общих работах по историографии истории советского общества проблема меньшевизма, как правило, не рассматривается.

[2] Отечественная история. 1998. № 6. С. 62, 63.

[3] Меньшевики в 1917 году: В 3 т. / Под общ. ред. З.Галили, А.Ненарокова, Л.Хеймсона. Т. 1. От января до июльских событий. М., 1994; Т. 2. От июльских событий до корниловского мятежа. М., 1995; Т. 3. Ч. 1, 2. От корниловского мятежа до конца декабря. М., 1996–1997; Меньшевики в 1918 году / Отв. ред. З.Галили, А.Ненароков; отв. сост. Д.Павлов. М., 1999; Меньшевики в 1919–1920 гг. / Отв. ред. З.Галили, А.Ненароков / Отв. сост. Д.Павлов. М., 2000; Меньшевики в 1921–1922 гг. / Отв. ред. З.Галили, А.Ненароков; отв. сост. Д.Павлов. М., 2002; Меньшевики в 1922–1924 гг. / Отв. ред. З.Галили, А.Ненароков; сост. А.Ненароков. М., 2004; Протоколы Заграничной делегации РСДРП // Исторический архив. 2007. № 3. С. 83–103; № 5. С. 144–168; Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной делегации РСДРП. 1922–1951 гг. Ч. 1–2 / Отв. ред. А.Либих, А.Ненароков. М., 2010; Документально-исторические очерки к томам, посвященным меньшевикам в 1917 г. были изданы отдельно: РСДРП (о) в 1917 году. М., 2007. См. также: *Павлов Д.Б.* Отечественные и зарубежные публикации документов российских партий: Дис. в виде научного доклада ... докт. ист. наук. М., 1998; *Корников А.А.* Источниковедческие аспекты изучения биографий деятелей меньше-

вистской партии // Меньшевики и меньшевизм. М., 1998. С. 127–152; *Урилов И.Х.* История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 1. Источниковедение. М., 2000; Конференции РСДРП 1912 года. Документы и материалы. М., 2008; и др.

[4] См.: Меньшевики в советской России. Сб. документов / Науч. ред. А.Л.Литвин; сост. В.К.Виноградов, В.И.Крылов, А.Л.Литвин, Я.Ф.Погоний, В.Н.Сафонов. Казань, 1998; Меньшевистский процесс 1931 года: Сб. документов: В 2 кн. / Сост. В.К.Виноградов, А.Л.Литвин, Я.Ф.Погоний, В.Н.Сафонов; Автор вводной ст. А.Л.Литвин. М., 1999; 1917: Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова / Сост. Н.С.Антонова, Л.А.Роговая; ред. Г.А.Бордюгов, Е.А.Котеленец. М., 2005; и др.

[5] См.: Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929: Сб. документов / Сост. В.Ю.Черняев, Н.Б.Лебедева, Н.Ф.Никольцева, Е.А.Сунцова, Т.С.Федорова, М.В.Шкаровский. СПб., 2000; Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний / Ред. Т.А.Абросимова, Т.П.Бондаревская, А.Рабинович; сост. Т.А.Абросимова, Т.П.Бондаревская, Е.Т.Лейкина, В.Ю.Черняев. СПб., 2003; Рабочее оппозиционное движение в большевистской России 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы / Ред., сост., автор предисл. и коммент. Д.Б.Павлов. М., 2006; Собрание уполномоченных и питерские рабочие в 1918 году: Документы и материалы / Сост. Е.Цудзи. СПб., 2006; и др.

[6] В 1923–1927 гг. в серии «Библиотека научного социализма» под редакцией Д.Б.Рязанова были изданы 24 т. собрания сочинений Плеханова, которое до сих пор остается самым полным собранием работ одного из зачинателей социал-демократического движения в России.

[7] *Мартов Л.* Долой смертную казнь! М., 1918. 13 с.; *Урилов И.Х.* Ю.О.Мартов. Политик и историк. М., 1997. С. 444–455; *Мартов Ю.О.* Избранное. М., 2000. С. 373–383. *Плеханов Г.В.* Год на родине. Париж, 1921. Т. 1–2.

[8] Библиотека В.И.Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961. И.М.Майский подарил Сталину книгу «Профессиональное движение на Западе. Основные этапы» (Л., 1925) с надписью: «Тов. Сталину, которому ничего не должно быть чуждо, в том числе и профдвижение». Майский (И.Ляховецкий. 1884–1975) в 1921 г. вступил в РКП(б), позже посол СССР в Англии и советский академик. Внимание Ленина и Сталина к работам меньшевиков никак не отразилось на проведении государственной репрессивной политики по отношению к этой партии. 25 апреля 1925 г. С.О.Португейс писал

А.Н.Потресову, что «никогда в России не выметали нас так основательно, как при большевиках... чувствую: мы последние люди на социал-демократической земле» (РГАСПИ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 21. Л. 4).

[9] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 200. Л. 43, 44. Статья Рубина «Производственные отношения и вещные категории» была опубликована. См.: Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11. С. 115–132. Редакция журнала, публикуя статью Рубина, предупреждала, что «расходится с автором в политических воззрениях», но «статья имеет значительный теоретический интерес» (Там же. С. 115). В статье Рубин рассматривал взгляды Маркса на связь между производственными отношениями людей и вещными категориями политической экономии (стоимость, деньги, зарплата, прибыль и т.д.). Он приходил к выводу о примате общества над личностью в капиталистическом хозяйстве, связях экономики с социологией в понимании таких процессов. И.И.Рубин (1886–1937) был освобожден из тюрьмы в 1926 г. под поручительство директора Института К.Маркса и Ф.Энгельса Д.Б.Рязанова и назначен заведующим кабинетом политэкономии этого института. В 1930 г. слушатели Института красной профессуры заявили в партийную ячейку, что считают его ведение семинаров «нетерпимой и в настоящих условиях вредной работой» и, просили его уволить, что и было сделано. (Бюллетень заочно-консультативного отделения Института красной профессуры. 1930. № 3. С. 91–92. См. также: *Васина Л.Л., Рокитянский Я.Г.* Страницы жизни и творчества экономиста И.И.Рубина // Вестник Российской академии наук. 1992. № 8.) Сталин внимательно следил за политической литературой и мемуарами о революционном движении в России. Он одобрил название и критическое содержание рецензии О.Чаадаевой и П.Поспелова «1917 год в меньшевистском освещении», направленной против вышедших в 1923–1931 гг. воспоминаний большевика А.Г.Шляпникова «Семнадцатый год» (Кн. 1–4) (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 200. Л. 47). См.: *Чаадаева О.* 1917 год в меньшевистско-троцкистском освещении (А.Шляпников. «Семнадцатый год». Кн. 1–4) // Борьба классов. 1932. № 5. С. 100–111. Ни Шляпников, ни его мемуары никакого отношения к меньшевизму не имели.

[10] Подробнее об архивах см.: Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. М., 1997; Фонды и коллекции, собранные Центральным партийным архивом. Краткий путеводитель. М., 1993. Вып. 1; РЦХИДНИ. Путеводитель по фондам и коллекциям личного происхождения. М., 1996. Вып. 2; Государственный архив Российской Федерации. Путеводи-

тель: В 3-х т. М., 1994–1996; *Филимонова Т.И.* Дом Плеханова: 1928–1998 // Исторический архив. 1998. № 2. С. 5–11; ЦА ФСБ РФ. Д. ПФ-536. Л. 56–57; Д. 1123. Т. 3, 5; и др. По данным бывшего руководителя КГБ В.В.Бакатина, в архивах этого учреждения хранилось 10,6 млн дел. (См.: *Бакатин В.В.* Избавление от КГБ. М., 1992. С. 149.) А.П.Ненароков не увидел ничего загадочного в появлении докладов, прочитанных в клубе им. Мартова в 1921–1932 гг., и затем в копиях, оказавшихся в чекистском архиве. Эти доклады, заметил он, размножались на мимеографе и распространялись по подписке. (См.: *Ненароков А.П.* В поисках жанра. М., 2009. Кн. 2. С. 84–85.) Но ведь речь идет о специфическом учреждении, которое вряд ли значилось в списке подписчиков изданий клуба им. Мартова, об изучении чекистской агентуры среди меньшевиков-эмигрантов. (Об этом см. также: *Литвин А.Л.* Размышления о книгах А.П.Ненарокова «В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями». М., 2009. Кн. 1–2 // Новейшая история России: время, события, люди. СПб., 2010. С. 455.) На «Социалистический вестник» была свободная подписка, но 31 января 1987 г. Б.М.Сапир сообщил А.Либиху, что в советскую Россию журнал попадал через одного из сотрудников советского посольства или контрабандой. (См.: BAR. Boris Sapir collection. Box 7. Ser. 1.) Заместитель председателя ОГПУ Г.Г.Ягода в докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) В.М.Молотову 26 ноября 1926 г. отмечал, что «ряд заграничных изданий, имеющих за границей небольшой тираж, поддерживают свое существование главным образом благодаря платному распространению их изданий по преувеличенной расценке в СССР». К ним он относил и «Социалистический вестник», который покупают командированные за рубеж, а также выписывают различные ведомства до 300 экземпляров. Он предлагал сократить выписку «белой прессы» до 25 экз. (10 — ЦК и 15 — ОГПУ, командированным под подписку запретить ее приобретение. (См.: Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. / Под ред. проф. А.Ф.Киселева. М., 1999. С. 607–608.) Комплект «Социалистического вестника» с пометками Сталина хранился в библиотеке «вождя». (См.: Вопросы истории. 2010. № 8. С. 25.)

[11] См.: *Horst A., Koen E.* (ed.). Guide to the International Archives and Collections at the IISH. Amsterdam, 1989; *Leadenham C.* Guid to the Collections in the Hoover institution archives relating to imperial Russia, the russian revolutions and civil war, and the first emigration. Stanford, 1986; The Hoover Institution on War, Revolution and Peace: Seventy-five Years of

Its History by P.Duignan Senior Fellow and L.Curator. Foreword W.G.Campbell. Hoover Instituton – Stanford Univeraity, 1989; The Boris I. Nicolaevsky Collection in the Archines of the Hoover Institution on War, Revolution and Peace. A Guide to the Microfilm Collection. Ann Arbor, Michigan, 1991–1993; *Чеботарева Т.* К 50-летию Бахметевского архива // Ab Imperio. Казань, 2002. № 1. С. 413–419; *Свойский М.Л.* Из истории Бахметевского архива в США // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 140–163; и др. Среди материалов Гуверовского архива Н.Эйдельман выделял собрания Б.И.Николаевского и Н.В.Вольского. (См.: *Эйдельман Н.* Такие люди... // Огонек. 1990. № 28. Июль. С. 17–19.) См. также: Бунд. Документы и материалы. 1894–1921. / Ред. Ю.Н.Амиантов, И.С.Розенталь, З.Н.Тихонова. М., 2010.

[12] См.: *Ананьич Б.В., Панеях В.М., Цамутали А.Н.* Предисловие // Академическое дело. 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. С. XXVI–XXX. Весной 1918 г. по решению Совнаркома началась эвакуация крупнейших архивов из Петрограда в Москву, а 1 июня 1918 г. был принят декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». (См.: *Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Архивы и революция. М., 2007. С. 88, 111.)

[13] История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 467–468.

[14] См.: *Смирнов Г.Л.* «Публиковать... представляется нецелесообразным» // Исторический архив. 1992. № 1. С. 216–217; *Зеленов М.В.* Партийный контроль за изданием сочинений Ленина и литературы о нем в 1924–1937 годах // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 3–28; Партийная цензура и лениниана М.Ф.Шатрова // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 3–18; № 12. С. 3–38; и др. В 1956–1966 гг. было завершено 5-е издание собрания сочинений Ленина, получившее название «полного». Но это было не так. Оставались неизданными примерно 3,7 тыс. написанных Лениным документов и около 3 тыс. партийных и правительственных документов, им подписанных. Часть из них к настоящему времени опубликована. См.: The unknown Lenin. From the secret archive. Edited by Richard Pipes. New Haven and London, 1996; В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999 (в сборник вошли 332 ранее не изданных документа). Примерно столько же документов опубликовал и Р.Пайпс. О работе Пайпса над этим сборником см.: *Пайпс Р.* Я жил. Мемуары непримкнувшего. М., 2005. С. 370–372. Сталин в 1935 г. запретил переиздавать свои работы, опубликованные в 1905–1910 гг. (См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 88. Л. 1.)

[15] Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959.

[16] *Жордания Н.* Моя жизнь. Stanford, 1968; *Двинов Б.* От легальности к подполью (1921–1922). Stanford, 1968; The mensheviks. From the revolution of 1917 to the second wold war / Ed. by L.Haimson. London, 1974; Меньшевики. От революций 1917 года до Второй мировой войны. М., 2009; The making of three russian revolutionaries. Voices from the menshevik past / Ed. by L.Haimson. Cambridge, 1987; и др. Л.О.Дан в письме М.А.Алданову 19 октября 1958 г. сообщала: «Этой весной у небольшого кружка старых меньшевиков возникла мысль, что следовало бы нам, немногим оставшимся, заняться написанием истории меньшевистской партии... Как это ни странно, эта идея зародилась у меня после разговора с Файнсодом (когда я была в Кембридже...), когда он говорил мне, что в сущности странно, что теперь — 40 лет спустя после революции не написана история меньшевизма. Есть история партии эсеров, много раз выходили истории большевистской партии, готовятся две истории революции — Леонарда Шапиро и Абрамовича, а вот меньшевизм никого не вдохновил на это. Мои возражения со ссылкой на то, что у нас нет материальной возможности взять на себя такой труд, он отвел: если есть возможность написать такую работу, средства найдутся». Дан отмечала, что предварительно в коллектив для написания этой истории вошли Аронсон, Далин и его сын, Двинов, Шварц и его жена В.Александрова, Денике, Сапир, Ланде и она. Она приглашала к сотрудничеству и Алданова. И далее писала, что сотрудничать с ними обещали Николаевский и Абрамович, что Файнсод отказался встать во главе задуманного мероприятия. «Не хочу скрывать от Вас, — писала Дан, — что в этом деле — написании истории — есть много затруднений, препятствий, но мы все думаем, что это, в какой-то мере, наш долг, долг выживших сделать все возможное, чтобы для будущих настоящих историков, американских и других, была возможность изучать русскую революцию не по фальсифицированным документам, которые в таком огромном количестве теперь изготовляются в советской России. Хочу прибавить — мы отнюдь не собираемся писать или представлять историю апологически, и мы уверены, что, хотя и побежденные, мы можем рассказать всю правду об истории меньшевистского движения». Б.Л.Гуревич (Двинов) отмечал, что они хотели свою работу посвятить памяти ушедших товарищей, чтобы их помнили. Подробно о работе старых меньшевиков над проектом рассказывается в переписке Л.О.Дан с Н.В.Вольским. Часть этой переписки опубликована в кн. «Из архива Дан», часть хранится в различных зарубежных архивах. (См.: IISH. Л.О.Дан. П. 30; Б.Л.Двинов.

П. 6.) Позже проект возглавил Л.Хеймсон. Отношение к Хеймсону участников проекта было разным: Л.О.Дан и Н.В.Вольский отзывались о нем положительно, Б.М.Сапир писал А.Либиху 2 декабря 1987 г.: «Я не очень доверяю Хеймсону в смысле объективности подхода к событиям в России. Это между нами». (См.: BAR. Boris Sapir collection. Box 7. Ser. 1.) М.Янсен заметил, что работа над проектом примирила конфликтующих меньшевиков, спорящих об отношении к итогам Второй мировой войны. (См.: *Янсен М.* Жизнь меньшевика // Воля. 1995. № 4/5. С. 233. См. также: *Павлов Д.Б.* Из истории международного проекта по изучению меньшевистского движения в России. 1959–1999 гг. // Обновление России: трудный поиск решений. М., 2000. Вып. 8.)

[17] Ф.И.Дан. Письма (1899–1946) / Отобрал, снабдил примечаниями и очерком политической биографии Дана Б.М.Сапир. Amsterdam, 1985; Из архива Л.О.Дан / Отобрал, снабдил примечаниями и очерком биографии Л.О.Дан Б.М.Сапир. Amsterdam, 1987; Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива партии с.-р. / Собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период Marc Jansen. Amsterdam, 1989. Б.М.Сапир в предисловии к книге «Из архива Л.О.Дан» сообщил о ее инициативе в создании «группы из представителей американских академических кругов и с.-д. литераторов на предмет изучения истории партии меньшевиков, преимущественно в период после Октябрьского переворота. Поддержанная рядом близких ей товарищей она добилась успеха, и так возник Menshevik project, который собрал ценные материалы и в рамках которого увидели свет работы, посвященные различным аспектам социал-демократического движения в России» (Из архива Л.О.Дан. С. XXVI). А.П.Ненароков рассказал о том, что вначале для создания истории меньшевизма был создан проект «Амстердам-Форд», куда не был приглашен Б.И.Николаевский. Тогда Николаевский стал вместе с А.М.Бургиной готовить публикацию документов из партийного архива. Позже Николаевский договорился с Л.Хеймсоном о совместной работе. (См.: *Ненароков А.П.* В поисках жанра. Кн. 1. С. 265–268.) В коллекции Б.И.Николаевского сохранилась машинописная копия «Меморандума», в котором он предлагал тематику публикации документов совместно с А.М.Бургиной. Для издания документов, характеризующих деятельность меньшевиков в 1917–1924 гг., он считал важным использование писем Ю.О.Мартова, П.Б.Аксельрода, Г.М.Эрлиха, К.М.Ермолаева, К.Каутского,

Э.Бернштейна, О.Бауэра и др. Он перечислял документы, относящиеся к деятельности «Союза социалистической молодежи», циркулярные письма партийного центра местным организациям, воспоминания. Николаевский отмечал возможность создания из этих материалов двух-трех документальных томов. 6 февраля 1960 г. Николаевский писал в справке о проделанной им и Бургиной работе: «В ближайшее время... необходимо будет прежде всего закончить приведение в порядок материалов по периоду после 1917 г. (этих материалов так много, что в прошлом году систематизация их не могла быть закончена)». (См.: HIA. Box 542. Fol. 1. Ser. 252.) Л.О.Дан предлагала свой план создания истории меньшевизма, где последние главы назывались: «Октябрьский переворот и меньшевики», «Меньшевики в эмиграции». Свой план имел и Б.М.Сапир. Подробнее об этом см.: *Урилов И.Х.* Новое о Мартове и изучении истории меньшевизма (заметки историка) // Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии. К 100-летию РСДРП. М., 1998. С. 137–143. Предполагалось, что в написании последних глав примут участие С.Ю.Волин, Ю.П.Денике, Д.Ю.Далин, историки А.Далин, Л.Хеймсон, М.Раев, М.Карпович и др. (См.: IISH. Л.О.Дан. П. 30.)

[18] Ю.О.Мартов. Письма 1916–1922 / Ред.-сост. Ю.Г.Фельштинский. Benson, 1990; Dear comrades. Menshevik Reports on the Bolshevik Revolution and the Civil War. Edited and transated by V.N.Brovkin. Hoover Institution Press. Stanford University. Stanford, 1991.

[19] См.: *Либих А., Михайлов А., Ненароков А., Паначчионе А., Перемышленникова Н.* Крах социал-демократического подполья в большевистской России. 1922–1924 гг. // Меньшевики в 1922–1924 гг. М., 2004. С. 28. См. также рецензии на первый том сборника документов «Меньшевики в 1917 году»: *Уткин А.И., Степанов А.И.* // Исторический архив. 1995. № 3. С. 219–222; *Тютюкин С.В.* // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 163–165; и др.

[20] А.П.Ненароков упрекает меня в том, что об этом говорится во многих моих работах. Но это приходится делать, так как положение не улучшается, хотя появились диссертации о меньшевиках 1917 г. в разных районах страны. См.: *Романова Н.А.* Меньшевики Поволжья в 1917 году: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1998; и др.

[21] В.М.Панеях, принимавший участие в издании материалов «Академического дела» (следственные дела об арестах академиков С.Ф.Платонова, Е.В.Тарле и др.), отмечал трудности в получении необходимых для исследования материалов и объяснял отказ от комментирования докумен-

тов трудностью установления их подлинности. А.Л.Литвин подчеркивал тенденциозность следственных дел как источника. (См.: *Панеях В.М.* Опыт подготовки и издания «Академического дела», 1929–1939 гг.; *Литвин А.Л.* Следственные дела советских политических процессов как исторический источник // Проблемы публикации документов по истории России XX века. М., 2001. С. 208–214; 332–336.) «Использование таких источников, какими являются следственные материалы ОГПУ-НКВД, требует выработки особой методики их анализа, – пишет В.В.Поликарпов. – Едва ли в данном случае может быть эффективной та методика, которую предлагает Н.Н.Покровский, основываясь на опыте работы с материалами средневековых процессов и дознаний. В нашем случае, однако, источник принципиально иного качества: в нем фиксируются не тенденциозно препарированные показания и свидетельства, а полностью сфабрикованные – в соответствии с заранее выработанным сценарием – измышления; тенденция не лежит на поверхности». (См.: *Поликарпов В.В.* От Цусимы к Февралю. М., 2008. С. 519.)

[22] *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. М., 2002; *Бакулин В.И.* Между догмой, иллюзией и реальностью: меньшевизм в 1917 году // Отечественная история. 2004. № 1. С. 69–83; и др.

[23] И.В.Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сб. док. и материалов. СПб., 2006. Ч. 1. С. 158–159. В.В.Адоратский (1878–1945) – большевик. В 1931–1939 гг. – директор ИМЭЛ. Академик АН СССР (1932); А.А.Богданов (Малиновский. 1873–1928) – социал-демократ, в 1903–1909 гг. большевик, создал группу «Вперед». В 1918 г. лидер Пролеткульта, с 1926 г. директор Института переливания крови; М.С.Ольминский (Александров. 1863–1933) – социал-демократ, большевик, с 1920 г. председатель Истпарта, в 1928–1931 гг. член дирекции Института Ленина и заведующий Истпартотделом ЦК ВКП(б); М.А.Савельев (1884–1939) – большевик. В 1928–1931 гг. директор Института Ленина. Академик АН СССР (1932); Е.М.Ярославский (Губельман М.И. 1878–1943) – большевик, политический деятель. Академик АН СССР (1939).

[24] Пролетарская революция. 1931. № 6.

[25] *Тумаринсон В.Х.* Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус. М., 1994. С. 268–269.

[26] *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. М., 1993; *Волкогонов Д.А.* Ленин. Политический портрет. М., 1994. Кн. 1–2;

Фишер Луис. Жизнь Ленина: В 2-х т. М., 1997; *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в советской России. СПб., 1997; *Котеленец Е.А.* В.И.Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М., 1999; *она же.* Ленин и ленинизм: без предвзятости // Исторические исследования в России. Пятнадцать лет спустя. М., 2011. С. 144–159; *Пейн Р.* Ленин. Жизнь и смерть. М., 2002; *Сервис Р.* Ленин. Минск, 2002; *Д'Анкосс Э.К.* Ленин. М., 2002; *Логинов В.Т.* Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2005; *White J.D.* Lenin. The Practice and Theory of Revolution. London, 2001; и др. См. также: *Рабинович А.* Революция 1917 года в Петрограде. Большевики приходят к власти. М., 2003; *он же.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007; и др.

[27] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991–1992. Т. 1–3; *Корников А.А.* Судьба российского революционера: Н.Н.Суханов – человек, политик, мемуарист. Иваново, 1995; *Getzler I.* Nikolai Sukhanov. Chronicler of the Russian Revolution. Oxford, 2002.

[28] *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997; *Baron S.* Plekhanov: The Father of Russian Marxism. Stanford, 1963, 1966; *Бэрон С.Х.* Г.В.Плеханов – основоположник русского марксизма. СПб., 1998.

[29] См.: «Необходимо противопоставить революционной фразеологии – революционное мировоззрение...» Из переписки А.И.Любимова и Г.В.Плеханова. 1914–1918 гг. // Исторический архив. 1998. № 2, 3; и др. См. также: *Орлов Б.С.* Георгий Плеханов и Февральская революция 1917 года. М., 2007; и др.

[30] См.: *Петренко Е., Филимонова Т., Тютюкин С., Чернобаев А.* Существовало ли завещание? // Независимая газета. 2000. 4 марта; *Тютюкин С.В.* Комментарий к письму Яна Концевича «Еще раз о "политическом завещании" Г.В.Плеханова» // Десять лет в журнале «Отечественная история». М., 2005. С. 334–341; *Тютюкин С.В., Орлов Б.С.* Г.В.Плеханов и современная Россия // Отечественная история. 2006. № 6. С. 189–190; *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов и его так называемое «политическое завещание» (К 150-летию со дня рождения «отца русского марксизма») // Археографический ежегодник за 2006 год. М., 2011. С. 264–269; и др.

[31] *Григорьева Е.А.* У истоков теории и практики российских «марксистов» // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 77–94; *она же.* К.Маркс и его «ученики» на родине ленинизма // Вопросы истории. 2007. № 1. С. 58–78; *Свалов А.Н., Тютюкин С.В., Филимонова Т.И.* О Г.В.Плеханове и новом «историографическом прорыве» // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 173–175.

[32] *Плеханова Р.М.* Год на родине // Диалог. 1991. № 14. С. 8–14; № 15. С. 101–107; *Потресов А.Н.* Памяти Плеханова. К десятилетию со дня его смерти // Дни. 1928. 30 мая; *Юрьевский Е.* (*Н.В.Вольский*). Мысли о Г.В.Плеханове // Социалистический вестник. 1957. № 4. С. 66–68; *Шуб Д.* Г.В.Плеханов в 1917 году. Его последние дни. К сорокалетию со дня его кончины // Русская мысль. 1958. 3 июня; *он же.* То же // *Шуб Д.* Политические деятели России (1850 – 1920-х гг.). Нью-Йорк, 1969. С. 244–265; *он же.* Рец. на книгу С.Бэрона о Плеханове // Новый журнал. Нью-Йорк, 1964. Кн. 76. С. 288. См. также: *Литвин А.Л.* Реакция современников на смерть Г.В.Плеханова // Линия судьбы. Сб. статей, очерков, эссе. М., 2007. С. 542–546; и др. Вольский вспоминал, как в 1925 г. Троцкий в разговоре с ним дал следующую характеристику Плеханову и его сторонникам: «Под влиянием, главным образом, Плеханова меньшевистское мировоззрение в его применении к России основывалось, в сущности, на одной фразе, заимствованной у Маркса: страны передовые показывают отсталым странам картину их собственного будущего. Так как в передовых странах не произошло устранения капитализма и буржуазии от власти, нечего нам думать об этом в России... У нас, как в передовых странах Запада, революция 1917 г. должна была окончиться буржуазией у власти с социал-демократией в оппозиции». Вольский с ним согласился, хотя события в России в то время развивались иначе. (См.: Социалистический вестник. 1957. № 4. С. 67.) А.Балабанова, хорошо знавшая Плеханова, вспоминала, что его работы стали «решающим фактором» в ее «интеллектуальной жизни», что они были «учебниками тех людей, которым суждено было свершить революцию в России в октябре 1917 года». Балабанова отмечала, что не могла и предполагать, что «меньшевик Плеханов разделит судьбу всех марксистов-небольшевиков и будет осужден как контрреволюционер людьми, чье мышление он когда-то помогал формировать». (См.: *Балабанова А.* Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938. М., 2007. С. 25–27.) Плеханов умер в 1918 г., его сочинения издавались и имя не вычеркивалось из истории российского революционного движения, как это случилось со многими лидерами меньшевизма.

[33] *Ascher A.* Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. Cambridge, 1972; *Савельев П.Ю.* П.Б.Аксельрод: человек и политик (1849?–1928) // Новая и новейшая история. 1998. № 2. С. 102–122; № 3. С. 172–188; *Ненароков А.П.* Последняя эмиграция Павла Аксельрода. М., 2001; *он же.* Кефирная глава и шапокляк Павла Аксельрода // Л.М.Спирин. Памяти исто-

рика, друга, коллеги. Казань, 2007. С. 88–113; Й.Френкель характеризовал Аксельрода как социалиста-интернационалиста. (*Френкель Й.* Пророчество и политика. Социализм, национализм и русское еврейство. 1862–1917. Иерусалим; М., 2008. С. 699); и др.

[34] Из архива П.Б.Аксельрода. Вып. 1. 1880–1892 гг. / Отв. ред. П.Ю.Савельев. М., 2006.

[35] BAR. Boris Sapir Collection. Box 16. Ser. 1. Л. 13–14.

[36] IISH. П.Б.Аксельрод. П. 34.

[37] HIA. Boris Nicolaevsky Collection. Box 659. Fol. 6. Ser. 279. М.С.Грушевский (1866–1934) — известный украинский историк и общественный деятель 27 марта 1921 г. просил Аксельрода дать воспоминания об украинском женевском кружке М.П.Драгоманова (1841–1895), подчеркивая, что это надо сделать «ради памяти начаположников украинского социализма». 10 июня 1921 г. Грушевский благодарил Аксельрода за «теплые слова» о Драгоманове, а 22 января 1922 г. сообщал ему о выходе сборника статей о Драгоманове на украинском языке с воспоминаниями о нем Аксельрода. (См.: IISH. П.Б.Аксельрод. П. 21.)

[38] *Гарви П.* Закат большевизма. Десять лет диктатуры. Рига, 1928. Л.Д.Троцкий свою первую крупную работу «Наши политические задачи», написанную и изданную в Женеве в 1904 г., посвятил «Дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду». Это посвящение позже использовал И.В.Сталин во время борьбы с Троцким в 1927 г., когда на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) он вспомнил эту брошюру и, процитировав посвящение, заключил, обращаясь к Троцкому: «Ну что же, скатертью дорога к "дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду"! Скатертью дорога! Только поторопитесь, достопочтенный Троцкий, так как "Павел Борисович", ввиду его дряхлости, может в скором времени помереть, а вы можете не поспеть к "учителю"». (См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 10. С. 204–205.) На пленуме в защиту Троцкого хотел выступить Х.Г.Раковский. Ему не дали слова, но в архиве Троцкого сохранилась эта непроизнесенная речь Раковского. В ней, в частности, отмечалось, что еще ранее Троцкого Ленин называл Аксельрода «дорогим учителем». (См.: *Волкогонов Д.А.* Троцкий. М., 1992. Кн. 2. С. 82–83.)

[39] Дни. Париж, 1929. 19 апр.

[40] *Абрамович Р.* Основоположники «мирового меньшевизма» (Памяти П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова) // Социалистический вестник. 1943. № 7–8. С. 73–75.

[41] *Мартов Ю.О.* Избранное. М., 2000; *Мартов Ю.О.* Записки социал-демократа. М., 2004; и др.

[42] См.: *Савельев П.Ю.* Л.Мартов в советской исторической литературе // Отечественная история. 1993. № 1; *Мамаев И.С.* Л.Мартов как политик в оценке современников и историков // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1996. № 6; *Урилов И.Х.* Ю.О.Мартов. Историографический очерк. М., 1995; и др.

[43] *Getzler I.* Martov: A Political Biography of a Russian Social Democrat. Melbourne-Cambridge, 1967; *Гетцлер И.* Мартов. Политическая биография российского социал-демократа. 2-е изд., расш. и доп. СПб., 1998; *Савельев П.Ю., Тютюкин С.В.* Ю.О.Мартов (1873–1923): человек и политик // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 133–157; № 5. С. 130–166; *Урилов И.Х.* Ю.О.Мартов. Политик и историк. М., 1997; *он же.* Юлий Осипович Мартов (1873–1923). Жизнь после смерти // Исторические записки. 2007. № 10. С. 290–302; *Казарова Н.А.* Ю.О.Мартов. Штрихи к политическому портрету. Ростов н/Д., 1998; и др. А.Балабанова вспоминала: «Мартов был лидером-теоретиком меньшевиков и самым замечательным писателем и журналистом в их группе». (См.: *Балабанова А.* Моя жизнь — борьба. С. 76.) Б.И.Николаевский утверждал, что в свое время его увлекли работы «не Ленина, а Мартова, которые он особенно ценил за присущий им исторический подход». (См.: The making of three russian revolutionaries. Voices from the menshevik past. P. 289.)

[44] *Белов С.В.* История одной «дружбы» (В.И.Ленин и П.Б.Струве). СПб., 2005.

[45] *Николаевский Б.И.* Ю.О.Мартов и с.-р. // Социалистический вестник. 1944. № 9–10. С. 114; *он же.* Еще раз Мартов и с.-р. // Социалистический вестник. 1944. № 11–12. С. 137–138.

[46] Меньшевики в 1919–1920 гг. М., 2000. С. 335; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. — 1925 г. М., 2000. С. 802.

[47] Р.Абрамович так рассказал о последнем свидании с Мартовым, когда он вместе с П.Лапинским навестил его в санатории 2 апреля 1923 г. Они говорили о партийных делах. Затем Мартов, отказавшись от носилок, превозмогая боль и слабость, пошел в рентгеновский кабинет. «Мне никогда не забыть, — вспоминал Абрамович, — той щемящей боли, которая пронзала сердце, когда я увидел эти до ужаса исхудалые руки, которыми он держался за служителя, эти тонкие ноги с дрожащими коленами, которые, повинуясь усилию гигантской воли, несли больное тело, хрипящую грудь и большую, все еще гордую, откинутую назад голову. И стоя, мы с ним попрощались, расцеловавшись в последний раз. И лишь по выходе из подъемной машины,

в дверях рентгеновского кабинета, я еще раз увидел его неровные плечи и столь дорогой, столь близкий профиль с орлиным носом и полузакрытыми, но все еще горящими через стекла очков глазами». Абрамович уехал, а наутро получил телеграмму Ф.Дана: «Мартов скончался этой ночью от слабости сердца». (См.: *Абрамович Р.* Последнее свидание // Социалистический вестник. 1923. 10 апр. Экстр. вып. С. 5.)

О тяжелой болезни Мартова в 1920–1921 гг. П.Б.Аксельроду не раз писала Е.Л.Бройдо, отмечая, что у него плохо с легкими, сердцем и голосовыми связками. (См.: IISH. П.Б.Аксельрод. П. 8.) Л.О.Дан позже отмечала, что осенью 1922 г. состояние здоровья Мартова стало резко ухудшаться, профессор Куттнер признал, что спасения нет, и настоял на лечении в санатории в Шварцвальде. Л.О.Дан с мужем его сопровождали. В санатории его уложили в постель и до самой смерти, почти пять месяцев, он не вставал с нее. С ним вместе лежал А.Кабцан, тоже болевший туберкулезом горла. Мартов в санатории много читал и писал для «Социалистического вестника». В часы свиданий он говорил о своем желании написать второй и дальнейшие тома своих воспоминаний. В день накануне смерти его посетили друзья — Р.Абрамович, проездом в Брегенц, на Международную конференцию, и П.Лапинский. «Ему уже было трудно говорить от слабости, от одышки, но он не терял интереса ко всему, что делается на свете, в нашей организации и, больше всего, в Роcсии. Он требовал от Абрамовича сообщений, что он собирается говорить на конференции, от Лапинского — рассказов о Москве... Будучи другом Радека, он много знал о том, что делается за кулисами... Абрамовичу, чтобы попасть на поезд, надо было уехать после обеда, а Лапинский просидел у Юлия Осиповича весь вечер, до 8 часов, рассказывая ему о жизни за стенами санатория. После, как всегда, он не мог сразу заснуть; его мучило сердцебиение, он попросил врача, ему сделали вспрыскивание, сразу стало легче, и он заснул, не проснувшись больше... Можно смело сказать, что Мартов умер с мыслью о революции...» (См.: Из архива Л.О.Дан. С. 84–87.) Конференция социалистов в Брегенце состоялась 4–6 апреля 1923 г. На ней была принята резолюция с осуждением террора против социалистов в советской России и было решено созвать международный социалистический конгресс в Гамбурге 21 мая 1923 г. Р.Абрамович с осени 1922 г. стал вместо больного Мартова представителем Заграничной организации РСДРП в Исполкоме Международного объединения социалистических партий.

[48] HIA. Boris Nicolaevsky collection. Box 658. Fol. 6. Ser. 279.

[49] Социалистический вестник. 1923. 24 апр. № 8–9. С. 14–15. Смерть Мартова вызвала множество сочувственных телеграмм и писем в адрес его близких и друзей. Е.П.Гегечкори (1879–1954) — меньшевик, депутат III Государственной думы, министр иностранных дел правительства Грузии, затем эмигрант, писал Аксельроду в марте 1923 г. о смерти Мартова: «Как мучительно, что неумолимая смерть вырвала из рядов социал-демократического движения одного из наиболее талантливых и чутких вождей...» (См.: IISH. П.Б.Аксельрод. П. 18.) Надежда Евсеевна Щупак, многолетний корреспондент Мартова, посвятила ему стихотворение, которое назвала «Незабвенному-отгоревшему»:

Назову перед толпой Твое Имя,
Имя — знамя, копье и щит...
Любовью и болью моими
В сердце выжжено и горит.
Вознесу над толпой, как чашу,
О жертвенной жизни рассказ...
Какими словами украшу
Ее многогранный алмаз.
Есть жизни: пред кроткой иконой
Позорное пламя свечи;
Но ты был, как факел взметенный,
Безмерно сгоравший в ночи.
Я брошу толпе, как вызов,
Твоей любовью рожденный гнев.
Мятежные ритмы пронизав,
Сверкает благой напев.
В алом пламени, в черном дыме
Догорело... тело Твое.
Вознесу над толпой твое имя,
Имя знамя, щит и копье...
А в бессонные ночи томлений
Буду, плача, слова повторять,
Что, к твоим припадая коленям,
Не успела Тебе досказать...

(См.: BAR. Boris Sapir collection. Box 49. Ser. 3.)

[50] HIA. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 3. Ser. 19.

[51] IISH. П.Б.Аксельрод. П. 36; А.Н.Потресов. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 91–134. Николаевский не раз повторял в письмах к Потресову просьбу написать о совместной работе с Мартовым и Лениным по созданию «Искры»: «Вы обязаны, Александр Николаевич, написать свои воспоминания. Ведь Вы и сами превосходно знаете, как много Вы можете рассказать такого, о чем никто

уже рассказать не сможет, — и притом не мелкого, случайного, а существенно верного для истории с.-д. движения». (См.: HIA. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 3. Ser. 19.) Потресов оставил воспоминания о П.Б.Аксельроде, В.И.Ленине, Г.В.Плеханове. О Мартове специально он не писал, только о его традициях. (См.: *Бургина А.М.* Социал-демократическая меньшевистская литература: библиограф. указатель. Stanford, 1968. С. 312–313.) В очерке о Ленине, написанном в 1927 г., Потресов сравнивал Плеханова и Мартова с Лениным: «Плеханова — почитали, Мартова — любили, но только за Лениным беспрекословно шли, как за единственным бесспорным вождем». (См.: *Потресов А.Н.* Указ. соч. С. 301.)

[52] HIA. Boris Nicolaevsky collection. Box 52. Fol. 36. Ser. 19. *Николаевский Б.И.* Л.Мартов — Ю.О.Цедербаум (биографические даты) // Социалистический вестник. 1928. № 8–9. С. 7–8.

[53] Подробнее о судьбе памятника Мартову и другим социал-демократам в Берлине см.: *Урилов И.Х.* Новое о Мартове и изучении истории меньшевизма (заметки историка) // Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии. С. 132–135.

[54] IISH. Л.О.Дан. П. 2.

[55] Социалистический вестник. 1923. 24 апр. № 8–9. С. 16; 12 мая. № 10. «Издание полного собрания сочинений Мартова и написание монументальной биографии его с использованием всей сохранившейся переписки, воспоминаний и пр. есть дело необходимое, но требующее для своего завершения значительного времени», — отмечалось в заметке об увековечении памяти Мартова. Поэтому решили ограничиться реальными предложениями.

[56] Социалистический вестник. 1923. 24 апр. № 8–9; 1924. 4 апр. № 7–8; 1928. 4 апр. № 7; 1933. 10 мая. № 6–7; и др. Редкий номер этого журнала обходился без упоминания имени Мартова. В нем регулярно отмечались годовщины его смерти. См. также: Меньшевики в 1922–1924 гг. Сб. документов. М., 2004. С. 402–405.

[57] Меньшевики в 1919–1920 гг. М., 2000. С. 335; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. — 1925 г. М., 2000. С. 802; Революционная Россия. 1923. Май-июнь. № 26/27. С. 2, 3; Дни. 1923. 12 апр. Эсер М.В.Вишняк писал о Мартове как человеке, не переставшем «исповедовать общечеловеческие начала свободы, равенства и любви». (См.: Современные записки. Париж, 1923. № XV. С. 369.) Е.Д.Кускова посвятила памяти Мартова две статьи. В одной она назвала его «русским интеллигентом-революционером», боровшимся «с са-

модержавием царя», а затем «с деспотией своего же собрата по партии Ленина». (См.: Дни. 1923. 5 апр.) В другой — Кускова обращала внимание «на фанатичную ненависть Мартова к самодержавию» и упрекала его за временное сотрудничество с Лениным в годы Первой мировой войны. (См.: Последние новости. 1923. 12 апр.) Кончину Мартова отметили и газета П.Н.Милюкова «Последние новости» (1923. 6 апр.), и многие другие. «Американские известия» — орган российских рабочих организаций США и Канады — от 11 апреля 1923 г. сообщали: «В Германии умер Мартов — один из основателей РСДРП, вожак меньшевиков. Совместно с Лениным он все время трудился над насаждением марксизма в России. Но когда эта система восторжествовала в России, то ее творцу Мартову не нашлось там места и ему пришлось удирать за границу».

[58] Социалистический вестник. 1923. № 8–9. С. 4; Там же. Спец. вып. С. 5. Позже П.А.Гарви не раз возвращался к характеристике Мартова. В статье «Штрихи к портрету» он отмечал: «Помнится, один весьма ученый с.-д. говорил мне однажды: "Прочитайте блестящую статью Мартова об идейных течениях 70-х годов в «Истории русской литературы» гранатовского издания. Если бы я доподлинно не знал, что Мартов писал ее что называется в один присест, я бы решился утверждать, что в основе этой небольшой, но необыкновенно глубокой и содержательной статьи лежит долголетний, кропотливый труд историка". Не в этой ли огромной способности интуиции разгадка изумительного умения Мартова связывать "серую теорию с зеленым древом жизни" в своей несравненной публицистике?» (См.: Социалистический вестник. 1924. № 7–8. С. 14.) С.Иванович (С.О.Португейс) назвал Мартова душой партии. (См.: Заря. Орган социал-демократической мысли. Берлин, 1924. № 3. С. 69.)

[59] *Далин Д.* Из воспоминаний // Социалистический вестник. 1925. № 6. С. 22.

[60] *Martow J.* Geschichte der russishen Sozialdemokratie / Mit einem Nachtrag von Th.Dan / Die Sozialdemokratie Ruslands nach dem Jahre 1908. Autorisierte Uebers. A.Stein. Berlin, 1926. Часть книги, написанная Даном, вызвала особо резкую критику В.И.Невского, заметившего, что очерк Дана есть «политический, фракционный документ, отображающий идеологию одной из групп социал-демократии». (См.: Каторга и ссылка. М., 1927. Кн. 34. С. 201.)

[61] *Бургина А.М.* Указ. соч. С. 295–304; *Крылов В.В.* Мартов: Биобиблиография // Советская библиография. 1990. № 5. С. 82–89. Среди трудов Мартова, изданных в эмиграции

после его кончины: *Мартов Ю.О.* Большевизм в России и в Интернационале. Речь, произнесенная на съезде Независимой социалистической партии Германии в Галле 15 октября 1920 г. / Предисл. и послесл. автора. Берлин, 1923; *он же.* Мировой большевизм. С предисл. Ф.Дана. Берлин, 1923; *он* же. В борьбе за Интернационал. С предисл. Р.Абрамовича. Берлин, 1924; и др.

[62] Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. 1901–1916. / Под ред. Ф.Дана, Б.Николаевского, Л.Цедербаум-Дан. Берлин, 1924.

[63] HIA. Boris Nicolaevsky collection. Box 82. Fol. 17. Ser. 41.

[64] АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 157. Л. 3.

[65] HIA. Boris Nicolaevsky collection. Box 82. Fol. 17. Ser. 41. После издания «Писем» П.Б.Аксельрод получил письмо от С.М.Ингермана (1868–1943), члена группы «Освобождение труда», меньшевика, жившего в Нью-Йорке. Ингерман сообщал, что нашел в письмах Мартова и Аксельрода «для себя много интересного», но его «поразил тон мартовских писем в отношении Плеханова и не совсем приятно поразил... Я думаю, что если бы Мартов знал, он сам бы не допустил, чтобы резкие слова раздражения, вызванные временными и случайными разногласиями, вошли в историю нашего движения как характеристика лучшего нашего теоретика и одного из крупнейших наших вождей». (См.: IISH. П.Б.Аксельрод. П. 22.)

[66] Воспоминания о В.И.Ленине. М., 1984. Т. 1. С. 270. И.Гетцлер отмечал свидетельства интереса Ленина к больному Мартову. На одном из заседаний Политбюро зимой 1922–1923 гг. по настоянию Ленина Зиновьевым был поднят вопрос об оказании финансовой и медицинской помощи больному Мартову. Тогда же Ленин расспрашивал вернувшегося из Берлина Д.Б.Рязанова о здоровье Мартова и помощи ему. На что Рязанов будто бы ответил: «Во всяком случае он не возьмет ее от Вас!» М.И.Ульянова, сестра Ленина, вспоминала, что, «узнав о болезни Мартова, В(ладимир) И(льич) просил Сталина послать ему денег. "Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела! Ищите себе для того другого секретаря"», – ответил Сталин. Ленин был расстроен этим ответом. А.И.Свидерский, заместитель наркома земледелия РСФСР, вспоминал, что в последние месяцы жизни парализованный и лишенный дара речи Ленин показывал на полки, где стояли книги Мартова, и выражал желание увидеться с ним. (См.: *Гетцлер И.* Мартов. СПб., 1998. С. 279–280; *Рокитянский Я., Мюллер Р.* Красный диссидент. Академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина. М., 1996. С. 56.) Сомнение А.П.Ненарокова в том, мог ли больной Ленин

произнести фразу о Мартове (*Ненароков А.П.* В поисках жанра. Кн. 1. С. 192), не учитывает способности Ленина выражать свои мысли с помощью мимики и жестов. Кроме того, Н.К.Крупская писала об улучшении здоровья Ленина в конце лета 1923 г. (См.: Воспоминания о Ленине. М., 1984. Т. 1. С. 578.)

[67] *Невский В.* Л.Мартов (Ю.О.Цедербаум) (1873–1923) // Под знаменем марксизма. 1923. № 4–5. С. 222–228.

[68] *Луначарский А.В.* Революционные силуэты. М., 1923. С. 70.

[69] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 355. Л. 3.

[70] Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 22. Л. 121. Дата под документом отсутствует, но, скорее всего, обсуждение произошло после решения Политбюро в мае 1923 г. См. также: *Троцкий Л.Д.* Мартов (1919) // *Троцкий Л.Д.* Политические силуэты. М., 1990. С. 67–68.

[71] *Мартов Ю.О.* История российской социал-демократии. Период 1898–1907 гг. 3-е изд. М., 1923; *он же.* Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. М.; Пг., 1923; *он же.* Общественные и умственные течения в России. 1870–1905 гг. М.; Л., 1924; Мартов и богдановский эмпириомонизм: (Неопубликованное письмо Мартова. 7 нояб. 1904 г.). Сообщение И.Волковичер // Пролетарская революция. 1924. № 1. С. 200–202; Из неопубликованных воспоминаний Ю.О.Мартова (К истории создания «Искры» и «Зари») // Ленинский сборник. М.; Л., 1925. Т. IV. С. 49–61; *Мартов Ю.О.* Очерки международного социализма и рабочего движения (1907–1913). М.; Л., 1926; *он же.* Доклад о деятельности группы «Искры», составленный для Белостокской конференции 1902 г. // Доклады социал-демократических комитетов Второму съезду РСДРП. М.; Л., 1930. С. 86–90; и др.

[72] В.И.Невский писал о книге Мартова по истории РСДРП, что она представляет собой «интересный исторический документ... не учебник, ибо слишком много в ней субъективного, фракционного, хотя и прикрытого прекрасным слогом некогда славного пролетарского борца и публициста». (См.: Печать и революция. 1923. Кн. 2. С. 161.) Б.П.Козьмин писал о переизданной брошюре Мартова «Общественные и умственные течения в России. 1870–1905 гг.» (М., 1924), что нельзя представить объективной картины развития русской общественной мысли без выделения взглядов разночинной интеллигенции, чего не делает автор этого произведения. (См.: Каторга и ссылка. 1925. Кн. 3. С. 235; и др.) Невский отрицательно отнесся к книге Мартова «Мировой большевизм» (Берлин, 1923) за его утверждения о наличии максимализма и насилия в действиях

большевиков. Невский писал, что «опровергнуть Мартова может даже комсомолец», но сам этого сделать не смог. В ту пору большевистские рецензенты стали активнее прибегать не к аргументации, а к политическим обвинениям оппонентов, которые были далеки от научной полемики. Так, П.Лепешинский, восхваляя книгу Л.Каменева «Между двумя революциями» (М., 1923), обозвал Аксельрода, Мартова, Потресова и Череванина «мелкотравчатыми меньшевиками», взявшими «курс на приспособление своей меньшевистской мысли... к кадетской политической платформе». (См.: Печать и революция. 1924. № 4. С. 199–201, 203–204.)

[73] *Мартов Ю.О.* Записки социал-демократа. Берлин, 1922. Член ЦК партии эсеров Н.С.Русанов (1859–1939) отозвался на выход «Записок» в берлинской эсеровской газете «Голос России» (24 сент. 1922 г.). Он назвал книгу Мартова «честной и хорошей», которая своим «не сенсационным, не шумливым и не крикливым путем» знакомит «читателей с правдой о русском социализме и русской революции». Восторженно отнесся к книге Ф.И.Дан. Он писал о ней в статье, посвященной памяти Мартова: «К счастью, Юлий Осипович сам оставил нам свой автопортрет. Со страниц его последнего большого труда, первого — и увы, единственного — тома его воспоминаний, на нас глядит, как живой, его обаятельный образ: не в том, что он говорит о себе, а в том, как он говорит о людях, с которыми сталкивался, о событиях, свидетелем и участником которых был». (См.: Социалистический вестник. Экстр. вып. 1923. 10 апр. С. 4.) В.И.Невский назвал мемуары Мартова, «быть может, лучшим его произведением», воспоминаниями «большого человека, уходящего со сцены с полным сознанием, что как бы ни были велики его ошибки, он уже вписал свою страницу в историю». (См.: Под знаменем марксизма. 1923. № 4–5. С. 227.)

[74] *Савельев П.Ю.* От составителя // *Мартов Ю.О.* Записки социал-демократа. М., 2004. С. 3; Из архива Л.О.Дан. С. 81.

[75] *Николаевский Б.И.* Из эпохи «Искры» и «Зари». (По неизданным документам) // Каторга и ссылка. 1927. Кн. 6 (35). С. 31–32.

[76] З.И.Гржебин (1877–1929) — художник и издатель. В августе 1918 г. он организовал вместе с М.Горьким и другими писателями издательство «Всемирная литература», а в мае 1919 г. собственное издательство, председателем редакционного совета которого стал Горький. В октябре 1921 г. Гржебин с семьей выехал за границу в связи с запретом на его предпринимательскую деятельность в советской России. Подробнее см.: Зиновий Гржебин и Максим Горький. (Из

истории послереволюционной издательской деятельности З.И.Гржебина) // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. 1. 1919–1939 гг. Иерусалим, 1992. С. 142–192.

[77] См.: В.И.Ленин и А.М.Горький. М., 1969. С. 183–184; 206–207; *Горький М.* Неизданная переписка. М., 1998. С. 133–134. О рукописи воспоминаний Чернова Горький писал, что они «являются ценным — фактически — материалом для ознакомления с историей роста революционной мысли в эпоху 80–90-х годов и для современной молодежи, совершенно незнакомой с прошлым, будет очень полезна». (См.: В.И.Ленин и А.М.Горький. С. 184.)

[78] В.И.Ленин. Биографическая хроника. М., 1978. Т. 9. С. 61–62.

[79] *Мартов Ю.О.* Письма 1916–1922. С. 78, 155.

[80] *Мартов Ю.О.* Записки социал-демократа. М., 1924. С. 3. Е.П.Николаевская в переписке с сыном 30 декабря 1922 г. сообщала, что получила «Записки социал-демократа» Мартова и книга ей понравилась. 3 ноября 1932 г. она вновь писала, что прочитала «Записки социал-демократа» и «хорошо бы добыть продолжение». (См.: *Николаевская Е.* Жизнь не имеет жалости. Письма 1922–1935 гг. сыну Борису Ивановичу Николаевскому из Оренбурга и Москвы в Берлин и Париж. М.; Стэнфорд, 2005. С. 63, 271.)

[81] *Мартынов А.С.* От издательства // *Мартов Ю.О.* Записки социал-демократа. М., 1924. С. 4–9. Заметим, что после смерти Ленина зарубежные публикации статей памяти Мартова, как правило, касались сравнения роли этих двух лидеров РСДРП в судьбах страны. Р.Гильфердинг, выступая в Берлине 13 апреля 1924 г. на собрании памяти Мартова, отметил, что в 1917 г. «внешняя победа досталась Ленину, но никто иной, как Мартов, пророчески предвидел неизбежность отступления к капитализму». (См.: Социалистический вестник. 1924. № 9. С. 9.) «Рабочий листок», орган Петроградской организации РСДРП (1924. Март-апр. № 3–4. С. 4–5), в статье «Памяти Мартова» сообщал о торжественных похоронах Ленина и вопрошал: «Не значит ли это, что дело Мартова проиграно, а дело Ленина победило? Так именно и склонны расценивать положение русские и заграничные коммунисты. Они считают, что история вынесла Мартову обвинительный приговор, а Ленину выдала похвальный лист. Но это не так. Ибо суд сегодняшнего дня еще не есть суд истории. История еще не сказала своего последнего слова. Она его скажет, без сомнения, в свое время — и это слово будет в пользу Мартова и против Ленина».

[82] *Мартов Ю.О.* Записки социал-демократа. М., 1924. С. 12–13.

[83] *Мартов Ю.О.* Записки социал-демократа. Берлин, 1922. С. 336. В издании «Записок» 1924 г. говорится, что ссыльные, зная о желании Ленина и Федосеева встретиться, явились со своей одеждой в тюремный цейхгауз, переодев Ленина в «хозяина телеги». Они потребовали вызова Федосеева как «старосты» политиков для сдачи... имущества. «Таким образом, пока мы извлекали и нагружали свое добро, Ульянов и Федосеев могли беседовать» (С. 336–337). Г.Хаит полагал, что с Федосеевым во дворе Красноярской тюрьмы встречался не Ленин, а П.А.Красиков. По его мнению, за четверть века Мартов мог сместить события и перепутать участников. (*Хаит Г.* Поиск продолжается. Красноярск, 1970. С. 103–107. См. также: *Ленин В.И.* Несколько слов о Н.Е.Федосееве // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 324–325.)

[84] РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–49; Ленинский сборник. М., 1925. Т. IV. С. 49–61; *Мартов Ю.О.* Записки социал-демократа / Сост. П.Ю.Савельев. М., 2004. С. 265–297. Курьезом предстает упоминание в хронике событий советской историографии о том, что в 1924 г. Мартов издает «Записки социал-демократа». (Советская историография. М., 1996. С. 543.) Мартов умер в 1923 г. и к советскому изданию своих «Записок», скорее всего, не имел отношения.

[85] *Martov July.* Zapiski Social-Democrata / New Introd. by prof. I.Getzler. Cambridge, 1975. Л.О.Дан 16 мая 1962 г. писала Л.Шапиро о своем желании издать воспоминания Мартова на английском языке, поскольку эта книга «легче и для переводчика и, я думаю, доступнее европейскому читателю и хорошо вводит читателя в атмосферу русского революционного общества». (См.: IISH. Л.О.Дан. П. 17.) Желание Дан осуществилось только в 1975 г. И.Гетцлер, в то время аспирант Л.Шапиро (позже – профессор Еврейского университета в Иерусалиме), встречался с Л.О.Дан. В мае 1962 г. она писала Н.В.Вольскому: «Много времени уходит на разговоры... с Гетцлером (он очень хороший парень, из него будет толк, т.е., надеюсь, напишет неплохую биографию Мартова)». (См.: Из архива Л.О.Дан. С. 178.) Гетцлер в 1967 г. опубликовал монографию о Мартове. (См.: *Getzler I.* Martov. A political biography of a Russian Social-Democrat. Cambridge, 1967.)

[86] *Попова Т.Ю.* Судьба родных Л.Мартова в России после 1917 года. М., 1996; *она же.* Еще раз о судьбе родных Мартова в России после 1917 года. М., 1999; *она же.* Судьба родных Мартова в России после 1917 года. Размышления. 3-я книга. М., 2002; Из архива семьи Цедербаум. М., 2008. См. также: *Гутнова Е.В.* Пережитое. М., 2001.

[87] *Ненароков А.П.* Человек, а не символ. Размышление об одном юбилейном издании // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX — начало XX в.: Сб. научных статей. Тамбов, 2001. С. 26, 34–35; *Макаров Н.В., Савельев П.Ю.* Российская социал-демократия в 1905–1907 годах: заметки о новейшей историографии // Отечественная история. 2005. № 5. С. 94; *Ненароков А.П., Савельев П.Ю.* Предисловие составителей // Из архива А.Н.Потресова. Вып. 1. Переписка 1892–1905 гг. М., 2007. С. 17. В книгах «В поисках жанра» Ненароков вновь возвратился к оценке роли Мартова в 1917–1923 гг. По Ненарокову, правы были правые меньшевики, не признавшие власти большевиков, и неправы были Мартов и его сторонники, став легальной оппозицией к новой власти. (Кн. 1. С. 94–95; и др.) Думаю, что в данном случае категорические суждения не способны выявить истину и это положение еще нуждается в дополнительном, фактическом исследовании, а не в вспышках эмоций. Понимание историзма требует объяснения ситуации, в которой политический деятель принимал свое решение, отличное от других. Современные заключения часто исходят из оценки итогов происшедшего.

[88] *Урилов И.Х.* И человек, и символ // Историк среди историков. Казань, 2001. С. 320–324.

[89] А.Н.Потресов. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 298, 301. В.И.Засулич, которую Л.И.Аксельрод назвала «Сократом русской социал-демократии», в марте 1919 г. писала, обращаясь к большевикам: «В своих изданиях вы доказываете время от времени, что вашему царствованию не будет конца. Я думаю, наоборот, что оно будет недолговечно — не скажу: "к счастью", так как докончить все то непоправимое зло, которое вы делаете родной стране, вы еще успеете». (См.: *Аксельрод Л.И.* Этюды и воспоминания. Л., 1925. С. 45; *Богданова Т.А.* В.И.Засулич о «европейском вероятном пути политического освобождения» России: мечты и реальность // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 65.)

[90] BAR. Boris Sapir collection. Box 7. Ser. 1. В письме от 30 марта 1969 г. Сапир замечал, что читал книгу Гетцлера и даже написал о ней рецензию. Он считал, что Гетцлер преувеличил роль Мартова в меньшевизме. Сапир был не согласен и с мнением Гетцлера о том, что меньшевики в 1917 г. не должны были толковать о буржуазном характере революции, а вместе с другими социалистами брать власть для проведения мер, которые коалиционное правитель-

ство, вследствие оппозиции кадетов, осуществить не могло. (См.: BAR. Boris Sapir collection. Box 4. Ser. 1.)

[91] BAR. Boris Sapir collection. Box 10. Ser. 1. См.: *Мартов Ю.О.* Письма. 1916–1922 гг. / Ред.-сост. Ю.Г.Фельштинский. Benson, 1990. Б.М.Сапир в этом издании участия не принял. Утверждение о том, что Мартов в 1917 г. как политик потерпел поражение, было популярно среди зарубежных исследователей. Об этом писали Л.Шапиро, его ученик И.Гетцлер и многие другие. Шапиро объяснял это тем, что Мартов, в отличие от Ленина, был «рабом своих теорий». Он считал, что две партии (большевики и меньшевики), представляющие интересы пролетариата и опирающиеся на учение Маркса, в конце концов, обязательно объединятся. Даже после победы Ленина в 1917 г. его не покидала эта надежда. (См.: *Schapiro L.* Russian Studies. London, 1986. P. 258.)

[92] *Потресов А.Н.* Избранное / Сост., автор вступ. ст. и примеч. Д.Б.Павлов. М., 2002; Ю.О.Мартов и А.Н.Потресов. Письма. 1898–1913 / Науч. ред., автор предисл. и коммент. И.Х.Урилов. М., 2007; Из архива А.Н.Потресова. Вып. 1. Переписка 1892–1905 гг. / Отв. ред. П.Ю.Савельев. М., 2007; Вып. 2. Письма А.М.Калмыковой. 1894–1905 гг. / Отв. ред. Н.В.Макаров. М., 2007; *Розенталь И.С.* Потресов А.Н. // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 478–479; *он же.* Потресов А.Н. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 420–422; и др.

[93] А.Н.Потресов. Посмертный сборник произведений. В подборе материалов сборника и работе по его выпуску приняли участие А.Бронштейн, В.Войтинский, П.Гарви, Ю.Денике, М.Зборовский, Ст.Иванович, С.Ингерман, Б.Николаевский, Е.Потресова, И.Церетели. Париж, 1937. С. 9–90. Статья Николаевского о Потресове переиздана в сб.: *Потресов А.Н.* Избранное. С. 380–461.

[94] Последние новости. Париж. 1934. 28 июля.

[95] Ф.И.Дан. Письма (1899–1946). Отобрал, снабдил примечаниями и очерком политической биографии Дана Борис Сапир. Amsterdam, 1985; «Необходимо тщательно столковаться по целому ряду вопросов». Письма Ф.И.Дана к Г.В.Плеханову. 1907–1908 гг. // Исторический архив. 2006. № 6. С. 132–168; *Корников А.А.* Ф.И.Дан // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. С. 175–176; *Розенталь И.С.* Ф.И.Дан // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. С. 130–132; и др. В 2006 г. были переизданы воспоминания Дана «Два года скитаний» (М., 2006). Автор предисловия «От издательства» не назван. Но написано оно весьма небрежно, а утверждение,

что в годы Второй мировой войны часть меньшевиков-эмигрантов «желала победы немецкому оружию» (С. 10), иначе как грубой фальсификацией действительности назвать нельзя. Среди них были противники «сталинского режима», после войны одни оправдывали действия генерала Власова, другие нет, но не было и не могло быть ни одного сторонника гитлеровской Германии.

[96] *Двинов Б.Л.* Ф.И.Дан // Мартов и его близкие. С. 137.

[97] *Сапир Б.М.* Федор Ильич Дан (1871–1947) // Ф.И.Дан. Письма (1899–1946). С. 37–58; *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 227.

[98] *Сапир Б.* Большевизм и меньшевизм (по поводу книги Ф.И.Дана «Происхождение большевизма» (Нью Йорк, 1946)) // Социалистический вестник. 1946. № 7–8. С. 175–178. К позиции Дана, оправдывавшего деятельность большевиков, отрицательно отнесся Р.А.Абрамович, Д.Н.Шуб и другие социал-демократы. Шуб упрекал Дана в показе необходимости большевистского террора, в том, что он не указал на резко отрицательное отношение к нему Мартова. Шуб отмечал: утверждения Дана о том, что «большевистский переворот и диктатура были неизбежным результатом объективных условий русской действительности» и что удержать власть в отсталой стране можно было только «кровавыми методами полицейского государства», свидетельствуют об обратном, т.е. преступлении большевиков перед народами страны. (См.: *Абрамович Р.* Путь Ф.И.Дана // Социалистический вестник. 1947. № 1–2. С. 8–10; IISH. Л.О.Дан. П. 11.)

[99] BAR. Boris Sapir collection. Box 4, 15. Ser. 1. Л.Хеймсон увидел в последней книге Ф.И.Дана «идеологическое завещание» и «политическую лебединую песню». Он подчеркнул, что предложенная Даном «интерпретация эволюции большевизма как почти неизбежного продукта имплантации марксизма на русскую почву и его привитие к русской революционной традиции» не была воспринята даже «былыми последователями Дана». Он объяснял это изменениями в послевоенном мире, когда в США появились новые российские эмигранты, для которых живущие там меньшевики были лишь группой пожилых людей, «цепляющихся за старомодный и явно уже дискредитировавший себя набор политических догм и ценностей, не связанных с современной им действительностью». (См.: *Хеймсон Л.* Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции // Россия. XXI. 1995. № 3–4. С. 155–156.) В 2010 г. А.П.Ненароков и П.Ю.Савельев переиздали книгу Дана «Происхождение большевизма», забыв упомянуть, что Дан посвятил ее «Памяти Юлия

Осиповича Цедербаум-Мартова – друга, соратника, учителя». Характеристике книги они предпочли рассуждения о взглядах Дана и Церетели. (См.: *Дан Ф.И., Церетели И.Г.* Два пути. Избранное: в 2-х ч. Сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.П.Ненароков, П.Ю.Савельев. М., 2010. Ч. 1. С. 69–535.)

[100] Из архива Л.О.Дан. Отобрал, снабдил примечаниями и очерком биографии Л.О.Дан Борис Сапир. Amsterdam, 1987; The Making of Three Russian Revolutionaries. Voices from the Menshevik Past / Ed. By L.H.Haimson. Cambridge, 1987; *Jebrak S.* Mit dem Blick nach Russland Lydia Cederbaum (1878–1963). Eine judische Sozialdemokratin im lebenslangen Exil. Marburg, 2006; *Жебрак С.* Представительница российской социал-демократии Лидия Цедербаум (1878–1963) // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. М., 2006. С. 364–371; и др.

[101] *Хеймсон Л.* Указ. соч. // Россия. XXI. 1995. № 3–4. С. 143, 145–146; № 5–6. С. 113; № 7–8. С. 185–186. Л.О.Дан считала одной из причин поражения меньшевиков в 1917 г. их стремление к форсированной европеизации партии. (См.: The Making of Three russian revolutionaries. P. 212.)

[102] Редакция «Социалистического вестника» подчеркивала в обращении к Л.О.Дан: «Вы были одной из тех немногих, которые сумели через все, во всякой длительной эмиграции неизбежные конфликты, раздоры и расколы пронести одну свою драгоценную особенность – способность сохранять личные дружеские отношения, невзирая на политические и организационные конфликты». (См.: IISH. Л.О.Дан. П. 11.) Дан подтвердила эту характеристику, когда писала Вольскому 28 мая 1959 г.: «Ведь Вы знаете – я, по странной случайности, со всеми разговариваю. Все остальные – каждый с кем-нибудь не разговаривает. Вот мне и пришлось, в каком-то смысле, "объединять общество"»... (Из архива Л.О.Дан. С. 154.) Именно ей пришлось стать центральной фигурой в деле организации бывших меньшевиков для написания воспоминаний и текстов по истории РСДРП.

[103] IISH. Л.О.Дан. П. 11.

[104] *Николаевский Б.И.* Памяти Л.О.Дан (21 мая 1878 – 28 марта 1963) // Социалистический вестник. 1963. № 3–4. С. 59–60.

[105] *Roobol W.H.* Tseretely. A democrat in the Russian revolution. A political biography. Amsterdam, 1976; *Корников А.А.* И.Г.Церетели // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. С. 669–670; *Ненароков А.П.* И.Г.Церетели // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. С. 594–597; *Галили З.* Ираклий Церетели в русской революции // Крайности

истории и крайности историков: Сб. статей. М., 1997. С. 53–74; *Церетели Ираклий.* Впечатления детства. М., 2006; и др.

[106] См.: *Николаевский Б.И.* И.Г.Церетели // Социалистический вестник. 1959. № 6–12; 1960. № 2–3; *он же.* И.Г.Церетели и его воспоминания о 1917 годе // Социалистический вестник. 1962. № 7–8, С. 110–114; № 9–10. С. 132–136; *Деникe Ю.* Воспоминания И.Г.Церетели // Новый журнал. 1964. Кн. 76. С. 218–226; *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Т. 1–2. Париж, 1963; См. также: *Церетели И.Г.* Речи, выступления, доклады, статьи. 1907–1946 гг. // Ф.И.Дан, И.Г.Церетели. Два пути. Избранное / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.П.Ненароков и П.Ю.Савельев. М., 2010. Ч. 1–2; и др.

[107] *Богданова Н.Б.* Мой отец – меньшевик. СПб., 1994; *Ширяева Н.В.* В.К.Иков и его мемуары // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 66–79; *Иков В.К.* Листопад. Воспоминания // Вопросы истории. 1995. № 8–11. См. также: *Кураев А.* Б.О.Богданов // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. С. 74–75; *Янсен М.* Жизнь меньшевика (Б.М.Сапир) // Воля. 1995. № 4/5. С. 227–236; *Кара-Мурза А.А.* Первый советолог русской эмиграции: Семен Осипович Португейс (1880–1944). М., 2006; и др.

[108] Revolution and Politics in Russia. Essays in Memory of B.I.Nicolaevsky. Indiana University Press, 1972; *Розенталь И.* Б.И.Николаевский // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. С. 396–397; *Ненароков А.П.* Б.И.Николаевский – исследователь русского зарубежья // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX – XX в.): Сб. статей. М., 2004. С. 142–149; *Николаевская Е.* Жизнь не имеет жалости. Письма 1922–1935 гг. сыну Борису Ивановичу Николаевскому из Оренбурга и Москвы в Берлин и Париж. Идея, сост. и коммент. А.Ненарокова. М.; Стэнфорд, 2005; *Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И.* Борис Иванович Николаевский // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 18–45; и др.

[109] *Аронсон Г.* Памяти Б.И.Николаевского (1887–1966) // Новое русское слово. 1966. 8 марта. Б.М.Сапир уточнял: Б.И.Николаевский не был выслан из советской России вместе с другими меньшевиками. Он добился голодовкой замены ссылки отъездом за границу. Николаевский вывез из нацистской Германии архив немецких социал-демократов, включая архив К.Маркса и Ф.Энгельса, но план вывоза придумал Борис Суварин. (См.: BAR. Boris Sapir collection. Box 7. Ser. 1.) Суварин Б. (Лифшиц. 1895–1984) – французский ком-

мунист, историк, сотрудник Коминтерна, исключен в 1926 г., с конца 1920-х гг. антисталинист.

[110] Новое русское слово. 1966. 29 марта.

[111] Социалистический вестник. 1960. № 8–9. С. 165–169; 1962. № 5–6. С. 84–88; 1965. № 3. С. 12–29; и др. Н.В.Первушин (1899–1993), знавший Денике еще по совместной работе в Казани, в некрологе о нем, опубликованном в газете «Новое русское слово» 15 января 1965 г., писал о встречах с ним в Берлине в 1920-х гг., о том, как Денике сотрудничал с «Социалистическим вестником» и радио «Свобода». Денике изложил свою политическую биографию в кн.: The Making of Three Russian revolutionaries. P. 312–327. О пути Денике в меньшевизм рассказал Л.Хеймсон, основываясь на интервью с ним и не ссылаясь на работу Николаевского о нем. (См.: Россия. XXI. 1995. № 5–6. С. 115–123.) С.Шварц писал о Денике как о подающем надежды историке. Его студенческие работы о Фукидиде и Ксенофонте были опубликованы, причем за последнюю ему была присуждена в университете золотая медаль. Весной 1964 г. он был в Париже и оттуда позвонил Л.Хеймсону, сказав, что завершил свою часть работы по истории социал-демократии в первые годы советской власти. Он умер 29 декабря за рулем машины от разрыва сердца. (См.: *Шварц С.* Не произнесенная речь // Социалистический вестник. 1965. № 3. С. 26–29.)

[112] Социалистический вестник. 1943. № 1–2. С. 257–262; 1944. № 5–6. С. 68–72; 1960. № 7. С. 126–129; 1963. № 1–2. С. 149–150; и др. См. также: *Серман И.* Григорий Яковлевич Аронсон // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. IV. С. 528–537. В 1935 г. в Испании по приказу резидента НКВД Л.Л.Фельдбина (Орлова) были расстреляны бывший секретарь Троцкого Эрвин Вульф и сын меньшевика Абрамовича – Марк Рейн. В их расстреле принял участие сотрудник НКВД И.Р.Григулевич. (См.: *Прохоров Д., Лемехов О.* Перебежчики. Заочно расстреляны. М., 2001. С. 95.) Ненароков придерживается традиционной версии о том, что Марк Рафаилович Рейн был в Испании похищен неизвестными в 1937 г. (См.: *Ненароков А.П.* В поисках жанра. Кн. 2. С. 234.)

[113] BAR. Boris Sapir collection. Box 25, 27. Ser. 1. В последние годы сотрудники Центра по изучению социал-демократического движения Института всеобщей истории РАН подготовили данные на 761 активного участника меньшевистского движения в России, полагая необходимым издание энциклопедического словаря на эту тему.

[114] *Liebich A.* From the other shore. Russian social democracy after 1921. Cambridge, 1997; *Либих А., Михайлов А., Ненаро-*

ков А., Паначчионе А., Перемышленникова Н. Крах социал-демократического подполья в большевистской России. 1922–1924 гг. // Меньшевики в 1922–1924 гг. С. 19–105; *Урилов И.Х.* Судьбы российской социал-демократии // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 122–149; *он же.* Меньшевики в советской России. К истории изучения // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 120–136; *Ненароков А.* Наследие российской социал-демократии // Россия. XXI. 2007. № 5. С. 110–141; *он же.* Об историческом наследии российской социал-демократии // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления: Материалы международной научной конференции, Москва, 28–29 октября 2010 г. М., 2011. С. 399–404; *Антошин А.В.* Меньшевики в эмиграции после Второй мировой войны // Отечественная история. 2007. № 1. С. 102–115; Протоколы Заграничной делегации РСДРП // Исторический архив. 2007. № 3. С. 83–103; № 5. С. 144–168; и др.

[115] История национальных политических партий России. М., 1997; Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К.Аймермахера, Г.Бордюгова. М., 1999; *Френкель Й.* Пророчество и политика. Социализм, национализм и русское еврейство. 1862–1917. Иерусалим; М., 2008; и др.

[116] Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии. К 100-летию РСДРП: Материалы российско-германского двустороннего симпозиума 5–7 марта 1998 г. М., 1998; *Любин В.П.* Итальянская социалистическая партия и российские революционеры. 1892–1926 // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. С. 509–515; и др.

[117] *Двинов Б.* Наши разногласия // Против течения: Сб. статей. Нью-Йорк, 1952. С. 46.

[118] *Стишов М.И.* К вопросу о так называемой эсеро-меньшевистской концепции пролетарской революции (письмо в редакцию) // Вестник МГУ. 1971. № 1. История. С. 60; Меньшевики в 1922–1924 гг. С. 19–105.

[119] *Ненароков А.П.* Правый меньшевизм. Прозрения российской социал-демократии. М., 2011.

[120] Ю.О.Мартов и А.Н.Потресов. Письма. 1898–1913/ Науч. ред., авт. предисл. и коммент. И.Х.Урилов. М., 2007; *Ненароков А.П.* Указ. соч. С. 33–34. Ненароков взял за манеру не научно полемизировать со мной по спорным вопросам, а заниматься бранью в мой адрес. В таком стиле полемика с ним лишена всякого смысла.

[121] *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 24.

[122] *Цепилова В.И.* Некоторые проблемы изучения исто-

рической мысли русского зарубежья 1920–1930-х годов // Вопросы истории. 2007. № 1. С. 156–166; *Дмитриев А.* Национализация науки и фактор эмиграции: русские гуманитарии в Германии (1920–1930-е гг.) // Ab Imperio. Казань, 2003. № 2. С. 230. Р.Вильямс отмечал, что сочинения многих российских эмигрантов носили антибольшевистский пропагандистский характер, а писания «эмигрантов правого толка... помогли убедить Адольфа Гитлера и других в том, что большевистская революция была еврейским заговором, в то время как меньшевики предоставили европейской социалистической прессе свои авторитетные предсказания неминуемости экономического краха России» (См.: *Вильямс Р.* Европейская политическая эмиграция: потерянный сюжет // Ab Imperio. 2003. № 2. С. 29–30.) В 1920-е гг. многие эмигранты разных политических взглядов писали о бесперспективности большевистского правления в России и заявляли о своем желании продолжать с ним борьбу. П.Н.Милюков замечал: «Борьба против большевизма не может кончиться с поражением русских национальных армий и с потерей русской территории. Она должна будет продолжаться до освобождения России от большевистского гнета. Перемирия с большевизмом быть не может...». Милюков отмечал, что среди эмигрантов 85% сторонников монархии и только 15% могут считаться республиканцами. Он полагал, что оппозиция, не веря в победу социализма в стране, идет «назад к Мартову», т.е. к меньшевизму. См.: *Милюков П.Н.* Эмиграция на перепутье. Париж, 1926. С. 6, 132.

[123] *Юрьевский Е.* Привет // Социалистический вестник. 1960. № 7. С. 127.

[124] Подробнее об этом см.: *Павлов Д.Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999. А.Н.Яковлев утверждал, что в 1917 г. численность российских социалистических партий и анархистских организаций составляла более полутора миллионов человек. К концу 1953 г. в лагерях ГУЛАГа находилось менее двух тысяч троцкистов, меньшевиков и эсеров. (См.: *Яковлев А.Н.* Крестосев. М., 2000. С. 58, 98; *Литвин А.Л.* Российская историография Большого террора // У источника: Сб. статей в честь чл.-корр. РАН С.М.Каштанова. М., 1997. Ч. 2. С. 546–575; *Кан А.С.* Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР // Отечественная история. 2003. № 1. С. 120–133; и др.)

[125] Врач-меньшевик Г.А.Верховский был реабилитирован 3 декабря 1997 г.; П.А.Гарви – 1 ноября 2000 г.; врач-меньшевик Л.Б.Грановский – 3 декабря 1997 г.; А.Э.Дюбуа –

в 2000 г.; А.А.Югов – в 1998 г. // Высылка вместо расстрела. М., 2005. С. 430, 433, 435, 440, 479, 508.

[126] Трудно согласиться с мнением А.Ф.Киселева и С.В.Константинова о том, что участие меньшевиков «в политической жизни русской эмиграции 20–30-х годов было если не номинальным, то, во всяком случае, малозаметным». (См.: Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы. М., 1999. С. 599.)

[127] *Arendt H.* The origins of totalitarianism. New York. 1958; *Мушинский В.* Хана Арендт и ее главная книга // Свободная мысль. 1992. № 8. С. 72–81; *Хейфец М.* Хана Арендт: условия бытия человека на земле. М.; Иерусалим, 2006; *Сахаров А.Н.* Революционный тоталитаризм в нашей истории // Коммунист. 1991. № 5. С. 60–71; *Кудряшов С.В.* Критика и апология доктрины тоталитаризма: опыт западной и российской историографии // Известия Самарского научного центра РАН. 2006. С. 75–89; *он же.* Пугало для некрофилов. Критические заметки о доктрине тоталитаризма // Родина. 2008. № 1. С. 23–30; *Кип Дж.* Но где же слон? Комментарий к статье Сергея Кудряшова «Пугало для некрофилов» // Родина. 2008. № 1. С. 16–17; и др.

[128] *Мартов Ю.О.* Письма 1916–1922. Benson, 1990. С. 49. Меньшевики в 1919–1920 гг. М., 2000. С. 544. В последнем сборнике документов о публикации письма в 1990 г. не упоминается.

[129] См.: *Ненароков А.П.* Последняя эмиграция Павла Аксельрода. С. 112.

[130] *Далин Д.* Пути диктатуры // Социалистический вестник. 1925. № 14; *Гильфердинг Р.* Государственный капитализм и тоталитарное государство // Социалистический вестник. 1940. № 8; и др.

[131] HIA. Boris Nicolaevsky collection. Box 505. Fol. 6. Ser. 248; Меньшевики в 1922–1924 гг. С. 104–105.

[132] BAR. Boris Sapir collection. Box 7. Ser. 1.

Ю.С.Новопашин замечает, что «революции конца XX века в странах Центральной и Юго-Восточной Европы были прежде всего нацелены на свержение коммунистического режима – несменяемого и бесконтрольного, полицейского по своим важнейшим функциям». Он исходил из того, что «одномерность антикоммунистических воззрений вряд ли доказательна и разновидностью тоталитаризма их можно назвать лишь применительно к минувшей эпохе "холодной войны"». (См.: *Новопашин Ю.С.* Антикоммунистические революции конца XX века // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 97.)

[133] См.: *Шубин А.* Социализм. «Золотой век» теории.

М., 2007; и др. По мнению Ю.С.Новопашина, «большевизированный коммунизм с его морально-этическим и правовым нигилизмом не завоевал в рабочем и — шире — освободительном движении прошлого столетия доминирующих позиций, а к концу XX века и вообще сошел с политической сцены, окончательно проиграв в соревновании с международной социал-демократией». (См.: *Новопашин Ю.С.* Указ. соч. С. 89.)

ЗВЕЗДНЫЕ И ТРАГИЧЕСКИЕ ДНИ ПАРТИИ

(Февраль 1917 – январь 1918 гг.)

ГЛАВА I

1917 год в жизни российского меньшевизма

К октябрю 1917 г. в России функционировали более 280 политических партий и групп. Среди них были общероссийские, региональные и национальные. Они представляли собой разные общественные мнения: консервативное, либеральное и социалистическое. Среди национальных партий преобладали либеральные и социалистические настроения. В весьма разнородном социалистическом блоке (из 9 общероссийских — 2 социал-демократических, 6 — неонароднических и анархистская; из 61 национальной социалистической партии — 29 социал-демократического направления) выделялись умеренно-революционные партии: меньшевики, правые эсеры, народные социалисты и ультрарадикальные: большевики, левые эсеры, анархисты, эсеры-максималисты. Главным действующим лицом всех этих партий, каждая из которых не представляла собой единого целого, была российская интеллигенция. Программы этих партий, их структурное строение зависели от взглядов той или иной части интеллигенции на будущую модель общественно-экономического устройства страны. Численность всех политических партий была невелика и в 1917 г. составляла не более 1,5% от численности населения страны[1].

В исторической литературе называются разные цифры численности меньшевиков и большевиков весной-осенью 1917 г. По подсчетам В.И.Миллера, в апреле-мае 1917 г. численность меньшевиков в стране «приближалась к 100 тыс., если не превышала эту

цифру». В июле-августе их численность вряд ли превышала 200 тыс. членов, а к октябрю численность большевиков достигла примерно 350 тыс., а меньшевиков — «по-прежнему составляла около 200 тыс. членов»[2].

Советская историография по праву октябрьских победителей все лавры организаторов великих потрясений 1917 г. приписывала большевикам. В созданной тогда официозной многотомной истории КПСС подчеркивалось, что решающей силой, свергнувшей царизм в России, был рабочий класс во главе с большевиками[3]. Историографы замечают, что все события той поры советские исследователи рассматривали «через призму деятельности большевистской партии, которая предстает в их концепциях как политический авангард рабочего класса»[4]. Ситуация с созданием более объективной концепции происшедшего в России в 1917 г. изменилась с начала 1990-х гг. Тогда были опубликованы многие документы, характеризующие деятельность разных политических партий и Временного правительства, Советов в Петрограде и других городах страны[5]. В последние два десятка лет были опубликованы многочисленные сборники документов и обширные предисловия к ним. В них, особенно во введениях к сборникам документов, рассматривалось, прежде всего, отношение партий к свержению самодержавия, а затем к Временному и большевистскому правительствам, в значительно меньшей степени изучались межпартийные отношения[6].

Советская историография канонизировала Октябрьскую революцию, полагая создание большевистского государства едва ли не главным событием XX в. Ныне историки основное внимание стали уделять Февральской революции и причинам поражения демократических сил в стране в ту пору[7]. Среди них нет единства взглядов[8]. Однако большинство исследователей истории России в 1917 г. приходят к выводу о едином революционном процессе в то время, о том, что причиной скорого падения Временного пра-

вительства стало промедление в проведении прежде всего аграрной реформы, затягивание вопроса о прекращении непопулярной войны и что в том повинны и представители социалистических партий, входивших в его состав[9].

Заметим, что этот вывод мало чем отличается от высказывания Ленина в 1920 г., когда он, обращаясь к меньшевикам и эсерам, говорил: «Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему вы этого не сделали? Потому, что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием»[10]. У эсеров и меньшевиков были не «вздорные», а вполне политически обоснованные программы, но откладывание проведения социальных реформ по разным причинам в то время, когда они были в составе Временного правительства, действительно привело к новому социальному взрыву, чем воспользовались большевики в своей борьбе за власть. Заметим, что принятые большевиками после их прихода к власти декреты о земле и национализации промышленности были заимствованы ими из программ эсеров и меньшевиков[11].

В 1990-е гг. российские историки рассматривали происшедшее в 1917 г. как часть системного кризиса империи, как стремление либеральных и социалистических партий модернизировать страну революционным путем. Но методы осуществления этой модернизации у Временного правительства, а затем большевистского оказались совершенно разными. Первые были за легитимное, постепенное, основанное на решениях Учредительного собрания проведение социально-политических и экономических преобразований, вторые — за «штурм», невзирая на человеческие и иные потери. Тогда исследователи отказались от утверждения мессианской роли пролетариата[12], большевиков и личности Ленина в преобразовании общества, увидев во многих их действиях жестокость и авантюризм. По мнению М.Я.Геллера и А.М.Некрича, 25 октября 1917 г. история России кон-

чилась, началась история СССР[13]. Согласимся с точкой зрения С.В.Тютюкина, положительно воспринявшего тенденцию ряда исследователей рассматривать «Февральскую и Октябрьскую революции, а также Гражданскую войну как неразрывно связанные между собой части Великой российской революции 1917–1922 гг., которая наряду с Великой французской революцией конца XVIII в. стала одной из крупнейших вех мировой истории»[14].

Советская историография подразделяла политическую историю страны в 1917 г. на периоды мирного развития революции (двоевластие – март-июль) и подготовку захвата власти большевиками (август-октябрь). Ныне с точки зрения интеграции общественных сил в ту пору предлагается выделить несколько этапов развития событий: оформление и кризис коалиционной политики (февраль-август); упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти (сентябрь-октябрь); окончательный крах попыток интеграции общества и утверждение власти Советов в качестве однопартийной политики (от октябрьского переворота до разгона Учредительного собрания). В современной литературе было подвергнуто сомнению и ленинское утверждение о наличии после февраля 1917 г. двоевластия в стране[15]. Действительно, в высказываниях Ленина на эту тему многое политизировано: Ленин в то время и позже проповедовал лозунг «Вся власть Советам!», и ему важно было показать преемственность власти, к которой он стремился и получил.

Временное правительство и первый состав Петроградского Совета создавали бывшие депутаты Государственной думы. Они привыкли работать в парламенте и знали об отношениях депутатов к правительству. Такими же примерно представлялись членам Совета и взаимодействия с Временным правительством. В ночь с 1 на 2 марта 1917 г. Временный комитет Государственной думы совместно с Исполкомом Петроградского Совета обсуждали персональный состав Временного правительства и программу его деятель-

ности. Вначале Чхеидзе и Керенский отказались войти в его состав, выдвинув ряд требований: политической амнистии и свобод слова, печати, собраний, демократизации армии, провозглашения республики и созыва Учредительного собрания. Требования Совета о провозглашении республики было отвергнуто, предлагалось начать подготовку к созыву Учредительного собрания, были откорректированы и другие предложения Совета. Керенский, подумав, дал согласие занять должность министра юстиции. Его поддержали многие члены Совета[16]. Керенский на первых порах был единственным министром-социалистом в составе Временного правительства, в марте он стал членом партии эсеров. Важно заметить, что Совет предлагал программу действий Временному правительству, а его члены соглашались либо отвергали его требования. Это подтверждало отношения между правительством и Советом как органами исполнительным и парламентарным. Вхождение Керенского в состав правительства означало, что оно становилось коалиционным.

1 марта 1917 г. был издан Приказ № 1 Петроградского Совета, по которому армейским подразделениям предписывалось подчиняться не офицерам, а избранным комитетам нижних чинов. Этот приказ способствовал не столько демократизации армии (командиров выбирают), но и ее разложению, падению воинской дисциплины. Возмущенный В.В.Шульгин тогда заявил социалистам, авторам этого приказа в Совете: «Если вы чувствуете за собой силу, если вы возьметесь управлять страной, если вы согласны нести на себе страшную ответственность, тогда устраните нас, арестуйте Временный комитет, арестуйте Государственную думу, составляйте правительство и правьте сами. Но если у вас не хватает на это смелости и желания, то не связывайте рук тем людям, которые как-никак имеют мужество взять на свои плечи бремя управления Россией в такую минуту». Представители Совета ответили, что не собираются никого арестовывать, как и брать власть в свои руки[17].

2 марта 1917 г. Исполком Петросовета в обращении к гражданам России заявил о своей поддержке Временного правительства в той мере, в какой нарождающаяся власть будет осуществлять свои обязательства перед демократией и решительно бороться «со старой властью»[18]. И.Г.Церетели, вернувшись в Петроград из ссылки 20 марта, в своих первых выступлениях говорил о том, что «вся полнота исполнительной власти должна принадлежать Временному правительству, поскольку эта власть укрепляет революцию, поскольку она ниспровергает, ломает старый порядок»[19]. Тем самым Церетели, вскоре ставший министром Временного правительства, подтвердил, что ни о каком «двоевластии» не может быть и речи. Гайда подчеркивает, что Совет демонстративно не брал на себя властных полномочий. Он подтверждал свой вывод словами члена Петроградского Совета и редактора газеты «Известия» Ю.М.Стеклова: «Та же самая программа, которую ныне осуществляет Временное правительство под аплодисменты всей российской буржуазии, встретила бы со стороны командующих классов самое энергичное сопротивление, если бы ее проводили мы под фирмой Совета рабочих и солдатских депутатов»[20].

Не было единого мнения об отношении к Временному правительству и среди меньшевистской эмиграции. И.А.Виляцер (1883–1952), проживавший в начале 1917 г. в Копенгагене, писал П.Б.Аксельроду 15 марта 1917 г., что в России пришла к власти «патриотическая партия войны», к которой он относится отрицательно. Но он не может не приветствовать правительство — «могильщика старого строя». В следующем письме (25 марта) он считал ленинский призыв к недоверию Временному правительству «абсолютнейшим вздором», потому что это грозит расколом «революционной армии», опрокинувшей самодержавие. Виляцер просил Аксельрода поскорее прибыть в Петроград, так как «бурная демократическая стихия захлестывает социалистическое нутро наше». Сам он также переехал в Петроград[21]. Заметим, что петроградские боль-

шевики, как и вернувшиеся из ссылки 12 марта и возглавившие работу редакции «Правды» Л.Б.Каменев и И.В.Сталин, до приезда Ленина (3 апреля) поддержали призыв меньшевиков быть на стороне Временного правительства[22].

И.Г.Церетели в воспоминаниях о Февральской революции писал, что в истории вряд ли можно найти примеры, «когда политические партии, получив так много доказательств доверия со стороны подавляющего большинства населения, высказали бы так мало склонности стать у власти, как это было в Февральскую революцию с русской социалистической демократией. Это относится в особенности к партии социалистов-революционеров, которая имела за собой поддержку значительной части рабочего класса и почти всего крестьянства»[23]. Только Ленин сразу же после свержения самодержавия призвал большевиков начать борьбу за власть, против Временного правительства.

В политической истории России XX в. взаимоотношения между властными и выборными органами складывались по-разному. Всякое сравнение не точно, но аналоги конфронтации между ними редко завершались победой парламентов[24]. Николай II распустил две первые Государственные думы, недовольный критическими выступлениями депутатов и предложениями по ограничению самодержавной власти. Многие из них были арестованы, так же как и позже члены большевистской фракции IV Думы. В конце прошлого столетия в противостоянии между Президентом России и Верховным Советом победил глава государства, а Конституция 1993 г. дала ему огромные полномочия, в результате чего и правительство, и парламент отошли на второй план. Только в осеннем противоборстве 1917 г. Советы, возглавляемые большевиками, сумели свергнуть Временное правительство. Ф.И.Дан позже писал: «Революция 1917 года заставила меньшевизм и большевизм и в вопросе о Временном правительстве поменяться ролями: меньшевизм провозгласил необходимость уча-

стия во Временном правительстве и практически это участие осуществил; большевизм не только объяснил участие во Временном правительстве недопустимым, но и поставил себе задачей его свержение, причем лозунгом руководимого большевиками восстания стало не образование другого Временного правительства, а передача "всей власти" Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, иначе говоря — "решительная победа" вооруженного восстания оказалась отмеченной предусмотренным в меньшевистской резолюции превращением "самочинного" представительного учреждения, каким были Советы, в полновластный "Конвент"»[25].

Политическая история России в 1917 г. была столь сложна и быстротечна, что нюансы каждого месяца можно выделить в определенные этапы ее развития. История меньшевизма складывалась тогда из разделения самой партии на тех, кто стал сотрудничать с коалиционным Временным правительством и вошел в состав одной из правящих партий, и тех, кто выступал с противоположных или отличных позиций. Поэтому для каждого их этих течений меньшевизма были свои этапы, характеризующие их деятельность в февралеоктябре 1917 г. Кроме того, отдельные мнения были у меньшевиков, вернувшихся из эмиграции или ссылки в столицу и другие города страны. Петроградский Совет, как и многие другие, в марте-августе представлял интересы значительной части партий меньшевиков и эсеров, а с конца августа многие Советы перешли в ведение большевиков.

Комментарии

[1] Подробнее об этом см.: *Кривеньких В.В.* Новые данные сравнительно-качественного анализа политических партий России // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 127, 129; *Шелохаев В.В.* «Политические партии России. Документальное наследие»: замысел, реализация, итоги и перспективы // Отечественная история.

2004. № 4. С. 203, 205. В партиях были представители всех слоев населения страны и конфессий. По некоторым подсчетам, среди руководства партии эсеров было 9,4% бывших семинаристов, большевиков – 3,7%, кадетов – 1,6%. Наиболее известные семинаристы среди большевиков – И.В.Сталин и А.И.Микоян. (См.: *Сизов С.Г.* Революционные идеи семинаристов и детей священников. Конец XIX – начало XX в. // Вопросы истории. 2009. № 7. С. 142.)

[2] *Миллер В.И.* Осторожно: история! М., 1997. С. 110, 112–114.

[3] История КПСС. М., 1967. Т. 2. С. 650, 654.

[4] *Кудинова Н.Т.* Временное правительство, политические партии и вопрос о власти в Февральской революции 1917 года в «перестроечной» историографии // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 270. Политическую направленность российской историографии конца 1980-х гг. охарактеризовал А.Н.Яковлев, когда писал, что среди его единомышленников в то время был план «демократизации» общественного сознания: «авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и "нравственным социализмом" – по революционаризму вообще». (См.: *Яковлев А.Н.* Большевизм – социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. 95 млн жертв. М., 1999. С. 14.) В.П.Булдаков заметил, что при освещении «революционной» проблематики « у нас до сих пор принято изучать революцию в контексте партийно-политического противоборства», тогда как политика в революционную эпоху причудливо взаимодействовала с социальными инстинктами масс. (См.: Задавая вопросы прошлому... (К 75-летию профессора Олега Владимировича Волобуева). М., 2006. С. 171.) А.Ф.Керенский, начиная писать свою историю революции, отмечал: «Безусловно, каждый актер исторической драмы способен усилием мысли подогнать описание поведения и поступков современников к той приблизительной точке зрения, с которой их будут оценивать через десять, двадцать, тридцать и более лет. Но исторический очерк подобного рода не может претендовать на историчность, ибо для историографии необходима дистанция во многие десятилетия от произошедших событий». (См.: *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. М., 2005. С. 6.) Десятилетия прошли, но академической истории событий 1917 г. так и не создано.

[5] См.: *Малышева С.Ю.* Временное правительство России. Современная отечественная историография. Казань, 2000;

Longley D.A. Iakovlev's question, or the problem of spontaneity and leadership in the Russian revolution of February 1917 // Revolution in Russia: reassessments of 1917. Cambridge, 1992. P. 365–387; Новые документальные источники о революционных событиях 1917 г. в России // Исторический архив. 2007. № 4. С. 4–28; Документы революций 1917 г. в свете статистики // Исторический архив. 2007. № 5. С. 210–218; *Степанский А.Д.* 1917 год в постсоветской археографии (обзор московских и санкт-петербургских изданий) // Старцевские чтения-2006. СПб., 2007. С. 190–194; *Фельдман М.А.* Оценки Февральской революции в России и на Урале в историографии последних двух десятилетий // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 163–170; и др.

[6] В 2007 г. было осуществлено, с незначительными дополнениями, переиздание в одном томе предисловий к ранее вышедшим сборникам документов «Меньшевики в 1917 году» (М., 1994–1997. Т. 1–3). Авторы очерков практически ограничились исследованием деятельности меньшевиков в 1917 г. без тщательного изучения их взаимоотношений с другими партиями. (См.: РСДРП(о) в 1917 году. Документально-исторические очерки. М., 2007. См. также: *Урилов И.Х.* Меньшевики в советской России. К истории изучения // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 120–136; *он же.* Современная историография Российской социал-демократии // Социал-демократия в российской и мировой истории. Обобщение опыта и новые подходы: Материалы научной международной конференции, Москва, 21–22 апреля 2008 года. М., 2009. С. 16–30.)

[7] Мнения современников и историков о значении для российской истории Февральской (1917 г.) революции различны. Генерал А.И.Деникин вспоминал: «Перевернулась страница истории... Первое впечатление ошеломляющее благодаря своей полной неожиданности и грандиозности... Моим всегдашним желанием было, чтобы Россия дошла до этого путем эволюции, а не революции. Надежды не оправдались». (См.: *Ходаков И.М.* Политические взгляды генерала А.И.Деникина // Отечественная история. 2006. № 1. С. 143.) Н.В.Устрялов считал, что Февральская революция открывала «безбрежные, исключительные по своей грандиозности» возможности для строительства демократической России и утверждения в ней народовластия. (См.: *Романовский В.К.* Николай Васильевич Устрялов // Отечественная история. 2002. № 4. С. 83.) Н.А.Морозов, бывший народоволец и шлиссельбургский узник, приветствовал падение царизма в России и ратовал за демократическое устройство страны. Он решительно отвергал возможность революционного

перехода от капитализма к социализму. (См.: *Твардовская В.А.* Николай Морозов: от революционера-террориста к ученому-эволюционисту // Отечественная история. 2003. № 2. С. 63, 65.) Г.А.Лопатин, также бывший шлиссельбургский узник и переводчик «Капитала» Маркса на русский язык, быстрым успехом революции не обольщался и «прогнозы его были скептичны и мрачны». (См.: *Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. М., 2004. Т. 2. С. 193.) Февральскую революцию приветствовал и другой представитель народничества – В.П.Воронцов (1847–1918), видя в ней путь для свободного социального творчества народа. (См.: *Мокшин Г.Н.* Василий Павлович Воронцов // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 69.) Л.А.Тихомиров, бывший революционер-народник, превратившийся в убежденного монархиста, записал в дневнике 1 марта 1917 г.: «Итак, наша Монархия, по крайней мере, в самодержавной форме – рухнула» – и продолжал 8 мая: «У нас закладываются две идеи, очень противоположные: демократическая и социалистическая, которые считаются ошибочно совпадающими. В действительности глубокая демократизация, о которой стараются "кадеты", – немыслима без сохранения прав и достояний буржуазии, ибо она существует; социалистическая же идея подрывает буржуазию и в сущности почти уничтожает. Социалистическую идею поэтому можно насаждать только при диктатуре одной части народа, т.е. вообще если не одного пролетариата, то малоимущих классов. При диктатуре же, чьей бы то ни было, демократические учреждения нельзя насаждать». (См.: Дневник Л.А.Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А.В.Репников. М., 2008. С. 345, 357.) И.А.Бунин в «Окаянных днях», рассуждая об одинаковости всех революций, имея в виду Февральскую в России, заметил, что все повторяется, «потому, прежде всего, что одна из самых отличительных черт революций – бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна». (См.: Новый мир. 2006. № 5. С. 183.) Для А.И.Солженицына Февраль 1917 г. породил народную обезумелость. «Февральской революцией не только не была достигнута ни одна национальная задача русского народа, но произошел как бы национальный обморок, полная потеря национального сознания», – писал он. (См.: *Солженицын А.* Размышления над Февральской революцией // Российская газета. 2007. 27 февр.) Но он говорил и по-другому на встрече со студентами РГГУ в 2002 г.: «По мере того как я углубился в Февральскую революцию, я был сотрясен ее атмосферой, ее значительностью. Это, конечно, крупнейшая революция XX века вообще, и наряду с Французской

революцией только и можно ее поставить». (См.: Родина. 2002. № 6. С. 16.) Независимо от двух полярных мнений Солженицына многие историки и политики придерживались одного из двух этих взглядов. Политолог В.Никонов отмечал: «Февраль 1917-го — одна из печальных дат российской истории. В течение нескольких дней была разрушена российская государственность, а с ней и великая страна». (См.: Известия. 2007. 7 марта.) Р.Пайпса поразила скорость, с которой рухнула российская империя, и то, что народ, избавившийся от царизма, которого считал источником всех своих невзгод, «застыл в оцепенении на пороге новоприобретенной свободы». (См.: *Пайпс Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. 1. С. 367.) И.Фроянов считает, что Февральская революция, кроме отречения Николая II от престола и анархии, которую до сих пор называют свободой, ничего не дала. (См.: *Фроянов И.* Октябрь семнадцатого. Взгляд из настоящего. М., 2002. С. 53.) Ф.А.Гайда назвал Февраль «колоссальной трагедией России». (См.: *Гайда Ф.А.* Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 44.) Разнобой взглядов и оценок происшедшего в России в феврале 1917 г. можно и продолжить, хотя сами они свидетельствуют как о недостаточной научной разработке проблемы, способной аргументированно удовлетворить «всех», так и о политических взглядах авторов, защищающих ту или иную точку зрения.

[8] Исследователи по-разному оценили значение Февральской революции в России и причины поражения Временного правительства во время дискуссий в Институте российской истории РАН в 2007 г. Дискуссии были посвящены темам: «Февральская революция 1917 г. в российской истории». (См.: Отечественная история. 2007. № 5. С. 3–30); «Октябрьская революция в истории России, судьба и последствия разгона Учредительного собрания, роли личностей в революционных событиях и духовно-нравственных аспектах революционных процессов». (См.: Отечественная история. 2008. № 6. С. 167–211.)

[9] Среди западных исследователей давно, российских в 1990-е гг., проповедуется старая эмигрантская идея о том, что в 1917 г. были только Февральская революция и большевистский заговор в октябре, положивший конец демократическому развитию страны. Наиболее полно это утверждение выражено в работах американского историка Ричарда Пайпса. Он пишет: «Несмотря на то, что принято говорить о двух революциях 1917 года — Февральской и Октябрьской, — только первая из них вполне заслуживает названия революции. В феврале 1917 года Россия пережила настоя-

щую революцию в том смысле, что восстание, положившее конец царизму, возникло стихийно, хотя и не без толчка со стороны, а образованное в результате него Временное правительство получило единодушную всенародную поддержку. Не так было в октябре 1917 года. События, приведшие к свержению Временного правительства, развивались не спонтанно, но стали следствием заговора, задуманного и осуществленного хорошо организованной группой конспираторов. Заговорщикам потребовалось три года гражданской войны и массового террора, чтобы подчинить себе большинство населения. В октябре произошел классический государственный переворот, захват государственной власти меньшинством...» (См.: *Пайпс Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 55–56.) Пайпс в воспоминаниях отмечал, что находит убедительным предположение, что, «если бы большевики не захватили власть в 1917 году, мир после Первой мировой войны рано или поздно вернулся бы к какому-то нормальному состоянию». Он даже «холодную войну» считает «порождением Октября 1917 года». (См.: *Пайпс Р.* Я жил. Мемуары непримкнувшего. С. 344.) Согласиться с этими положениями Пайпса трудно: Октябрь стал революцией, реально предложившей многие социальные проекты, в том числе и революционные аграрные преобразования в стране. Многие свидетели и очевидцы событий отмечали разницу в восприятии происшедшего в феврале и октябре 1917 г. А.С.Зарудный, бывший министр юстиции Временного правительства, отнесся к приходу к власти большевиков лояльно. «Не понимаю, — вопрошал он, — в чем дело: почему февральская революция была законнорожденной, а октябрьская незаконнорожденной. Тут непоследовательность: ребенка нужно принимать таким, какой он есть». (См.: *Варфоломеев Ю.В.* Александр Сергеевич Зарудный // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 54.) С.О.Португейс, меньшевик, после свержения самодержавия вместе с А.Н.Потресовым ратовавший за создание широкой правительственной коалиции, воспринял большевистскую власть отрицательно. Он считал, что одним из результатов ее деятельности стал конфликт поколений. «Те мальчики и девочки, — писал он, — которые до октября кое-как поддерживали худой мир с отцами, после октября решили обойтись без них и построить свою Россию на собственный страх и риск... Разрыв между поколениями, который нам был раньше известен в формах элегических, "тургеневских", принял форму яростно-животных». (См.: *Иванович Ст.* (*Португейс С.О.*) Наследники революции // Современные записки. Париж, 1927. № 30. С. 480.)

[10] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 179. По мнению А.Н.Медушевского, «причиной пассивности Временного правительства можно признать позицию кадетской партии, оказавшейся в плену старых представлений о парламентаризме, заимствованных из эпохи борьбы с самодержавием и плохо отражавших новую политическую реальность». (См.: *Медушевский А.Н.* Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6. С. 15.) П.Н.Милюков объяснял поражение Временного правительства непоследовательностью проводимой им политики. Так, по его описаниям, Государственная дума сначала пожертвовала монархическим правлением, затем премьер князь Г.Е.Львов отказался от буржуазной революции, социалисты выступили в ее защиту, А.Ф.Керенский колебался между буржуазной диктатурой Корнилова и социалистической утопией Ленина, что привело третью коалицию к «агонии буржуазной республики». (См.: *Милюков П.Н.* История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. Противоречия революции. София, 1921. С. 57–58.) Подробнее о взглядах П.Н.Милюкова на российские революции 1917 г. см.: *Бон Т.М.* Русская историческая наука (1880 г. – 1905 г.). Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб., 2005. С. 155–167.

[11] В.И.Ленин при обсуждении «Декрета о земле» на II Всероссийском съезде Советов говорил: «Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Путь так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны». (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 27.) Н.Н.Смирнов считает, что укреплению советской государственности в 1917 г. способствовала нерешительность Временного правительства, откладывавшего организацию власти до решений созываемого Учредительного собрания. (См.: *Смирнов Н.Н.* Февраль и российская государственность // Россия в XIX–XX вв.: Сб. статей к 70-летию со дня рождения Р.Ш.Ганелина. СПб., 1998. С. 310–315.)

[12] В 1960-е гг. неомарксисты из т.н. «Франкфуртской школы» Г.Маркузе и др. заявили, основываясь на опыте Германии и СССР 1930-х гг., что пролетариат не может быть движущей силой истории, ибо представляет собой такую же «косную» величину, как и буржуазия. (См.: *Каграманов Ю.* Куда ведет Америку «тихая революция» // Новый мир. 2009. № 6. С. 132.) Российские исследователи в 1990-е гг. пришли к выводу, что марксовых пролетариев ни в России, ни

где бы то ни было не было вообще. (См.: *Федотов И.* А был ли марксов пролетарий? // Родина. 2009. № 8. С. 107–108.)

[13] См.: *Волобуев П.В., Булдаков В.П.* Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5/6. С. 29, 37; 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 6; *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. М., 1996. Кн. 1. С. 9. В.Бондарев считает, что, захватив власть в октябре 1917 г., большевики устроили транзит из империи в империю. (См.: *Бондарев В.* Нет у революции конца? Русский транзит: из империи в империю // Родина. 2007. № 2. С. 16–19.) В западной литературе за СССР ныне закрепилось определение «империя». (См.: *Суни Р.* Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio. Казань, 2001. № 1–2. С. 17.)

[14] 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 5. Ныне российские историки пересматривают и свое отношение к оценке Французской революции конца XVIII в. (См.: *Бовыкин Д.Ю.* О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемические заметки) // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 48–73; *Гладышев А.В.* Французская революция: взгляд из XXI века // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 66–73; *Щетинов Ю.А.* Российская революция 1917 г.: вопросы методологии и изучения // От античности до современности. М., 2012. С. 509–531; и др.)

[15] *Ненароков А.П.* Русская революция 1917–1921 гг.: Великая или нет? // Отечественная история. 2002. № 3. С. 51–52; *Бондарев В.* Одна голова – хорошо. А две? // Родина. 2008. № 7. С. 19–20. Ленин в работе «О двоевластии» писал: «В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала двоевластие... В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки, несомненно, существующее на деле и растущее другое правительство: Советы рабочих и солдатских депутатов». (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 145.) Временное правительство не было буржуазным, это было либерально-социалистическое правительство. Определение «буржуазное» было дано Лениным из пропагандистских соображений и убеждения о классовом построении общества. В.И.Старцев писал еще в 1980 г., что о «двоевластии» на местах в первые недели революции вряд ли можно говорить реально. Существовало

скорее «двоецентрие». (См.: *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 204.) В.В.Калашников отмечал, что после свержения самодержавия власть в стране принадлежала Временному правительству, Советы были реальной силой в столице, но и там они держались благодаря поддержке правительства. Только к сентябрю центр реальной власти стал перемещаться в сторону Советов. (См.: *Калашников В.В.* Проблема двоевластия в революционном 1917 году // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды: Сб. научных статей. СПб., 1993. С. 19–21.) С.Бэдкок писала, что в российской провинции (Нижний Новгород, Казань) между органами Временного правительства и Советами существовали тесные организационные, политические и личные связи, которые не допустили появления двоевластия. (См.: *Бэдкок С.* Переписывая историю российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4. С. 105–106. См. также: *Рейли Д.* Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995.) В.С.Измозик и С.Н.Рудник предлагают считать 1917–1921 гг. временем Великой российской революции, включавшей три основных этапа: февраль 1917 г. и его итоги (23 февраля – 2 марта); март-октябрь; октябрь 1917 – март 1921 г. (См.: *Измозик В.С., Рудник С.Н.* События российской истории 1917–1921 годов: проблемы терминологии // Исторические записки. М., 2008. № 11 (129). С. 356–357); *они же.* Российские революции XX века // Старцевские чтения-2006: Сб. воспоминаний и научных статей. К 75-летию профессора В.И.Старцева. СПб., 2007. С. 240.

[16] Февральская революция. 1917: Сб. документов и материалов. М., 1996. С. 131–132, 140–141. (Об этом подробнее см.: *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 145–146; *Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В.* А.Ф.Керенский. Саратов, 1996. С. 72–76; и др.)

[17] См.: *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 302. К февралю 1917 г. большинство из примерно 120 тыс. офицеров действующей армии были настроены против монархии. (См.: *Константинов С.В., Осъкин М.В.* Русские офицеры военного времени. 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 110.)

[18] Там же. С. 95.

[19] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. Л., 1991. Т. 1. С. 441. См. также: *Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976.

[20] *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 321–322.

[21] IISH. П.Б.Аксельрод. П. 42 а.

[22] В.И.Ленин, с одной стороны, признавал, что после свержения самодержавия Россия стала самой свободной страной в мире, с другой — призывал к недоверию Временному правительству, отказу ему в поддержке, запрету на сближение с другими партиями. (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 7, 103, 114. Подробнее об этом см.: Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 130–131; *Снегов А.В.* Несколько страниц из истории партии (март — начало апреля 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1963. № 2. С. 15–30; *Микоян С.А.* Алексей Снегов в борьбе за «десталинизацию» // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 69–84; *Рабинович А.* Умеренные большевики в октябре 1917 года // Исторические записки. М., 2008. № 11 (129). С. 330–331; *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции. М., 1989. С. 36–39; *Троцкий Л.* Сталин. М., 1990. Т. 1. С. 257–258; и др.) Троцкий, ссылаясь на Суханова, вспоминавшего, что Сталин своей деятельностью в Исполкоме Петроградского Совета производил «впечатление серого пятна», позже писал, что за этот отзыв, «который нельзя не признать односторонним, Суханов поплатился впоследствии жизнью». (См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 1. Кн. 1–2. С. 280; *Троцкий Л.* Сталин. Т. 1. С. 267.) 5 марта 1917 г. Петроградский комитет РСДРП(б) принял резолюцию о своем «непротиводействии власти Временного правительства постольку, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа». (См.: Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 63.) В.Хохлов в начале 1930-х писал об «идейном разброде» среди большевиков до приезда Ленина в Петроград, о том, что Каменев выступил против «Апрельских тезисов» Ленина, называя их «великолепной программой для первых шагов социалистической революции в Англии, в Германии, во Франции, но не для законченной демократической революции в России». (См.: *Хохлов В.* Тактические разногласия среди большевиков в 1917 г. М., 1931. С. 24, 29.)

[23] *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Paris, 1963. Кн. 2. С. 403.

[24] Дискуссия о том, можно ли считать российские Государственные думы парламентом в силу специфики их работы или они были лишь законодательным учреждением, представляется бесплодной, так как во многих странах парламенты работали в своеобразных условиях. Другое дело,

что к марту 1917 г. Государственная дума, отказавшись конфликтовать с властями, перестала существовать как одна из ветвей российской власти. (См.: Отечественная история. 2007. № 3. С. 187, 193.)

[25] *Дан Ф.И.* Происхождение большевизма. Нью-Йорк, 1946. С. 374.

ГЛАВА II

В февральские дни 1917 г. и два месяца спустя

В программах российских социалистов была «воображаемая революция». Несмотря на многолетнюю подготовку к свержению российского самодержавия, сам акт отречения Романовых от царского престола и победа революции в февральско-мартовские дни 1917 г. стали для многих руководителей социалистических партий страны полной неожиданностью[1] и не очень приятным сюрпризом. Ведь никто из них не мог назвать себя победителем, а случившееся не совсем отвечало планам тех, кто хотел быть инициаторами свержения самодержавия. Претендентами на руководство страной тогда выступили различные партии, представители Государственной думы, генералитет и многие политические группы и течения. Революция оказалась нежданной и для оппозиции царизму, и для самих властей. Ведь она развивалась совсем по другому сценарию, приготовленному для нее политиками[2]. Идеи воображают будущее, революция показала реальность их осуществления. «Разложение императорской России началось давно, — писал Н.А.Бердяев. — Ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся. Война докончила процесс разложения. Нельзя даже сказать, что Февральская революция свергла монархию в России, монархия в России сама пала, ее никто не защищал, она не имела сторонников»[3].

Участники и свидетели тех событий в Петрограде подчеркивали стихийность массовых выступлений рабочих, солдат и матросов, положивших начало новой

эры в истории России. Февральские дни 1917 г. ныне подверглись поденному изучению, дабы понять причины революции и определить ее действительных участников. Выяснилось, что 25 февраля 1917 г. ни большевики, ни меньшевики, ни эсеры, ни представители буржуазии в российской столице не собирались драться за власть[4]. Но именно в этот день глава социал-демократической фракции Государственной думы Н.С.Чхеидзе заявил о необходимости создания Совета рабочих депутатов. Незадолго до этого, 12 января 1917 г., «Совещание организованных рабочих социал-демократов Петрограда» приняло обращение к рабочим города, подготовленное меньшевиком В.А.Гуковским (Е.Маевским). В этом обращении подчеркивалось, что «только немедленное учреждение Временного революционного правительства... способно вывести страну из тупика и гибельной разрухи, укрепить в ней политическую свободу и привести к миру на условиях, приемлемых для пролетариев всех стран»[5]. 25 февраля стало ясно, что с народными волнениями в городе властям не справиться. 26 февраля были случаи отказа солдат стрелять по манифестантам. Вечером того же дня М.В.Родзянко получил царский указ о прекращении занятий Думы до апреля 1917 г.[6] Последующие дни стали решающими в свержении самодержавия в стране и появлении новых форм власти. Думские деятели находились вначале в полной растерянности. Среди них были сторонники и противники монархии. Весьма категорично о создавшейся ситуации высказался В.В.Шульгин: «Может быть два выхода: все обойдется — государь назначит новое правительство, мы ему и сдадим власть. А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие»[7]. Именно думцы поехали договариваться с Николаем II. 1 марта 1917 г. Временный комитет Думы предложил вести переговоры с императором Родзянко, меньшевику Н.С.Чхеидзе и октябристу С.И.Шидловскому, но они, опасаясь ареста, отказались. Тогда к царю отправились А.И.Гучков и В.В.Шульгин, ставшие свидетелями его отречения от престола[8].

Многие участники и свидетели тех событий подчеркивали стихийность происходящего[9]. И.Г.Церетели отмечал, что «ни в одной из революций нового времени спонтаннейшая активность низов не играла такой большой роли, как в российской февральской революции». Об этом вспоминали меньшевик Н.Н.Суханов, кадет П.Н.Милюков и другие. Суханов просто утверждал, что «ни одна партия не готовилась к великому перевороту. Все мечтали, раздумывали...» Милюков признавал, что «события 26 и 27 февраля (1917 г.) застали нас врасплох». Шляпников, в то время руководитель Русского бюро ЦК большевиков, замечал, что 25 февраля он отказался от встречи с Чхеидзе и Керенским, так как время переговоров прошло и нужно было активно участвовать в уличных рабочих манифестациях. Он же утверждал, что большинство солдат и рабочих шли тогда за меньшевиками и эсерами и что даже в созданном Исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов влияние большевиков было невелико[10]. Л.Д.Троцкий позже формулировал: Февральская революция прошла под руководством двух демократических партий — эсеров и меньшевиков. Но в этом блоке меньшевиков и эсеров, подчеркивал он, «руководящее место принадлежало меньшевикам, несмотря на то, что бесспорное численное преобладание было на стороне эсеров»[11]. Сами меньшевики сообщали о своей роли в дни революции еще более определенно и имели на то основания.

Ю.П.Денике в рамках «Project on the history of the Menshevik movement» написал в начале 1960-х гг. очерк о деятельности меньшевиков в 1917 г. Он начинал его с утверждения: «Роль меньшевизма в Февральской революции была очень велика. В некоторые моменты она была решающей, поскольку решения меньшевиков определяли дальнейшее развитие революции». Этот вывод подтверждают и протоколы Петроградского Совета. 28 февраля 1917 г. на первом общем заседании депутатов Совета выступил меньшевик Б.О.Богданов, только накануне освобожденный из заключения и провозгласивший в Таврическом дворце

создание Совета. Он предложил «выяснить вопрос о взаимоотношениях Совета рабочих депутатов и Комитета Государственной думы», связав его с «гарантией нашего влияния на ход революции». Эту точку зрения разделяет и З.Галили, когда пишет, что меньшевики «на протяжении первых дней Февральской революции оказали решающее влияние на политическую стратегию Петроградского Совета и, таким образом, на саму революцию вообще»[12]. Петроградский Совет в феврале-марте 1917 г. возглавил лидер меньшевистской фракции IV Государственной думы Н.С.Чхеидзе, а его товарищами (заместителями) стали меньшевик М.И.Скобелев и руководитель трудовиков в Думе А.Ф.Керенский. По данным Ю.С.Токарева, среди 15 членов Исполнительного комитета, избранного вечером 27 февраля, было шесть меньшевиков (Чхеидзе, Скобелев, К.А.Гвоздев, К.С.Гриневич, Г.Г.Панков, Э.К.Соколовский), пять – внефракционных социал-демократов (Ю.М.Стеклов, Суханов, Н.Ю.Капелинский, П.А.Красиков, Н.Д.Соколов), два эсера (Керенский и П.А.Александрович), два – большевика (П.А.Залуцкий и А.Г.Шляпников)[13].

Отношения между Петроградским Советом и Временным правительством были достаточно сложны и напряженны. 10 марта 1917 г. Совет создал контактную комиссию «для непрерывного контроля над правительством». В нее вошли эсер В.Н.Филипповский, меньшевики Чхеидзе, Скобелев, Ю.М.Стеклов, Н.Н.Суханов. Изданные протоколы заседаний Совета позволяют выяснить его взаимоотношения с Временным правительством, которые постепенно стабилизировались после приезда в Петроград из ссылки И.Г.Церетели, ставшего вскоре явным лидером столичных меньшевиков. Эти документы стали обоснованием выводов исследователей о том, что меньшевики играли в руководстве Петроградским Советом со времени его создания ключевую роль (Г.Л.Соболев). В.И.Старцев отметил, что «с приездом Церетели Временное правительство получило существенную поддержку» в Совете, «в Исполкоме которого сплотилось тесное оборонческое бюро, взяв-

шее верх над неопределенным и расплывчатым радикализмом Сухановых и Стекловых»[14].

О практическом участии социал-демократов в февральских (1917 г.) уличных шествиях известно немного. Так, в различных источниках утверждалось, что среди митингующих солдат на улице был меньшевик Н.И.Иорданский, что первыми руководителями восставших солдат были меньшевики Н.С.Чхеидзе, М.И.Скобелев и трудовик А.Ф.Керенский[15]. Заметим, что именно депутаты IV Государственной думы выступили инициаторами создания Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Уже 27 февраля Временный комитет Государственной думы (М.В.Родзянко, Н.В.Некрасов, Керенский) отдал приказ об арестах видных монархистов, а также бывших жандармов и полицейских, а затем стал принимать меры по пресечению возросшей преступности и охране общественного порядка[16].

Николай II отрекся от престола 2 марта в 23 часа 48 минут в пользу брата Михаила, но тот отказался принять верховную власть без решения Учредительного собрания. Г.Л.Львов вначале именовал созданный им кабинет Советом министров, и только 10 марта 1917 г. было принято решение о наименовании верховной власти страны Временным правительством. Его деятельность достаточно полно исследована в российской и западной историографии. В последние годы были опубликованы работы, характеризующие взаимоотношения Русской православной церкви и Временного правительства, в составе которого были и меньшевики и которое церковь признала как высшую власть в стране. Было выяснено, как проходила демократизация армии, в результате которой офицерский корпус с 1 марта по 25 октября 1917 г. сократился на 32 739 человек[17].

Внимание исследователей привлекли сюжеты, связанные с восприятием революции российской художественной интеллигенцией, в США и союзниками России в Первой мировой войне. В результате были выяснены подробности признания Временного пра-

вительства США 22 марта 1917 г., раньше союзников, отмечено, что в донесениях американских дипломатов из России давались взвешенные оценки действий Чхеидзе, Церетели, Дана, Скобелева и одобрительно говорилось об их компромиссах с кадетами. Английский военный министр лорд А.Милнер, посетивший Петроград и Москву в начале 1917 г., позже писал о своих впечатлениях: «Боюсь, что теперь Россия пройдет через все стадии революционной лихорадки и ничто не поможет ей, даже если это будет длиться годами — пока новая форма власти, вероятно, деспотическая и непредсказуемая по своему характеру, не возникнет из этого хаоса»[18]. Марк Ферро, изучая национальную программу Временного правительства, отметил, что оно выступало за либеральное решение существовавших в многонациональной стране проблем, заявляя вместе с Советом о равноправии наций в развитии своей народности и культуры. Ферро особо рассмотрел отношение российских социалистов к национальному вопросу. Меньшевики-оборонцы полагали во время войны неправомерным решать вопросы о самоопределении народов. Меньшевики-интернационалисты считали, что призыв к самоопределению народов может оправдать аннексии, поскольку шла война и в национальных районах не было демократических режимов. Большевики предлагали признать за всеми нациями право свободного самоопределения. С февраля по октябрь 1917 г., заключал Ферро, проблема национальностей оставалась далекой от разрешения, чем позже воспользовались большевики[19].

Различных оценок Февральской революции и деятельности Временного правительства множество. Об этом писали современники и историки многих поколений и разных взглядов. Иллюзий по поводу произошедшего не испытали ни И.А.Бунин, ни П.Б.Струве. Н.В.Устрялов, многие кадеты, представители национальных организаций и все социалистические партии встретили известие о свержении самодержавия в стране с энтузиазмом и надеждой. Отношение лидера кадетов П.Н.Милюкова к происходящему было не-

однозначным — он был за создание конституционной монархии. Его высказывание о том, что «Временное правительство одно, без монарха, является "утлой ладьей", которая может потонуть в океане народных волнений и до Учредительного собрания не доживет», можно назвать пророческим. Милюков был за «суверенность» Временного правительства, выступал против коалиции с социалистами и какого-либо влияния Советов на деятельность государственных органов[20]. По мнению Г.М.Каткова, после отречения Романовых от престола, с точки зрения либералов, революция кончилась, а для социалистов и многих других она только начиналась[21].

Для социал-демократов революция началась неожиданно. Бердяев вспоминал: «Приблизительно за месяц до Февральской революции у нас в доме были один меньшевик и один большевик, старые знакомые, и мы беседовали о том, когда возможна в России революция и свержение самодержавной монархии. Меньшевик сказал, что возможно, вероятно, не раньше, чем через 25 лет, а большевик сказал, что не раньше, чем лет через 50». Известно высказывание Ленина в докладе о революции 1905 г., который он прочитал на собрании рабочей молодежи в Цюрихе 9 (22) января 1917 г.: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь... будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции»[22]. И Ленин, и неизвестные персонажи беседы у Бердяева ошиблись. Им всем суждено было принять самое активное участие в революционных событиях 1917 г. в России.

Г.Я.Аронсон, меньшевик и историк, писал, что «накануне Февраля 1917 года никто не ожидал революции и не верил в ее близость... на деле ни у большевиков, ни у меньшевиков, ни у эсеров не было ни одного сколько-нибудь серьезного политического центра, который ориентировался бы на близкую революцию и который мог ей в какой-либо мере содействовать. Ни

революционных армий у революции не было, не было у нее и вождей»[23]. А.И.Балабанова, сторонница циммервальдских решений социал-демократов, вспоминала о неожиданности для нее известия о свержении самодержавия в России и о том, как она вместе с другими социал-демократами, проживавшими в Швейцарии, хотела быстрее оказаться в России. Балабанова сообщила о том, что пошла на встречу с Лениным в Цюрихе и что «никто тогда в том маленьком зале не подозревал, что семь месяцев спустя непримечательный человек, который обращался к нам в тот вечер, станет непререкаемым вождем успешной революции и вершителем судьбы России»[24].

Действительно, первым «штабом» революции стали фракции Государственной думы, а вождями не те, кто таковыми себя считал или о ком так думали их приверженцы. На первых порах революции наиболее популярными вождями стали меньшевики Чхеидзе и Церетели, трудовик, а затем эсер Керенский[25]. Их наиболее авторитетными оппонентами в борьбе за власть позже выступили генерал Л.Г.Корнилов и большевик Ленин. Разумеется, встает вопрос о том, почему такие признанные вожди меньшевизма, как Плеханов, Аксельрод и Мартов[26], по приезде в Петроград не возглавили партию? Ленину удалось взять на себя руководство своими единомышленниками, а бывшие лидеры меньшевиков поначалу ограничились второстепенными ролями? Это зависело от многих обстоятельств и, наверное, прежде всего от устройства и традиций самих партий: демократической меньшевистской и большевистской, партии «нового типа», напоминающей военизированные средневековые ордена. Сталин в июле 1921 г. дал наиболее точное и беспощадное определение этой партии, назвав ее «орденом меченосцев»[27]. Иным представлял Г.Я.Аронсон состояние партии меньшевиков той поры: «Организационные рамки РСДРП (в меньшевистской ее части) всегда отличались чрезвычайной зыбкостью. Элемент принудительный в меньшевизме (так называемая партийная дисциплина и пр.) даже в полосу ле-

гальности и полулегальности почти не имел реальной силы. Понятия иерархии, субординации, тем более авторитарности и вождизма, ни в какой мере не были характерны для меньшевизма»[28]. Однако свержение самодержавия и активная работа меньшевиков в возрожденных Советах вызвали, как подчеркивалось в обращении ОК РСДРП 12 марта 1917 г., объединение ранее разгромленных и распыленных, не связанных между собой организаций. В обращении отмечалось начало издания меньшевистских газет «Вперед» в Москве и «Рабочей газеты» в Петрограде, а также сообщалось о проведении в апреле 1917 г. общепартийной конференции[29].

В марте 1917 г. первыми в Петроград возвратились ссыльные меньшевики и большевики. Среди прибывших меньшевиков были И.Г.Церетели, вскоре примкнувший к меньшевикам В.С.Войтинский и другие. Из эмиграции одним из первых прибыл Г.В.Плеханов с женой Р.М.Боград-Плехановой. С.В.Тютюкин так описал приезд Плеханова в Петроград 31 марта 1917 г.: «Около полуночи поезд подошел к перрону. Раздались крики "Ура!", "Да здравствует Плеханов!", "Добро пожаловать!", звуки "Марсельезы". В бывших царских комнатах вокзала с приветствием к Плеханову обратился председатель Петроградского Совета Чхеидзе, назвавший Георгия Валентиновича дорогим учителем. "Ваше пророчество о том, что революция в России победит только как революция рабочего класса, подтвердилось, — сказал он. — Мы надеемся и выражаем желание, чтобы Вы заняли в нашей среде то первенствующее место, которое Вам по праву принадлежит, и еще долго работали над осуществлением идеалов социализма". С речами выступили также представитель ОК РСДРП Б.О.Богданов и один солдат. Тут же Плеханову был вручен членский билет группы "Единство"»[30]. Плеханов ответил каждому оратору отдельно и только поздней ночью добрался до квартиры Н.И.Иорданского, пригласившего Плехановых временно разместиться у них. Плехановых встречала на перроне Финляндского вокзала столицы толпа студентов и рабочих, предста-

вители интеллигенции, члены межфракционной группы «Единство», которую он возглавлял.

2 апреля Плеханов выступил перед делегатами Всероссийского совещания Советов. В то же время с визитами вежливости у него побывали генерал М.В.Алексеев и адмирал А.В.Колчак, монархист В.М.Пуришкевич и М.В.Родзянко, Чхеидзе и Церетели, французский министр-социалист Альбер Тома и бельгийский социалист де Брукер, делегации рабочих[31]. Их всех объединяла патриотическая позиция Плеханова на продолжение войны до победного конца[32]. Они навещали Плеханова, предполагая, что он станет одним из вождей ожидаемых в стране перемен или их идейным вдохновителем.

Плеханов выехал в Россию из Италии, где лечился в Сан-Ремо от легочных заболеваний. Он прибыл в Петроград вместе с французской делегацией социалистов через Париж и Лондон. И позже отрицательно относился к тем, кто совершил вояж из Швейцарии на родину через территорию Германии. В Лондоне он встретился с Л.Г.Дейчем, который был поражен видом больного Плеханова и пытался отговорить его от немедленной поездки в Петроград. Но Плехановы были убеждены в необходимости поехать в российскую столицу[33]. Плеханов, объясняя А.И.Любимову цель поездки в Петроград, писал 22 марта 1917 г.: «Надо ехать в Россию как можно скорее. Надо сделать все от нас зависящее, чтобы у нас не повторились июньские дни 1848 года. Во Франции эти дни привели ко второй империи; у нас — приведут к реставрации (весьма продолжительной»)[34].

Дейч полагал, что болезненное состояние Плеханова в 1917 г. было одной из главных причин, почему он не имел большого влияния на развитие Февральской революции[35]. Биографы Плеханова называют иные, более веские доказательства. С.Бэрон считал, что в 1917 г. Плеханов исполнял в России роль отвергнутого пророка. С ним солидаризовались Б.С.Орлов и С.В.Тютюкин, когда писали, что, прибыв в Петроград, Плеханов не понял «этой новой, на глазах демократи-

зировавшейся России, а она не понимала и не принимала своего "поумневшего" на Западе и отвыкшего от родины пророка». Н.В.Вольский (Н.Валентинов), не раз встречавшийся с Плехановым, утверждал, что в 1917 г. он пережил трагедию «последнего западника», что с происходящим в России после падения самодержавия он не нашел «общего языка», что для него многие меньшевики стали «полуленинцами», а вождя большевиков в то время Плеханов нещадно критиковал. Вольский вспоминал, что в 1917 г. Плеханов рассказывал ему, как В.Адлер назвал его «духовным отцом Ленина». Плеханов ответил ему: «Если Ленин мой сын, то, во всяком случае, незаконнорожденный. Нет, нас не нужно смешивать. От этой чести решительно уклоняюсь. Различие между нами очень, очень большое; я хотел сеять пшеницу, Ленин же сеет чертополох. Не нужно быть агрономом, чтобы различать сии растения»[36].

По приезде в Россию Плеханову предлагалось стать министром труда Временного правительства. В письме Любимову 22 марта 1917 г. он спрашивал: «Я получил известие, что Временное правительство хочет предложить мне министерство труда. Я убежден, что мне не следует принимать это предложение: оно ослабит мое влияние на рабочий класс. Что Вы думаете?» Из этого письма видно, что Плеханов колебался и склонен был отказаться от подобного предложения. Милюков, тогда министр иностранных дел Временного правительства, позже вспоминал об этом по-другому: «Для Плеханова... мы готовили министерство труда. Но, когда он приехал, мы сразу увидели, что это — уже прошлое, а не настоящее. Приезжие "старики" как-то сразу замолкли и стушевались. На первые роли выдвинулись представители нового русского максимализма»[37]. Милюков был неправ. Приехавшие лидеры РСДРП и других социалистических партий «не смолкли и не стушевались». Они продолжали бороться в новых российских условиях за свои взгляды на происходящее и не всегда и не сразу побеждали.

По мнению Тютюкина, игнорирование Плеханова произошло потому, что его идеи «настолько обгоняли

свое время, настолько контрастировали с классовым эгоизмом всех слоев российского общества... что его политическое одиночество становилось неизбежным, а сам он превращался в глубоко трагическую фигуру отечественной истории»[38]. Тютюкин не объясняет, в чем состояли эти идеи Плеханова, которые были не поняты или отвергнуты людьми, столь радостно его встретившими. Бэрон более конкретно рассмотрел первые противоречия Плеханова с руководством Петроградского Совета вскоре после его приезда в Россию.

Он полагал, что Плеханов и меньшевистское руководство Совета были едины в понимании прихода либеральной буржуазии к власти в результате свержения самодержавия в стране. Но в вопросе о виновниках мировой войны они расходились: меньшевики считали таковыми правящие классы всех воюющих стран, Плеханов обвинял в этом только германский империализм. Он призвал и к отмене Приказа № 1, уничтожавшего дисциплину в армии. Руководство Совета не могло безоговорочно поддерживать лозунг о войне до победного конца, как это предлагал Плеханов, потому что покончить с ней требовали солдаты, чьи представители входили в состав Совета[39]. Руководство Совета устраивала плехановская концепция двухступенчатости революции, когда, после выполнения программы-минимум РСДРП, социал-демократия приступила бы к социалистическому переустройству общества лишь после длительного периода организационной и пропагандистской работы в рамках демократического государства.

Н.В.Вольский в своих «Мыслях о Г.В.Плеханове» рассказал, как однажды Троцкий в полемике с ним в начале 1920-х гг. сказал: «Под влиянием, главным образом, Плеханова меньшевистское мировоззрение в его применении к России основывалось, в сущности, на одной фразе, заимствованной у Маркса: страны передовые показывают отсталым странам картину их собственного будущего. Так как в передовых странах не произошло устранения капитализма и буржуазии от власти, нечего нам думать об этом в России. До этого

мы не доросли. Меньшевики были так загипнотизированы неизбежностью повторения буржуазно-капиталистической истории передовых стран, что возможность другого пути считали авантюрой вроде самовольного ухода планеты с траектории, начертанной законами вселенной. У нас, как в передовых странах Запада, революция 1917 г. должна была окончиться буржуазией у власти с социал-демократией в оппозиции»[40]. Плеханов действительно был сторонником этой марксовой идеи, ее же придерживались и многие меньшевики, но члены этой партии, пришедшие к руководству Советом, ни с кем не хотели делиться приобретенной властью, полагая себя выразителями мнения большинства населения страны.

Плеханов и близкие ему Лев Дейч и Вера Засулич выступали тогда на страницах газеты «Единство» с критикой и большевиков, и меньшевиков. Они были за войну до победного конца, создание широкого коалиционного правительства и т.д. Они поставили себя вне РСДРП и, по сути, самоизолировались. 25 мая 1917 г. меньшевистская «Рабочая газета» охарактеризовала позицию Плеханова так: «История сыграла с ним плохую шутку: она сначала заставила его выступать за революционное движение, затем против него во время войны со всей силой его авторитета, но, когда революция свершилась без него и несмотря на него, история выбросила его из борьбы, оставив ему только находить недостатки в происходящем».

Б.И.Николаевский в очерке о А.Н.Потресове писал о наличии среди меньшевиков различных фракций и о том, что в результате этого раскола «меньшевики, игравшие тогда руководящую роль в политическом руководстве Советами, не имели сил для создания маломальски удовлетворительного партийного аппарата воздействия на широкие массы». Он отмечал, что «Рабочая газета» — центральный орган партии — выходила «в виде небольшого листка на 4 страницах и ни своим внешним видом, ни содержанием ни в какой мере не отвечала той роли, которую партия тогда играла в политической жизни страны». Николаевский сообщал,

что Потресов был за издание большой газеты совместно с Плехановым и Церетели, но из-за разногласий с «плехановцами» этого сделать не удалось[41].

Плеханов, возвратившись на родину, дистанцировался от большевиков и меньшевиков, оставаясь в РСДРП и борясь за единство партии так, как он это понимал. Н.В.Вольский вспоминал, как в августе 1917 г. на его московской квартире жил Плеханов и там он собирал представителей «Единства». Плеханов говорил ему тогда: «Позиция меньшевиков — вредная. Они не желают видеть, что Россия гибнет... По отношению к меньшевикам я оказался в печальном положении, которого, право, не заслужил — вроде курицы, которая вывела утят, поплывших от нее по болоту... Сейчас есть только две возможные позиции — одна, которую защищаю я, а за мною товарищи из "Единства", а другая — ее занимает Ленин. Моя теоретическая позиция ясна... Теоретическая позиция Ленина тоже ясна — это словесный марксизм в сочетании с бланкизмом, ткачевщиной, бакунизмом. Никакой третьей промежуточной позиции нет, а меньшевики на это пустое место встали и превратились в полуленинцев». По свидетельству Вольского, Плеханов резко высказался в адрес Церетели, обвинив его в незнании теории марксизма и заявив, что «за одного Савинкова, понимающего, что Россия гибнет и что нужно для ее спасения, — я десять Церетели отдам». О Мартове и Дане он говорил: «Это бессознательные полуленинцы. Это печально, но это так»[42]. Г.Я.Аронсон цитировал шутливое замечание Плеханова в адрес меньшевиков, заявляя, что они порой «согласны между собою разве только в том, что меньшевизм лучше большевизма»[43].

Заслугой Плеханова тогда была не критика своих коллег по партии, а его призыв к демократическому единению различных политических сил в то время[44].

Вслед за Плехановым в Петрограде 3 апреля 1917 г. появился Ленин. Его переезду в Россию в «запломбированном вагоне» через Германию посвящены многие работы. Они связаны с обсуждением обстоятельств его проезда и с «немецкими деньгами», которые будто бы

он получил. Вначале Ленин хотел проехать инкогнито через Францию и Англию, затем появился план Мартова, который очень ему понравился. Предложение Мартова о проезде через Германию, добившись обмена русских политических эмигрантов на немецких интернированных граждан, обсуждалось 19 марта 1917 г. на совещании социал-демократов, эсеров и бундовцев в Женеве[45]. Ленин торопился и заявил, что поедет через Германию независимо от согласия на это меньшевиков. Балабанова в воспоминаниях отмечала, что это был «стратегический ход» со стороны Ленина. «Его присутствие в России до приезда лидеров меньшевиков давало ему преимущество и возможность нарастить свое собственное влияние среди революционеров прежде, чем те приедут на родину. Поэтому он был полон решимости попасть в Россию немедленно при любых обстоятельствах»[46]. Проезд Ленина и группы его единомышленников через Германию в «запломбированном» вагоне вызвал много недоуменных вопросов о полученных ими «немецких деньгах» на совершение в России переворота и выход страны из состояния войны. Эти проблемы стали обсуждаться в 1917 г., полемика на эту тему продолжается и поныне: брал Ленин германские деньги или нет, кто был при этом посредником, на какие цели были эти деньги израсходованы, если он их брал? Среди исследователей были и есть сторонники того и иного мнения[47].

Сторонники Ленина в его отсутствие не занимали руководящих постов ни в Совете, ни в других властных структурах в отличие от представителей меньшевистской и эсеровской партий, которые чувствовали себя правительственными организациями. Численность большевиков в стране была около 10 тыс. человек в феврале и не более 50 тыс. в апреле 1917 г. Сторонников меньшевиков и эсеров, как всегда бывает с партиями власти, было намного больше: в апреле-мае меньшевиков приблизительно 100 тыс., а эсеров в 1917 г. около 600 тыс. членов[48]. Большевики чувствовали себя в то время третьестепенной партией, что многих из них не устраивало. Руководство этой партии

в Петрограде (Шляпников, Каменев, Сталин) на первых порах поддержало Временное правительство и, согласно марксистским канонам, видело в происшедшем буржуазно-демократическую революцию. Правда, они сумели начать издание газеты «Правда» и занять часть комнат роскошного дворца известной балерины М.Ф.Кшесинской для нужд партии.

Ленин понимал, что в жизнь партии нужно вдохнуть новые идеи, чтобы стать ее безоговорочным лидером. Его целью стала борьба за власть под лозунгом социалистической революции и популистскими призывами об окончании войны, передаче земли крестьянам и праве наций на самоопределение, переделе собственности во благо трудящихся[49]. Он был решительно против объединения с другими социалистическими партиями. Ленина торжественно встретили в Петрограде представители Совета, как до этого также встречали и других революционеров-эмигрантов или возвращавшихся из ссылок и тюрем. Ленина на Финляндском вокзале приветствовал Чхеидзе, призвавший его объединиться в борьбе за дело революции. Ленин ответил ему, а затем выступлениями в тот день с призывами к мировой социалистической революции. Апофеозом его приезда стали «Апрельские тезисы», утвержденные в качестве программы действий на 7-й Всероссийской конференции большевиков 24–29 апреля 1917 г. в Петрограде. Со времени приезда Ленина, по словам Троцкого, «большевистская партия начинает говорить полным голосом и, что еще важнее, своим собственным». Но он же признавал, что заявленная тогда программа Ленина вызвала кризис в самой партии большевиков[50].

Выступления и призывы Ленина к свершению социалистической революции никак не могли объединить российских марксистов, они вызвали недоумение и среди его сподвижников. Суханов вспоминал, как на общем собрании большевиков и меньшевиков 4 апреля 1917 г. во время выступления Ленина меньшевик Богданов прервал его доклад: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего! Стыдно аплодировать этой галиматье, — кричал он, обращаясь к аудитории, бледный от

гнева и презрения, — вы позорите себя! Марксисты!» И.П.Гольденберг, сторонник единения РСДРП, заявил на этом же совещании, что своим выступлением Ленин претендует на трон Бакунина, пустующий в Европе последние 30 лет. По его мнению, «Ленин поднял знамя гражданской войны внутри демократии. Смешно говорить о единении с теми, девизом которых является раскол и которые сами ставят себя вне социал-демократии». Бредовыми назвал идеи Ленина Скобелев[51].

Плеханов расценил призыв Ленина к продолжению революции как «безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на русской земле». Он считал, что «о социалистическом перевороте не могут говорить у нас люди, хоть немного усвоившие себе учение Маркса». Плеханов делал вывод о том, что «русский пролетариат и русская революционная армия не забудут, что если эта безумная и крайне вредная попытка не встретит немедленного, энергичного и сурового отпора с их стороны, то она с корнем вырвет молодое и нежное дерево нашей политической свободы». Несколько позже он скажет весьма образно: «Русская история еще не смолола той муки, из которой со временем испечен будет пшеничный пирог социализма, и... пока она той муки не смолола, участие буржуазии в государственном управлении необходимо в интересах самих трудящихся»[52]. Плеханов и меньшевики критиковали Ленина с позиций ортодоксального марксизма, полагая, что нельзя исключать экономическое положение страны, явно неготовой к социалистическим преобразованиям, критикуя ленинскую тезу о том, что большевики, взяв власть, подтянут Россию к социализму.

Каменев, выступивший с содокладом на Апрельской конференции, тогда считал, как и многие социал-демократы, что в стране буржуазно-демократическая революция не завершилась, а потому следует поддерживать Временное правительство. 7 апреля «Правда» опубликовала тезисы Ленина «О задачах пролетариата в данной революции», 8 апреля — статью Каменева «Наши разногласия», в которой он писал: «Что касает-

ся общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит из признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитывает на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую». Каменев сообщал, что сказанное Лениным есть его личное мнение, и заявил, что редакция «Правды» будет защищать объявленную платформу партии «как от разлагающего влияния "революционного оборончества", так и от критики т. Ленина»[53].

Троцкий писал, что «Апрельские тезисы» Ленина «не только вызвали негодование врагов и противников. Они оттолкнули ряд старых большевиков в лагерь меньшевизма или в промежуточную группу, которая ютилась вокруг газеты Горького»[54]. На Апрельской конференции большевиков присутствовал 151 делегат. Ленину тогда удалось увлечь за собой их радикальное большинство. Однако в резолюции «О текущем моменте» было отмечено, что проведение социалистической революции требует времени для подготовки, а четверо умеренных большевиков — Л.Б.Каменев, В.П.Ногин, В.П.Милютин, Г.Ф.Федоров — вошли в состав ЦК, состоявшего из 9 человек[55].

5 мая 1917 г. меньшевистская «Рабочая газета» констатировала: «Знаменитые ленинские "тезисы" перестали быть продуктом личного творчества Ленина, товаром, привезенным из-за границы, диковинкой, которую оглядывают с любопытством, но к которой нельзя относиться серьезно. Сто сорок делегатов большевистской конференции, почти как один человек, приняли резолюции, которые в развернутом виде излагали основные мысли тех же "тезисов"». В газете отмечалось, что результаты этой конференции означали появление лидера большевизма и организации, которая следовала за ним. «И тем более настоятельной, — подчеркивала редакция газеты, — является серьезная идейная борьба с ленинизмом во всех его проявлениях». Но эта борьба с радикализмом тогда не принесла успеха умеренным социалистам, жившими надеждами на демократическое реформирование общества, а не

на захват власти путем разжигания гражданской войны. Представители меньшевизма позже сожалели о своих примиренческих действиях и утверждали, что иначе они поступать не могли. Суханов вспоминал: «Мы не допускали, чтобы Ленин остался при своих "абстракциях". Тем более мы не допускали, чтобы этими абстракциями Ленин мог победить не только революцию, не только все ее активные массы, не только весь Совет, но чтобы он мог победить ими даже своих собственных большевиков. Мы жестоко ошиблись...». Н.В.Вольский, размышляя о событиях 1917 г. в России, говорил о столкновении в то время двух мировоззрений, из которых одно вело к демократии, а другое к тоталитарному государству. Для российской демократии, продолжал он, проведение политики «железа и крови» — это «все равно, что требовать от Льва Толстого стрелять из пулемета в народ, а от Алеши Карамазова пырять ножом в невинного ребенка». Поэтому не была запрещена деятельность большевиков и не закрыты их печатные издания. В результате победили те, «кто без угрызений совести, ставя к стенке, из живых покойников делали»[56].

Ленин постепенно завоевывал сторонников своих действий и своего плана перехода власти в руки Советов, а не Учредительного собрания, он не смог убедить делегатов конференции переименовать партию из социалистической в коммунистическую, у него еще оставались влиятельные оппоненты среди большевиков. Но тогда он сделал существенную заявку на роль вождя партии, и сам не сомневался в своей победе.

Российские социал-демократы по-прежнему называли себя марксистами и продолжали теоретизировать об абстрактном пролетариате, его немыслимых достоинствах и решающей роли в преобразовании общества. Они считали своей религией социализм, но менталитет Ленина, его призывы «мир — народам», «земля — крестьянам» вызывали поддержку массы населения, не желавшего участвовать в войне за «черноморские проливы» и выход в Средиземное море. Ленин был одним из немногих социал-демократов, кто

мог сказать, что он всегда был против войны. Вернее, за превращение империалистической войны в гражданскую...

Февральская революция в России легализовала все политические партии и амнистировала политзаключенных. Монархические партии отходили в прошлое, правительственными стали кадеты и социалисты[57]. В своих программных документах кадеты вначале выступали за ограничение самодержавной власти, социалисты — за ее свержение. Самодержавие пало, что же дальше? Старые программные заявления стали меняться. На 7-м съезде партии (25–28 марта 1917 г.) кадеты поставили своей задачей превратить страну в демократическую парламентскую республику, а реформы отложить до выборов Учредительного собрания. Съезд провозгласил Временное правительство главным органом власти, Советам отводилась роль совещательного органа при правительстве. Вскоре кадеты переименовались в партию народной свободы и не раз корректировали программу своих действий в 1917 г. Ф.Ф.Кокошкин, кадет и один из авторов первого воззвания Временного правительства, провидчески говорил после неэффективных управленческих попыток властей: «Временное правительство не устоит под напором все усиливающегося революционного урагана, и нам придется пройти через все стадии революционного процесса и испытать все ужасы его крайних выражений»[58].

Лидер эсеров В.М.Чернов вернулся из-за границы в Петроград 8 апреля 1917 г. и был торжественно встречен представителями Совета. В мае он стал министром земледелия Временного правительства. Церетели в воспоминаниях о Февральской революции подчеркивал: «Популярность Чернова в партии и крестьянских массах была так велика, что всякий раз, как партия ощущала потребность собрать воедино свои силы и бросить их на защиту какой-либо решающей политической акции, вся партия, за исключением левых эсеров, объединялась вокруг Чернова». На III съезде партии эсеров выявились три группировки: правая,

левая и центр, который возглавлял Чернов. Чернов тогда считал, что Февральская революция вышла за рамки буржуазно-демократической революции, но не дошла до социалистической. Он был на стороне тех меньшевиков, кто призывал к союзу с буржуазией. Тогда против участия эсеров в коалиционном Временном правительстве выступили левые эсеры. Подобную позицию занимали и меньшевики-интернационалисты во главе с Мартовым, который будто бы «распял себя между Лениным и Черновым»[59]. Заметим, что после прихода к власти большевиков левые эсеры создали самостоятельную партию и ее представители вошли в состав большевистского правительства. Меньшевики-интернационалисты перешли в демократическую оппозицию. Весной-летом 1917 г., судя по воспоминаниям Троцкого, Ленин не исключал ту или иную кооперацию с Мартовым и его группой меньшевиков-интернационалистов[60].

Значительная часть меньшевиков проповедовала и после свержения самодержавия в стране социалистическую программу. Свое видение идеального государственного устройства они описали в предвыборной платформе, призывая избирателей отдать им голоса в ходе избрания депутатов Учредительного собрания. Они предлагали «все общественные богатства, все средства производства, все земли, фабрики, заводы, рудники» передать в общественную собственность, «при которой все члены общества, все граждане обязаны были бы трудиться, но зато все в равной степени пользовались бы благами природы и всем, что добыто человечеством. При социалистическом обществе прекратилась бы борьба классов, так как исчезли бы самые классы, прекратились бы войны, которые нужны только правящим классам. Человечество стало бы одной братской семьей»[61]. Разумеется, меньшевиками предлагались и вполне конкретные политические меры, отвечающие решению проблем, вставших в то время перед населением страны, но, прежде всего, выражавшие, по их мнению, интересы пролетариата.

Все социалисты, без исключения, приветствовали

падение в России монархии. Планы ее дальнейшего преобразования у каждой партии, а чаще течений внутри партий, были различны. А.М.Горький, учитывая непрерывные расколы внутри социал-демократического движения, пытался накануне февраля 1917 г. основать Российскую радикально-демократическую партию (РРДП), которая объединила бы внепартийную интеллигенцию страны. Но после свержения самодержавия посчитал эту свою затею излишней. Однако вскоре Горький начал издание газеты «Новая жизнь», выходившей от имени Российской социал-демократической партии интернационалистов (РСДРП(и). В составе редакции газеты были меньшевики Суханов, В.А.Базаров, В.А.Десницкий и др.[62]

Среди социал-демократов, равно как и среди других течений в социалистическом движении, были разные оценки последствий Февральской революции. Они особенно разнились между теми, кто встретил революцию в России, и теми, кто прибыл на родину из эмиграции. В России меньшевики, большевики, эсеры, бундовцы стали восстанавливать свои организации. Ко времени Февральской революции в России функционировал Организационный комитет РСДРП, который был создан еще на Венской социал-демократической конференции 1912 г. Его состав неоднократно менялся. К февралю 1917 г. в него входили Б.С.Батурский, Б.О.Богданов (секретарь ОК), М.И.Скобелев, Н.С.Чхеидзе, А.И.Чхенкели, В.И.Хаустов, представители ЦК Бунда М.Г.Рафес и Г.М.Эрлих. От их имени 1 марта 1917 г. «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» опубликовали воззвание с призывом организоваться, дабы руководить революционной борьбой. 3 марта петроградские меньшевики, как «интернационалисты», так и «оборонцы», на первом собрании заявили о необходимости воссоединения всех меньшевистских групп в единую организацию. Однако выборы центральных органов было решено отложить из-за отсутствия многих «активных меньшевистских работников».

Тогда же возникла идея о создании единой с боль-

шевиками РСДРП и издании «Рабочей газеты», в редакцию которой вошли «оборонцы» Б.И.Горев, Н.Ф.Череванин, Б.С.Батурский, А.Н.Смирнов, от «интернационалистов» — О.А.Ерманский[63]. Более того, особенно в губернских городах в то время стали создаваться объединенные (большевики и меньшевики) организации РСДРП[64]. Идею создания единых организаций РСДРП до приезда Ленина поддерживали тогда многие большевистские руководители. К ней призывали и меньшевики. Эта идея приобрела популярность в связи с эйфорией, охватившей тех, кто праздновал победу над свергнутым самодержавием. По свидетельству Л.Д.Троцкого, Каменев и Сталин даже вели переговоры с меньшевиками об условиях объединения российских социал-демократов. Сторонником единения революционной демократии в стране от имени меньшевиков тогда особенно активно выступал Церетели[65].

Б.И.Николаевский подчеркивал при анализе воспоминаний Церетели о 1917 г. его приверженность созданию единой РСДРП. Он цитировал отрывок из первой речи Церетели, произнесенной на заседании рабочей секции Совета 19 марта 1917 г., когда оратор выступил от имени его социал-демократической фракции, объединившей большевиков и меньшевиков. По словам Церетели, они «как единое целое... вступают ныне в ваши ряды и предлагают вам в таком великом деле объединить все революционные силы, — не только слить обе части с.-д. партии, но все демократические революционные силы объединить для общей борьбы». Николаевский считал, что объединение могло произойти на основе единой программы-минимум, принятой еще на общем II съезде РСДРП (1903 г.), но процесс объединения был сорван приехавшим в Петроград Лениным и его единомышленниками[66]. Действительно, Ленин, еще до отъезда на родину, 19 марта 1917 г. давал указания большевикам, отъезжающим в Россию: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству... никакого сближения с другими партиями»[67]. Но ведь одно дело давать указание, другое их исполнять, тем более что среди руководства

петроградских большевиков тогда преобладали «умеренные» большевики, те, кто позже не сразу согласился с «Апрельскими» тезисами Ленина. Видимо, проблема состояла во внутрипартийной борьбе, которая тогда шла среди большевиков за лидерство в партии так же, как это происходило и в других политических объединениях, где в ходе революции появились новые значимые фигуры, не желающие без боя отдавать завоеванные позиции...

Мартов задержался в Швейцарии. Он прибыл в Петроград только 9 мая 1917 г. В переписке с Н.С.Кристи Мартов подробно описал свои переживания, связанные со сложностями, прежде всего морального характера, отъезда в Россию. 17 (30) марта он негодовал по поводу того, что «милюковская банда, дав полную свободу внутри, снаружи установила "кордон" хуже прежнего», что британские власти выпускают не всех революционеров, а германские — не возражают против пропуска через свою территорию всех[68]. Мартов замечал, что Ленин хочет ехать немедленно, а он не может предстать перед народом с «парвусовским ореолом» и продолжает настаивать на официальном обмене. Он отмечал, что «лично большевики стали весьма любезны, и мы теперь с ними, Зиновьевым и Лениным, возобновили личные отношения. На реферате Ленин тоже говорил без особо сильных "выражений", но пропасть остается между нами глубокая, а чушь, которую он порет по поводу наших задач, возмутительна». Мартов сообщал Кристи, что усиленно работает и скоро должны выйти три его брошюры[69].

1 апреля Мартов писал Кристи о своих болезнях, а 5 апреля (27 марта) сообщал, что «ленинцы уезжают». 13 апреля Мартов сообщал Кристи, что «ответов на наши стоны и мольбы» из России нет, а «Ленин с братией приближаются к русской границе, может быть, смеясь над нами, мы же должны здесь защищать их против травли социал-патриотов». В письме к Кристи (13 апреля) Мартов излагал свое видение политической ситуации в России. Он назвал «глупостью» требование Ленина свергнуть Временное правительство.

По его мнению, "радикальная буржуазная революция" могла развиваться так, чтобы рабочий класс предоставил буржуазии власть, но толкая ее все время вперед, держа ее под своим давлением и контролем». Мартов считал, что от такого положения выиграют революция и рабочий класс: «революция потому, что ломка старого совершается силами почти всех классов и потому будет более основательной; пролетариат потому, что его партия получает возможность, не смешиваясь с правительством и не отвечая за его действия, организовать его силы в неслыханном размере, приобретать колоссальное влияние на всю страну и заставлять правительство идти влево и влево».

В статье Плеханова «Две линии» (1915) говорилось о возможном развитии русской революции по «восходящей линии»: сначала преемниками самодержавия станут октябристы и кадеты, их сменит мелкобуржуазная демократия, а потом — социал-демократия и эсеры. Нечто подобное теперь предлагал и Мартов. Когда буржуазные партии, писал он Кристи, попытаются избавиться от давления рабочих, тогда это правительство нужно изменить, устранив из него Гучкова и Милюкова, затем заменить кадетское правительство трудовиками и социал-патриотами[70]. Мартов видел для социал-демократии и для себя место лишь в оппозиции правительству и поэтому был против участия в его коалиционном составе. Но он был противником и методов Ленина, направленных на «ускорение» событий в борьбе за власть.

20 апреля в письме Кристи Мартов вновь возвращался к своим мыслям о будущем российской революции. Он писал о том, что у него нет разногласий с Лениным и Троцким по поводу естественного желания всякой политической партии стать у власти. Спор идет о том, как в революционной обстановке, когда старая власть падает, а «классы приходят в брожение», социал-демократы смогут добиться власти. Он предупреждал, что партия может увлечь за собой крестьян обещаниями быстро удовлетворить их нужды, но эта «авантюра» наверняка завершится «трагическим крахом». Мартов

исходил из того, что захват власти — дело «не одного момента, а целого периода борьбы». Он был против создания иллюзорных и авантюристических ситуаций. «Я думаю, — писал Мартов, — что рабочим, которые сознают, что они (в России) еще меньшинство населения, надо показать, что власть может попасть в их руки после долгой борьбы, в которой они окрепнут в силу, способную не только случайно схватить власть в руки, но и удержать ее и использовать для осуществления своих целей». По его мнению, власть Советов, к которой звал тогда Ленин, могла быть только «властью крестьянской солдатчины, державшей в плену социалистов». Мартов был уверен, что «исторические условия не созрели для перехода власти в наши руки». Он призывал к критике правительства, но не к его свержению[71].

Письма Мартова Кристи той поры были его «письмами издалека». Они не были похожи на ленинские политические письма-инструкции. Мартов писал женщине, которую любил и которой доверял. Поэтому в его письмах интимные откровения перемежались с искренним выражением взглядов на происходящее в России, мнением о поступках общих знакомых. В письме 25 (12) апреля он выражал недовольство «неблагородством» ленинцев, которые, с одной стороны, «Мартовым прикрываются» (ведь это он придумал германский маршрут), а с другой — провоцируют, говоря, что «Мартов ехать не хочет»[72].

Сохранилось 14 писем Мартова Кристи, написанных в марте-мае 1917 г. до приезда в Петроград. 15-е из Петрограда датировано 22 (9) мая. В них нашли отражение их личные отношения, вопросы, связанные с переездом из Швейцарии на родину, мысли о ходе революции в России. Мартов писал о «склочных» Зиновьеве и Радеке и о том, что в Петрограде Совет оказал решающее воздействие на падение самодержавия (2 мая (19 апреля); сообщал о своей «страшной физической усталости» и о том, что, несмотря на призыв Чхеидзе, Скобелева, Дана и Церетели отказаться от проезда через Германию, ехать придется. Он не одобрил

поступок своих питерских коллег, в угоду «оборонцам» приостановивших публикацию его брошюр против них и заменивших их переизданием его агитационных работ 1905 г. (4 мая (21 апреля). Мартов сообщал о том, что «известия из России подмывают ехать: движение за мир усиливается, наша публика, кажется, действует решительнее и прямее, а с другой стороны, организуется контрреволюция и надо спешить приехать, если не хочешь рисковать вовсе не видеть первой фазы революции» (11 мая (28 апреля). Для него время перед отъездом превратилось в «нервную сутолоку», а семь дней в пути — в «изрядно надоевшее» занятие. «За это время наши успели вступить министрами. Одна хорошая сторона, — иронично замечал он, — что благодаря этому вступлению нас не встретят слишком плохо» (19 (6) мая).

Немецкий посланник в Берне фон Ромберг поддерживал идею переезда в Россию сторонников мира, а таковых среди эмигрантов, по его наблюдениям, было большинство. 27 апреля 1917 г. он информировал МИД Германии о том, что Комитет по возвращению на родину российских эмигрантов обратился к нему с просьбой дать разрешение на проезд через Германию группе социал-демократов — Мартову, Мартынову, Аксельроду, Семковскому и Астрову. «Они — несомненные приверженцы немедленного заключения мира, наиболее известные здесь после Ленина революционеры», — писал фон Ромберг[73].

22 (9) мая 1917 г. Мартов приехал в Петроград и тотчас же описал свои впечатления в письме Кристи. Он сообщал, что переезд был тяжелым, а «Россия встретила нас неприветливо». Но на вокзале в Петрограде была «грандиозная и хорошая встреча». Мартов рассказал о разговорах с В.М.Черновым, И.Г.Церетели, М.И.Скобелевым и К.А.Гвоздевым (в то время Чернов, Церетели и Скобелев были уже министрами Временного правительства, а Гвоздев — членом Исполкома Петроградского Совета). Он назвал «непоправимой», «окончательной глупостью» их участие в работе коалиционного правительства без «ясного соглашения о

требовании немедленного мира»[74]. Мартова встречали не столь торжественно, как приехавших ранее Плеханова и Ленина. Ведь подобное стало уже обыденным явлением. К тому же Мартов был против участия однопартийцев в работе коалиционного правительства, а Скобелев и Церетели в то время стали министрами. Заметим также, что приезд Ленина и Мартова был поразному оценен российскими властями и общественностью. Оба они проехали через территорию Германии: с первым оказался связан «немецкий фактор» в революции, ко второму никакие «подозрения» не пристали. Ленин подобные разговоры называл клеветническими. Как полагал один из его биографов, «Ленину дело представлялось простым: он стремился в Россию, а все остальные пути были закрыты. Что об этом скажут враги в России и на Западе, его нимало не беспокоило. Меньшевики, он знал, не станут на него нападать: их вождь Юлий Мартов приехал в Россию той же дорогой»[75]. К Мартову, Аксельроду, М.А.Натансону и другим, сделавшим все возможное для того, чтобы избежать «германского маршрута» при возвращении в Россию, никаких претензий не было: ни в каких финансовых операциях с германскими властями, с Парвусом они замешаны не были.

Мартов приехал в Петроград в дни работы Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных (т.е. тех, где меньшевики и большевики работали вместе) организаций РСДРП. Вечером, в день приезда, он выступил на конференции, предварительно проведя серию бесед с меньшевистским руководством. Он знал, что участники конференции уже приняли решение, одобряющее участие Скобелева и Церетели в работе Временного правительства. И все же попытался изменить ход событий. У него было несколько аргументов: неотмененные решения 1-й общероссийской конференции партийных работников (Женева, май 1905 г.) о том, что социал-демократия должна оставаться партией революционной оппозиции, а не участвовать вместе с буржуазией в работе Временного правительства; решение Организационного комитета

от 24 апреля 1917 г., признавшего нецелесообразным участие социалистов в буржуазном правительстве; резолюция Петроградской общегородской конференции меньшевиков (3 мая 1917 г.), указавшей на нежелательность работы социал-демократов во Временном правительстве.

Мартов исходил из того, что вступление социалистов, членов Совета в правительство делает ненужным Совет, а согласие на работу в правительстве без предварительных условий — «это хуже преступления, это глупость». По мнению Мартова, кадеты специально подкинули меньшевистским лидерам немного власти с тем, чтобы «связать» их с собой и сделать столь же ответственными за непопулярную политику Временного правительства. Мартов считал, что условием объединения социалистов при восстановлении Интернационала должны были стать формулы «мир без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение», отказ социалистов от сотрудничества со своими правительствами, готовность продолжать классовую борьбу[76].

Делегаты конференции не восприняли призывы и аргументы Мартова. В письме Кристи 22 (9) мая он писал о фактическом расколе меньшевиков, среди которых были сторонники коалиции с правительством, «ухода» к Ленину и Троцкому, интернационалисты. Мартов был за «среднее решение»: раскола «не производить», коалицию с правительством считать вредной, ответственность за его действия не нести и «бороться за мир самостоятельно», ни на какие ответственные должности не идти. Он писал, что «засел» за работу по организации единомышленников, выработку декларации. Мартов определял тогда позицию Ленина и Троцкого как «сумасшедшую», с их обещанием массам «чуда» от захвата власти. Мартов с восторгом писал о собраниях в Петрограде «под флагом меньшевиков-интернационалистов» и о сборе денег на издание газеты, потому что «в массе и рабочих, и солдат стремление к миру очень сильно». Общее впечатление от увиденного в Петрограде, как следует из письма, у Мартова

было невеселое: «Чувствуется, что блестяще начатая революция идет под гору, потому что при войне ей некуда идти. Страна разорена... обыватели всего страшатся... Если не удастся привести очень скоро к миру, неизбежна катастрофа»[77].

Церетели в выступлении на меньшевистской конференции 7 мая 1917 г. обосновывал свое сотрудничество с Временным правительством решениями Амстердамского конгресса II Интернационала (14–20 августа 1904 г.), разрешавшими социалистам вхождение в буржуазное правительство в исключительных случаях под контролем партии. Он считал, что власть в стране следовало укрепить, что нужно избежать гражданской войны и покончить с мировой войной. Ф.И.Дан поддержал решение о работе социалистов в составе Временного правительства: «...раз история поставила нас во главе движения, раз мы лидеры, то мы не имеем права уклоняться от ответственности»[78]. Позже Дан подчеркивал, что вместе с Церетели он был тогда сторонником «революционного оборончества», объясняя это стремлением к демократическому миру, пересмотром союзнических договоров и важностью созыва в Стокгольме международной социалистической конференции. Дан писал, что необходимость поддержания армии в боеспособном состоянии задерживала аграрную реформу, ведь, узнав о разделе земли, солдаты могли разбежаться и т.д.[79] В резолюции о войне, принятой 9 мая 1917 г. меньшевистской конференцией, говорилось: «...пока войне не положен конец усилиями международного пролетариата, вся революционная демократия обязана всемерно содействовать укреплению боеспособности армии для всесторонней защиты страны от угрожающих ей внешних опасностей»[80]. Разумеется, ссылки лидеров меньшевиков на внешние обстоятельства были стремлением на какое-то время устраниться от решения внутренних социальных реформ, которых население ждало от социалистов, ставших правительственными партиями. Обязательства перед союзниками по войне оказались для них выше заверений в улучшении положения рабочих, крестьян,

солдат, что привело, в конечном счете, к поражению тогдашних правителей[81].

Сотрудничество меньшевиков с Временным правительством и интернационалистская позиция Мартова вызвали разноречивые оценки современников и историков. Ленин определял значение коалиции так: «Шестое мая было выигрышным днем для буржуазии. Ее правительство стояло на краю гибели. Массы были заведомо и, безусловно, горячо и непримиримо против него. Одного слова народнических и меньшевистских вождей Совета было достаточно, чтобы правительство беспрекословно сдало свою власть»[82]. Нетрудно заметить, что мнение Мартова, высказанное им на меньшевистской конференции 9 мая 1917 г. о том, что «худшее наше заявление это то, что мы не стремимся взять в свои руки власть», что, «если можно взять всю власть, зачем ограничиваться ее «кусочком»[83], — мало чем отличается от ленинского. Ленин и Мартов в то время были настроены на передачу всей власти в руки Советов, а не на создание коалиционного правительства. Разница заключалась в том, что Мартов не провозглашал лозунга свержения Временного правительства и был за единство своей партии, которого к его приезду не было. Поэтому Ленин предлагал Мартову и его сторонникам в мае 1917 г. объединиться с большевиками при условии разрыва с оборонцами. Мартов свой отказ мотивировал общей с меньшевиками разных направлений оценкой социально-экономического содержания российской революции[84].

Н.Н.Суханов отмечал, что меньшевистская конференция дала победу соглашательскому советскому большинству, превратила меньшевиков в правительственную партию и поставила интернационалистов Мартова «по другую сторону баррикад — бок о бок с партией Ленина»[85]. В работах Зивы Галили отмечаются ряд обстоятельств, способствовавших расколу среди меньшевиков и поддержке частью из них коалиции с Временным правительством. Среди этих обстоятельств она назвала отказ ряда меньшевистских лидеров от предубеждения против участия социалистов в

коалиционном правительстве; различные концепции развития революции в России у Церетели и Мартова. Для Церетели революция была «общенациональной», а коалиция означала «единство живых сил страны» на ее буржуазно-демократическом этапе. Галили полагала, что майская конференция меньшевиков санкционировала коалицию, потому что этого хотели провинциальные делегаты, что была иллюзия установления, таким образом, взаимопонимания между рабочими и предпринимателями. Галили указала на сомнения отдельных меньшевистских лидеров перед принятием решения о работе в составе коалиционного правительства. Чхеидзе выразил их так: «Когда мы защищаем от нападок не наше, а буржуазное правительство, говоря, что ни одно правительство не способно восстановить мир и осуществить коренные реформы, то массы слушают нас с доверием и делают вывод, что в этих условиях социалистам идти в правительство не следует. Но если мы войдем в правительство, мы пробудим в массах надежды на нечто существенно новое, чего на самом деле мы сделать не сможем»[86]. Сомневался и Церетели. Он вспоминал, что Исполнительный комитет Совета «до последней минуты боролся против все усиливавшегося течения, толкавшего нас в сторону образования коалиционного правительства». И все-таки, получив повторное приглашение от премьера правительства Львова войти в состав правительства, руководство меньшевиков и эсеров решило коалицию создать. Большевики и меньшевики-интернационалисты были против и всякую ответственность за это решение с себя снимали[87].

Церетели и «революционные оборонцы» видели развитие революции и преодоление кризиса в стране в создании демократического коалиционного правительства, Мартов — однородного, социалистического, Ленин — большевистского, с привлечением согласных с его программой действий.

В.И.Миллер высказал предположение, что, если бы Мартов с соратниками вернулись в Россию раньше, в начале апреля, а не в мае, «курс меньшевиков в

последующие месяцы был бы иным». Об этом писал и И.Гетцлер. «Мне кажется, – размышлял он, – что если бы Мартов, подобно Ленину, вернулся раньше, в начале апреля, то у него был бы, по крайней мере, шанс оспорить политическую линию Церетели и удержать своих товарищей от присоединения к правительству». П.Ю.Савельев и С.В.Тютюкин причинами неприятия предложений Мартова на меньшевистской конференции назвали неверие делегатов в близость мировой революции и святость интернациональных уз, антипатию к Мартову и его утопическим пацифистским идеям[88]. Возможно, что все эти утверждения имели место, но было и другое: лидеры Петроградского Совета меньшевики тогда подчеркивали необходимость стать правительственной партией и стали таковой.

На майской конференции 1917 г. присутствовали делегаты 28 меньшевистских и 27 объединенных организаций, насчитывавших 44 830 членов. Почетными председателями съезда были избраны Церетели, Чхеидзе и Скобелев. Решающий голос на конференции имели 88, а совещательный – 35 делегатов. С.В.Тютюкин проанализировал 86 сохранившихся личных анкет делегатов и выяснил, что среди делегатов было 22 рабочих, 30 служащих, 13 журналистов и литераторов. Партийный стаж большинства делегатов превышал 10 лет, основная их масса была в возрасте до 50 лет (66 человек), т.е. это были зрелые, опытные партийные работники[89]. В этом плане ссылки Мартова и З.Галили на провинциалов, голосовавших за коалицию, выглядят неубедительно. Основной тон выступлениям и дискуссии задавал Церетели. Мартов, Мартынов и другие, выступавшие против идеи коалиционного правительства, не смогли переубедить ни Церетели, ни тех, кто его поддерживал. 8 мая на конференции рассмотрели несколько проектов резолюции «О Временном правительстве и коалиционном министерстве», в том числе и подготовленный меньшевиками-интернационалистами Ерманским и Лариным. Но был принят проект Б.И.Горева, доработанный Даном и Потресовым, в котором предлагалось социалистам работать в составе

Временного правительства. Этот проект был принят 8 мая. На следующий день на конференции появились Мартов и Мартынов, которые, естественно, спросили Церетели, почему он ускоренно утвердил нужный ему проект, не подождав их приезда. Мартов спрашивал Церетели: «Почему вы не подождали два дня? Почему же вы не ускорили наш приезд на два дня?» Он считал, что приход членов Совета в правительство «делает ненужным Совет», что «худшее наше заявление — это то, что мы не стремимся взять в свои руки власть», и заключал: «Бывают критические положения, верно. Но ваш выход из него — это не преступление, это хуже преступления — это глупость». Представители меньшевиков-интернационалистов на конференции заявили о своем отказе поддержать политическую линию ее большинства и о том, что не будут нести ответственность и связывать себе руки решениями этого форума[90].

Мартов подробно описал происшедшее на конференции в уже упомянутом письме Кристи 22 мая 1917 г. Он сообщил, что многие участники конференции считали, что революцию от гражданской войны можно спасти только участием в работе правительства и если его появление на конференции встретили аплодисментами, то после критики этого утверждения на следующий день кричали ему (Мартову. — *И.У.*): «Долой»[91]. Тогда перед Мартовым встал выбор: сформировать самостоятельную партию меньшевиков-интернационалистов или со своим особым мнением остаться в единой партии. Он избрал линию оппозиционера в партии, учитывая заверения руководителей конференции, что через два месяца будет очередной партийный форум, «где все вопросы будут поставлены заново»[92].

П.А.Гарви в воспоминаниях, написанных в 1938–1939 гг., отмечал, что появление на майской конференции (1917 г.) Аксельрода, Мартова и других меньшевиков-интернационалистов, приехавших из эмиграции, было встречено радостно. Но претензии, особенно Мартынова, о том, что их не подождали и приняли не устраивавшие их резолюции, вызвали «внутреннее возмущение», так что от них «пахнуло специфическим

духом эмигрантской кружковщины». Гарви выражал мнение пришедших к власти меньшевиков, когда резюмировал: «По горло занятые революционной работой, мы как-то даже не думали о загранице... Как ни высоко ценили мы их заслуги, их авторитет, их мнения, — мы не думали, просто не думали, что вот без их директив и указаний мы сами не можем решать вопросы революции и намечать нашу тактику в революции»[93].

Б.И.Николаевский, в 1917 г. сторонник Мартова, писал в своих заметках о воспоминаниях Церетели, посвященных Февральской революции, что вопрос о «коалиции» социалистов с «буржуазными» партиями сам по себе имел «сравнительно второстепенное значение». В 1917 г. главным были перспективы развития революции, ее характер: может ли она стать социалистической или останется демократической? Церетели опасался прихода к власти максималистов и потому ратовал за единство всех демократических сил. В.С.Войтинский вспоминал, как по дороге из иркутской ссылки в Петроград Церетели говорил ему, что в значительной степени ход революции определит политика большевиков, что от них зависит, начнется ли в стране гражданская война. Николаевский, рассматривая позицию Мартова в то время, подчеркивал, что он не верил в возможность построения социализма и этот вопрос не определял для него причин внутрипартийных дискуссий. Г.О.Бинштok рассказывал Николаевскому, что в мае 1917 г. Мартов этим своим положением аргументировал свой отказ от формального разрыва с меньшевистской партией или сближение с большевиками[94].

Мартов и в июне 1917 г. продолжал считать ошибочным участие меньшевистских представителей во Временном правительстве. Он был уверен в «коренной ошибке» Совета, пославшего своих работников в правительство. «Нужно было, — говорил он, — предоставить власть в руки буржуазии и держать ее под своим контролем в лице Советов Р. и С. Д., под тягчайшим давлением, — вот единственно правильная позиция»[95]. По мнению И.Гетцлера, политика Мартова, направлен-

ная на критику коалиции и ее приверженцев, в первую очередь Церетели, способствовала его поражению как лидера партии в 1917 г. Он даже назвал Мартова руководителем, потерявшим свою партию в то время[96]. Этот вывод по меньшей мере некорректен. Действительно, тогда значительная часть меньшевиков пошла за Церетели, Даном и другими лидерами Совета, превратившими их в представителей одной из правительственных партий. Мартов остался лидером небольшой группы меньшевиков-интернационалистов, не признавших этого решения. Эта группа постепенно становилась, однако, более влиятельной, начав издание «Летучего листка меньшевиков-интернационалистов» и активно используя страницы столичной газеты «Новая жизнь». Мартов партию не терял, он оставался одним из ее руководящих деятелей, чтобы постепенно вновь стать в очередной раз признанным лидером.

В «Декларации меньшевиков-интернационалистов», опубликованной в конце мая 1917 г., критиковалась политика «революционных оборонцев», меньшевиков, вставших на путь сотрудничества с буржуазным правительством, поскольку они брали на себя ответственность за его действия. По мысли Мартова, такие представители буржуазии, как националисты, октябристы и правые кадеты, промышленные и коммерческие организации, либеральные земцы и высшие армейские чины, стали объединяться, обнаружив возможность радикально-демократического развития революции. Мартов считал опасной политику поддержки Временного правительства, особенно по вопросам войны и мира. Он полагал важным дальнейшее развитие демократической революции, организацию всенародного движения для заключения всеобщего перемирия на фронтах, консолидацию посредством возрождения Социалистического Интернационала всех сторонников немедленного прекращения войны. Мартов был против политики Ленина. Он прогнозировал ослабление воздействия социал-демократии на дальнейшее развитие революции из-за ее коалиции с буржуазией и делал вывод: «Оппортунизм одной части социал-де-

мократии неизбежно питает революционный авантюризм другой, соблазняя рабочие массы искать выхода из хозяйственного кризиса и ужасов войны в единоспасающем чуде захвата власти и немедленной социализации». Л.Хеймсон, анализируя текст этой «Декларации», подчеркнул отсутствие в ней указания на тот политический орган, который должен был бы руководить реализацией указанных в ней задач, и заключал: «Еще долго пришлось ожидать окончательный ответ Мартова на этот вопрос»[97]. Хеймсон не приходил к выводу о том, что, оказавшись в партии в меньшинстве, Мартов потерял ее полностью.

Л.Майер, сопоставляя роли Мартова и Ленина в своих партиях в первые месяцы после Февральской революции, отмечал, что не все большевики смогли принять «Апрельские тезисы» Ленина, как и большинство меньшевиков отрицательно отнеслись к оценкам Мартовым создавшегося тогда политического положения в стране. Но Ленину удалось быстро переломить ситуацию и возглавить большевистскую организацию, Мартов же остался в меньшинстве. «Но иной сценарий был еще возможен, — пишет Майер, — если бы, в противоположность Ленину, который быстро решился на возвращение через Германию, Мартов, Луначарский и их спутники не тратили бы время и силы, стараясь чтобы их проезд через вражескую территорию выглядел оправданным и законным»[98]. Майер придерживался известной точки зрения о том, что причиной неприятия предложений Мартова на майской конференции меньшевиков явилось его позднее возвращение из эмиграции. Иное мнение по этому поводу высказал Троцкий. В предисловии к брошюре А.А.Иоффе «Крах меньшевизма» он писал, что Мартов на майской конференции РСДРП возглавил оппозицию в своей партии, но его политика носила «пассивно-выжидательный характер» и тем самым «лишала себя притягательной силы»[99].

Действительно, время революционных преобразований, смены режимов власти пробуждает инициативу людей, стремящихся улучшить свое положение.

Ленин выступил с планами, как это сделать: взять власть и популистскими лозунгами о социальном равенстве привлечь на свою сторону наиболее обездоленную часть населения. Мартов придерживался старых циммервальдских решений, где не было призывов к быстрым переменам, и они не привлекали массы населения. Потому на первых порах он остался в меньшинстве, но партию Мартов не проиграл и в тень не ушел, продолжая последовательно бороться за осуществление своих взглядов на происходящее и постепенно увлекая за собой все большую часть своих единомышленников.

Временное правительство вместе с министрами-социалистами осенью 1917 г. потеряло власть, и Мартов вновь восстановил свое лидерство в партии. Так бывало в истории не раз: прежние лидеры политических партий вынуждены силой обстоятельств на время стать оппозицией в своей партии. Но они снова призываются к руководству в трудные минуты жизни партии. После июльских событий 1917 г. Мартов ратовал за создание однородного социалистического правительства, т.е. не отказывался от власти, он был против коалиции с представителями буржуазии, с чем соглашался Церетели. В результате проиграли оба, к власти пришли большевики и левые эсеры. Меньшевики-интернационалисты от участия в работе большевистского правительства отказались.

П.Б.Аксельрод был швейцарским гражданином и одним из немногих, кто в поезде, в котором возвращались в Россию Мартов и другие социалисты, имел право свободного выхода из вагона во время проезда через Германию. Он вместе с Мартовым присутствовал на майской конференции меньшевиков, но от выступления воздержался, считая важным сохранение единства партии. Аксельрод участвовал в работе Организационного комитета и был избран его председателем[100]. На конференции был заслушан доклад председателя Интернациональной социалистической комиссии Роберта Гримма о созыве международной конференции по воссозданию Интернационала. Аксельрод был на-

значен Петросоветом в качестве одного из устроителей этой конференции.

Вопрос о созыве международной конференции в Стокгольме возник в марте 1917 г. Ее инициаторами выступили рабочие партии скандинавских стран, от имени которых в Петроград в апреле 1917 г. приезжал датский социал-демократ Ф.Боргбьерг и пригласил принять в ней участие российских социалистов. Ленин выступил против этой конференции, увидев в ней происки «германского империализма». Приехавший вместе с Мартовым Р.Гримм выступил на майской конференции меньшевиков с предложением участвовать в стокгольмской конференции, а затем стал зондировать возможность заключения сепаратного мира между Россией и Германией. Тогда по распоряжению российских властей он был выслан из России как агент германского правительства[101].

Аксельрод в то время исходил из того, что главной задачей революционной демократии в условиях продолжающейся войны является борьба за мир. Но он предлагал не спешить с заключением сепаратного мира, так как не считал перспективным заключение перемирия любой ценой. Аксельрод предлагал российским социалистам оказывать давление на Временное правительство, чтобы оно, в свою очередь, пыталось бороться за прекращение войны в унисон со своими союзниками. Он намеревался подключить к этой борьбе немецких социал-демократов, рассчитывая на встречу с ними на международной конференции в Стокгольме.

5 мая 1917 г. «Рабочая газета» сообщала об интервью Аксельрода, данном накануне «Биржевым ведомостям». Наиболее важные положения редакция выделила отдельным шрифтом. Среди последних были выводы Аксельрода о том, что «нынешняя революция не является чисто пролетарской, но также и буржуазной», что нельзя «требовать низложения буржуазного правительства, так как пролетариат при данных условиях не сможет справиться с задачей управления страной», что нужно расчистить «авгиевы конюшни

низвергнутого царизма» и этим должно заниматься и Временное правительство, и представители пролетариата, что «если бы даже настал момент поставить вопрос о смене правительства», то оно не обязательно должно быть социалистическим. По его мнению, возможность создания пролетарского правительства была взаимосвязана с общей пролетарской революцией в Европе[102].

А.Ашер, биограф Аксельрода, писал, что сохранилось мало свидетельств о его деятельности в течение трехмесячного пребывания в Петрограде. Хотя известно, что Аксельрод тогда энергично работал во многих партийных комиссиях, публиковал статьи в столичных газетах, выступал за единение партии и очень переживал известие о кончине своей младшей дочери Сони[103]. Идею о единстве партии отстаивали тогда многие меньшевики. По мнению редакции «Рабочей газеты», сплочению РСДРП могли помочь восстановление социалистического Интернационала и борьба за мир[104].

Во время происходивших тогда дискуссий в меньшевистской партии Аксельрод защищал свою позицию либо отмалчивался, дабы своим авторитетом не давать преимущества какой-либо спорящей стороне. «При всей своей мягкости и сердечности в сношениях с товарищами, Аксельрод, когда дело касалось его убеждения в правоте того или другого политического шага, проявлял железную волю, — вспоминал Церетели. — Единственная уступка, которую он нам сделал, заключалась в том, что он признал, что раз большинство Исполнительного Комитета в переговорах с иностранными товарищами заняло определенную позицию, оно вправе требовать от своих делегатов, чтобы они не выступали против взглядов представляемой ими организации. Поэтому Аксельрод отказался от мандата, данного ему Советом, и решил ехать в Стокгольм в качестве представителя социал-демократической (меньшевистской) партии, которая давала ему мандат, не связывая его императивными инструкциями. Исполнительный Комитет принял его отказ»[105].

Биографы Аксельрода Ашер и Ненароков обратили внимание на его желание покинуть Петроград, где у него обострились болезни, а главное, начались разногласия с коллегами по партии, в том числе с Мартовым и Церетели. 13 августа 1917 г. Аксельрод прибыл в Стокгольм, не предполагая, что начинается его последняя эмиграция. Э.Бернштейн вспоминал, как поезд, в котором Аксельрод возвращался в Россию, задержался в Берлине и как он провел с ним в разговорах около двух часов, провожая его. Бернштейн подчеркивал отсутствие разногласий между ними в оценках обстановки, хотя Аксельрод «не одобрял всего того, что произошло у нас, но он всегда старался понять и то, что ему не нравилось». Аксельрод говорил Бернштейну: «Ленина я, по крайней мере, понимаю, но кого я никак не могу понять — это тех людей, которые высказываются против него и все же являются сторонниками политики, которая с логической неизбежностью приводит в его лагерь»[106].

Аксельрод не однажды предлагал однопартийцам различные идеи типа созыва рабочего съезда для оживления деятельности и усиления влияния на рабочих. Аксельрод нуждался во времени для раздумий, так как слишком большие впечатления и ежедневная загруженность не способствовали основательным размышлениям над происходящим. Это также, видимо, было одной из причин отъезда Аксельрода из бурлящей революционной страны.

А.Н.Потресов в февральские дни 1917 г. находился в Москве и, разумеется, приветствовал приход к власти демократического Совета и правительства. В мае он возвратился в Петроград, где возглавил фракцию меньшевиков-оборонцев, приветствовал создание коалиционного правительства. Потресов участвовал в работе майской меньшевистской конференции и выступал с призывом заключить мир с Германией без аннексий и контрибуций. На конференции он был избран в состав комиссии ОК для разработки программы мира и восстановления Интернационала[107].

Статьи Потресова, опубликованные в ту пору в раз-

личных газетах и журнале «День», полны пессимистических раздумий о дальнейшем развитии революции. З.Галили, рассматривая статью Потресова «Роковые противоречия русской революции», подчеркивала именно это ощущение после ее прочтения. Потресов был разочарован результатами работы социал-демократов среди пролетариев, полагая, что российское рабочее движение так и не стало «одной из разновидностей европейского международного развития». Он считал ошибочным мнение своих коллег по партии, отмечавших «только лишь завоевания, делаемые мировым капитализмом в России во всех областях ее жизни», но совсем не привыкших «мерить силу того сопротивления, которое встречают эти завоевания в местной среде»[108].

Наибольшее число работ Потресова было тогда опубликовано в журнале «День», который вместе с ним редактировали П.П.Маслов и Л.И.Аксельрод (Ортодокс). В них, а позже в тезисах доклада на августовском 1917 г. съезде РСДРП Потресов сформулировал свое кредо того времени. «Война и революция поставили перед Россией, — отмечал Потресов, — как общенациональную задачу оборону страны и организацию ее общественных и хозяйственных сил. Только решение этой задачи способно предотвратить страну от катастрофы и тем спасти революцию». Во имя этой задачи, утверждал Потресов, «пролетариат должен быть готов к величайшим жертвам», а «революционное правительство должно решительно бороться как с поднимающей голову контрреволюцией, так и с той анархией, которая, проникая в революционное движение и дезорганизуя его, питается стихийным процессом хозяйственной разрухи и безответственной агитацией некоторых политических групп»[109].

Потресов, как и многие другие лидеры РСДРП, призывал к единению партии. Но каждый из этих лидеров занимал свою позицию и отстаивал ее как условие этого объединения. Боязнь раскола мешала лидерам меньшевизма его действительно провести, но в то же время такая политика не способствовала и реальному един-

ству РСДРП. Потресов был против тенденции максимализма в требованиях отдельных социал-демократов, как и против непоследовательности политики тех, кто поддерживал Временное правительство.

После Февральской революции 1917 г. меньшевистская партия стала правительственной, но не приобрела единства в своих действиях. Тогда у нее поменялись и лидеры. Приехавшие из эмиграции Аксельрод и Мартов, а также проживавший в России Потресов на время потеряли прежние руководящие позиции в партии. Изменившаяся политическая обстановка в стране требовала немедленных действий и новых идей, способных увлечь людей, а не проповеди старых программ, не устраивавших активную и нетерпеливую часть населения, жаждущую перемен с помощью или без участия новых властей. В борьбе с радикалами сторонники постепенных перемен тогда потерпели поражение.

В последних исследованиях историки рассматривают Февральскую революцию как «первую прерванную демократическую революцию Новейшего времени, поскольку она закончилась в результате государственного переворота»[110]. Для В.П.Булдакова это была «стихийная и беспартийная революция», поразившая его тем, что в разгар отечественной войны за императора, главнокомандующего армией, «не вступился никто»[111].

Февральская революция застала меньшевика П.А.Гарви в ссылке, в Черном Яру Астраханской губернии. Там он узнал о свержении в Петрограде царя и создании Временного правительства. Гарви вспоминал собрание жителей поселка в связи с чтением акта об отречении Николая II. «Никогда раньше мне не думалось, — писал он, — что эта темная, праздная обывательская масса, не читавшая газет, чуждая политики и общественности, с таким энтузиазмом, полностью приняла переворот... Помню, одна старуха на базаре все крестилась: “Воистину, и на пасху такой радости не бывает. Тогда один человек воскрес, а нынче — весь народ!”»[112] Б.И.Колоницкий справедливо заметил, что

тогда по всей стране прошли «праздники свободы», что они превратились в крайнюю форму «революции завышенных ожиданий»[113]. Эти ожидания вскоре превратились в нетерпение масс, желающих быстрее улучшить свою жизнь. Радикализация общественных настроений в то время происходила необычайно быстро...

Комментарии

[1] Ф.Энгельс в письме В.Засулич 3 апреля 1885 г. писал о людях, довольных тем, что «сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, что сделанная революция совсем непохожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, которой избежали немногие исторические деятели». (См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 263.) В данном случае предсказание Энгельса для российских социалистов подтвердилось. Февральская революция была неожиданностью и для германских социал-демократов. Свержение самодержавия сделало неуместным лозунг борьбы с русским абсолютизмом, выбив один из основных аргументов в пользу ведения войны с германской стороны. (См.: *Бровко Л.Н.* Война, революция и новая картина мира в идеологии германской социал-демократии // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1999. С. 257–259.)

[2] О.В.Будницкий в очерке о В.А.Маклакове, видном деятеле партии кадетов и депутате Думы, писал, что господствующим настроением для Маклакова в 1917 г. были скептицизм и надежда на соглашение противоборствующих сторон. (См.: *Будницкий О.В.* Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 3. С. 71.)

[3] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 109. О Бердяеве см.: *Вадимов А.* Жизнь Бердяева. Россия. Berkly, 1993. Vol. 29. 289 с. Философ С.Л.Франк (1877–1950), современник Бердяева, считал, что всякая революция есть смута, катастрофа, разрушение, вызванные силами, не находящими себе приложения в существующем обществе. (См.: *Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции // Новый мир. 1990. № 4. С. 207–208.) А.С.Изгоев (1872–1935), сотрудничавший с Бердяевым и Струве, весьма образно оценил влияние двух революций 1917 г. на обще-

ство. «Если в предверии весны 1917 года все были пьяны от восторга и не единый от вина, то осенью — не единый не был пьян от восторга и очень многие от вина». Изгоев описывал события после создания коалиционного Временного правительства: «Теперь придут социалисты, за ними большевики, погонят нас отсюда, объявят террор, перевешают тысячи людей и приведут за собой диктатора». (См.: *Изгоев А.С.* Пять лет в советской России // Архив русской революции. М., 1991. Т. X. С. 13, 16.)

[4] Н.Н.Суханов позже объяснял сложившуюся ситуацию в социалистических партиях в канун свержения самодержавия в стране так: «Авторитетнейших руководителей, партийных лидеров не было налицо ни в одной из партий, почти без исключения. Они были в ссылке, в тюрьмах или эмиграции. На постах ответственных руководителей великого движения в ответственнейшие его моменты стояли люди совершенно второстепенные, может быть, искусные организаторы, но, во всяком случае, рутинеры обычной партийной работы эпохи самодержавия. Надлежащих политических горизонтов в новой обстановке, действительно политического руководства, словом, действительной высоты положения от них в огромном большинстве случаев было ожидать нельзя». (См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. С. 60.) Известие об отречении императора от власти было спокойно воспринято в провинции. В.Г.Короленко писал родственнице в марте 1917 г.: «Правительство свергнуто, установлено новое. По-видимому, переворот произведен главным образом военными, потом — рабочими. Кажется, так. Во всяком случае, он пока имеет характер всепартийного... Дума (полтавская) постановила послать привет Государственной думе». 13 марта он записал: «Полтава перешла к новому строю спокойно». (См.: В.Г.Короленко в годы революции и гражданской войны. 1917–1921. Биографическая хроника. Benson, 1985. С. 17, 19.)

[5] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 112.

[6] Р.Ш.Ганелин подробно описал дни 25–26 февраля 1917 г. в Петрограде, когда были определены отношения между рабочими, солдатами, казаками и полицией. (См.: *Ганелин Р.Ш.* 25 февраля 1917 г. в Петрограде // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 97, 100, 104; *он же.* 26 февраля 1917 г. в Петрограде // Петербургская историческая школа. Альманах. СПб., 2002. С. 196, 218.) М.В.Родзянко вспоминал, что в ночь с 26 на 27-е февраля получил указ о перерыве занятий Государственной думы, и «таким образом возможности мирному улажению возникающего конфликта был положен решительный предел». (См.: *Родзянко М.В.* Круше-

ние империи. 1986. С. 301.) Родзянко полагал, что именно он будет формировать правительство, ответственное перед Думой, но Исполком Совета настоял на кандидатуре князя Г.Е.Львова, до этого руководившего Всероссийским земским союзом. (См.: *Архипов И.Л.* Председатель Государственной думы М.В.Родзянко // Отечественная история. 2006. № 3. С. 121–122.) В.В.Поликарпов, рассматривая роль масонов в февральских событиях 1917 г., довольно иронично цитировал выводы историков на эту тему: «То, что в исторической литературе, в согласии со стандартами политологии, именуется элитой русского общества, в Феврале держало экзамен на такое звание. Как оказалось, эти деятели не уловили появления "предпосылок стихийных революционных выступлений рабочих и солдатских масс Петрограда" и вообще пребывали в плену "совокупности мифов", "неадекватно представляли истоки революции и реальную степень ее «созревания»"; эта "элита" и в дальнейшем оказалась неспособной выполнить свою функцию». (См.: *Поликарпов В.В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. С. 532–533.) Р.Ш.Ганелин отрицает влияние чьих-либо происков, в том числе сионистско-масонских, в свержении самодержавия в стране. Главной причиной, по его мнению, были война и внутренний кризис империи. (См.: *Ганелин Р.Ш.* Политические ситуации конца XX — начала XXI в. и исторические оценки причин гибели царизма // Россия и революция 1917 года: опыт истории и теории. СПб., 2008. С. 7–24.)

[7] *Шульгин В.В.* Дни. Л., 1925. С. 111.

[8] Подробнее об этом см.: *Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 35–103. Империя, в которой народ, смеясь, повторял: «Царь с Егорием, царица с Григорием (Распутиным)», — существовать не могла. (См.: Новый мир. 2005. № 12. С. 130.) В.В.Шульгин вспоминал, что манифест об отречении Николая II написал А.И.Гучков перед их поездкой в Псков для переговоров с императором. (См.: *Репников А.В., Христофоров В.С.* Василий Витальевич Шульгин // Российская история. 2009. № 5. С. 159.) В.В.Шульгин был реабилитирован решением Генеральной прокуратуры РФ 12 ноября 2001 г. (Там же. С. 166.)

[9] В советской историографии господствовала тенденция о рукотворном происхождении революций, о решающей роли большевистских организаций в их проведении. (См.: Отечественная история. 2000. № 2. С. 97.) В настоящее время отдельные историки говорят о возрастании роли большевиков в годы Первой мировой войны и об их руководстве рабочим движением в февральские дни 1917 г. (См.: *Холяев С.В.*

Три февраля 1917 г. // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 27.) В.И.Старцев, говоря о демонстрациях в столице 24–26 февраля 1917 г., отдавал «первое место фактору стихийности». (См.: *Старцев В.И.* Стихийность и организованность в Февральском восстании 1917 года в Петрограде // 80 лет революции 1917 года в России. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 1997. С. 23.) Этого мнения придерживаются большинство современных исследователей. Свидетели событий подтверждают отсутствие руководства манифестациями и выступлениями солдат в февральские дни. А.В.Тыркова, член партии кадетов и журналистка, в дневнике сообщала, как 28 февраля 1917 г. она прошла к зданию Думы, где выступал меньшевик М.И.Скобелев и призывал солдат к сдержанности. По ее мнению, «в этот первый день революции никакой руководящей организации не было». (См.: *Тыркова А.В.* Петроградский дневник // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 327.)

[10] *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Кн. 1. С. 392; *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. С. 49; Допрос Милюкова // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.-Л., 1926. Т. IV. С. 351. Комиссия была создана 12 марта 1917 г. с задачей «ликвидировать прегрешения старого режима». В работе и издании стенограмм работы комиссии принимали участие А.А.Блок, эсер В.М.Зензинов, историки Е.В.Тарле, П.Е.Щеголев и др. Председателем комиссии был назначен известный адвокат Н.К.Муравьев. (См.: *Варфоломеев Ю.В.* Николай Константинович Муравьев // Вопросы истории. 2006. № 11. С. 63–65.) Подобные комиссии по разбору архивов охранки были созданы во многих губернских городах. В них принимали участие и меньшевики. Членом казанской комиссии, работавшей под руководством профессора университета Н.Н.Фирсова, был и его ученик, тогда меньшевик-интернационалист, С.А.Пионтковский. (См.: *Ермолаев И.П., Литвин А.Л.* Профессор Н.Н.Фирсов. Очерк жизни и деятельности. Казань, 1976. С. 89; *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. С. 90–91, 94–95, 392, 464.)

[11] *Троцкий Л.Д.* История русской революции. М., 1997. Т. 1. С. 23, 231.

[12] *Денике Ю.* Меньшевики в 1917 году // Меньшевики. Benson, 1988. С. 34. Машинопись статьи Денике хранится в HIA. Boris Nicolaevsky collection. Box 672. Fol. 10. Ser. 279. Денике рассказал о курьезном случае в Казани, когда «все кого-то выбирали» после свержения монархии. В казанской

психбольнице служащие сместили всех докторов и назначили «докторами» людей из своей среды. (*Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции. М., 1993. С. 32.)

[13] *Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. С. 36–37.

[14] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 39, 233–235. *Соболев Г.Л.* Ценный источник об истории революционного процесса в России в марте-октябре 1917 года // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 159; *Старцев В.И.* Революция и власть. М., 1978. С. 137–138. Политика меньшевиков той поры привлекала к себе прежде всего интеллигенцию. С.Г.Струмилин, в советское время академик-экономист, вспоминал, что после Февральской революции «не считал себя меньшевиком, хотя и организационные, и личные связи сближали меня тогда с меньшевиками гораздо теснее, чем с большевиками». (См.: *Струмилин С.Г.* Из пережитого. 1897–1917. М., 1957. С. 283.) В.Н.Сойфер спросил С.Четверикова, крупнейшего российского генетика, к какой из революционных партий он был бы ближе всего, существуй они сегодня? Четвериков ответил, что, «пожалуй, меньшевики были бы ему симпатичнее». (См.: *Сойфер В.Н.* Очень личная книга. Воспоминания о великих российских ученых Сергее Четверикове и Николае Тимофееве-Ресовском // Новый мир. 2009. № 4. С. 152.)

[15] См.: *Николаев А.Б.* Военная комиссия Временного комитета Государственной думы в дни Февральской революции: персональный состав // Из глубины времен. СПб., 1998. С. 27–102; *он же.* Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002. С. 42, 52–53. Свержение самодержавия не было бескровным: 27 февраля 1917 г. в Петрограде погибло 177, пострадало 1382 человека, в том числе 51 полицейский. (См.: *Минц И.И.* История Великого Октября. М., 1977. С. 473.) Подробнее о жертвах того времени см.: 90 лет Февральской революции: Сборник научных статей. СПб., 2007.

[16] См.: *Старков Б.А.* Создание и деятельность Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (4 марта 1917 – 9 декабря 1917) // Старцевские чтения-2006: К 75-летию профессора В.И.Старцева: Сб. воспоминаний и научных статей. СПб., 2007. С. 161–174; *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 218–239. В начале марта 1917 г., скорее всего, бывшие агенты охранки стали жечь архивы полицейских управлений. Л.Ульянова заметила, что уничтоженными оказались материалы о секретном сотрудничестве либералов с полицией, в то время

как подобные данные о социалистических партиях сохранились. Она же выразила удивление тому, что Чрезвычайная следственная комиссия интересовалась сексотами только в революционном, но не в либеральном движении. (См.: *Ульянова Л.* Сексоты для либералов. Секретная агентура в либеральном движении (1880–1905) // Русский журнал. 2008. 25 февр. Спасение архивов и исторических памятников стало одним из приоритетов новой власти. *Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Архивы и революция. М., 2007. С. 58–59, 63.) В.И.Старцев был одним из первых представителей советской историографии, кто отметил роль Временного правительства в сломе самодержавных органов власти. (См.: *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. С. 167–208.)

[17] Наибольшее значение для изучения истории Временного правительства имели в советское время работы Э.Н.Бурджалова и В.И.Старцева. См. также: *Browder R., Kerensky A.* (ed). The Russian provisional government. 1917. Documents. Stanford, 1961. Vol. I–III; *Шмелев Г.М.* Русская православная церковь, ее деятельность и экономика до и после 1917 года // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 36–51; Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви). М., 2006; *Бабкин М.А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007; *Ковырзин К.В.* Поместный собор 1917–1918 годов и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции // Отечественная история. 2008. № 4. С. 88–97; *Солнцева С.А.* 1917: кадровая политика революции в российской армии // Отечественная история. 2004. № 3. С. 112; и др.

[18] *Аксенов В.Б.* 1917 год в художественном восприятии современников // Отечественная история. 2000. № 1. С. 96–101; *Листиков С.В.* Восприятие русских революций 1917 г. в США: модели и образы // Отечественная история. 2000. № 1. С. 63–77; *Давидсон А.Б.* Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 196; и др. Сотрудники британской военной разведки выражали озабоченность революцией в России, о негативном влиянии революционных настроений на боеспособность армии. (См.: *Иванов А.А.* Русская революция и конфликт в британском разведывательном сообществе в 1917–1918 гг. // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 151.)

[19] *Феррo М.* Война, революция, империя: Временное

правительство и проблема национальностей // Ab Imperio. Казань, 2001. № 4. С. 330, 333, 343–344, 359–360.

[20] См.: Записи беглецов (Буниных) // Новый мир. 2006. № 5. С. 183; *Пайпс Р.* Струве – правый либерал. М., 2001. Т. 2. С. 296; *Романовский В.К.* Николай Васильевич Устрялов // Отечественная история. 2002. № 4. С. 83; *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 267–268, 272; *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 104–106; *Жданова И.А.* Оценка П.Н.Милюковым послефевральского политического процесса 1917 г. // П.Н.Милюков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 309, 316; *Макаров Н.В.* Лидер российского либерализма П.Н.Милюков в оценках англо-американской и российской историографии: сравнительный анализ // Российская история. 2011. № 5. С. 172–181; и др.

[21] *Катков Г.М.* Февральская революция. М., 1997. С. 407.

[22] См.: Родина. 2007. № 2. С. 16; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 328.

[23] *Аронсон Г.* Россия накануне революции. Madrid, 1986. С. 169. Л.Д.Троцкий цитировал левого эсера С.Д.Мстиславского, говорившего, что Февральская «революция застала нас, тогдашних партийных людей, как евангельских неразумных дев, спящими». Троцкий иронизировал: «Не существенно, в какой мере они походили на дев; но спали действительно все». (См.: *Троцкий Л.Д.* История русской революции. М., 1997. Т. 1. С. 159.)

[24] *Балабанова А.* Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938. М., 2007. С. 150–151.

[25] А.Ф.Керенский был объявлен главным «вождем демократии» после прихода в состав Временного правительства. Тогда формировался культ Керенского, ставшего символом Февральской революции как социалиста и демократа. (См.: *Колоницкий Б.И.* Культ А.Ф.Керенского: образы революционной власти // Отечественная история. 1999. № 4. С. 105–108.)

[26] С.В.Тютюкин в рецензии на книгу З.Галили «Лидеры меньшевиков в русской революции» (М., 1993) упрекал автора в недооценке роли Мартова, тогда разошедшегося с Церетели, Даном и Чхеидзе, осуществлявшими официальное руководство партией. (См.: Отечественная история. 1995. № 2. С. 205.)

[27] *Сталин И.В.* Соч. М., 1947. Т. 5. С. 71. В.В.Шелохаев отмечал, что в начале XX в. «в России (как и в других странах) не было и не могло быть чисто классовых партий», существовавшие же партии отражали, по сути, не интересы отдельных социальных групп, а те или иные идеологические устремления интеллигенции. Фактически российская

многопартийность не имела социальных корней и как бы «висела в воздухе». (См.: *Шелохаев В.В.* Многопартийность, висевшая в воздухе // Политические исследования. 1993. № 6. С. 166.)

[28] *Аронсон Г.* К истории правого течения среди меньшевиков // Меньшевики после Октябрьской революции: Сб. ст. и воспоминаний Б.Николаевского, С.Волина, Г.Аронсона / Ред.-сост. Ю.Г.Фельштинский. Benson, 1990. С. 175. В.О.Левицкий, брат Мартова, в 1917 г. член Московского комитета меньшевиков и сторонник участия социалистов в работе Временного правительства, тогда же считал, что Февральская революция застала социал-демократию и рабочих неорганизованными и привела к дальнейшему расколу фракций РСДРП, несмотря на стремление меньшевиков к объединению. (См.: *Левицкий В.* Исторический очерк развития Российской социал-демократической партии. М., 1917. С. 29.)

[29] Меньшевики в 1917 г. Т. 1. С. 149–151.

[30] *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 328. По воспоминаниям Л.Г.Дейча, Плеханова встречали не менее 20 тыс. человек, и «из чрезмерной любви ко мне, – позже сообщал Плеханов, – дорогие соотечественники чуть не задушили меня на радостях». (См.: *Дейч Л.Г.* Г.В.Плеханов в России (1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 8. С. 56, 68.)

[31] *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 328–329. 26 марта 1917 г. в семье Н.С.Чхеидзе произошла трагедия: пятнадцатилетний сын Станислав стал жертвой несчастного случая – он получил смертельное ранение из-за неосторожного обращения с револьвером. Чхеидзе похоронил сына в Батуми, через несколько дней после этого встречал Плеханова, а затем и Ленина в Петрограде. (См.: *Джавахишвили Н.Г.* Грузинские социал-демократы в российской власти (1917 г.) // Социал-демократия в российской и мировой истории. С. 244.)

[32] Подробнее об отношении Плеханова к войне см.: *Костяев Э.В.* Отношение Г.В.Плеханова и его единомышленников к проблемам войны и мира в 1914–1918 годах. Саратов, 2002; *Орлов Б.С.* Георгий Плеханов и Февральская революция 1917 года. М., 2007.

[33] В 1923 г. Дейч вспоминал: «Моего старого друга... я застал в постели сильно кашляющим. Но он был очень бодро настроен и оживлен. И в последующие дни погода в Лондоне была сырая и холодная. При таких условиях его поездка мне казалась слишком опасной для его здоровья. И я поэтому пытался его уговорить, чтобы он не ехал. Но сразу,

при первых же моих словах, он сам признал, что поездка для него связана с большим риском. "Я предчувствую, – сказал он, – что долго жить в России не буду. Но не поехать я не могу. Старый солдат революции должен быть на своем посту, когда его зовут". Мои доводы в пользу того, почему он должен отложить свою поездку на более благоприятное время, на него не подействовали. Насколько он сам, как и жена его, сознавал всю опасность их поездки морем до Норвегии, показывает тот факт, что оба они у меня оставили прощальные письма, своего рода завещание, которое я должен был передать их дочерям, если они погибнут. Но Плехановым удалось благополучно приехать в Россию». (См.: *Шуб Д.Н.* Политические деятели России (1850–1920 гг.). Нью-Йорк, 1969. С. 254–256.)

[34] Исторический архив. 1998. № 3. С. 138.

[35] См.: *Шуб Д.* Г.В.Плеханов в 1917 году. Его последние дни // Русская мысль. 1958. 3 июня.

[36] *Бэрон С.Х.* Г.В.Плеханов – основоположник русского марксизма. СПб., 1998. С. 414; *Орлов Б.С., Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов и современная Россия // Отечественная история. 2006. № 6. С. 181; *Валентинов Н.* Трагедия Плеханова (К 30-летию со дня его смерти) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1948. Кн. XX. С. 270, 279, 293.

[37] Исторический архив. 1998. № 3. С. 139; *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 308. Вопрос о вхождении Плеханова в состав Временного правительства вставал несколько раз, но его кандидатура отклонялась руководством Петроградского Совета, с которым у него оказались сложные отношения. У Плеханова было в то время несколько общественных обязанностей: председатель Комиссии по улучшению материального положения железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих; редактор газеты «Единство», в которой он опубликовал более 120 статей и заметок, и др. (См.: «Плехановские прибавки». Г.В.Плеханов – председатель Комиссии по улучшению материального положения железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих // Исторический архив. 1993. № 5. С. 79–104; *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 332–335.)

[38] *Тютюкин С.В.* Указ. соч. С. 335.

[39] *Бэрон С.* Указ. соч. С. 423–424. Из-за противоречивости взглядов Плеханова и меняющейся ситуации в Китае было время, когда его считали «великим марксистом, а иногда на него смотрели как на оппортуниста». (См.: *Лю Шучунъ.* Изучение творчества Г.В.Плеханова в Китае // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 152.)

[40] Социалистический вестник. 1957. № 4. С. 67.

[41] *Николаевский Б.И.* А.Н.Потресов. Опыт литературно-политической биографии // А.Н.Потресов. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 74–75.

[42] *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 185–186, 191.

[43] Меньшевики после Октябрьской революции. С. 239.

[44] *Бэрон С.Х.* Г.В.Плеханов – основоположник русского марксизма. С. 426; *Орлов Б.С.* Георгий Плеханов и Февральская революция 1917 года. С. 90.

[45] 19 марта 1917 г. Ленин из Цюриха писал В.А.Карпинскому в Женеву, прелагая обдумать план его поездки: «Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду по ним через Англию (и Голландию) в Россию. Я могу одеть парик». Тогда же Ленин писал Карпинскому: «План Мартова хорош... Он предлагал об этом поговорить с послом германского правительства в Берне». Ленин предупреждал: «Мы ни прямо, ни косвенно участвовать не можем; наше участие испортит все. Но план, сам по себе, очень хорош, хорош и очень верен». (См.: Ленинский сборник. М.; Л., 1930. Т. XIII. С. 255–256; *Равич О.* Февральские дни 1917 года в Швейцарии // Каторга и ссылка. 1927. Кн. 30. С. 183.) Крупская вспоминала, что Ленин мечтал о самолете, на котором можно перелететь в Россию, или поездке через Швецию в качестве немого. Крупская эти идеи забраковала, так как немой мог заговорить во сне. «Заснешь, увидишь во сне меньшевиков и станешь ругаться последними словами», – сказала она. (См.: *Крупская Н.К.* Воспоминания о Ленине. М., 1979. С. 121.)

[46] *Балабанова А.* Моя жизнь – борьба. С. 153. Представители меньшевиков и эсеров тогда отклонили предложение о немедленном проезде через Германию без разрешения Временного правительства и Совета рабочих депутатов. Ленин назвал их за это «мерзавцами первой степени», которые боятся общественного мнения, заявив, что он, Зиновьев и другие едут. (См.: Ленинский сборник. XIII. С. 267, 269.)

[47] *Бурцев В.Л.* Преступление и наказание большевиков. Париж, 1938; *Мельгунов С.П.* Золотой немецкий ключ большевиков. Париж, 1940; *он же.* Как большевики захватили власть. М., 2005; *Хальвег В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990; *Земан З., Шарлау В.* Парвус – купец революции. Нью-Йорк, 1991; *Старцев В.И.* Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2001; Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания. СПб., 2001; *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». СПб., 2002; *он же.* К вопросу о так называемых «документах российской контрразведки» в

1917 году // Россия и революция 1917 года: опыт истории и теории. СПб., 2008. С. 42–47; *он же.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009; *Пирсон М.* Инесса Арманд. М., 2003; *Сикорский Е.А.* Деньги на революцию: 1903–1920. Факты, версии, размышления. Смоленск, 2004. Вместе с Лениным ехали, по уточненным данным, 32 человека, все они разделяли его взгляды. (См.: *Бьеркегрен Х.* Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. М., 2007. С. 334, 337–348; *Никитин Б.В.* Роковые годы. Новые показания участника. М., 2007; *Макаренко П.В.* Германский фактор в Октябрьской революции 1917 г. // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 30–45; и др.) К.Радек, один из пассажиров вагона, ехавший вместе с Лениным, в своей автобиографии замечал, что «не отвечают действительности легенды о пломбированном вагоне. Никаких пломб на вагоне не было, мы только обязались не выходить из вагона». (См.: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 606.) А.Ф.Керенский писал, что Ленин не был германским агентом в прямом значении этого слова, но германский генеральный штаб «выделил неограниченные ассигнования на пропаганду "социалистической революции"». (См.: *Керенский А.Ф.* Русская революция 1917. М., 2005. С. 212, 218.) С.В.Утехин, хорошо знавший Керенского в эмиграции, заявлял, что Керенский не был убежден в том, что Ленин — немецкий шпион, он даже не представлял, чем тот занимался в эмиграции. (См.: *Утехин С.В.* «Я жил в Англии и США, но никогда не принимал их подданства» // Посев. 2005. № 1.) П.Н.Милюков вспоминал, что когда он на заседании правительства сказал о германских деньгах, способствовавших перевороту, Керенский устроил истерику и ушел с совещания. (См.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 282.) А.Хараш в цюрихской газете в 1921 г. публиковал свои воспоминания об отъезде Ленина из Швейцарии в 1917 г. Он писал, что Ленин хотел покинуть Цюрих, возможно, тайно, но это ему не удалось, что желающих поехать с ним, небольшевиков, было немного. Хараш был среди провожающих и видел, как Ленин выгнал из вагона стремившегося уехать в Россию Малиновского. (См.: HIA. Boris Nicolaevsky collection. Box 216. Fol. 10. Ser. 152.) 27 марта пассажиры с цюрихского вокзала отправились в Шафхаузен, где их ждал немецкий поезд. (См.: *Сервис Р.* Ленин. Минск, 2002. С. 293.) Поезд отправился в дорогу в 15 час. 10 мин. (См.: В.И.Ленин. Биографическая хроника. М., 1973. Т. 4. С. 43.) Ленин понимал, что проезд через Германию, разрешенный властями страны, воюющей с Россией, может вы-

звать негодование европейских социалистов, и просил сторонников циммервальдского движения, писателя Р.Роллана его поддержать, но получил отказ. Во время проводов на вокзале его сторонники запели «Интернационал», противники их обзывали шпионами. (См.: *Д'Анкосс Э.К.* Ленин. М., 2002. С. 147.) Д.А.Волкогонов, проанализировав многие документы, пришел к выводу, что «немецкий фактор» не мистификация, а историческая тайна, которую пока не удалось полностью раскрыть. Но «Россия в мировой войне с помощью большевиков, говоря словами Людендорфа, была "опрокинута"». (См.: *Волкогонов Д.А.* Ленин. Политический портрет. М., 1994. Кн. 1. С. 200, 217.) В.Николаи не возражал против проезда Ленина через территорию Германии в сопровождении своих офицеров, так как считал важным возвращение радикальных революционеров в Россию для дестабилизации обстановки в стране. (См.: *Гилленсен В.М.* Вальтер Николаи — глава германской военной разведки во время Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 189–190.) М.В.Вишняк, видный деятель эсеровской партии, секретарь Учредительного собрания, позже писал, что первые сведения о большевистско-германском сотрудничестве Временное правительство получило в апреле 1917 г. от приехавшего в Петроград французского социалиста Альбера Тома. Это принудило Временное правительство прибегнуть к репрессивным мерам по отношению к большевистскому руководству. (См.: *Вишняк М.* Февральская революция и ее крушение // Социалистический вестник. 1962. № 3–4. С. 47–48.) Плеханов отреагировал на проезд Ленина и его соратников через Германию коротко: встреча с ними «для меня нравственно невозможна». (См.: *Плеханов Г.В.* Год на Родине. Т. 1. С. 119.)

[48] *Миллер В.И.* Осторожно: история! М., 1997. С. 33–39.

[49] Л.Д.Троцкий вспоминал, как после прихода большевиков к власти антибольшевистские газеты особенно критиковали Ленина за слова «грабь награбленное». «И далось им это "грабь награбленное", — с шутливым отчаянием говорил Ленин Троцкому. "Да чьи это слова? — спросил я, — писал Троцкий. — Или это выдумка?" — Да нет же, я как-то действительно это сказал, да и позабыл, а они из этого сделали целую программу. — И он юмористически замахал рукой». См.: *Троцкий Л.Д.* О Ленине. Материалы для биографа. М., 2005. С. 81.

[50] *Троцкий Л.Д.* История русской революции. М., 1997. Т. 1. С. 282, 307.

[51] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 2. С. 16, 19.

[52] См.: *Плеханов Г.В.* Год на родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг. Paris, 1921. Т. 1. С. 29, 218; *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 330.

[53] Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. С. 187–188.

[54] *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 1. С. 306.

[55] Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 185, 228, 322–325. Подробнее о выборах членов ЦК на апрельской конференции (1917 г.) большевиков см.: *Сахнин А.В.* Борьба за лидерство в руководстве РСДРП(б) в 1917 году: резервы и пределы внутрипартийной демократии // Отечественная история. 2005. № 5. С. 103–106.

[56] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. С. 19; *Юрьевский Е.* Год семнадцатый // Социалистический вестник. 1953. № 10–11. С. 194–196. А.И.Рыков отмечал, вспоминая Ленина, что он «был особенно велик в те моменты, когда он был наиболее одинок, когда его покидали очень многие, например, в тот момент, когда он в 1917 г. приехал из-за границы в Петроград. Никогда он не был более одинок и никогда он не давал более гениальных идей, хотя они на некоторое время отшатнули от него даже некоторых ближайших его сотрудников». (См.: *Рыков А.И.* Статьи и речи. 1924 г. М.; Л., 1929. Т. 3. С. 239.) Д.Штурман обращала внимание на манеру спора Ленина с Плехановым по поводу оценки его «Апрельских тезисов». Ленин не спорил по существу, когда говорил о внешнем восприятии своей речи: Плеханов назвал его речь «бредом», но разве могут сотни слушателей в течение двух часов терпеть «бредовую речь»? Почему газета Плеханова «Единство» посвятила этой речи «целый столбец», если она «бредовая» и т.д. (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 117; *Штурман Д.* О вождях российского коммунизма. Париж; М., 1993. Кн. 1. С. 82–83.)

[57] Подробнее об этом см.: *Селезнев Ф.А.* Конституционные демократы и предприниматели в 1917 году // Отечественная история. 2007. № 6. С. 118–130; *Суслов М.* Новейшая историография российского консерватизма: его исследователи, критики и апологеты // Ab Imperio. Казань, 2008. № 1. С. 253–288; *Егоров А.Н.* Проблема взаимосвязи нового либерализма и социализма в современной отечественной историографии // Российская история. 2009. № 2. С. 124–136.

[58] См.: *Шелохаев В.В.* Судьба русского парламентария (Ф.Ф.Кокошкин) // Отечественная история. 1999. № 5. С. 62.

[59] *Гусев К.В.* В.М.Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999. С. 60–62, 65; *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. С. 470. О левых эсерах см.: *Леонтьев Я.В.* «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007.

[60] *Троцкий Л.Д.* О Ленине. Материалы для биографа. С. 44.

[61] Рабочая газета. 1917. 29 июля; Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 215.

[62] *Никитин Е.Н.* Максим Горький и российские социалисты (1897–1917 гг.) // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 39, 40.

[63] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 140–142; *Ерманский О.А.* Из пережитого (1887–1921 гг.). М.; Л., 1927. С. 157.

[64] В марте 1917 г. из 70 партийных организаций, представленных на Всероссийском совещании партийных работников, 30 было объединенных. (См.: Вопросы истории КПСС. 1962. № 5. С. 123.) К концу апреля 1917 г. в стране было 440 большевистских организаций и 150 объединенных (14 тыс. человек). (См.: *Астрахан Х.М.* Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973. С. 104–105.) В марте-апреле 1917 г. объединенными были все крупные губернские организации на Урале и в Сибири. (См.: *Круглов А.А.* Меньшевики и объединенные организации РСДРП в 1917 году (на материалах Сибири и Москвы) // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции, 6–7 февраля 2001 г., Кемерово, 2001. С. 35.)

[65] *Троцкий Л.Д.* Сталин. М., 1990. Т. 1. С. 265–266; *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. М., 1989. С. 58–60; *Сахнин А.В.* Борьба за лидерство в руководстве РСДРП(б) в 1917 году: резервы и пределы внутрипартийной демократии // Отечественная история. 2005. № 5. С. 103; и др.

[66] *Николаевский Б.И.* И.Г.Церетели и его воспоминания о 1917 годе // Социалистический вестник. 1962. № 7–8. С. 113. В сборнике документов «Меньшевики в 1917 году» (Т. 1. С. 157) отмечается, что Церетели выступил на заседании Петроградского Совета 29 марта, его речь перед рабочей фракцией Совета 19 марта, т.е. в день его приезда в Петроград, не рассматривалась. Выступление Церетели опубликовано: *Церетели И.Г.* Речи. Пг., 1917. С. 5–7.

[67] Ленинский сборник. Т. XIII. М.; Л., 1930. С. 254. В.С.Войтинский вспоминал, что во время возвращения из сибирской ссылки между ним и Церетели был разговор об отношениях с большевиками. Церетели, по словам Войтинского, понимал роль Ленина для позиции большевиков и хотел встретиться с ним, чтобы объяснить «пагубность для российской революции максималистских опытов и сгово-

риться с ним о совместных действиях!» (См.: *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений / Под ред. Ю.Г.Фельштинского. Benson, 1990. С. 29.) Ю.П.Денике считал, что прекращение войны заключением демократического мира без аннексий и контрибуций стало для Церетели главной задачей революции, но он считал невозможным выход из войны без согласия союзников. Денике рассуждал: у русских марксистов была доктрина, согласно которой после падения самодержавия власть должна перейти к буржуазии. Но тогда создалось положение, когда буржуазия властью стать не смогла, а те, кто мог стать властью, брать ее не хотели. «Был ли возможен другой путь, который спас бы демократическую революцию, предотвратив большевизм? – вопрошал Денике. И отвечал: – Я этого не знаю. И тогда не знал, и теперь не знаю». (См.: *Денике Ю.* Воспоминания И.Г.Церетели // Новый журнал. Нью-Йорк, 1964. Кн. 76. С. 220–221, 225.) Церетели не испытывал к Ленину личной ненависти, в отличие от Мартова, который «просто не переносил Ленина, считая его настолько "экспозированным", что за этим уже исчезала личность». В начале 1950-х гг. Николаевский записал услышанное от Церетели признание о работах и выступлениях Ленина: «...я, конечно, читал все им написанное; за границей я слышал его два-три раза на собраниях; ни интереса, ни тем более симпатии он к себе не вызвал... С тем, что Ленин сделан из иного теста, чем другие партийные лидеры, я спорить не собирался, но мне и тогда было ясно, что это – совсем чужое "тесто", никаких симпатий во мне не вызвавшее». По мнению Церетели, «Сталин – это азиат еще в гораздо большей степени, чем был азиатом Ленин». (См.: *Ненароков А.П.* «...Действуя на сознание и совесть демократии». И.Г.Церетели как идеолог альтернативного пути русской революции // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. М., 2002. С. 346–347.)

[68] Мартов ошибался: германское правительство выпускало только тех революционеров, кто был готов в России бороться с самодержавием, дабы вывести ее из состояния войны. Так, был интернирован и задержан в Германии до 1918 г. большевик В.В.Адоратский с семьей, его не посчитали способным на активные действия против царских властей. (См.: *Литвин А.А., Литвин А.Л.* Заурядная жизнь незаурядного человека. В.В.Адоратский (1978–1945). Казань, 2008. С. 64–69.)

[69] РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 51. Л. 122–123; Свободная мысль. 1991. № 16. С. 32–33; Меньшевики в 1917 г. Т. 1. С. 242–243.

[70] РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 51. Л. 124, 127–130; Меньшевики в 1917 г. Т. 1. С. 243–246.

[71] РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 51. Л. 131–133; Меньшевики в 1917 г. Т. 1. С. 246–247.

[72] РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 51. Л. 134. Меньшевики в 1917 г. Т. 1. С. 247–248. 17 апреля 1917 г. П.Б.Аксельрод, И.С.Астров, А.С.Мартынов, Ю.О.Мартов, С.Ю.Семковский от имени Заграничной организации РСДРП заявляли, что получили телеграмму О.А.Ерманского о выходе меньшевистской газеты с выставленными нашими именами и с просьбой присылать статьи. Авторы заявления писали, что не имеют достаточных сведений о направлении газеты, редакторами которой объявлены Аксельрод, Мартов, Засулич и Потресов. Поэтому впредь до выяснения политической направленности «Рабочей газеты» они оставляют за собой право решать вопрос о сотрудничестве с ее редакцией. (См.: РГАСПИ. Ф. 451. Оп. 2. Д. 12. Л. 1–1об.) Ерманский вспоминал, что в то время посредником в его отношениях с Мартовым был проживавший в Стокгольме Ю.М.Ларин. Ларин передал Ерманскому полномочия включать Мартова и Аксельрода в ту литературную организацию, в которой будет работать он. Поэтому он и включил их в состав редакции «Рабочей газеты». (См.: *Ерманский О.А.* Из пережитого. С. 159.) Мартов по приезде в Петроград от работы в редакции «Рабочей газеты» отказался.

[73] *Хальвег В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990. С. 124. Подробнее о переезде Аксельрода, Мартова и других меньшевиков в Россию см.: *Майер Л.* Возвращение через Германию // Революционная Россия. 1917 год в письмах А.Луначарского и Ю.Мартова. М., 2007. С. 15–46.

[74] РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 54. Л. 137–138, 141–150; Меньшевики в 1917 г. Т. 1. С. 248–250. В настоящее время известно многое из истории переезда политических эмигрантов — социал-демократов в Россию. Организацией проезда поезда, на котором в Россию возвращались Ленин и его соратники, занимался швейцарский социал-демократ Фриц Платтен, поездом, в котором ехали Мартов и другие меньшевики, руководил председатель социал-демократической партии Швейцарии Роберт Гримм. Документы свидетельствуют, что Мартов и его единомышленники использовали все возможности, чтобы этот переезд стал возможен не через Германию или по условиям их обмена на немецких интернированных. В первые же дни начала революции в России в Цюрихе был создан Центральный комитет по возвращению на родину проживавших в Швейцарии эмигрантов, который объединил 560 революционеров разных взглядов.

В ЦК вошли представители 23 групп сторонников решений Циммервальдской конференции. Председателем ЦК был избран сторонник Мартова меньшевик С.Ю.Семковский.
6 марта петроградские меньшевики направили на имя Аксельрода телеграмму: «Торжествуя великую победу русского революционного пролетариата над старым режимом, собравшиеся меньшевики шлют Вам, Мартову и всем друзьям горячий привет и ждут Вашего немедленного приезда». (См.: Рабочая газета. 1917. 11 марта.) 6 апреля 1917 г. Мартов от имени заграничного секретариата РСДРП телеграфировал в адрес Петроградского Совета: «Положение наше стало невыносимым. В то время как Плеханову, Кашину и другим лицам, служащим делу империализма и поддерживающим либералов против социалистов, представляется возможность поездки в Россию, — нам в ней отказывают. Протестуем против этого. Мы твердо решили не терпеть дальше такого неравенства и добиться применения амнистии ко всем. Две недели назад мы сделали вашему товарищу председателя — Керенскому определенное предложение. Если он не хочет провести в жизнь наш проект обмена эмигрантов на немецких интернированных граждан, — что представляется единственно возможным разрешением нашего вопроса, — то мы считаем себя вправе искать других путей для того, чтобы пробраться в Россию, занять место в ваших рядах и принять участие в борьбе за дело международного социализма». (См.: *Платтен Ф.* Ленин из эмиграции в Россию. М., 1990. С. 39.)

Через день, 8 апреля, ЦК эмигрантов получил телеграмму министра иностранных дел П.Н.Милюкова о том, что он считает «проезд через Германию и обмен на немецких интернированных граждан невозможным» и предлагал ехать через Париж и Лондон. В то же время ЦК получил телеграмму из русского эмигрантского комитета в Стокгольме о том, что в Англии задержаны Троцкий, Чудновский и др. ЦК, учитывая эту ситуацию, отправил Петроградскому Совету телеграмму, в которой назвал предложение Милюкова о переезде через территорию союзников по войне издевательским. (См.: *Платтен Ф.* Указ. соч. С. 39.) 2 апреля 1917 г. член исполкома Петроградского Совета меньшевик К.С.Гриневич-Шехтер писал Мартову и Аксельроду о важности их возвращения в Россию, отмечая возмутительное отношение к этому Милюкова. (См.: РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.)

17 апреля Семковский на заседании представителей швейцарских социал-демократов заявил, что перед эмигрантами встала альтернатива: оставаться или ехать в Россию и

действовать в духе решений Циммервальдской конференции. Когда поехал Ленин, интернационалисты были против, говорил Семковский, поскольку общественное мнение еще не было готово понять, что иного пути, как через Германию, без каких-либо политических обязательств, — нет. (См.: *Платтен Ф.* Указ. соч. С. 41–42.) Однако руководители Петроградского Совета Чхеидзе, Церетели, Скобелев в телеграмме 20 апреля Заграничному секретариату ОК РСДРП по-прежнему возражали против плана проезда в Россию через Германию. (См.: РГАСПИ. Ф. 451. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.)

В конце апреля Аксельрод, Мартов и Семковский отправили на имя Петроградского Совета еще одну телеграмму: «Отстраняя проект обмена, вы нас обрекаете оставаться здесь до конца войны. Все надежды на проезд через Англию — бессмысленны, потому что это невозможно для массы эмигрантов, а мы отклоняем привилегии для нескольких, не говоря о том, что до сих пор не были в состоянии гарантировать нас против произвола Англии... Ни правительство, ни вы не даете мотивов, почему наш проект неприемлем... Наша же обязанность при таких обстоятельствах — попробовать через посредство социалистов нейтральной Швейцарии получить разрешение проезда через Германию. Все здешние политические партии русских интернационалистов разделяют наши взгляды. Соображения дипломатического характера, опасения ложного истолкования отступают для нас на задний план перед могучим долгом участвовать в великой революции. Ваша политическая обязанность защищать это решение, вынужденное положением, не позволяя смущать себя заинтересованной демагогией шовинистов». (См.: Рабочая газета. 1917. 4 мая.) Н.Н.Суханов позже замечал, что «союзные правительства с соизволения, при одобрении или просьбе Милюкова... не пускали в Россию эмигрантов "пораженческого" образа мыслей. Мартов и его ближайшие товарищи уже в мае, уже при коалиции, потеряв все надежды выбраться лояльным и естественным путем, принуждены были ехать через Германию в "запломбированном вагоне"». (См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 306.) Сбором денег для организации их поездки в Стокгольме занимался Ю.М.Ларин. В письме Аксельроду 19 марта 1917 г. он сообщал, что собрал у «сочувствующих» около трех тысяч крон. «По условию из швейцарцев в первую очередь получают на проезд по тысяче крон Аксельрод, Мартов и Ленин», — писал Ларин. (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 230.) Мартов с группой эмигрантов в 253 человека выехал из Цюриха 29 апреля 1917 г.

и прибыл в Петроград 9 мая. А.И.Балабанова была в этом поезде и вспоминала, что вагоны не были опечатаны, ехали они 3-им классом в спорах о войне и коалиционном правительстве. (См.: *Балабанова А.* Моя жизнь — борьба. С. 154–155.) Поезд сопровождал капитан фон дер Планиц, оставивший отчет, в котором отмечал, что на сей раз эмигранты оплатили билеты и везли с собой большие запасы продуктов, что «настроение едущих было очень хорошим, совершенно противоположным тому, какое царило во время первого транспорта; тогда царила почти торжественная и явная сдержанность». Третий по счету поезд с русскими эмигрантами проследовал через Германию 25 июня 1917 г. В нем находилось 200 пассажиров, среди которых были опытные организаторы и писатели. (См.: *Хальвег В.* Указ. соч. С. 145–146, 153.)

Приезд Мартова и большой группы меньшевиков-интернационалистов приветствовали многие газеты. Московские меньшевики назвали Мартова, Аксельрода и Мартынова «испытанными борцами рабочего класса России и международной социал-демократии». (См.: Вперед. 1917. 6 мая.) Всероссийская конференция меньшевиков приняла 7 мая, в день открытия, резолюцию, предлагавшую делегацию для встречи приезжавших. (См.: Рабочая газета. 1917. 10 мая.) Милюков признал, что работа Петроградского Совета оказалась под воздействием приехавших циммервальдцев. (См.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 308.)

[75] *Фишер Л.* Жизнь Ленина. М., 1997. Т. 1. С. 163.

[76] Общероссийская конференция РСДРП состоялась в Петрограде 7–12 мая 1917 г. В резолюции ОК «О коалиционном правительстве», принятой 24 апреля 1917 г., говорилось, что Совет, поддержав правительство, потеряет свое значение, «свое обаяние», станет частью правительственного аппарата и массы станут к нему в оппозицию. «Участие социалистических представителей или представителей Совета Р. и С. депутатов в правительстве при указанных условиях создает крайне неустойчивое положение, способное развязать анархию слева и справа, и может привести к неминуемому распаду власти, результатом которого будет либо победа контрреволюции, либо диктатура пролетариата, заранее обреченная сейчас на неудачу». (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 208.)

[77] РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 54. Л. 149–150; Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 456–459. Мартов, в тот же день, 22 мая 1917 г., в письме П.К.Ольбергу весьма пессимистично замечал: «Приехав сюда, мы застали положение худшее, чем ждали. Большинство влиятельных меньшевиков, бывших до

революции антиоборонцами, стали "революционными оборонцами"... Они хотят мира, но думают его достичь сложным, медленным путем, не вступая в конфликт с Англией и Америкой, которые шантажируют Россию, а пока что зовут быть готовым не только к обороне, но и к возможному наступлению, если надо будет спасать союзников». Он писал, что на меньшевистской конференции остался в меньшинстве, что его поддержали меньшевики-интернационалисты Петрограда, Харькова и Донбасса. (См.: Ю.О.Мартов. Письма 1916–1922. Benson, 1990. С. 12–13; Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 454–455.) А.И.Балабанова позже вспоминала, что отношение к циммервальдцам со стороны «правых социалистов, соглашателей и патриотов» было недружелюбное. По требованию Чхеидзе был выслан из России один из лидеров II Интернационала Р.Гримм. (См.: *Балабанова А.* Из личных воспоминаний циммервальдца. Л.; М., 1925. С. 109, 117.)

[78] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 274–277, 299.

[79] *Martow J.* Geshichte der russischen Sozialdemokratie mit einem Nachtrag von Th.Dan: Die sozialdemokratie Ruslands nach dem Jahre 1908. Berlin, 1926. S. 297–298.

[80] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 348.

[81] В.Д.Набоков, управляющий делами Временного правительства, кадет, в 1918 г. утверждал, что роковую роль в истории русской революции сыграл социалист Керенский. (См.: *Набоков В.* Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. I–II. С. 37.)

[82] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 310.

[83] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 358–359.

[84] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 112–113. См. также: *Николаевский Б.И.* П.А.Гарви в России // *Гарви П.А.* Статьи о жизни и деятельности П.А.Гарви. Нью-Йорк, 1946. С. 25.

[85] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 2. С. 184. Суханов отмечал, что Мартова встречали в Петрограде как человека, «резко враждебного советскому правящему блоку. И было несомненно, что партийный лидер станет в резкую оппозицию к участникам коалиции, к противникам "полного доверия и поддержки"... Поистине, этот гость был не ко времени». (Там же. С. 180.) Суханов в конце мая 1917 г. стал меньшевиком-интернационалистом. В партию его рекомендовал Мартов. (Там же. С. 186.)

[86] *Галили З.* Меньшевики и проблема коалиционного правительства: позиция революционных оборонцев и ее политические последствия // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 98, 105–107.

[87] *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции

ции. Кн. 1. С. 127, 136. Церетели предлагал три условия вступления в коалицию: 1. Социалисты составляют только меньшинство в кабинете; 2. Условия, касающиеся их программы, ограничиваются вопросами войны и мира; 3. Совет полностью доверяет коалиционному правительству. (Там же. С. 138–143.) И.Г.Церетели стал министром почт и телеграфов, М.И.Скобелев — министром труда.

[88] *Миллер В.И.* Меньшевистская партия в 1917 году. Фрагменты истории в оценках российского исследователя // Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 62; Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 140; *Гетцлер И.* Мартов. Политическая биография российского социал-демократа. С. 197.

[89] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 272. По данным «Партийных известий» (15 июля 1917 г.), на конференции были представлены 27 меньшевистских организации, объединенных — 23. Меньшевистские организации представляли 30 542 члена, объединенные — 10 145, т.е. всего было представлено 40 687 человек. (См. также: *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 348.)

[90] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 357–359, 439.

[91] Там же. С. 457. Один из делегатов, недовольных позицией Мартова, заявил: «Когда я уезжал на конференцию, мне все завидовали, потому что я смогу увидеть наших лидеров. Сейчас я увидел их и завидую тем, кто остался дома». В ответ на эти слова раздалось два-три хлопка, свидетельствовала «Новая жизнь» 13 мая 1917 г. (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 435.)

[92] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 457.

[93] *Гарви П.А.* Записки социал-демократа (1906–1921). Newtonville, 1982. С. 293–295. Гарви писал об этом же сразу после смерти Мартова: «Вскоре после приезда в Питер из заграницы в мае 1917 г. ближайшие друзья Юлия Осиповича, разошедшиеся с ним по вопросам тактики в революции, две ночи напролет собирались у Ф.Дана. Дни тогда принадлежали не нам. Помню К.М.Ермолаева, Г.Батурского, Б.Горева. Были, кажется, еще Ф.Череванин и И.Церетели. С обеих сторон проявлено было самое горячее и искреннее желание найти общий язык, договориться, хотя бы на компромиссе. Надо было видеть, как мучительно искал Мартов вместе с нами возможности по-прежнему спеться, восстановить единство меньшевизма, преодолеть тяжелый и губительный раскол! Ни к каким результатам эти две бессонные белые ночи в разгар революционных бурь не привели. Мартов остался на своей позиции. Мы тоже не могли убедить его доводами... Но выходя ранним утром из душной комнаты на пустынную Мытнинскую улицу, мы долго еще делились

с покойным К.Ермолаевым впечатлениями от этой пред нашими глазами разыгравшейся внутренней драмы большого человека, который волею революции был поставлен в необходимость выбирать между дружбой и истиной, – тем, что он со всей страстью убеждения считал истиной. Нам понятен был его выбор. И как ни горько было крушение вспыхнувшей было надежды договориться с Юлием Осиповичем, но еще более дорог стал он нам тем, что выдержал нелегкое испытание». (См.: *Гарви П.А.* Штрихи к портрету // Социалистический вестник. 1924. № 7/8. С. 15.)

[94] *Николаевский Б.И.* И.Г.Церетели и его воспоминания о 1917 годе // Социалистический вестник. 1962. № 7–8. С. 112; *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений. С. 29; *Николаевский Б.И.* П.А.Гарви в России // *Гарви П.А.* Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк, 1946. С. XXXV.

[95] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 527.

[96] См.: *Getzler I.* Iulii Martov, the leader who lost his party in 1917. A second look at Martov on the 70-th anniversary of his death // The Slavonic and East European Review. 1994. Vol. 72. № 3. P. 424–439.

[97] Летучий листок меньшевиков-интернационалистов. 1917. № 1; Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 508–513; *Хеймсон Л.* Меньшевики: политика и проблема власти в 1917 году // РСДРП (о) в 1917 году. Документально-исторические очерки. М., 2007. С. 374–376.

[98] Революционная Россия. 1917 год в письмах А.Луначарского и Ю.Мартова. С. 56.

[99] *Троцкий Л.Д.* Предисловие // *Иоффе А.* Крах меньшевизма. Пг., 1917. С. 7. А.А.Иоффе (1883–1927) – единомышленник и друг Троцкого, социал-демократ, делегат майской 1917 г. конференции меньшевиков. Не выдержав возникших распрей среди руководства конференции, Иоффе покинул ее, заявив о крахе меньшевизма. Вместе с Троцким и «межрайонцами» в августе 1917 г. он вступил в партию большевиков. Троцкий позже более резко высказывался о позиции Мартова в 1917 г.: «У фракции Мартова, не покидавшей общей партии, не было своей газеты, как не было и своей политики. Как всегда во время больших исторических событий, Мартов безнадежно растерялся и повис в воздухе. В 1917 году, как и в 1905-м, революция почти не заметила этого выдающегося человека». (См.: *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 1. Февральская революция. М., 1997. С. 232.) С этой оценкой Троцкого трудно согласиться. У Мартова была своя газета, а главное – позиция, направленная на сохранение единства партии, позже переросшая в идею создания единого социалистического правительства в стра-

не. Он не потерялся в революции, защищая свою принципиальную позицию, и стал одной из ее главных действующих фигур. Троцкий знал Мартова с 1902 г., а в 1903 г. примкнул к меньшевикам и в своих воспоминаниях называл Мартова изобретательным политиком, даровитым писателем, человеком проницательного ума. (См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Кн. 1. С. 190.) Они сотрудничали до перехода Троцкого к большевикам. См., например: Переписка Ю.О.Мартова и Л.Д.Троцкого. Ноябрь 1910 г. – август 1912 г. // Исторический архив. 2009. № 2. С. 25–64; и др.

[100] 12 мая 1917 г. Мартов заявил на меньшевистской конференции по поручению Аксельрода о невозможности для него работать в Организационном комитете, но позже, 22 мая, в письме П.К.Ольбергу писал, что Аксельрод «решил войти в ОК, чтобы изнутри влиять на них. Я считаю это бесполезным ввиду того, что ОК связан опасением помешать министрам». (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 435, 451, 455.)

[101] Подробнее об этом см.: *Соболев Г.Л.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. С. 204, 211; *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. С. 238–240. Церетели рассказал, как после совещания с Гриммом его позвал к себе Дан, живший в одной квартире вместе с Мартовым. «В частных разговорах о большевиках Мартов был гораздо интереснее, чем в своих публичных выступлениях, – вспоминал Церетели. – Описывая поведение Ленина на совещании, он иронически оттенял противоречие между политическими взглядами Ленина, считавшего продолжение войны полезным для революции, и его демагогической агитацией в массах, которым он проповедовал необходимость немедленного прекращения войны. – Для Ленина, говорил Мартов, такие явления, как война или мир, сами по себе никакого интереса не представляют. Единственная вещь, которая его интересует, это революция, и настоящей революцией он считает только ту, где власть будет захвачена большевиками. Я задаю себе вопрос, что будет делать Ленин, если демократии удастся добиться заключения мира. Очень возможно, что в этом случае Ленин перестроит всю свою агитацию в массах и станет проповедовать им, что все беды послевоенной поры происходят от преступления демократии, состоящего в том, что она преждевременно закончила войну и не имела мужества довести ее до полного разгрома германского милитаризма. Такие замечания Мартова показывали, как хорошо понимал он сущность большевизма. Тем более было удивительно, что и на Мартова, и на Гримма, и на все левые фракции больше-

визм оказывал какое-то магнетическое влияние, заставлявшее их стремиться к созданию общего фронта социалистической демократии с большевизмом». Церетели подробно рассказал, как он, Скобелев, Мартов и Аксельрод беседовали с Гриммом, пытаясь выяснить достоверность его связей с германским правительством, по поручению которого он призывал Временное правительство к заключению сепаратного мира. Церетели отмечал, что уже в эмиграции Мартов вновь встретился с Гриммом и тот ему признался, что перед поездкой в Россию в 1917 г. действительно встречался с Гофманом, просившим его способствовать заключению сепаратного мира. Церетели заключал: Гримм «не был, конечно, германским агентом. Но, приняв предложение Гофмана сотрудничать с ним, он фактически стал орудием германского правительства в попытке последнего отделить Россию от западных союзников». (См.: *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. С. 242, 246–270. О деле Р.Гримма см. также: *Гарви П.А.* Записки социал-демократа (1906–1921). С. 296–300.)

[102] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 252–254.

[103] *Ascher A.* Pavel Axelrod and the development of menshevism. Cambridge, 1972. P. 323–325. В 1917 г. были изданы брошюры Аксельрода: Борьба за мир и восстановление Интернационала. Пг., 1917; Вторая Кинтальская конференция. Пг., 1917; статьи: П.Б.Аксельрод о борьбе за мир (письмо из Цюриха от 20 марта 1917 г.) // Известия Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 7 мая; П.Б.Аксельрод о тактике с.-д. в русской революции // Рабочая газета. 1917. 5 мая; и др. О деятельности Аксельрода в 1917 г. см. также: *Савельев П.Ю.* П.Б.Аксельрод: человек и политик (1849?–1928) // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 182–184; *Ненароков А.П.* Последняя эмиграция Павла Аксельрода. М., 2001. С. 52–56; и др.

[104] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 459–462.

[105] *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Т. 1. С. 305–306. В удостоверении Аксельрода говорилось, что он «уполномочен Организационным Комитетом Российской социал-демократической рабочей партии принять участие в подготовительных работах по созыву международной социалистической конференции и для участия в самой конференции в качестве делегата Российской социал-демократической рабочей партии». Удостоверение было выдано Аксельроду 5 августа 1917 г. и подписано товарищем председателя ОК К.М.Ермолаевым и секретарем ОК Б.С.Цейтлиным. (См.: HIA. Boris Nicolaevsky collection. Box IV. Fol. 4b–1. Ser. 1b.)

[106] *Бернштейн Э.* Павел Аксельрод, интернационалист // Социалистический вестник. 1925. № 15/16. С. 25.

[107] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 331, 515.

[108] *Потресов А.Н.* Роковые противоречия русской революции // *Потресов А.Н.* Избранное. М., 2002. С. 182–193; *Галили З.* От группы кружков до зенита политического влияния // Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 96–97.

[109] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 381–383.

[110] *Медушевский А.Н.* Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6. С. 24.

[111] *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 120.

[112] *Гарви П.А.* Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк, 1946. С. 245, 246.

[113] *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. С. 36, 58.

ГЛАВА III

I Всероссийский съезд Советов

Первый Всероссийский съезд Советов (3–24 июня 1917 г.) собрал 1090 делегатов. Среди них были 822 делегата с решающим голосом, 268 — с совещательным. 777 делегатов заявили о своей партийной принадлежности: эсеров — 285, меньшевиков — 248, большевиков — 105, меньшевиков-интернационалистов — 32, внефракционных социалистов — 73, объединенных социал-демократов — 10, бундовцев — 10, примыкающих к группе Плеханова «Единство» — 3, народных социалистов — 3, трудовиков — 5, стоящих на платформе эсеров и социал-демократов — 2, анархист-коммунист — 1, сочувствующих эсерам — 20, меньшевикам — 8. О партийной принадлежности других делегатов неизвестно. Однако заявленное число делегатов съезда не было постоянным, многие из них уезжали, не дождавшись его окончания[1].

Повестка дня съезда предусматривала обсуждение таких животрепещущих вопросов, как оборона страны и борьба за мир, революционная демократия и правительственная власть, подготовка к выборам в Учредительное собрание, аграрные, продовольственные, национальные, финансовые и иные проблемы. На съезде с изложением своих взглядов выступили лидеры большинства политических партий и групп, участвовавших в его заседаниях[2].

Н.С.Чхеидзе открыл съезд и председательствовал на его первом вечернем заседании. Вначале выступили Р.Абрамович и Ю.Мартов с протестами против вы-

сылки социалиста Р.Гримма из России министрами-социалистами. Им возразили И.Церетели и М.Скобелев, разъяснив правильность своей позиции в отношении Гримма. О своей солидарности с их позицией заявил и А.Керенский. В дискуссии приняли участие от большевиков Г.Зиновьев, меньшевиков — М.Либер, эсеров — А.Гоц. В результате была принята резолюция, подписанная Либером, Гоцем, В.Войтинским и другими, поддержавшими точку зрения о правомерности высылки Гримма из России. С обсуждения этого вопроса началось на съезде противостояние между Церетели и Мартовым. На вопрос Мартова к делегатам съезда: «Даете ли вы полномочия тов. Церетели высылать всякого гражданина?» — раздались голоса: «Даем, даем!» Тогда Мартов обратился к своим товарищам, меньшевикам, с другим вопросом: как они могут позволить своему министру высылать из страны «любую категорию граждан»? И получил окрик одного матроса: «Церетели не министр, а совесть российской революции». Мартов парировал: «Именно по отношению к совести предъявляются такие требования, чтобы она не считала себя вправе действовать репрессиями на основании неограниченных возможностей». Он утверждал, что «русская революция обесчестит себя в тот день», когда будет преследовать тех, кто иначе мыслит[3].

Н.Н.Суханов, член Исполкома Петроградского Совета и делегат съезда, позже так описал эту полемику: «Большинство собрания не имело понятия о том, кто такой Мартов, какой он партии, что он доселе делал на свете... Было достаточно, что оратор резко обвиняет в чем-то Церетели, тоже социалиста и притом министра... Поднялась вакханалия... Мартов был взволнован открывшейся перед ним картиной. У его ног волновалась темная стихия... Казалось, эта темная сила физически напирает на трибуну и вместе на революцию, а щуплая фигурка Мартова, угловатая, скромная, не воинственная, героически противостоит жадному, нечленораздельному, бессмысленно рычащему чудовищу. Даже Троцкий не выдержал этого зрелища. "Да здравствует честный социалист Мар-

тов!" — закричал он, подбежав к трибуне и формулируя свое настроение»[4].

Второе заседание открыл секретарь президиума съезда Е.П.Гегечкори. С докладом об отношении Петроградского Совета и революционной демократии к Временному правительству выступил Либер. «После доклада Либера, доклада довольно пустого, прения продолжались целых пять дней», — вспоминал Суханов[5]. В прениях выступали лидеры всех фракций, чаще других Церетели и Скобелев, с обоснованием необходимости поддержки коалиционного Временного правительства. Речь Церетели была наиболее ярка и убедительна. Он подчеркнул, что основная трудность работы Временного правительства состоит в том, что оно должно действовать в состоянии войны, начатой не им. Заключить мир, по его мнению, возможно, если об этом договорятся все союзники России в продолжающейся войне. Церетели высказался против сепаратного мира с Германией, за организацию наступления на фронте, за решение насущных социальных проблем в ходе заседаний избранного Учредительного собрания. Он сказал, что в России идет «упорная, ожесточенная борьба за власть» и что «в настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Такой партии в России нет». На это Ленин с места бросил реплику: «Есть». Церетели назвал подобные заявления безответственными и предупредил, что власти сделают все возможное для предупреждения гражданской войны в стране[6].

Ленин начал свое выступление вслед за речью Церетели с критики деятельности социалистов-министров Временного правительства. Он был приверженцем передачи всей полноты власти в руки Советов. И теперь, на съезде Советов, он был предупрежден о том, что правительство готово воспрепятствовать любым попыткам насильственного захвата власти. Ленин назвал Советы «правительством», созданным революцией, которое «рядом с буржуазным правительством существовать не может». Поэтому, по мысли Ленина,

Советы или возьмут всю полноту власти, или будут разогнаны «контрреволюционными генералами». Ленин вновь подтвердил готовность большевиков взять власть: «Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком. (Аплодисменты и смех.) Вы можете смеяться сколько угодно, но если гражданин министр поставит нас перед этим вопросом рядом с правой партией, то он получит надлежащий ответ. Ни одна партия не может от этого отказываться. И в момент, пока существует свобода, пока угрозы арестом и отправкой в Сибирь, — угрозы со стороны контрреволюционеров, в коллегии с которыми находятся наши почти социалистические министры, пока это только угроза, в такой момент всякая партия говорит: окажите доверие нам, и мы вам дадим нашу программу». Ленин предложил свою программу действий, если большевики окажутся у власти, и в заключение заявил: «Переход власти к революционному пролетариату при поддержке беднейшего крестьянства есть переход к революционной борьбе за мир в самых обеспеченных, в самых безболезненных, какие только знает человечество, формах, переход к тому, что власть и победа за революционными рабочими будет обеспечена и в России, и во всем мире. (Аплодисменты части собрания.)»[7]

Ленину возразил Керенский, сказав, что он против передачи всей полноты власти Советам. Керенский подверг критике ссылки Ленина на появление подобных народных учреждений в 1792 г. и в 1871 г. во Франции и в 1905 г. в России, потому что 1792 г. закончился во Франции падением республики и появлением диктатора, а в России после 1905 г. стала наступать реакция. Он был не согласен с программным заявлением Ленина, предложившим арестовать 50 или 100 «крупнейших миллионеров» для налаживания хозяйственной жизни в стране. «Я должен сказать, — продолжал Керенский, — что, вероятно, сам гр. Ленин забыл, что такое марксизм. Я полагаю и скажу ему, что такой человек не может называться социалистом, потому что социализм никогда не предлагал переносить вопросы

экономической борьбы... в плоскость, где пользуются рецептами первобытных правителей, азиатских деспотов, — арестовывать людей». Скобелев по поводу выступления Ленина заявил, что ему «как марксисту чрезвычайно неловко было выслушивать здесь поучения народника марксисту. (Аплодисменты, смех.)»

Мартов вступился за итоги Французской революции, заявив, что в выступлениях Керенского и Чернова они трактовались неверно, так как эта революция оставила человечеству «великое наследие», а не только бросила страну «в объятия военного диктатора». Он подчеркнул также, что марксизм «отвергает применение насилия по отношению к друзьям революции», но не по отношению к ее врагам. Мартов призвал к немедленному созыву Учредительного собрания и быстрейшему выходу из войны. Мартов был против как ленинского предложения о переходе власти к Советам, так и предложений о поддержке коалиционного правительства. Мартов был против передачи власти Советам, потому что демократия льнет к компромиссу с буржуазным либерализмом и вместо революционного давления на буржуазию ее поддерживает. Он считал, что Советы еще не созрели для взятия власти и тем более для ее удержания. «Ни к чему другому, как к реакции в пользу империалистических элементов буржуазии — быть может, после кратковременного эпизода "диктатуры пролетариата" — такое положение не привело бы», — заключал Мартов. Вместе с тем он не исключал, что переход власти в «руки мелкобуржуазной демократии станет в процессе развития революции, рано или поздно, политической необходимостью».

Мартов предлагал сосредоточиться на завоевании Советами политической независимости, роли организованного авангарда демократической революции. Это предложение Мартова З.Галили назвала абстрактным, а П.Б.Савельев и С.В.Тютюкин — неконкретным. Дальнейшее развитие событий, прежде всего июльский кризис, заставило Мартова внести существенные коррективы в эти прогнозы. Выступления Мартова на съезде позволяют получить представление о прави-

тельстве, которое бы соответствовало его принципам. Такое правительство, по его мнению, должно было олицетворять не только сильную власть, которая «все рассудит», а и организованную силу демократии. При продолжении революции, считал он, «порядок сверху наладить еще нельзя». «Нам нужно правительство, — говорил Мартов, — которое представляло бы средние демократические элементы России, оставляя нас независимыми от него. Надо было в свое время твердо отказаться от власти вместо того, чтобы нетвердо на нее согласиться». Кредо Мартова — демократическое правительство. Он говорил Керенскому: «Марксистом можешь ты не быть, но демократом быть обязан». Французская революция, подчеркивал Мартов, «умерла не от Бонапарта, а потому, что не сделала всего, что нужно для свободного развития демократических принципов». Мартов считал, что демократическое правительство не должно иметь «неограниченных полномочий», держать одновременно «оружие революционной борьбы и оружие полицейской расправы», что оно не вправе бороться с инакомыслием.

Из выступлений Мартова на съезде следовало, что он был за вполне конкретное демократическое правительство в России. Именно так понял его и Н.Н.Суханов, сторонник Мартова и делегат съезда. «Что же должно быть после вместо коалиции? Я решал этот вопрос совершенно определенно: должна быть диктатура демократии, рабочих и крестьян, против буржуазии», — писал Суханов. Но когда он хотел выступить с этим предложением, Мартов возразил. Он полагал, что съезд Советов должен «управлять творчеством русской революции». Противоречий в высказываниях Мартова не было: он был за демократическое (позже однородное социалистическое) правительство, но считал, что в июньской России 1917 г. время для него не пришло. По мнению Дана, лозунг «Вся власть Советам» относился к «революционной романтике», поэтому он защищал право на существование коалиционного правительства[8].

З.Галили заметила, что на I Всероссийском съезде

Советов министры-социалисты выступали скорее в роли членов правительства, а не лидеров партии и уже потому шансов на создание единой социал-демократической партии не было. Меньшевикам, сторонникам коалиции, легче было объединиться с эсерами, чем с большевиками, призывавшими к передаче власти Советам, или меньшевиками-интернационалистами, выступавшими за выход социалистов из кабинета министров[9].

Речи меньшевиков, представителей различных регионов страны, в основном касались коалиционного состава Временного правительства и вопросов войны и мира. А.А.Никольский (Иркутск) заявил, что «в основе этой революции лежит коалиция тех сил, которые именуются социалистической демократией, с одной стороны, и буржуазной демократией — с другой стороны, и что эта коалиция является основной силой». Подобную коалицию он приветствовал. Меньшевик-интернационалист Э.К.Соколовский отметил, наоборот, что участие представителей Совета, особенно социал-демократов, во Временном правительстве «было большой политической ошибкой». Его поддержал А.Я.Канторович, выступавший от группы объединенных социал-демократов-интернационалистов. Он иронизировал: вожди партий «мало говорили о деятельности правительства и так много о том, почему его нужно поддерживать», но если полагать, что проводимая этим правительством политика «есть политика революционной демократии», то это будет «жестоким заблуждением».

Дискуссии о том, необходимо ли было социал-демократам принимать участие в работе коалиционного правительства, продолжались всю первую неделю работы съезда. Перед голосованием четырех резолюций, представленных большевиками, объединенными социал-демократами-интернационалистами, меньшевиками-интернационалистами, меньшевиками и эсерами, выступили представители всех групп. Церетели подчеркнул, что необходимость коалиционного правительства важна в виде соглашения революционной

демократии с буржуазией для того, чтобы совместными усилиями решить многие возникшие задачи. Либер отметил, что «Совет не берет в свои руки власть не потому, что не может, а потому, что он взять ее не хочет». Либер разъяснял, что, взяв власть, Советы вынуждены были бы возложить на себя всю ответственность за решение многих вопросов, которые в данной обстановке партии, представленные в Советах, без помощи либеральных партий, представлявших различные слои населения, решить не могут. Каменев огласил большевистскую резолюцию, призывавшую к переходу всей государственной власти в руки Советов. Б.Н.Бер от имени меньшевиков-интернационалистов предложил две резолюции: принципиальную и конкретную. В них критиковались действия Временного правительства и содержался протест против участия социал-демократов в его работе. Резолюции предлагали созвать Учредительное собрание не позже 1 сентября 1917 г., ускорить проведение в жизнь экономических и финансовых мероприятий, созвать конференцию воюющих стран для заключения перемирия. Дан зачитал проект резолюции, принятой фракциями меньшевиков и эсеров, в которой защищалась необходимость создания коалиционного правительства и одобрялась деятельность министров-социалистов. В резолюции предлагалось ускорить проведение земельной реформы и мирных переговоров, объединиться с учреждениями, представляющими крестьянство, ускорить созыв Учредительного собрания. В результате была принята резолюция, предложенная меньшевиками и эсерами, за нее проголосовали 543 делегата при 126 противниках и 52 воздержавшихся, отсутствовали во время голосования 65 делегатов[10].

Утром 9 июня на съезде дебатировался вопрос о функционировании Государственной думы и Государственного совета. Б.О.Богданов, меньшевик и член президиума съезда, говорил о том, что Дума в ходе революции перестала быть органом законодательной власти и потому финансирование ее деятельности нужно прекратить, но ее представители могут собираться,

устраивать свои собрания, как и другие граждане демократической России, как это делают Ленин и Троцкий. Богданов, будто бы предвидя будущее, подчеркнул: «Я глубоко убежден, что те, которые аплодируют сейчас, сейчас же выйдут и скажут: прекратите свободу слова для буржуазии, прекратите свободу слова для всех, кроме большевиков». Он был уверен в том, что свободой слова должны обладать все граждане страны. Мартов считал важным видеть разницу между мелкобуржуазной и социалистической демократией, но не объяснил различие между ними, сославшись на учение Маркса. Он требовал принятия закона о роспуске Государственной думы и Государственного совета.

Бурно обсуждался на съезде и вопрос о выходе из войны, по которому выступали Керенский, Дан, Ленин, Мартов, Троцкий, Церетели, Плеханов и другие. Все они были против заключения сепаратного мира с Германией, но Мартов сомневался в том, что русская армия должна перейти в наступление, и резко отрицательно отнесся к заявлению Керенского о связи Ленина с немецкими деньгами. Принятая делегатами резолюция предлагала всем воюющим странам мир без аннексий и контрибуций с оговоркой, что, «пока войне международными усилиями демократии не положен конец, русская революционная демократия обязана всемерно содействовать усилению боевой мощи нашей армии... ибо крушение русского фронта было бы поражением русской революции и тяжким ударом делу международной демократии». Мартов критиковал лидеров «оборонцев» за неуверенную политику лавирования (нельзя рассчитывать на пробуждение масс и одновременно на одобрение союзников). Он считал, что если союзники не согласятся на мир без аннексий, то следует с ними порвать и это будет уже не сепаратный мир, а революционный выход из войны. Мартов был и против ленинского перекраивания карты мира на основе принципа самоопределения народов. Резолюция, предложенная съезду меньшевиками-интернационалистами, напрямую увязывала успешное развитие революции в России с прекращением войны.

Поэтому они требовали от правительства немедленных переговоров о мире. М.И.Либер, выступивший от имени коалиции, жаловался на съезде на то, что «длящаяся революция в обстановке войны создает огромные затруднения».

Во время этих дебатов Чхеидзе неожиданно заявил о готовящейся 10 июня демонстрации в Петрограде и что, «если не будут приняты соответствующие меры вами, съездом, завтрашний день может быть роковым». Е.П.Гегечкори, член и секретарь президиума съезда, заявил о решении не допускать каких-либо вооруженных демонстраций без постановления Петроградского Совета и прочитал обращение большевиков, готовящееся к публикации в газете «Правда», которым граждане призывались на демонстрацию протеста против политики Временного правительства. Он назвал такой призыв «ударом делу революции» и зачитал подготовленное обращение к солдатам и рабочим не выходить на демонстрацию. В результате съезд принял резолюцию, запрещавшую всякие демонстрации 11–13 июня. Большевики, делегаты съезда, отказались эту резолюцию принять[11]. Последующие заседания съезда проводились в Таврическом дворце.

История подготовки большевиками июньской демонстрации в Петрограде достаточно полно изучена в исторической литературе[12]. Известно, что вопрос о проведении вооруженной или мирной демонстрации в Петрограде обсуждался на заседаниях Петербургского комитета большевиков с 6 июня 1917 г. Среди большевистского руководства не было единогласия по поводу проведения демонстрации. Идея проведения совместной демонстрации рабочих и солдат представлялась целесообразной Ленину, Я.М.Свердлову, И.В.Сталину, М.М.Володарскому и другим. Против проведения демонстрации были Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев, В.П.Ногин, М.П.Томский. 8 июня «Правда» сообщала о совместном совещании большевистского руководства с представителями профсоюзов и воинских частей. После выступлений представителей различных организаций выяснилась, как сообщала газета, «картина

нарастающего движения, охватывающего очень большие круги рабочих и солдат, — гораздо более широкие круги, чем только большевистские». Подавляющее большинство участников совещания высказалось за проведение демонстрации. Однако решение съезда Советов о трехдневном запрете всяких демонстраций в городе, предупреждающее выступление Церетели и других советских работников отрезвили сторонников демонстрации. 10 июня «Правда» опубликовала сообщение ЦК большевиков об отмене демонстрации, назначенной на этот день. Большевистское руководство было вынуждено принять такое решение, боясь открыто противопоставить себя запрету съезда на демонстрации и недвусмысленной угрозе в свой адрес, прозвучавшей в выступлении на съезде Церетели. Тогда же было опубликовано постановление Временного правительства, заслушавшего 9 июня информацию А.Ф.Керенского и М.И.Скобелева о готовящемся выступлении большевиков: «Ввиду распространяющихся по городу и волнующих население слухов Временное правительство призывает население к сохранению полного спокойствия и объявляет, что всякие попытки насилия будут пресекаться всей силой государственной власти».

11 июня на экстренном заседании Петербургского комитета большевиков П.А.Залуцкий сообщил, что Дан и Церетели готовят суд над большевиками. Ленин назвал речь Церетели против большевиков исторической и истерической. Он согласился с теми, кто был недоволен отменой демонстрации, но заявил, что иначе ЦК поступить не мог. «Даже в простой войне случается, что назначенные выступления приходится отменять по стратегическим причинам, тем более это может быть в классовой борьбе»... — говорил он в оправдание.

Дан и Церетели выступили 11 июня против большевиков в помещении кадетского корпуса на Васильевском острове на собрании членов исполкома Петроградского Совета, членов президиума Всероссийского съезда Советов и членов бюро фракций этого съезда.

Дан предлагал осудить большевиков и запретить вооруженные демонстрации. Церетели был настроен более решительно: «Мы уже не можем удовлетворяться одной идейной борьбой с большевизмом и словесным запрещением вооруженных нападений, но мы должны вместе с тем принять практическую меру, запрещающую их возможности вооруженных нападений на демократический строй». Мартов, Дан, Л.Г.Шапиро и другие меньшевики предложение Церетели не поддержали. Мартов высказал опасение, что Церетели своими предложениями разрушает основу российской демократии. Он заметил: «Здесь много говорят об авантюризме большевиков. Но не забывайте, что вы имеете дело не с кучкой большевиков, а с громадной массой рабочих, которые стоят за ними. Вместо того, чтобы стремиться оторвать эту массу от влияния большевиков, вы хотите прибегнуть к мерам, которые выроют пропасть между вами и наиболее активной частью пролетариата... Вместо применения силы не следует ли сказать рабочим, что их недовольство законно и что съезд ускорит проведение в жизнь назревших реформ контроля и организации промышленности?»[13].

Л.Хеймсон задался вопросом о том, какую цель преследовал Ленин, выступая за вооруженную демонстрацию? Он сослался на отсутствие документальных данных о том, что преследовалась цель передать власть съезду Советов или что большевики готовили заговор, чтобы самим захватить власть. По его мнению, убедительное объяснение цели готовящейся демонстрации дал Н.И.Подвойский 6 июня на объединенном митинге Военной организации большевиков и Исполнительной комиссии Петербургского комитета. Подвойский заявил, что вооруженная демонстрация должна была усилить большевистское влияние и подорвать репутацию съезда Советов, но сохранить привлекательность самих Советов как органа власти. Подобного взгляда придерживался и Ленин, когда говорил: «Мы шли на мирную демонстрацию, чтобы оказать максимум давления на решения Съезда — это наше право, а нас обвиняют, что мы устроили заговор, чтобы арестовать пра-

вительство»[14]. Наверное, в июне большевики провели первую пробу сил в борьбе за власть, она завершилась для них неудачно, но для пропаганды большевизма это было важно: о них заговорили, их посчитали серьезными противниками, но на решительные меры, кроме устных угроз, власти оказались неспособны.

12 июня, на очередном заседании съезда, Б.О.Богданов предложил от имени президиума провести 18 июня политическую мирную демонстрацию под лозунгами борьбы за мир, скорейших выборов в Учредительное собрание и сплочения масс вокруг Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В комиссию по ее проведению предлагалось ввести представителей фракций большевиков и меньшевиков, представлявших интересы рабочих. Затем на этом же заседании съезда с гневной речью от имени большевистской фракции выступил В.П.Ногин. Он заявил, что у большевиков есть право на проведение демонстраций под своими лозунгами и они против антидемократических ограничений в свой адрес. Председатель этого заседания съезда Е.П.Гегечкори прервал выступление Ногина и предоставил слово Либеру для оглашения резолюции о событиях 9–10 июня, в которой осуждалась попытка большевиков втайне от съезда провести демонстрацию. Во время начавшихся прений о том, следовало ли какой-то партии проявлять инициативу в проведении демонстрации без решения съезда, Либер заметил, что в выработке предложенной резолюции принимал участие и Мартов[15], т.е. сослался на одного из авторитетнейших делегатов съезда. Резолюция, осуждавшая действия большевиков, делегатами съезда была принята.

18 июня состоялась демонстрация рабочих и солдат Петрограда, ставившая, по мысли руководства съезда, своей целью объединить все его фракции. Но представители фракций предложили свои лозунги. Президиум съезда был за проведение демонстрации под лозунгами: «Да здравствует Интернационал!», «Да здравствует Учредительное собрание!», «Да здравствует всеобщий мир без аннексий и контрибуции с правом народов на

самоопределение!». Меньшевики-интернационалисты предложили свой лозунг: «За заключение перемирия на всех фронтах!». Но среди демонстрантов преобладали большевистские лозунги: «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Советам! Хлеба, мира, свободы». Единодушной поддержки коалиционному правительству, на что рассчитывал президиум съезда, демонстранты не выразили. Ф.А.Череванин, меньшевик и делегат съезда, писал 20 июня 1917 г. в «Рабочей газете»: «Манифестация 18 июня превратилась в манифестацию недоверия Временному правительству. Конечно, желательно было избежать всеми силами уличного столкновения противоположных манифестаций, но не такой ценой! Лучше было предоставить ленинцам устроить исключительно свою манифестацию, но нельзя было оказывать всем своим весом, всем своим влиянием фактическую поддержку ленинцам и их лозунгам». Демонстрация 18 июня свидетельствовала о росте недоверия рабочих и солдат Петрограда коалиционному правительству.

19 июня Церетели, Скобелев и В.С.Войтинский приветствовали начавшееся наступление русской армии на фронте. С отдельным мнением по этому поводу выступил Мартов. Он полагал, что без определения политических целей войны, в новых революционных условиях, со старыми захватными целями войну продолжать нельзя, поэтому его фракция политическую ответственность за это армейское наступление нести не может. Богданов, возражая Мартову, отметил, что он вместе с ним стремится к завершению войны, но путь к миру еще не найден, а наступление укрепит боеспособность армии, стоящей на страже завоеваний революции[16].

Н.К.Муравьев, председатель Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений карательных органов царизма, информировал делегатов съезда о результатах ее работы. Съезд предлагал направить на готовящийся социалистический конгресс в Стокгольме бундовца Г.М.Эрлиха, эсера Н.С.Русанова, меньшевика А.Э.Дю-

буа, большевика П.С.Смирнова и И.П.Гольденберга, представителя группы за объединение РСДРП. Делегаты съезда обсудили федеративное устройство страны. Однако вопрос о праве наций на самоопределение и культурно-национальном областном обустройстве страны, поднятый в докладах делегатов, так и не был решен. Меньшевики В.Г.Громан и Ф.А.Череванин говорили о разрухе в стране и призывали к плановому ведению народного хозяйства. Делегаты съезда обсудили проблемы аграрной политики в стране, вопросы народного образования и военного строительства. По всем вопросам были приняты резолюции, отражавшие мнение эсеро-меньшевистского большинства съезда. 24 июня съезд завершил работу небольшим заключением председателя форума Н.С.Чхеидзе, по мнению которого делегаты, несмотря на разногласия, признали, что Россия идет по демократическому пути развития[17].

Современники по-разному оценивали итоги работы I Всероссийского съезда Советов. Мартов был разочарован, так как его предложения не получили на съезде одобрения и делегаты поддержали Церетели. В письме Н.С.Кристи 17 июня 1917 г. он выражал недовольство делегатами съезда, для которых в его начале имена Аксельрода и Мартова были «вообще звук пустой». Но постепенно их мнения изменились, особенно во время обострения борьбы между ленинцами и большинством съезда из-за подготовки несанкционированной Советами демонстрации. Мартов сообщал, что в напряженной обстановке «ухитрился сохранить человеческие отношения и с министрами, и с ленинцами, хотя тем и другим говорю очень горькие истины»[18]. На съезде Мартов выступал эффективным оппонентом и критиком Церетели, особенно по вопросам продолжения войны и работы социалистов в коалиционном правительстве.

Л.О.Дан, сестра Мартова, позже вспоминала, что Церетели был озабочен приездом Мартова в Петроград, зная, «что так просто у него на поводу Мартов не пойдет». Она писала о том, что его влияние на I Все-

российском съезде Советов было невелико, учитывая, что провинциальные меньшевики легко различали разницу между Даном и Лениным и не всегда между Даном и Мартовым. Л.О.Дан рассказала о спорах по разным текущим вопросам в те летние дни в ее квартире, где она жила с мужем и братом и которую часто навещал Церетели. Ей запомнились слова Мартова на причитания Дана, что у него не было иной возможности поступить иначе: «Ну, значит, и не надо было идти на положение, из которого нет приличного выхода». Мартов доказывал Церетели бессмысленность и пагубность приказа о наступлении русской армии 18 июня. После провала этого наступления Мартов, по словам Л.О.Дан, усилил свою борьбу за прекращение войны, хотя и не «выставлял лозунга сепаратного мира», и это делало его «еще более непопулярным в кругах советского большинства и правительства»[19].

И.Г.Церетели в воспоминаниях подробно рассказал о борьбе на съезде, прежде всего по вопросу о войне и мире, цитируя при этом отрывки из речей Ленина и Мартова. Он подчеркивал, что во время дискуссии на эту тему никто не говорил о заключении сепаратного мира, и продолжал отмечать правильность внешней политики коалиционного правительства. Церетели был сторонником заключения демократического мира и укрепления вооруженных сил революционной России. Он оправдывал и внутреннюю политику коалиционного правительства, тем самым подтверждая необходимость резолюций по этим вопросам, принятых съездом Советов. Церетели подробно описывал подготовку июньского наступления русской армии и отмечал ее поражение. Он признавал необходимыми все действия коалиционного правительства вплоть до переноса решения аграрного, национального и иных важных вопросов на Учредительном собрании.

Церетели продолжал полемизировать с утверждением Ленина на I Всероссийском съезде Советов о готовности большевиков взять власть. Он считал это заявление прологом к тому восстанию, которое большевики готовились осуществить во время демонстра-

ции 10 июня. Каких-либо новых документов, подтверждавших, что большевики действительно готовили в тот день захват власти, Церетели не приводил. Но он отметил позицию Мартова, который подошел к нему тогда вместе с Луначарским и К.С.Гриневичем и взволнованно сказал: «Левые группы поддержали решение съезда о запрещении демонстраций, чтобы морально изолировать большевиков и заставить их отказаться от затеянной ими авантюры. Но мы считаем, что не все средства борьбы допустимы со стороны демократии против крайних революционных течений». Мартов имел в виду заявления отдельных фронтовых делегатов о готовности расправиться с большевиками. Он считал подобные заявления недопустимыми, поскольку «приход солдат с фронта для расправы с рабочими превратит их, хотят они этого или нет, в преторианцев буржуазии, осуществляющих, подобно солдатам Кавеньяка, заветное желание буржуазии о разгроме самой активной части рабочих». Церетели заверил Мартова, что этого не произойдет. Он предлагал в своем выступлении на съезде разоружить большевиков и был убежден в том, что «попытка умиротворить большевиков представляет огромную опасность для всей нашей политики и грозит превратить одержанную над большевиками победу в поражение»[20].

Церетели в исторической перспективе оказался прав. Задуманная и организованная Лениным демонстрация 10 июня 1917 г. должна была стать пробой сил большевиков в борьбе за власть. Они были вынуждены волею большинства делегатов съезда от этого отказаться. Политическая линия Мартова и его сторонников, направленная на предотвращение гражданской войны методом компромисса и умиротворения, позволила большевикам повторить свою попытку в начале июля 1917 г. Они и тогда потерпели поражение. И опять-таки демократическая линия правительства позволила им избегнуть наказания и уже успешно провести захват власти в октябре 1917 г.

Троцкий и Луначарский на съезде представляли группу «межрайонцев» — тех, кто выступал за единство

РСДРП. Они вошли в эту группу в мае 1917 г., после возвращения из эмиграции[21]. На съезде Советов Троцкий поддерживал большевиков. Много лет спустя он писал о позиции Церетели, предлагавшего репрессивные меры по отношению к большевикам, затеявшим несанкционированную Советом демонстрацию 10 июня. Тогда большинство делегатов съезда предложение Церетели не поддержало. «Церетели остался среди своих в меньшинстве, — констатировал Троцкий. — А между тем он был по-своему прав. Политика союза с буржуазией подошла к тому пункту, когда стало необходимым обессилить массы, не мирившиеся с коалицией». Это можно было сделать, только разоружив солдат и рабочих, но у Церетели не было для этого сил[22]. Троцкий ошибался, у Временного правительства хватило сил, чтобы ликвидировать июльское выступление большевиков, причем то же могло произойти и в июне. Угроза разгона демонстрации силой стала одной из причин отмены большевистским руководством своего выступления.

Б.И.Николаевский, подробно рассматривая воспоминания Церетели, также считал готовившуюся большевиками демонстрацию 10 июня заговором Ленина и его ближайших соратников с целью захватить власть. Николаевский характеризовал позицию Церетели как давнего сторонника объединения всех демократических сил страны, блокирования с либеральными политическими партиями. Этим объяснял он и защиту Церетели идеи коалиционного правительства[23].

Мартов после, по его выражению, «безумных дней 3–4 июля» 1917 г. пришел к выводу о необходимости создания однородного социалистического правительства без участия либеральных партий, представлявших, по его мнению, буржуазию. Эта идея оказалась неосуществимой. После октября 1917 г. в России было создано социалистическое правительство из наиболее радикальных представителей большевизма и левых эсеров. Их союз был непрочен и просуществовал недолго. Вскоре власть перешла к однопартийной большевистской системе управления страной. От подоб-

ного развития событий, наверное, Россию могло бы спасти эффективное коалиционное правительство, за которое ратовали Церетели, Потресов, Дан и другие видные представители меньшевизма, но и их идея потерпела крах прежде всего потому, что такого правительства им создать не удалось. Можно утверждать, что и попытки российских меньшевиков-интернационалистов осуществить свои планы создания однородного социалистического правительства в силу целого ряда обстоятельств тоже не увенчались успехом.

В изданных в начале 1930-х гг. протоколах заседаний I съезда Советов отсутствуют данные о заседаниях 13–15 июня 1917 г., во время которых, обсуждая доклад Б.О.Богданова об организации ВЦИК, выступили 47 делегатов. Тщательный анализ этих неизданных протоколов, хранящихся в Государственном архиве Российской федерации (ГАРФ. Ф. 6978) дал Г.И.Злоказов, исследовавший историю создания ВЦИК первого созыва. Этот орган создавался для координации деятельности всех Советов страны без исключения. В состав ВЦИК вошли 124 меньшевика, 119 эсеров, 67 большевиков, 8 меньшевиков-интернационалистов, 5 трудовиков и народных социалистов. Первым председателем ВЦИК стал Н.С.Чхеидзе[24]. Создание ВЦИК, к которому переходили политические функции исполкома Петроградского Совета, стало одним из реальных результатов работы I Всероссийского съезда Советов. Съезд принял решение о возобновлении своей работы каждые три месяца, а на ВЦИК возлагалось руководство Советами между съездами.

Делегаты съезда неоднозначно реагировали на принимаемые резолюции. Так, резолюция о национализации земли и различных формах государственного контроля над промышленными предприятиями получила поддержку 71 делегата из голосовавших 118 при 8 воздержавшихся. Ленинское предложение об окончательном разрыве со II Интернационалом было отвергнуто большинством делегатов.

Первый съезд Советов нашел отражение в воспоминаниях многих современников. П.Н.Милюков пи-

сал, что на съезде меньшевики представляли доминирующую идеологию, а большевики — зажигательный элемент. По его мнению, демонстрация 18 июня под большевистскими лозунгами показала бессилие съезда и правительства перед уличными шествиями. Английский посол в России Дж.Бьюкенен сообщал о работе I Всероссийского съезда Советов, который должен был преобразовать Петроградский Совет в общегосударственный орган, что придало бы ему больший авторитет. Но объединения с крестьянскими Советами не произошло, а делегаты съезда разошлись во мнениях в понимании вопросов о войне и мире[25].

Н.Н.Суханов был делегатом съезда и в своих воспоминаниях посвятил ему многие страницы, весьма критично оценивая его работу. По его представлению, съезд «тихонько закрылся 24 июня», в течение трех недель так и не став «центром революции»[26]. Съезд, тем не менее, привлек внимание многих российских политиков той поры, он стал триумфальным для Церетели и его сторонников, но триумф этот был недолгим, и после июльского кризиса многие решения съезда сразу стали историей.

Комментарии

[1] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д. М.; Л., 1930. Т. 1. С. XXVII; *Покровский А.С.* Первый рабоче-солдатский парламент России. М., 2001. С. 4; Народные социалисты и трудовики объединились в единую партию на I Всероссийском съезде — Трудовую народно-социалистическую партию (Петроград, 21–23 июня 1917 г.). (См.: *Покровский А.С.* Указ. соч. С. 18.) Меньшевики-интернационалисты, несмотря на небольшую численность, 23 июня 1917 г. создали при Петроградском Совете отдельную фракцию. (Меньшевики в 1917 году. М., 1994. Т. 1. С. 600–601.) Внефракционные социалисты в большинстве представляли группу социал-демократов-интернационалистов, выступавших за объединение всех социал-демократических фракций и группировок в единую партию. Их взгляды в то время выражала газета «Новая жизнь» (редактора А.М.Горький, Н.Н.Суханов,

В.А.Десницкий и др.). 18 июня, во время работы I съезда Советов, было создано бюро для подготовки объединительного съезда РСДРП. Но такой съезд не состоялся. В январе 1918 г. была создана партия под названием РСДРП(и), которая в начале 1920 г. стала частью РКП(б). (См.: РГАСПИ. Ф. 2. Д. 12128. Л. 13–16; *Совокин А.М.* О партии социал-демократов-интернационалистов // Вопросы истории КПСС. 1967. № 1. С. 77–87; *Антонова Н.С.* Документы интернационалистских социал-демократических организаций. 1917–1920 гг. (По материалам фондов ЦК РСДРП(и) – ЦК РСРП(и) // Вопросы истории КПСС. 1989. № 11. С. 88–101; и др.)

[2] В 1930 г. были изданы два тома стенографических отчетов Первого съезда Советов. Первый том подготовил к печати В.Н.Рахметов, второй – Рахметов и Н.П.Мямлин. В.Н.Рахметов (1903–?) – в 1920-е гг. сотрудник Института Ленина, преподаватель курсов марксизма, историк России и ВКП(б). Н.П.Мямлин – сотрудник Института Ленина. Б.И.Николаевский в предисловии к воспоминаниям И.Г.Церетели о Февральской революции писал, что публикация документов о «февральских» Советах «с самого начала вызвала острое недовольство в рядах особо воинствующих коммунистов, и в результате, как только "правые коммунисты" Рыков, Бухарин и др. были разгромлены, Сталин покончил с "гнилым либерализмом" на историческом фронте, и публикация документов о "февральских" Советах была оборвана». Николаевский сообщал, что архив секретариата ВЦИК Советов был им вывезен из Смольного в феврале 1918 г., когда советское правительство готовилось к переезду из Петрограда в Москву. Ему в этом помог А.С.Енукидзе, давший на это разрешение и грузовик для перевозки материалов. Материалы были перевезены в библиотеку Академии наук, где усилиями А.А.Шахматова и В.И.Срезневского для этого была выделена комната. Туда же Николаевским были перевезены архив ЦК меньшевиков, личные архивы Мартова, Дана и др., позже там же оказался архив ЦК партии эсеров. В 1921–1922 гг. эти документы были перевезены в московские архивы. (См.: *Николаевский Б.И.* И.Г.Церетели и его «Воспоминания» // *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Кн. 1. С. XXIII.) А.С.Енукидзе (1877–1937) – в 1918 г. секретарь Президиума ВЦИК; А.А.Шахматов (1864–1920) – академик, филолог и историк; В.И.Срезневский (1867–1936) – заведующий рукописным отделом библиотеки Академии наук в Петрограде.

[3] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д. Т. 1. С. 6–40.

[4] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 2. С. 259. Троцкий писал о съезде: «Работы огромного и рыхлого собрания в Кадетском корпусе отличались размашистостью в отношении практических задач. Это налагало на все решения печать безнадежности и лицемерия». (См.: *Троцкий Л.Д.* История русской революции. М., 1997. Т. 1. С. 420.) Мартов в письме Н.С.Кристи 17 июня 1917 г. так комментировал этот возглас Троцкого: «Да и Троцкий, идущий с Лениным, держится политики не трогать нас и даже больше того: после моего выступления на съезде против Церетели и Скобелева он вдруг, среди аплодисментов большевиков, поднялся и нелепо закричал: "Да здравствует революционный социал-демократ (!!) Мартов!" И это несмотря на то, что я критикую и отвергаю по-прежнему их лозунг: "переход власти к Совету"». (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 591.)

[5] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. С. 260.

[6] 28 мая 1917 г. состоялось под председательством Аксельрода заседание Организационного комитета РСДРП. Церетели, обосновывая участие России в войне, подчеркнул, что сепаратный мир с Германией невозможен, «задолженность наша громадна. Без займов в Англии не прожить». Аксельрод согласился с Церетели в том, что сепаратный мир с Германией невозможен. 2 июня открылось общефракционное совещание. При обсуждении вопроса о власти выступили Войтинский, Мартов и другие. Войтинский ратовал за коалиционный состав правительства. Большевик Каменев призвал передать всю полноту власти Советам. Мартов оставался на своей точке зрения: «Верно ли то, что социалистам нужно властное правительство? Нет, нам нужна организованная воля, которая помогла бы классовому самоопределению пролетариата». Он предлагал передать власть буржуазии и «держать ее под контролем в лице Советов... под тягчайшим давлением, — вот единственно правильная позиция». (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 487–488, 525–528.) Все эти положения затем обсуждались на съезде Советов. См.: Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д. Т. 1. С. 54–67. Церетели в речи часто упоминал события в Кронштадте, где бесчинствующие матросы устроили самосуд над офицерами. Подробнее об этом см.: «Один из возмутительнейших эпизодов нашей революции». Записки комиссара Временного правительства В.Н.Пепеляева о событиях в Кронштадте в марте-июне 1917 г. // Исторический архив. 2007. № 4. С. 69–110.

[7] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д. Т. 1. С. 67–76.

[8] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д. Т. 1.

С. 77, 89, 111, 112, 140, 283–287. В конце июня 1917 г. Мартов опубликовал статью "Лозунг «Вся власть Советам!"», в которой заявлял, что массы рабочих поддержали ленинский лозунг «Вся власть Советам!», так как прошедшие три месяцы после свержения самодержавия не улучшили условий их жизни и они готовы устранить от власти буржуазию. Он был против процесса ускорения революции, поскольку авангард демократии готов к компромиссу с буржуазным либерализмом. По мнению Мартова, главным в тот момент было «завоевание Советами политической независимости, завоевание ими роли организованного авангарда демократической революции». (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 527, 602–605; *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. С. 253–254; *Урилов И.Х.* Ю.О.Мартов. Политик и историк. М., 1997. С. 250–251.)

[9] *Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993. С. 327–329. Галили подробно рассматривает противоречия на съезде между Церетели и Даном (Там же. С. 329–333.)

[10] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д. Т. 1. С. 174, 185, 195, 196, 270, 279, 285–287, 291.

[11] Там же. С. 297–301, 307–380.

[12] См.: *Соболев Г.Л., Черняев В.Ю.* Июньский кризис 1917 г. Л., 1986; *Рабинович А.* Кровавые дни: Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992; и др.

[13] Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 266, 268, 269, 273, 277, 281, 287–288, 303, 324–325; *Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 152–159.

[14] *Хеймсон Л.* В.И.Ленин, Ю.О.Мартов и вопрос о власти в 1917 г. // Исторические записки. 2002. № 5. С. 230; Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 288.

[15] Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 2. С. 20–26, 32, 38.

[16] Там же. С. 89–92, 97. Подробнее о неудачном наступлении русской армии в июне 1917 г. см.: *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 83–84. З.Галили заметила, что идея военного наступления ради мира была достаточно абсурдна. (См.: *Галили З.* Указ. соч. С. 338.) Дан позже признавал, что «политика "революционного оборончества" потому зашла в тупик, что она неправильно оценила международную обстановку и внутреннее положение русской революции... Она не увидела... что реальное соотношение сил не позволяет ей добиться цели — "всеобщего демократического мира". Больше того, это соотношение

сил повелительно диктовало ей немедленное прекращение войны даже ценой тяжелейших жертв, как история принудила к этому и германскую социал-демократию в ноябре 1918 г.». Дан полагал, что отказ от сепаратного мира с Германией в той обстановке был ошибочным. (См.: *Martow J.* Geschichte der russischen Sozialdemokratie. Mit einem Nachtrag von Th.Dan // Die Sozialdemokratie Russlands nach dem Jahre 1908. Berlin, 1926. S. 303.)

[17] Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 2. С. 44–58, 168–196, 202–213. По мнению И.А.Ждановой, «имперский характер российского федерализма в февральский период породил при большевиках восстановление имперской традиции под видом федерации». (См.: *Жданова И.А.* Проблема федеративного устройства государства в Февральской революции 1917 г. // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 27.)

[18] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 589–591, 600. В этом сборнике документов письмо Мартова Кристи опубликовано не полностью, волею составителей изъято из письма описание Мартовым своего состояния в ту пору. Так, Мартов писал: «Почти не сплю, нерегулярно питаюсь. Немудрено, что чувствую себя весьма неважно — вечные насморки с кашлем, большая слабость, иногда ревматизм. Хорошо, что, живя у сестры Лидии, я, по крайней мере, имею заботливый уход и хорошую пищу, чего нынче не легко добьешься». (См.: РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 51. Л. 152–153.) Подобных пропусков в публикации письма несколько. Они снижают научный уровень издания, так как важно знать не только политические размышления Мартова, но и в каких бытовых условиях, в каком состоянии его здоровья они происходили. Письмо Мартова Кристи от 17 июня 1917 г. полностью опубликовано в сб.: 1917 год в письмах А.Луначарского и Ю.Мартова. М., 2007. С. 210–216.

[19] Из архива Л.О.Дан. Amsterdam, 1987. С. 70, 74, 77, 78. Л.О.Дан сообщала о приезде усталого Мартова в Петроград с полупустым чемоданом, в котором находились «крахмальные манишки» и «готовый» галстук. Вещи Мартова остались в Париже в залог оплаты долга хозяину гостиницы. (См.: Там же. С. 71–72.)

[20] *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. С. 375–391; Кн. 2. С. 7–67, 163–183, 214–215, 247. Л.Э.Кавеньяк (1802–1857) — генерал и военный министр Французской республики в июне 1848 г, жестоко подавивший восстание рабочих. Меньшевик и делегат съезда В.С.Войтинский в воспоминаниях рассказал, что день 10 июня прошел спокойно, «но мы жили, как на вулкане». Он конкретизировал призыв Церетели к

разоружению рабочих дружин и, как Церетели, видел в готовящемся выступлении большевиков заговор с целью захвата власти. (См.: *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений. С. 155.)

[21] Петербургская междурайонная комиссия РСДРП возникла в ноябре 1913 г., а с конца 1914 г. стала именоваться «Петербургский междурайонный комитет объединенных социал-демократов (интернационалистов)». В феврале 1917 г. численность организации не превышала 400–500 человек. В мае в состав организации вошли прибывшие из эмиграции Д.Б.Рязанов, В.Володарский, Д.З.Мануильский, А.А.Иоффе, М.С.Урицкий и др. На VI съезде РСДРП в августе 1917 г. все они, включая Троцкого и Луначарского, стали большевиками. По мнению профессора Мюнстерского университета Л.Майера, «Межрайонка» была сборным пунктом для интернационалистов, которая могла бы, как считали ее руководители, объединить всех социал-демократов от Ленина до Мартова. 10 мая 1917 г. Троцкий выступил от имени «Межрайонки» на совещании с Лениным, где обсуждались условия их объединения. Ленин был тогда за немедленное объединение всех интернационалистов с большевиками, ставя неприемлемое для Мартова условие порвать с меньшевиками-оборонцами. (См.: *Майер Л.* Введение // 1917 год в письмах А.Луначарского и Ю.Мартова. С. 66–67.) Мартов отказался от объединения с большевиками, не желая порывать с большинством своей партии. Троцкий также не изъявил желания сделать это немедленно, заявив: «Большевики разбольшевичились — и я называться большевиком не могу... Признания большевизма требовать от нас нельзя». (См.: Ленинский сборник. М., 1925. Т. IV. С. 303.) А.Балабанова вспоминала, что после возвращения из эмиграции часто встречалась с Троцким в Петрограде, к которому большевики «проявляли столько же ненависти, сколько он питал к ним». Троцкому позже пришлось всячески доказывать свою верность большевизму. (См.: *Балабанова А.* Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938. С. 166.)

[22] *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 1. С. 428.

[23] *Николаевский Б.И.* И.Г.Церетели и его воспоминания о 1917 г. // Социалистический вестник. 1962. № 7–8. С. 113–114; № 9–10. С. 133–136. А.П.Ненароков также сообщал о том, что Церетели «свой курс на "единение живых сил революции"... начал разрабатывать задолго до Февральской революции». (См.: *Ненароков А.П.* В поисках жанра. Кн. 2. С. 291.) Ненароков оставляет без внимания размышления Николаевского на эту тему. В истории социалистических партий был известен так называемый казус А.Мильерана

(1859–1943) – французского социалиста, в 1899 г. вошедшего в состав кабинета Р.Вальдека-Руссо. В 1904 г. он был исключен из Французской социалистической партии, а в 1920–1924 гг. стал президентом Франции.

[24] *Злоказов Г.И.* Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М., 1997. С. 14–15, 306.

[25] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 328, 333; *Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006. С. 310.

[26] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 2. Кн. 3–4. С. 248–279.

ГЛАВА IV

Июльский кризис

Начало июля 1917 г. ознаменовалось правительственным кризисом и обострением разногласий среди социалистов. 2 июля ЦК кадетской партии решил отозвать четырех своих министров из состава правительства в знак протеста против предоставления ограниченной автономии Украине, с которой согласились министры-социалисты и которая, по мнению кадетов, разрушала целостность российского государства[1]. Вначале министры-социалисты восприняли уход кадетов из правительства как рядовую отставку и даже приняли решение кооптировать вместо них «тех представителей буржуазной демократии, которые не выскажутся против проведения радикальных демократических реформ».

И.Г.Церетели в своих воспоминаниях посвятил июльскому кризису целую главу. Он писал: «Сам по себе уход кадетских министров в знак протеста против заключенного с украинцами соглашения нас не тревожил... Мы, министры-социалисты, оказались в правительстве в большинстве — шесть против пяти. Если бы мы воспользовались этим положением, чтобы ввести на место ушедших к.-д. министров представителей социалистических партий, это привело бы, конечно, к уходу в отставку оставшихся несоциалистических министров и к разрушению в стране общедемократического фронта»[2]. Успокоительные расчеты Церетели тогда не оправдались. Начавшиеся в Петрограде демонстрации рабочих и солдат резко обострили си-

туацию. Кризис в «верхах» перерос в общий кризис с весьма резкой постановкой вопроса о власти в стране[3].

Советские историки исходили из ленинского положения о том, что большевики пытались в начале июля 1917 г. предотвратить или направить в мирное русло антиправительственные выступления рабочих и солдат Петрограда. Большевики приняли в нем участие, полагая невозможным для революционной партии в такой момент уклониться от ответственности и не быть вместе с народом. Историки, использовавшие в своих работах более широкий круг источников и не связанные советской доктринальной идеологией, делали иные выводы. А.Рабинович указал на стихийность возникших тогда в Петрограде демонстраций протеста и на то, как часть большевиков старалась использовать их для захвата власти. Несколько позже, по его заключению, «большевики были вынуждены взять на себя неизбежную и незавидную задачу как-то объяснить свою роль в неудачном восстании, защититься от обвинений в измене и вообще обезопасить себя от неминуемых ударов реакции»[4]. Суханов назвал ту июльскую неделю «одним из драматичнейших эпизодов революции», история которой «очень важна и интересна, но и очень сложна. И не только сложна, но и очень темна, крайне запутана»[5].

Россия в 1917 г. пережила множество кризисных ситуаций[6]. Эти состояния в стране были и позже, но каждое из них имело свои причины и последствия. Июльский кризис 1917 г. был многогранен. В его основе находилось недовольство нерешительными действиями правительства рабочих, крестьян, солдат, жизнь которых в военных условиях ухудшалась с каждым днем, и они хотели перемен. Кадеты вышли из состава правительства с надеждой, что весь гнев недовольных обратится против оставшихся там социалистов, прежде всего меньшевиков-оборонцев.

Церетели для выхода из правительственного кризиса предлагал привлечь к работе в правительстве тех представителей буржуазной демократии, которые бы не противились проведению намечаемых радикальных

демократических реформ, а также считал необходимым созыв нового съезда Советов для окончательного решения вопроса о выходе из создавшейся ситуации[7]. Во все эти планы лидеров меньшевиков-оборонцев и сторонников коалиционного правительства вмешалась суровая действительность: выход на улицы Петрограда 3 июля солдат и рабочих с требованием передачи всей власти в руки Советов. 4 июля один из рабочих на заседании ВЦИК так объяснил требование об отставке десяти «министров-капиталистов»: «Мы верим Совету, но не верим тем, кому верит Совет»[8].

О требованиях выступавших с этими призывами существует множество фактов. Дан рассказал, как он успокоил солдат, явившихся к Таврическому дворцу с требованием передачи власти Советам. Дан сказал им, что он член ВЦИК Советов и что в настоящий момент Совет обсуждает вопрос о кризисе власти, а потому просил оставить солдатские караулы у дворца, чтобы никто не мешал работе Совета. Солдаты с ним согласились. С Черновым вышло иначе. Балтийские матросы во время выступления арестовали министра земледелия за сотрудничество с министрами-капиталистами. По предложению Чхеидзе Каменев, Мартов, Луначарский и Троцкий поспешили его освободить[9]. Суханов оставил весьма эмоциональную картину происшедшего. Он вспоминал: «Я с Раскольниковым остановился на верхней ступени у правого края портика. Насколько хватало глаз — бушевала толпа. Группа матросов, с довольно зверскими лицами, особенно неистовствовала вокруг автомобиля. На заднем его сиденье помещался Чернов, видимо, совершенно утерявший «присутствие духа». После речи Троцкого матросы отпустили Чернова, и тот увел его в зал заседаний[10]. Милюков этот эпизод излагал по-своему. Среди матросов, пришедших к дворцу, были и рабочие. Один из них схватил Чернова на крыльце и «исступленно кричал ему, поднося кулак к лицу: "Принимай, сукин сын, власть, коли дают"». Милюков считал, что в тот напряженный момент «изобретательный ум Церетели» нашел выход. Церетели заявил, что Совет согласен взять власть, но

окончательное решение за съездом Советов, который соберется через две недели в Москве[11]. Это решение Церетели было зафиксировано резолюцией меньшевистской фракции ВЦИК и опубликовано в «Рабочей газете» 5 июля 1917 г.

Церетели в воспоминаниях утверждал, что «большинство советской демократии не имело ни малейшего желания оттолкнуть от коалиции несоциалистические круги демократии, объявить диктатуру Советов и перейти к якобинским методам управления. Но, под страхом разрушения демократического строя, нельзя было позволить правым кругам кадетской партии парализовать проведение в жизнь насущно необходимых демократических реформ». Далее Церетели рассказывал о необходимости выработки нового курса правительства, о разговоре с Н.В.Некрасовым и М.И.Терещенко, которые уже договорились с Керенским о реорганизации правительства, назначении Керенского его главой и отставке князя Г.Е.Львова, принятии программы по выполнению решений I Всероссийского съезда Советов. В этой программе были отмечены решения по земельному вопросу: «запрещение сделок по продаже земли и упорядочение земельных отношений путем предоставления земельным комитетам необходимых правомочий в решении текущих вопросов сельскохозяйственной политики». Предусматривалась активизация внешней политики для пересмотра старых договоров о целях войны с назначением срока общесоюзнической конференции с участием в ней представителей революционной демократии. В программе были перечислены мероприятия по регулированию промышленности, а также реформы в области социального законодательства и в других областях народной жизни. После публикации программы «правительство должно было приступить к ее осуществлению». Ко времени июльского кризиса ничего подобного по осуществлению решений съезда Советов не произошло, и теперь следовало стабилизировать обстановку, чтобы начать реализацию объявленной программы.

Церетели рано утром 4 июля собрал в своей кварти-

ре Чхеидзе, Чернова, Дана, К.М.Ермолаева, М.И.Либера и других своих сторонников. Он вспоминал, что сделал собравшимся сообщение о происходящем и изложил свой план действий[12]. Этот план поддержали присутствовавшие, с ним они поехали на совместное заседание ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, которое открылось в полночь 3 июля в Белом зале Таврического дворца. Присутствовали не более 300 депутатов. Заседание открыл Чхеидзе. Суханов вспоминал, что именно он заявил об обязательности для всех принимаемых решений. Дан подчеркнул, что предлагает на заседании присутствовать только тем, кто согласен выполнять волю Совета. После этого большевики и «межрайонцы» (Троцкий, Рязанов, Урицкий и др.) покинули зал заседаний. Церетели и Дан, выступая, назвали солдатские демонстрации в Петрограде «контрреволюционными», а потому призывали к их подавлению. Церетели по-прежнему отстаивал необходимость работы коалиционного правительства и требовал не уступать «насилию меньшинства», призвавшего Советы взять всю полноту власти в свои руки[13].

Церетели вспоминал, как на заседании появился И.В.Сталин и от имени городской большевистской конференции заявил, что большевики против уличных выступлений. Он предложил это решение внести в протокол заседания и удалился. После этого Чхеидзе сказал Церетели: «Теперь положение довольно ясно». На вопрос Церетели, что он имеет в виду, Чхеидзе ответил: «Мирным людям незачем заносить в протокол заявлений об их мирных намерениях. Очень похоже, что нам придется иметь дело с так называемым стихийным выступлением, к которому большевики примкнут, заявив, что нельзя оставлять массы без руководства»[14]. Сомнения в политической «честности большевиков» высказал и Р.А.Абрамович, заявивший, что в случае передачи власти Советам большевики будут добиваться ее передачи ЦК РСДРП(б). Он призвал «раз и навсегда выяснить», будут ли большевики подчиняться воле де-

мократии или предпочтут «исподтишка вызывать то, чему мы сейчас являемся свидетелями»[15].

Реакция Мартова на отставку кадетов и начавшиеся выступления петроградцев была, по свидетельству Н.Н.Суханова, неожиданно быстрой и категоричной. Уже 3 июля Мартов признал необходимым «немедленное создание чисто демократического правительства из одних "советских партий"». Суханов писал о том, что Мартов тогда легализовал свой лозунг и не опоздал «против обыкновения», потому что события приняли «особый оборот». Мартов был против затягивания в решении вопроса о власти. В выступлении 4 июля на объединенном заседании ВЦИК Советов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов Мартов признал, что раньше он также придерживался мнения о том, что переход власти Советам нежелателен. Теперь ситуация изменилась, и «история требует, чтобы мы взяли власть в свои руки. Революционный парламент не может не учитывать этого, но нельзя думать, что вопрос решается под давлением только вооруженных сил... Я верю, что при опросе всей России можно убедиться, что революционная демократия нас поддержит... Отсрочка на две недели может быть фатальной. Она породит смуту. Надо делать немедленно, не повторять старых комбинаций. Надо решаться на создание власти, которая сумеет двигать дальше революцию». Мартов призывал действовать быстро, не дожидаясь созыва съезда Советов. Его поддержали К.С.Гриневич и Н.Н.Суханов. Дан и Церетели выступили с возражениями, обосновывая свое решение опасностью возникновения гражданской войны и заключения перемирия с Германией.

Мартов от имени меньшевиков-интернационалистов предложил 4 июля проект резолюции. В ней определялся уход представителей кадетской партии из правительства как «отказ от революции», как «наступление против крестьянской и рабочей демократии». В ответ на это наступление революционная демократия «берет в свои руки государственную власть, отчего она отказывалась до сих пор». Резолюция предлагала

осуществить следующие практические меры после того, как будет сформировано советское правительство: 1. Немедленные переговоры о всеобщем мире на основе отказа всех сторон от аннексий и контрибуции с признанием права наций на самоопределение. Россия отказывается от участия в империалистической войне, которую Четверной союз ведет в захватнических целях. Армия демократически реорганизуется с тем, чтобы быть готовой защитить революцию от империалистических поползновений. 2. Полная реорганизация всех правительственных учреждений и ведомств с целью чистки поборников контрреволюции. 3. Принятие мер для того, чтобы Учредительное собрание быстро завершило земельную реформу с передачей крестьянам всех удельных, кабинетских, монастырских и помещичьих земель. 4. Решительные финансовые реформы: поимущественный налог, принудительный заем, учреждение ряда государственных монополий и т.д. 5. Борьба с экономической разрухой путем организации контроля государства над производством, распределением и снабжением; плановое перераспределение производительных сил для постепенного перевода народного хозяйства на мирное положение. 6. Борьба с бойкотом и саботажем промышленной буржуазии, с локаутами и т.п. всеми средствами вплоть до конфискации предприятий. 7. Всестороннее содействие развитию революционного самоуправления и организации сил революционной демократии в политической, культурной, профессиональной и хозяйственной областях[16]. Казалось бы, Мартов и его фракция своей резолюцией выражали интересы уличных демонстраций, солидаризуясь с большевиками в требовании передать власть Советам, но с дальнейшими программными расхождениями в том, что должна делать эта власть. Но в те дни ситуация была совсем не стабильной.

Большинством голосов тогда была принята резолюция фракций меньшевиков и эсеров, предложенная А.Р.Гоцем. В ней указывалось, что вопрос о власти может решить лишь собрание всех исполкомов Советов,

которое предлагалось провести через две недели[17]. Таким образом, решение о власти откладывалось с целью не брать на себя решение этого важного вопроса и двухнедельной передышкой обеспечить изменение создавшейся напряженной ситуации. В выступлении Дана на этом заседании утверждалось, что в «возмутительной обстановке насилия и штыков» Совет взять власть в свои руки не может, и он обвинил большевиков за кровопролитие на улицах города[18]. Церетели в воспоминаниях отмечал, что предложения Мартова не нашли «отклика среди членов советского большинства», и в доказательство процитировал выступление члена президиума ВЦИК эсера С.С.Саакяна, сказавшего на заседании: «Тов. Мартов не знает психологии Петрограда: сегодня низвергнут трех министров-капиталистов, а завтра Чернова и Церетели, а послезавтра и нас вместе с тов. Мартовым. Положение петроградского пролетариата тяжелое — это взрывчатый материал. В Петрограде авторитетны Ленин, Коллонтай, Троцкий, но провинция с ними не помирится»[19].

Церетели ссылался на «антимартовскую» часть выступления Саакяна много лет спустя после описываемых событий. Видимо, зная, каким большим уважением пользовался Мартов не только среди «старой гвардии» меньшевиков, но и многих представителей российской интеллигенции, он считал долгом оправдать свои прошлые действия. В 1917 г. Церетели был признанным лидером правительственной части меньшевистской партии, а Мартов — его наиболее авторитетным соперником[20].

Можно сказать, что ВЦИК Советов, недавно избранный на основании решения I Всероссийского съезда Советов, оказался в эпицентре бурных июльских событий. По мнению многих исследователей июльского 1917 г. кризиса в России, субъективно он был вызван двумя обстоятельствами: поражением июньского наступления войск Юго-Западного фронта и отставкой министров-кадетов. Первыми 3 июля на улицах города появились солдаты 1-го Пулеметного полка, недовольные намерением военного министра Керенского со-

кратить численность полка и отправить 500 пулеметов на фронт. Демонстрации на улицах солдат, матросов и рабочих возникли стихийно, и лишь после этого среди, прежде всего, большевиков встал вопрос об участии в них и руководстве начавшимся открытым, публичным, массовым недовольством властями. 3 июля на трибуне заседания рабочей секции Петроградского Совета появился большевик Л.Б.Каменев и заявил: «Мы не призывали к выступлению, но народные массы сами вышли на улицу, чтобы выявить свою волю. А раз массы вышли — наше место среди них. Теперь мы будем с ними. И наша задача теперь в том, чтобы придать движению организованный характер». [21]

29 июня Ленин воспользовался предложением В.Д.Бонч-Бруевича отдохнуть у него на даче в финском поселке Нейвола неподалеку от Териоки. Он уехал в сопровождении сестры, Марии Ильиничны, и поэта Д.Бедного, знавшего туда дорогу. Ленин отдыхал там несколько дней, приводя в норму пошатнувшееся здоровье. Его разбудил рано утром 4 июля приехавший из Петрограда по поручению большевистского ЦК М.А.Савельев — заведующий редакцией газеты «Правда». Ленин тотчас же выехал в столицу и вскоре оказался в штабе большевиков — особняке Кшесинской[22]. Ленин быстро понял опасность продолжения борьбы за власть и предложил отказаться от вооруженного столкновения. Однако было уже поздно, Временное правительство перешло в наступление и объявило партию большевиков виновной в подготовке «путча», а наиболее активных руководителей — Ленина, Зиновьева и Каменева — решило арестовать по обвинению в измене и получении германских денег. Начавшаяся антибольшевистская кампания привела к закрытию газеты «Правда», изгнанию большевиков из особняка Кшесинской и арестам многих участников демонстраций.

Церетели, завершая работу заседания 4 июля, вновь повторил свои аргументы в защиту коалиции и невозможности взятия власти Советами. «Когда наши противники предлагают нам разорвать с буржуазными элементами, взять всю власть в свои руки, они забы-

вают добавить, что требуют от нас также и перемены всей нашей политики, — говорил он. — Если бы мы, советское большинство, взяли всю власть в наши руки, то разве бы вы все от Мартова до Ленина не потребовали от нас действий, ведущих, по нашему мнению, к сепаратной войне, или разве не выдвинули бы вы нам вашего лозунга: "Не в наступление, а в перемирие"? Но ведь мы этой политики не примем». Позже, вспоминая события тех дней, Церетели оправдывал свои действия тем, что избрал тогда «наименьшее зло», создавая общедемократическое правительство. Он считал, что отказ от него и образование однородного советского правительства «отбросило бы все цензовые организации, а вместе с ними и средние классы, в резкую оппозицию к правительству, а внутри советской демократии усилило бы левые элементы, и это неминуемо привело бы к обострению конфликта в стране и к гражданской войне»[23].

Отношение меньшевистских фракций и отдельных деятелей этой партии к происходящему было разным, причем неоднозначным было отношение к демонстрациям и передаче власти в руки Советов, с одной стороны, и к обвинениям в адрес большевистского руководства, репрессиям против активных участников движения — с другой. В материалах особой следственной комиссии правительства об июльских событиях 1917 г., по свидетельству изучавшего их Г.И.Злоказова, хранятся свидетельские показания многих причастных к ним лиц, в том числе и меньшевиков. Дан обвинял большевиков в том, что они «демагогически использовали народное недовольство», и в то же время полагал, что нет оснований для их обвинения в «уголовных деяниях» или «германском шпионаже». Дан не исключал причастность к июльским событиям в Петрограде германской агентуры. Б.О.Богданов назвал июльское выступление вооруженным восстанием и удивлялся тому, что демонстранты тогда «могли нас свергнуть хотя бы на 1–2 дня, могли свергнуть в эти дни и Временное правительство и не сделали ни того, ни другого». Плеханов упрекал Ленина в «неразбор-

чивости средств», используемых в интересах партии, но исключал всякую мысль о его корыстных мотивах. Плеханов отмечал, что ленинская тактика ослабляла русскую армию, но он не знает ни одного факта о его «преступных действиях»[24]. В.С.Войтинский вспоминал о тех июльских днях как одних из «самых тяжелых дней революции», потому что тогда «впервые в борьбе внутри демократии было пущено в ход оружие». И из этой «братоубийственной схватки демократия в целом вышла обессиленной, разбитой». Он с горечью констатировал, что в то время «публика Невского проспекта, ненавидевшая Чхеидзе и Церетели не меньше, чем Ленина, требовала мести и крови»[25].

По делу об июльском выступлении были арестованы более 140 человек. Среди них были А.М.Коллонтай, Луначарский, Троцкий, Каменев, Раскольников и др. Луначарский писал жене 5 июля об «ужасных днях» 3–4 июля и о том, что ему пришлось солидаризироваться с большевиками. Он отмечал, что «черносотенцы, хулиганы, провокаторы, анархисты, отчаявшиеся люди превратили в большей мере демонстрацию в нелепую и хаотичную». В этом с ним соглашался Мартов, когда писал 8 июля Кристи, что «в дикие дни 3–4 июля сидел безвыходно в Таврическом дворце, так что никаким опасностям не подвергался, если не считать той, которая постигла бы всех, если бы хулиганские элементы взяли верх в толпе и начали бы разгром самого Совета (а эта опасность, несомненно, была)». 13 июля Луначарский писал А.А.Луначарской о наступлении «мрачных времен», о том, что может быть арестован по обвинению «в подстрекательстве», и заявлял: «Был, есть и буду враг вооруженных авантюр, но был, есть и буду социал-демократ – интернационалист»[26].

Троцкий в 1932 г. писал, находясь в эмиграции, что «в июле партия большевиков была обвинена в измене, разгромлена... Если в апреле Милюков вылетел из правительства, то в июле Ленин перешел в подполье». Он назвал июль 1917 г. «месяцем великой клеветы». Троцкий указал, что Церетели на заседании Исполкома заявил, что «не подозревает большевистских вож-

дей в шпионстве, но обвиняет их в заговоре и вооруженном восстании». Либер 13 июля резюмировал: «Я сам считаю, что обвинение, направленное против Ленина и Зиновьева, ни на чем не основано»[27]. Троцкий был арестован, публично протестуя против клеветы на большевистских вождей, Каменев отдал себя в распоряжение властей 9 июля, а Ленин и Зиновьев предпочли бегство из Петрограда. Это вызвало удивленное возмущение Суханова: «Бегство Ленина и Зиновьева, не имея практического смысла, было предосудительно с политической и моральной стороны... Ведь помимо обвинения в восстании, на Ленина была возведена чудовищная клевета, которой верили сотни тысяч и миллионы людей. Ленина обвиняли в преступлении, позорнейшем и гнуснейшем со всех точек зрения: в работе за деньги на германский генеральный штаб... Просто игнорировать это было нельзя. И Ленин вовсе не игнорировал. Он прислал Зиновьева в ЦИК с требованием защищать его честь и его партию. Это было совсем нетрудно сделать. Прошло немного времени, и вздорное обвинение рассеялось как дым. Никто ничем не подтвердил его, и ему перестали верить. Обвинение по этой статье Ленину уж ровно ничем не угрожало. Но Ленин скрылся с таким обвинением на своем челе. Это было нечто совсем особенное, беспримерное, непонятное. Любой смертный потребовал бы суда и следствия над собой в самых неблагоприятных условиях. Любой сделал бы лично, с максимальной активностью, у всех на глазах все возможное для своей реабилитации. Но Ленин предложил это сделать другим, своим противникам. А сам искал спасение в бегстве и скрылся... Как бы то ни было, этот факт исчезновения Ленина я считаю бьющим в самый центр характеристики большевистского вождя»[28].

Церетели отдельные разделы своих воспоминаний посвятил предполагаемым связям большевиков с воюющей против России Германией и вынужденным репрессиям против руководителей этой партии. Он писал, что «до кровавых июльских дней революционная демократия правила, почти не прибегая ни к каким ме-

рам принуждения». Но «оказалось, что как ни свободен строй, государственная власть не может отказаться от репрессий по отношению к меньшинству, которое не подчиняется демократическим законам страны и которое считает возможным при помощи оружия навязать свою волю большинству». Церетели сообщал, что в первые недели после восстания «репрессии продолжались непрерывно», хотя при этом «были совершены ошибки в определении лиц, подлежащих аресту». Но, по его мнению, все-таки, «в общем и целом, аресты производились органами государственной власти в организованном порядке, и судебное преследование против главных организаторов движения велось с соблюдением всех норм правосудия»[29].

В ночь с 6 на 7 июля министры-социалисты собрались на квартире Скобелева, чтобы наметить план совместных действий на готовящемся заседании правительства. Керенский на этом собрании заявил, что в новых условиях «облегчится создание твердой власти». Главным вопросом была земельная реформа, которая была разработана В.М.Черновым в министерстве земледелия. Согласно его предложениям, ликвидировалось старое земельное законодательство, земельные комитеты устанавливали форму отношений между крестьянами и помещиками; определение права собственности на землю должно было решить Учредительное собрание. Председатель правительства князь Г.Е.Львов с предложениями министров-социалистов не согласился и ушел в отставку, новым премьером 7 июля стал Керенский. Церетели возглавил министерство внутренних дел[30]. Новое коалиционное правительство обозначило себя «правительством спасения революции».

9 июля на заседании ВЦИК и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов Церетели сообщил о правительственных преобразованиях, о том, что «положение страны внутреннее и внешнее критическое», и призвал к единению с революционной народной властью. Дан от имени фракции меньшевиков заявил, что 3 июля был сделан «натиск на самое серд-

це революции — Совет рабочих и солдатских депутатов», и обвинил большевиков в том, что они «своими демагогическими приемами трактования всех вопросов привели к происшедшему бунту». Дан призвал под угрозой военной диктатуры дать правительству самые широкие полномочия и назвать его «правительством общественного спасения». Луначарский предлагал добиваться соглашения с большевиками для создания единого демократического фронта. Он зачитал совместную декларацию большевиков и «межрайонцев» о том, что без передачи власти Советам невозможно решить задачи российской революции. С ним не согласился председатель исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов эсер Н.Д.Авксентьев, сторонник коалиционного правительства и войны до победного конца. Он заявил, что противниками Советов являются те, кто выступает против его большинства. В.П.Ногин, большевик и товарищ председателя Петроградского Совета, пытался убедить собравшихся в порочности пути ограничения свобод и «удушения несогласных», говоря, что не следует отталкивать большевиков от работы Советов.

Мартов полагал, что причиной создавшейся ситуации в стране являются «зигзаги» нестабильной политики правительства. Он был против преследования политических вождей. В декларации меньшевиков-интернационалистов, зачитанной Мартовым, революционная демократия призывалась сплотиться вокруг Советов. В ней констатировалось, что «создавшееся положение является не только результатом смуты в армии и тылу», но и «недостаточной революционной и последовательной внутренней и внешней политики Временного правительства». Мартов и его сторонники воздержались при голосовании резолюции, предложенной меньшевиками и эсерами с приданием неограниченных полномочий «правительству спасения революции»[31].

13 июля на очередном совместном заседании ВЦИК и исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов продолжалось обсуждение событий

начала месяца. Керенский, Авксентьев и их сподвижники требовали решительных мер «по спасению России, ее свободы, добытой кровью», и предлагали суд над большевиками. Ногин и Д.Б.Рязанов заявляли, что большевики — это партия пролетариата, а не кучка заговорщиков, что их лидеры могут явиться в суд при условии гарантии объективности судилища и личной безопасности. Дан огласил резолюцию фракций меньшевиков и эсеров из четырех пунктов, в которых говорилось о «гласном суде» над теми большевиками, кто был замечен в подстрекательстве мятежа, явке Ленина и Зиновьева на суд и осуждении их поведения большевистской фракцией Совета, иначе они должны быть отстранены от работы в нем. Либер требовал суда над большевиками, хотя считал, что «обвинение, направленное против Ленина и Зиновьева, ни на чем не основано». Церетели призвал к решительной борьбе с «врагами революции» и оправдывал введение 12 июля Временным правительством смертной казни[32].

Мартов был против подобных заявлений. Он протестовал против исключения большевиков из Совета, так как, «исключая товарищей большевиков, вы исключаете из рядов демократии часть рабочего класса, который идет за ними». Мартов напомнил, что во время выступления Чхеидзе, заявлявшего о поддержке правительства, он, несмотря на решение Совета, отозвавшего свои предложения о провозглашении России демократической республикой и роспуске Государственной думы, воскликнул с места: «Да здравствует республика!» и зал приветствовал его призыв стоя. Мартов был против созыва в Москве Государственного совещания, называя его «Земским собором», поскольку правительство собирает его не только для борьбы с контрреволюцией. «Если дело дошло до того, что нам надо сойти со сцены, если дело в том, что голосу крестьянства и рабочих в русской революции нет места, то сойдем же со сцены честно, примем этот вызов не молчаливым отречением, а честным боем», — заключил он весьма пессимистично[33].

15–16 июля состоялась вторая общегородская кон-

ференция Петроградской меньшевистской организации. Основными докладчиками были Мартов и Дан. Тогда у родственников (Дан был женат на родной сестре Мартова Лидии Цедербаум, и жили они в Петрограде в одной квартире) были разные мнения о происходящем. И тот, и другой говорили не о кризисе власти, а революции. По мнению Мартова, развал коалиционного правительства стал «сигналом к стихийному бунтарскому движению 3–5 июля, которое нашло для себя благоприятную почву в демагогической деятельности большевистской фракции и которое было использовано явно провокаторскими элементами всякого рода». Мартов по-прежнему был против участия социал-демократов в коалиционном правительстве. «Попытка добиться от нынешних представителей власти образования правительства на основе "гражданского мира" между классами, — говорил он, — ...является уходом от революции и изменой ей». Дан защищал тогда официально принятую меньшевиками-оборонцами точку зрения о важности создания и поддержке коалиционного правительства. По его мнению, рабочий класс был «заинтересован в том, чтобы... к участию во власти были привлечены все те слои имущих классов, которые способны идти в настоящий период революции нога в ногу с революционной демократией». Многие делегаты говорили о единстве в рядах меньшевизма и даже избрали общий комитет, который должен был созвать общегородскую конференцию[34].

События в Петрограде начала июля не сходили с повестки дня многих заседаний, в том числе и объединенных собраний ВЦИК и исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов 16–17 и 22–23 июля. На них присутствовали представители местных Советов, армейских организаций и внушительная группа крестьянских делегатов. Армейские представители (меньшевики В.С.Венгеров, Г.Д.Кучин и др.) говорили о тяжелом положении в армии, о том, что настроение солдат ухудшилось после июльских событий, что «усталая масса солдат» ждала от революции заключения мира, которого нет. Поэтому в армии происходит раз-

ложение, солдаты теряют веру в своих командиров и отказываются выполнять приказы. Председатель Московского Совета меньшевик Л.М.Хинчук и один из лидеров московских меньшевиков И.А.Исув выступили с довольно мрачными прогнозами о будущем той репрессивной политики, которую стало проводить правительство. Дан эту политику оправдывал. Более того, он назвал происшедшее восстанием, а ответственными за него — большевиков, а также «провокаторов, бандитов, немецких шпионов». Его поддержал Церетели, вновь заявивший, что революционная демократия должна объединиться вокруг правительства.

Троцкий возражал, называя стихийным выступления демонстрантов 3–5 июля, защищал тактику большевиков и был против репрессий по отношению к ним. Мартов также не соглашался с Даном и Церетели, но по другому поводу. Он считал главным не обсуждение вопроса о репрессиях и доверии правительству, а выяснение причин и следствия кризиса власти. Мартов повторил свой предыдущий вывод о том, что «или революционная демократия берет на себя всю ответственность за революцию, или она теряет свой голос в решении дальнейшей судьбы ее». Троцкого поддержали Ногин и Луначарский. Председатель крестьянского исполкома Авксентьев примирительно заявил, что «Совет не судит такую большую политическую партию, как большевистская». Он был за союз со всеми «живыми силами страны» на основе требований революционной демократии, но если такой союз невозможен, тогда ради спасения страны демократия должна взять «крест ответственности» на себя.

20 июля на объединенном заседании обсуждался уход Чернова из состава Временного правительства. Чернов заявил, что принял такое решение в знак протеста против ведущейся клеветнической кампании, обвинявшей его в пораженческих настроениях и связях с Германией, а также противодействия предлагаемых его ведомством земельных реформ. Однако Совет выразил ему доверие. В его защиту выступили Троцкий, Рязанов и Мартов, заявивший, что «под действием

шантажа, угрозы уходить нельзя». В принятой резолюции говорилось о доверии Чернову и пожелании о возвращении его на свой министерский пост. 21 июля было опубликовано обращение к партийным организациям о Стокгольмской мирной конференции социалистов. Это обращение было принято на основании доклада члена заграничного представительства ВЦИК В.Н.Розанова. В нем ставилась задача перед конференцией способствовать прекращению войны. В комиссию при Исполкоме Петроградского Совета по созыву конференции в августе 1917 г. были направлены П.Б.Аксельрод и Ф.И.Дан.

21 июля в Зимнем дворце состоялась встреча представителей различных советских партий с Временным правительством, на которой обсуждались будущий состав правительства и программа его действий. Утром 22 июля они вернулись, и Дан сообщил представителям объединенного заседания результаты переговоров, главным из которых стало согласие кадетов вновь войти в состав коалиционного правительства. Но они вошли при условии прекращения подотчетности министров своим партийным центрам. Против такого условия соглашения выступили Мартов и Троцкий. Мартов пытался убедить собравшихся, что отказ «от ответственности министров перед организациями может быть политикой самоубийства». Совещание приняло резолюцию о доверии Керенскому, возглавившему правительство. Мартов, выступая после оглашения состава правительства 24 июля, сделал мрачный вывод: «В итоге 3-недельного кризиса власти мы имеем тот же состав правительства. Изменились лица и пропорции, но сущность осталась та же самая, это коалиция Совета и конституционных демократов». Он считал это «блоком революции с элементами, связанными с контрреволюцией».

Скобелев, оставшийся министром труда, был настроен менее скептично и даже указал на разницу в коалиционных правительствах: «Если коалиционное правительство первого состава было коалицией наступления и стремительного пути вперед, то создание

правительства коалиции, которое образовал А.Ф.Керенский, есть коалиция обороны»[35]. Иначе оценил создание второго коалиционного правительства лидер кадетов П.Н.Милюков, позже писавший: «При небольшом номинальном перевесе социалистов действительный перевес в кабинете, безусловно, принадлежал убежденным сторонникам буржуазной демократии. Эта черта отличала кабинет 25 июля от кабинета 6 мая, в котором социалистическая часть была в меньшинстве, но зато являлась носительницей идеологии "революционной демократии", в смысле Церетели»[36].

Церетели в состав правительства не вошел. Позже он писал, что ушел из правительства не для того, чтобы быть к нему в оппозиции, а из верности Совету, представители которого потеряли «значительную долю своего влияния после июльских событий». Церетели утверждал, что июльские события доказали необходимость укрепления исполнительной власти. По его мнению, в июле произошел «решающий момент» для русской революции, когда «военное поражение и большевистское восстание поставило под удар страну и свободный строй. И именно тот факт, что революционная демократия в этот момент не сумела создать сильную революционную власть, и предопределил закат, а затем и полное крушение демократического строя». Церетели завершил свои воспоминания июльскими событиями 1917 г., которые, как он считал, «с внешней стороны, казалось, привели к полному разгрому большевиков, но которые на самом деле нанесли смертельный удар демократии». Он по-прежнему оправдывал необходимость создания коалиционного правительства[37].

Дан и позже защищал свою позицию «революционного оборончества» в 1917 г., когда писал, что тогда «ни одна революционная или социалистическая группа, включая большевиков, не осмелилась выдвинуть лозунг сепаратного мира». По мнению Дана, в то время, несмотря на все усилия «революционного оборончества», по всей стране «разгорались пожары», рос экономический и политический хаос, углублялась

раздвоенность в самой «революционной демократии» между большинством в Советах и все более крепнувшим большевизмом. Именно большевики, полагал Дан, «инсценировали путч в Петербурге, который привел к сдвигу вправо значительной части демократии, заставив эти элементы еще крепче держаться за выжившую правительственную коалицию и помешавшую замене коалиционного правительства объединенной демократии»[38].

24 июля в Александринском театре состоялось пленарное заседание Петроградского Совета, который практически мало что решал с начала июльского кризиса. Скобелев в докладе информировал собравшихся о создании второй правительственной коалиции во главе с Керенским и что он остался министром труда, а меньшевик А.М.Никитин сменил Церетели на посту министра почт и телеграфов. Церетели, выступивший следом, рассказал, что Керенский пригласил его на министерский пост, но он отказался в связи с работой в Совете. Церетели разъяснял весьма пафосно: «До тех пор, пока власть осуществляет общенародные цели страны, мы должны оказать ей полную поддержку. Мы с открытой душой идем навстречу всем живым силам страны осуществить задачу спасения страны. Нет таких жертв, которые мы не принесли бы для этого». Б.О.Богданов от имени Исполкома Петроградского Совета предложил резолюцию, в которой новому правительству предлагалось в своей деятельности руководствоваться декларацией от 8 июля 1917 г. Резолюция была принята подавляющим большинством участников заседания[39].

Формирование нового коалиционного правительства в результате июльского кризиса получило неоднозначную оценку его участников и исследователей. По мнению Суханова, тогда «коалиция снова стала на твердую почву и укрепилась надолго. Огромные силы революции были понапрасну растрачены, брошены на ветер. Революция была глубоко надорвана и далеко отброшена назад». Церетели отмечал, что события 3–5 июля «положили грань между двумя периодами

революции»: «от розовой мечтательности юности... в суровую полосу, когда железной рукой приходится оборонять революцию от анархии и спасать страну мерами репрессий, которые мы считали похороненными навсегда». Керенский, всячески восхваляя Церетели, подчеркивал важность его высказывания о создании правительства во главе с ним. Тогда Церетели заявил: «Мы выходим не только из министерского, но и из революционного кризиса. В истории революции начинается новая эра. Два месяца самыми сильными были Советы. Сегодня мы стали самыми слабыми, так как расстановка сил изменилась не в нашу пользу»[40].

Среди исследователей нет сомнения, что июльские дни 1917 г. знаменовали собой падение влияния Петроградского Совета и меньшевиков, его руководителей. З.Галили отмечала, что в «краткосрочном плане итогом июльских дней была победа революционного оборончества над его оппонентами в коалиции. Но это была непрочная победа...» Позже она вместе с Ненароковым напишут, что революционных оборонцев и меньшевиков-интернационалистов разделяли тогда не только политические расхождения. «Первые, в том числе и Дан, выступали как носители государственной ответственности... Вторые, наоборот, выступали хранителями революционных традиций Французской революции, постоянно находившейся под угрозой контрреволюции». А затем делали категорический вывод: «Меньшевистская политика коалиции зашла в тупик с завершением формирования нового кабинета». Они объясняли это тем, что Совет и партии теперь не могли вмешиваться в деятельность правительства, и цитировали Скобелева, сказавшего, что «страна, не погибшая под ударами войны и царизма, найдет выход из тупика, в котором она находится»[41]. Скобелев был активным меньшевистским функционером, с июня 1917 г. товарищем председателя ВЦИК и министром труда Временного правительства. Говоря о тупике, он имел в виду политическое и экономическое положение страны, а не только коалиционную политику части меньшевиков. Иначе бы Скобелев вряд ли согласился

быть министром труда и в новой коалиции под руководством Керенского.

Новую коалицию не поддержали при голосовании 37% членов ВЦИК, среди них большевики и меньшевики-интернационалисты. Экстренное заседание Организационного комитета РСДРП 23 июля решило, что члены партии могут не отказываться от предложения Керенского работать в правительстве, но они «не будут являться официальными представителями партии в правительстве»[42].

И.Гетцлер писал, что в июле Церетели не раз «обыгрывал Мартова». Но в перспективе прав был Мартов. Б.Сапир отмечал приверженность Дана политике революционного оборончества. И «все же крах этой политики оставил в нем определенный осадок, — замечал Сапир. — Он не мог не говорить самому себе, что не он, а Мартов видел вещи в правильном свете в 1917 г., а отсюда психологически понятное стремление Дана окопаться на так называемой мартовской линии, тем более что он полностью разделял политику Мартова во время и после октябрьского переворота... В позднейшей эволюции Дана, возможно, подсознательно, известную роль сыграло какое-то раскаяние в том, что он недостаточно прислушивался к предостережениям Мартова тогда, когда последний возглавлял меньшевиков-интернационалистов, а он, Дан, революционных оборонцев»[43].

Троцкий позже писал, что июльские дни радикально изменили положение: Советы перестали быть властной структурой. Лозунг «Вся власть Советам!» надо было снять из большевистских требований. Троцкий не согласился с оценкой решений VI съезда большевиков, заявившего по докладу Сталина о том, что в результате июльских событий власть в стране перешла от Советов к буржуазии. Троцкий считал, что победа контрреволюции немыслима без перехода власти в руки другого класса, но этого в июле не произошло[44].

По-своему отозвался на происшедшее в июле А.Н.Потресов. В статье «Ответ тов. Вейнеру» («День». 12 июля 1917 г.) он писал, что меньшевистская партия,

к которой он принадлежит со времени ее основания, «гарантирует себе в настоящее время... неудачу». По его мнению, курс партии меньшевиков был порочен, так как «оборонческая среда» представляла собой «инертную, не мобилизационную массу». 18 июля Потресов выступил против призыва Мартова о переходе к «диктатуре пролетариата и крестьянства», который, по его мнению, означал «губить революцию». Он был против политики Ленина и тех из меньшевиков, кто был за передачу власти Советам, называя их действия «ленинизмом наизнанку». Потресов был за коалиционное правительство, потому что это союз «всех жизнеспособных сил». Он полагал, что буржуазия без социалистов, так же как и они без ее представителей, справиться с управлением страной не сможет[45].

П.А.Гарви – с мая 1917 г. один из руководителей петроградских меньшевиков – позже писал, что Потресов в то время занимал крайне правую позицию, критикуя не только меньшевиков-интернационалистов, но и Церетели с Даном, занимавших позицию революционного оборончества и сотрудничества с либералами. По мнению Гарви, Потресов при этом исходил из «опасения максимализации русской революции социалистами и неизбежного в таком случае срыва ее силами реакции. При этом Потресов явно переоценивал силы и демократическую стойкость буржуазного либерализма и недооценивал ни размаха крестьянской стихии, ни крестьянской жажды немедленного мира для завершения стихийной аграрной революции»[46].

Взгляды на дальнейшее развитие страны у меньшевистского руководства после июльских событий разнились: Церетели, Дан, Потресов были за коалиционное правительство, Мартов оставался приверженцем сильных Советов. Этот раскол мешал единению партии. Но эти расхождения, по замечанию Б.И.Николаевского, не касались определения характера революции. Мартов неоднократно утверждал, что веры в возможность построения социализма у него никогда не было. Этот вопрос не был причиной создания им отдельной фракции. Более того, когда в мае 1917 г. Ю.Ларин

(М.З.Лурье) предлагал Мартову разорвать организационные связи с меньшевистской партией и сблизиться с большевиками, Мартов ответил отказом, ссылаясь на общность оценки социально-экономического содержания русской революции. Но «борьба фракций тянула партию в разные стороны, — писал Николаевский. — В итоге в самый важный момент, когда все нужно было поставить на одну карту, — в момент, который был историческим экзаменом для партии, — последняя оказалась неспособной к развитию той активности, которая была необходима...»[47]

У П.Б.Аксельрода были свои взгляды на происшедшее в Петрограде в июле 1917 г. Тогда он не спешил делать каких-либо обобщений. 3 июля Аксельрод председательствовал на заседании Организационного комитета, на котором Церетели сообщил о результатах переговоров с Украинской Радой, а также обсуждался вопрос о кризисе в связи выходом из состава правительства группы кадетов-министров. Он поддержал предложение Дана об усилении правительства представителями буржуазии, а не социалистами-революционерами, как того требовали Б.О.Богданов и С.О.Ежов. «Все равно, — говорил Аксельрод, — в массах нас не различают от с(оциалистов)-р(еволюционеров) и вся ответственность ляжет на социалистов вообще. Необходимо сохранение буржуазного большинства».

Судя по документальным публикациям, Аксельрод председательствовал на заседаниях ОК 5, 6, 7, 13, 14 июля, на которых обсуждались последствия июльских событий в Петрограде[48]. О его выступлениях эти публикации не сообщали. В июле Аксельрод был избран почетным председателем Петроградской меньшевистской организации и призывал своих коллег по партии «искать то, что объединяет их с их противниками (в меньшевистском движении), а не то, что их разъединяет». Аксельрод, в отличие от Мартова, был сторонником поддержки коалиционного правительства, считая, что Советы должны участвовать во всех «сферах социальной и государственной деятельности и в ежедневном процессе демократизации всех областей жизни го-

сударства». Хотя, по его мнению, социалисты должны противостоять правительству по некоторым вопросам, но их оппозиция не должна выходить за «рамки определенного характера революции». Аксельрод допускал создание пролетарского правительства, но только в том случае, если бы в Европе произошла пролетарская революция. Но такого развития событий он не предвидел, а потому, цитируя Энгельса, предупреждал, что пролетариат подвергнется огромной опасности, если рабочий класс преждевременно захватит власть[49].

Аксельрод чувствовал себя не вполне уютно тогда в Петрограде, несмотря на общее уважение коллег, среди которых он считался почетным председателем меньшевистской партии. Он полемизировал с Плехановым, который выступал за войну до победного конца и против предложения Аксельрода о проведении международных мирных переговоров[50]. Аксельрод не соглашался с Мартовым, отрицавшим необходимость коалиционного правительства, а затем ставшим сторонником его чисто социалистического состава. Его раздражала сугубо оборонческая позиция Церетели и Дана. Главным для себя в то время он считал восстановление II Интернационала и прекращение войны, а потому возлагал большие надежды на международную конференцию в Стокгольме, куда он отправился 10 августа.

Определенные итоги июльского кризиса подводили прошедшие в августе Третья общегородская конференция Петроградской организации меньшевиков (5–6, 12–13 августа), а также VI съезд большевиков и объединительный съезд РСДРП(о) (19–26 августа). Третья общегородская конференция меньшевиков в Петрограде продемонстрировала резкое усиление влияния меньшевиков-интернационалистов (из 108 делегатов было 59 интернационалистов и 49 оборонцев). Главным вопросом для собравшихся было обсуждение новых политических реалий, возникших в стране, и задачи партии в этих условиях. С основными докладами выступили представители двух фракций: от интернационалистов — А.С.Мартынов, а от оборонцев — Церетели.

Мартынов с горечью констатировал, что почти после 6-месячной революционной борьбы меньшевики все еще находятся «у разбитого корыта первоначальных задач». Основная причина такого положения, считал он, — продолжающаяся война. Мартынов выражал надежду на собирание «живых сил страны» и осуществление задач революции. Церетели признал пагубность войны для осуществления революционных задач и стал защищать политику Временного правительства. Он вопрошал: «К правительству предъявляют требования сменить контрреволюционный командный состав, но разве среди интернационалистов имеются генералы и кем прикажете заменить генерала Корнилова?» Мартов возразил Церетели, заявив, что, кроме объективных причин реального состояния дел, существуют и субъективные, а они не всегда свидетельствуют о правильности действий правительства. Большинство делегатов конференции приняло резолюцию, предложенную Мартовым и Мартыновым. В ней, между прочим, отмечалось, что при подавлении движения, вспыхнувшего 3–5 июля, правительство обвинило большевистскую партию в государственной измене и тем самым способствовало дискредитации «всех социалистов в глазах темных масс и внесло крайнее озлобление в ряды рабочего класса, почувствовавшего себя травимым и беззащитным в революционной России». Резолюция подчеркнула, что по отношению к правительству, ведущему «неустойчивую политику, партия пролетариата должна сохранять полную независимость» и поэтому участие членов партии в работе правительства нежелательно[51].

Мартов к тому времени видел, как возрастало влияние его фракции в партии. На III общегородской конференции меньшевиков в Петрограде Мартов одержал победу над Церетели: были приняты резолюции, предложенные меньшевиками-интернационалистами, а также 14 их представителей вошли в руководящий состав столичной организации. Тогда же на конференции происходили выборы делегатов на Объединительный съезд. Представители «оборонцев» требовали се-

бе 4 места из 9, заявляя, что столичная организация состоит почти поровну из представителей двух фракций меньшевиков. Но победители на конференции предложили им только 2. В этих условиях «оборонцы» отказались участвовать в выборах делегатов на конференцию и назвали своих представителей: В.Мирова (В.К.Икова), М.В.Мыскова, Л.М.Пумпянского и Ф.Я.Яковлева. Комитет Петроградской организации меньшевиков заявил Центральной комиссии по созыву Объединительного съезда 13 августа, что официально избранными делегатами съезда являются И.С.Астров, Галыгин, А.В.Гриневич, М.Ф.Зимницкий, А.В.Кузовлев, Ю.М.Ларин, Ю.О.Мартов, Ф.А.Митин, А.В.Чернев — все интернационалисты. В заявлении подчеркивалось, что «делегаты избраны на общегородской конференции 13 сего августа от 8594 членов, аккуратно платящих членские взносы и представленных на конференции из общего числа 12 тыс. членов, числящихся в организации»[52]. Раскол между меньшевистскими фракциями усугубился на конференции, но к разрыву не привел.

Утверждение А.П.Ненарокова, повторившего вслед за И.Гетцлером, что Мартов в 1917 г. «потерял партию»[53], поражает своей категоричностью и некорректностью. Мартов в 1917 г. постепенно приобретал потерянное за годы эмиграции и в результате революционных событий в России лидерство в партии, которое перехватили те, кто был в стране и жаждал власти больше, чем он, этой страстью не страдающий. Его победа над Церетели на III Петроградской конференции меньшевиков — лишь одно из доказательств восстановления лидерства Мартова в партии и того, что он не «терял партию» в 1917 г.

И.Гетцлер в последних главах своей книги назвал Мартова «Гамлетом демократического социализма», подчеркивая его нерешительность как доминирующую черту характера. Он предлагал разные варианты «решительных» действий Мартова в то время. Так, считал Гетцлер, Мартов мог расколоть партию и со своими единомышленниками создать самостоятельную орга-

низацию левой ориентации. И эта партия, продолжал развивать свою версию Гетцлер, «выгодно отличалась бы от ленинской партии революционной гражданской войны и в то же время не отождествлялась бы с партиями меньшевиков и эсеров, поддерживавших Временное правительство... Эта партия... могла бы соперничать с большевиками в борьбе за влияние среди рабочих и солдат». Гетцлер считал, что Мартов мог пойти по пути достижения компромисса с Церетели, Даном и Чхеидзе, взяв с них обязательство «оставаться в войне, но не осуществлять больше никаких наступлений. На этой основе Мартов, возможно, сумел бы воссоединить официальное руководство меньшевиков и Советов, как это сделал Чернов в партии социалистов-революционеров». Но Мартов избрал путь оппозиционера в своей партии, критикуя политику сторонников коалиции. Гетцлер считал политику Мартова той поры ошибочной, так как в результате ее дискредитировалась роль Советов и лидеров меньшевизма и возрастал авторитет большевиков, также резко агитировавших против сторонников коалиционного правительства[54]. Альтернативные предложения Гетцлера заслуживают внимания, но это его мысли о возможном развитии событий, тогда как нам важнее понять причины, по которым Мартов действовал так, а не иначе.

Мартов был не Гамлетом, а лидером наиболее высоконравственной части российской социал-демократии, которая в то время была полна искренней веры в социальную справедливость и ее достижение посредством классовой борьбы пролетариата. Потому Мартов яростно сопротивлялся предложениям своих коллег или большевиков, если они противоречили его представлениям о демократии. Д.Ю.Далин вспоминал, как он с группой меньшевиков предлагали Мартову занять хотя бы в своей партии крайне левые позиции. Мартов отказался, а затем объяснил, что «нечего пытаться переплюнуть большевиков по этой части. Конечно, они бланкисты, авантюристы, вспышкопускатели, демагоги; конечно, они не революционеры в том смысле, как марксизм понимает это

слово. Тем не менее, надо уступить им крайние левые места. Мы не пойдем с ними на такие акты, как братание на фронте, мы не будем вместе с ними свергать Временное правительство, хотя мы с последним и не согласны; мы не будем призывать армию расправиться с офицерами»[55]. Мартов вплоть до прихода большевиков к власти и не помышлял о создании собственной партии, ратуя за единство социал-демократического движения в стране.

Эта принципиальная особенность Мартова проявилась в сложной обстановке августа 1917 г. 4 августа на заседании пленума ВЦИК обсуждалась складывающаяся после июльских событий ситуация в стране. ВЦИК собрался в помещении Смольного института, открыл заседание А.Ф.Керенский, призвавший к поддержке правительства. Его поддержал Церетели, предложивший совместный меньшевистско-эсеровский проект резолюции, в которой правительство обязывалось подавлять проявления контрреволюции. Церетели отметил «расшатанность» и «ослабленность» сил революционной демократии после 3–4 июля. Он заявил о передаче всей полноты власти из рук демократии Временному правительству и приветствовал заверения Керенского о поддержке и сохранении демократических организаций.

Большевик Л.Б.Каменев, только что освобожденный из-под ареста, раскритиковал резолюцию Церетели, назвав ее двусмысленной и бессодержательной, и был за переход власти к Советам. Мартов предложил созвать очередной съезд Советов и воздержаться от участия в Государственном совещании в Москве. По его мнению, Советам нельзя отказываться от контроля над властью и «смотреть сквозь пальцы на ее неправильные шаги», потому что «положение значительно хуже, чем нам рисовал тов. Церетели». И пошутил: «Наш переход в Смольный институт... не должен знаменовать собой того, что Советы из института государственной власти обращаются в институт благородных девиц». Б.О.Богданов был настроен весьма пессимистично. Он говорил о непродуманной репрессивной

политике Временного правительства, которое арестовало Каменева и выпустило на свободу провокаторов царской охранки. Когда на его замечание о том, что аресты необходимы в той мере, как этого требуют интересы революции, один из большевиков возмутился, Богданов его парировал прозорливым ответом: «Если бы у власти были Ленин и Каменев, то большинство настоящего собрания были бы не здесь, а в другом месте».

Позиции большевиков отстаивали Д.Б.Рязанов, В.П.Ногин, против них выступили Церетели, Дан и Б.О.Богданов. Церетели в повторном выступлении заявил, что в переживаемый момент происходит атака сил контрреволюции на Советы как символ революции. Дан призвал критиковать и вместе с тем поддерживать правительство. Председательствующий на пленуме А.Р.Гоц не раз пытался прервать выступление Рязанова, особенно жестко критикующего Керенского, но тут же последовала реплика Мартова о свободе слова. Большинством голосов была принята прочитанная Церетели резолюция. Бюро ВЦИК 10 августа приняло решение об участии своей делегации в Государственном совещании как единого целого, т.е. со своим мнением члены делегации выступать не имели права под угрозой лишения мандатов. Большевики сочли такое решение дискредитационным и отказались участвовать в работе Государственного совещания[56].

Мартов не выступал на совещании, как он писал Кристи 25 августа, в Большом театре «сидел с закрытым ртом, ибо наше большинство (Совета) заранее постановило, что "оппозиция" не имеет права выступать самостоятельно (чтобы не испортить торжественности)»[57]. В то же время Мартов активно участвовал в меньшевистских собраниях и встречах с москвичами. 13 августа в работе Государственного совещания был перерыв, и меньшевики собрались для выработки своей резолюции. С основным докладом выступил Дан. Мартов предлагал включить в резолюцию положение о заключении мира и отмене смертной казни. Однако в принятой резолюции предложения Мартова были

проигнорированы. В тот же день Мартов и Мартынов выступили на собрании в Коммерческом институте с изложением позиции своей фракции. Мартов видел задачей социал-демократии «сплочение рядов демократии и противопоставление ее организованному фронту контрреволюции». 14 августа на Государственном совещании выступил Чхеидзе, защитивший деятельность демократических и советских организаций и обозначивший важность решения продовольственного, торгово-промышленного, финансового, земельного, военного и национального вопросов. По мнению Церетели, Государственное совещание «дало положительные результаты, раскрывши перед страной всю правду и объединивши, насколько это было возможно, все живые силы страны»[58].

У Мартова было иное мнение. Он предвидел, что московское совещание не будет способствовать укреплению гражданского мира в стране. Это совещание не должно было принимать важных решений, его эффективность была минимальной. Всем руководил Керенский, и само совещание назвали его «коронацией». На совещании выявилось несколько позиций различных общественных сил. Генерал Л.Г.Корнилов (с 18 июля Верховный главнокомандующий российской армией), зная, что ко времени совещания Керенский собирался освободить его от этой должности, относился к премьеру неприязненно. Корнилов в своей речи требовал создания «твердой власти», «оздоровления армии и тыла»[59]. Чхеидзе и Церетели хотели усилить роль демократических организаций, действующих в согласии с Временным правительством. Наверное, для этого Церетели на сцене Большого театра демонстративно пожал руку представителю промышленников и банкиров А.А.Бубликову. Результаты Государственного совещания по-разному оцениваются историками. По мнению Г.М.Каткова, оно завершилось провалом, т.к. оказалось неспособным создать какой-либо орган, представляющий всю страну и способный стать опорой правительства. «Отныне, – писал Катков, – даже самая безобидная резолюция не могла быть поставле-

на на голосование без того, чтобы немедленно не выявилась глубокая трещина, расколовшая русское общество». В.Д.Поликарпов полагал, что Государственное совещание «принесло успех реакционным силам, руководимым кадетами: на нем политическая программа контрреволюции не только буржуазией, но и представителями "революционной демократии" была признана единственно приемлемой»[60]. Заметим, что такие представители революционной демократии, как Ленин и Мартов, были против программы Государственного совещания.

В то время Мартов требовал от ВЦИК принять участие в международной рабочей конференции в Стокгольме и поддержал стремление Аксельрода туда поехать. Он считал, что распространившаяся в ту пору волна антивоенных настроений в Европе дает возможность покончить с ней путем переговоров. Мартов заявлял, что Совет обязан, независимо от мнения правительства, бороться за мир и участвовать в конференциях, направленных к его достижению. Выступая на заседании ВЦИК 6 августа, Мартов подчеркивал, что, невзирая на заявления Временного правительства о верности союзникам в войне, главной остается борьба за мир. 13 августа, уже во время работы московского совещания, он вновь предложил от имени меньшевиков-интернационалистов принять декларацию в поддержку Стокгольмской мирной конференции. Однако меньшевистское собрание отклонило это предложение Мартова, как и его требование об отмене смертной казни (35 голосами против 28). На собрании в Коммерческом институте в тот же день он показал, что правительство Керенского, с одной стороны, «старается сохранить связь с породившей его революцией», а с другой — «оказывается менее демократическим по своей политике, чем предыдущее правительство». Произошло же это потому, что демократические силы, на которые опиралось правительство, «часто намереваясь идти революционным путем, приходят, против своей воли, к контрреволюции».

Главной силой контрреволюции в то время Мартов

считал генералитет. «В штабах — материальная и политическая сила контрреволюции», — утверждал он. По Мартову, боязнь демократии этой силы побуждает ее к ненужным уступкам: неудачным наступлениям на фронте, введению смертной казни, ослаблению самой демократии в результате ее соглашения с контрреволюцией. Поэтому, полагал Мартов, социал-демократия на московском совещании должна была «выпрямить линию вождей пролетариата», бороться с оппортунизмом и анархизмом в рабочем движении, сплачивать расстроенные ряды демократии и «мобилизовать ее на решительный бой с цензовыми и милитаристскими элементами»[61]. Но этого не произошло. Мартов часто шел против течения, например, когда защищал преследуемых большевиков, именно ему они обязаны тем, что тогда остались в составе ВЦИК. Это был сильный и самостоятельный оппонент властолюбивых лидеров партии, с которым нельзя было не считаться.

Июльский кризис обострил борьбу за власть различных политических сил России. По мнению Г.А.Герасименко, в его результате власть трансформировалась в диктатуру Временного правительства, и период демократии в стране закончился[62]. С этим выводом трудно согласиться, установить диктатуру Временное правительство не смогло, да к этому и не стремилось, а демократическое развитие страны продолжалось вплоть до разгона Учредительного собрания. Угроза установления в стране военной диктатуры генерала Корнилова в конце августа 1917 г. заставила объединиться как представителей Временного правительства, так и все демократические силы и позволила предотвратить эту авантюру бескровно[63]. Известно, что результатом «дела Корнилова» стал очередной кризис Временного правительства: 27 августа министры подали в отставку, власть перешла к группе из 5 министров под председательством Керенского. Казалось бы, идея коалиционного правительства изжила себя, а концепция демократической власти вновь стала на повестку дня. Быстрое и решительное избавление от опасности военной диктатуры, разумеется, создало иллюзию

силы демократии[64]. Это выразилось в обострении политической борьбы за власть.

28 августа на заседании ВЦИК Мартов возражал против передачи власти Директории Керенского и ратовал за проведение правительством демократической программы действий. Он поддержал предложение о созыве Демократического совещания. Большинство членов ВЦИК согласилось с утверждением Мартова, что «всякая Директория родит контрреволюцию», и приняло резолюцию с поручением Керенскому заполнить вакансии в правительстве только «демократическими элементами». В тот же день Мартов вошел в состав созданного ВЦИК Комитета народной борьбы с контрреволюцией. По предложению Мартова собрание петроградских меньшевиков-интернационалистов приняло постановление, в котором отмечалось, что принцип коалиции изжил себя и демократия должна получить власть и осуществить ближайшую программу: провозгласить демократическую республику, ускорить выборы в Учредительное собрание, передать землю крестьянам, активизировать борьбу за мир.

31 августа Мартов на заседании ВЦИК говорил, что новая коалиция была бы «политическим самоубийством» демократии, и призывал к диктатуре демократии. Он развивал эту тему в статье «Проблемы дня», опубликованной в двух номерах газеты «Вперед» (1917. 10, 17 сентября). По его мнению, Временное правительство представляет собой власть, основанную на «перманентном компромиссе между демократией и имущими классами, между демократией и военно-бюрократической кастой, между революцией и союзным империализмом». Мартов предостерегал против «большевистско-максималистских иллюзий» установления диктатуры пролетариата, т.к. необходимо выяснить «пределы» классовой борьбы рабочих на данном этапе исторического развития. Только «диктатура всей демократии», демократическое правительство, считал он, сможет решить задачи, «с которыми бессильна справиться совокупность имущих классов»[65].

В обстановке демократического подъема, связан-

ного с подавлением выступления Корнилова, премьер должен был лавировать, чтобы удержаться у власти. В то время меньшевики и эсеры контролировали деятельность Советов, а большевики начали вновь выходить на авансцену. В начале сентября Троцкий, Луначарский, Коллонтай и другие арестованные большевики были выпущены под денежный залог. Всего было освобождено более 140 человек. Тогда Ленин проявлял готовность идти на компромисс с социалистическими партиями[66]. На повестку дня вновь стал вопрос об организации власти и о месте в ней демократического сообщества. Эта тема стала центральной на объединенном заседании ВЦИК и Исполкома Совета крестьянских депутатов 31 августа – 1 сентября 1917 г., где после ожесточенной полемики была принята резолюция «О власти», предложенная фракциями меньшевиков и эсеров. В ней предлагалось созвать Демократическое совещание и приветствовалось правительство, провозгласившее 1 сентября Россию республикой. Демократические организации призывались оказывать содействие правительству в борьбе с контрреволюционными заговорами[67].

2 сентября Керенский объявил состав Директории и принял предложение ВЦИК о созыве Демократического совещания. Мартов видел в этом победу революционной демократии, которой достаточно было, «чтобы те, кто до сих пор к нам обращался с ультиматумами, услышали наш ультиматум, как тотчас же получился осязаемый результат»[68]. К этому времени произошли изменения и в руководстве столичными Советами. Это было связано с выходом большевиков из политической изоляции. Их представители вошли в состав «Комитета народной борьбы с контрреволюцией», созданного в конце августа для противодействия выступлению Корнилова, причем к ним тогда обратился Керенский с просьбой привлечь революционных солдат к этой борьбе[69]. Большевики вновь стали частью демократического сообщества. Петроградский Совет в ночь на 1 сентября принял декларацию «О власти», предложенную большевиком Каменевым.

До этого ВЦИК даже не поставил ее на голосование. В декларации предлагалось декретирование демократической республики; немедленная отмена частной собственности на землю без выкупа и передача ее в ведение крестьянских комитетов до окончательного решения Учредительным собранием; введение рабочего контроля над производством и распределением в общегосударственном масштабе и национализация важнейших отраслей промышленности; немедленное предложение всем народам воюющих стран заключить всеобщий демократический мир; уничтожение всех сословных привилегий и полное равноправие всех граждан; право наций на самоопределение; немедленный созыв Учредительного собрания[70]. Это означало, что столичный Совет отказал в доверии доселе властвующим в нем меньшевикам и эсерам и стал поддерживать радикально настроенных большевиков. 25 сентября председателем Петроградского Совета стал Троцкий.

На Демократическом совещании (14–22 сентября) присутствовали 1492 делегата, из них: 532 эсера, 305 меньшевиков, 134 большевика, 55 народных социалистов, 17 «беспартийных» социалистов, 4 кадета. Керенский в воспоминаниях отмечал, что к этому времени усилилось влияние большевиков, левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов в Петроградском и Московском Советах. По словам Керенского, «цель совещания была предельно проста... Совещание должно продемонстрировать, что монолитное единство и однородность, которые присущи лишь "революционно-демократическому" движению (т.е. социалистам), позволяют ему создать такое правительство, в котором нуждается революция»[71].

По мнению С.Е.Рудневой, «демократический съезд с первых дней своей работы раскалывался на два лагеря — "товарищей" и "граждан", на две враждебные половины, одна из которых категорически осуждала политику Временного правительства, а другая — одобряла и поддерживала»[72]. Но не было единства и в рядах революционно-демократического движения. Одни (Авксентьев, Церетели, Чхеидзе) по-прежнему были за

коалиционное правительство, чтобы сохранить «буржуазно-демократический организм». Другие, в частности Богданов, полагали, что коалиция возможна лишь с теми представителями цензовых элементов, которые открыто выступили против «корниловщины». Третьи (Мартов, Спиридонова, Чернов и др.) были за создание власти на основе соглашения всех демократических сил. Мартов считал, что правительственная коалиция обрекала власть на бездействие и отрыв от масс, а потому от соглашения с буржуазией нужно отказаться и «приложить свои силы к делу создания истинно революционной власти, способной разрешить неотложные задачи революции и ответственной до Учредительного собрания перед полномочным представительством трудящихся народных масс». Мартов подчеркивал, что таким представительством являются Советы, которые могут исполнить свою роль в контакте с другими демократическими организациями: кооперативами, профсоюзами, органами местного самоуправления и др. Он предупреждал, что лозунг «Вся власть демократии!» не должен пониматься как «Вся власть Советам!», а «диктатура всей демократии, возглавляемой политическими Советами», не может подменяться «диктатурой самих Советов над остальной, вне Советов стоящей или вокруг других учреждений организованной демократии», ибо «иначе нам грозит переход революционного движения из болота оппортунизма в трясину анархизма».

Большевики (Каменев, Троцкий) также призывали к созданию однородного демократического правительства. Однако голосование 19 сентября показало, что большинство (766 против 688) стоит за коалицию с «цензовыми элементами». Тогда стали голосовать поправки: первая — из коалиции исключаются кадеты, причастные к «корниловщине»; вторая (ее предложил Мартов) — в коалиции не должно быть кадетов. Обе поправки были отвергнуты. 20 сентября руководство совещания и социалистических партий приняло предложение Мартова о создании «однородной социалистической власти». И тут же принимается решение о

выделении из состава Демократического совещания Предпарламента — Временного Совета Российской республики (Мартов вошел в его состав).

Предполагалось, что впредь до созыва Учредительного собрания это будет постоянный представительный орган, контролирующий работу подотчетного ему Временного правительства. Созданный Демократическим совещанием Демократический Совет 22 сентября обсудил задачи Предпарламента. Мнения Церетели и Мартова по поводу его функций оказались различны. Дан в предложенной резолюции по докладу Церетели отмечал, что «власть может принадлежать такому правительству, которое пользуется доверием Предпарламента». Мартов в выступлении заявил, что «правительство, которое выходит из баррикад, является единственным источником и носителем власти до Учредительного собрания. Я не знаю других способов творения власти, — продолжал он, — кроме двух — это жест гражданина, избирающего у избирательной урны, или жест гражданина, заряжающего ружье». Церетели в ответ на замечание Мартова ответил: «Мы не можем сказать, как говорит тов. Мартов, что мы заряжаем ружье, потому что тот, кто заряжает ружье, должен иметь смелость его разрядить, а мы этого не хотим, мы считали, что если разрядить ружье, то оно попадет в сердце революции». В результате Демократический Совет на своем единственном совещании принял решение о создании Предпарламента с преимущественно демократическим составом. Против этого решения выступили большевики, левые эсеры и меньшевики-интернационалисты[73].

Вскоре выяснилось, что Предпарламент лишь содействует формированию правительства, т.е. является совещательным органом, и его следует пополнить представителями буржуазии и кадетов. Так, 25 сентября появилось третье коалиционное правительство, в которое, наряду с 6 министрами-социалистами, вошли и 6 министров-капиталистов из других партий или беспартийные, в том числе и кадеты[74]. Демократическое совещание не стало «звездным часом» ни демократов,

ни Мартова, ни Церетели, и совещание свидетельствовало об их бессилии что-либо изменить.

Демократическое совещание продемонстрировало неготовность Церетели и его сторонников взять власть в стране и ответственность за ее будущее. Достаточно указать, например, на полемику между большевиком Каменевым и меньшевиком Церетели на совещании, чтобы убедиться в этом. В ответ на призыв Каменева «Возьмите же эту власть» Церетели под смех своих сторонников посоветовал большевикам самим захватить власть и попытаться найти выход из общенационального кризиса, охватившего страну. Церетели был уверен, что такой выход может найти лишь правительственная коалиция социалистов и кадетов. Он тогда не верил в возможность большевистского силового захвата власти и, как известно, ошибся[75].

Итог работы Демократического совещания красноречивее других подвел А.Н.Потресов, когда писал: «Бедлам, а не единство представляет собой демократия, собранная в четырех стенах, заключенная в рамки единого общественного учреждения. Такой бедлам, что для всех сколько-нибудь отдающих себе отчет в значении происходящего после этого же первого всенощного бдения стало ясно: может быть, "Предпарламент", переименованный во "Временный Совет Российской республики", и в состоянии еще будет функционировать после того, как будет разжижен различными элементами буржуазной России, но в своем первичном, стоградусно-демократическом существе он, во всяком случае, жить и работать не будет, ибо он являет собой такое глубокое расхождение в средствах и целях, что в своей совокупности, при отсутствии заметного преобладания какой-либо из своих частей, он может дать не организованное действие, не планомерную работу, а лишь то напряженное бездействие, то деловое безделье, которое равносильно политической смерти такого учреждения...» Потресов призвал демократию отказаться от своих «роковых попутчиков» слева — большевиков[76].

Троцкий считал, что Демократическое совещание

было направлено на то, чтобы парализовать борьбу большевиков за власть. Но в результате, по мнению Троцкого, «Демократическое совещание окончательно расчистило дорогу для восстания большевиков»[77]. Суханов считал, что Демократическое собрание было посвящено «ненужному, нудному и "нелояльному" делу» — обсуждению вопроса, быть в стране коалиции или чисто демократическому правительству. По его мнению, Керенский добивался личной, неограниченной власти[78]. Но заполучить ему такую власть не удалось. Это было связано с продолжением войны, ухудшением экономического положения населения, все более критическим отношением социалистических партий и Советов к деятельности коалиционного правительства.

Суханов весьма критично отнесся к деятельности Демократического совещания, как и многие другие современники. Дан вспоминал, что созыв Демократического совещания был связан с попытками ухода от коалиционного к демократическому правительству. Но этого не произошло, и дело ограничилось декларативными призывами. Поэтому, как считал Дан, совещание превратилось «в арену совершенно ненужной и даже вредной концентрированной перепалки с большевиками. Вместо укрепления позиций демократии оно привело к их ослаблению»[79].

Демократическое совещание было одной из форм демократического развития страны, где представители различных партий и течений могли беспрепятственно высказать свою точку зрения о ситуации в стране[80]. Это был поиск демократической организации власти, мирного развития революции, предотвращения гражданской войны. Совещание выявило разногласия среди представителей различных социалистических партий, представителей разных фракций социал-демократии, и это тоже было проявлением демократического развития общественного мнения страны. Демократическое совещание давало возможность ВЦИК, более двух третей членов которого составляли меньшевики и эсеры, усилить свои политические позиции и соз-

дать демократическое правительство. Казалось бы, Совещание не оправдало надежд на демократическое развитие страны, не гарантировало ее развитие именно в этом направлении. Однако и после его завершения продолжали функционировать Советы, появился Предпарламент, дискуссии о будущей власти продолжались во всех политических партиях, в том числе и большевистской, еще не ставшей в ту пору «орденом меченосцев». Все это внушало оптимизм тем, кто продолжал надеяться на лучшее будущее. 23 сентября на встрече членов ВЦИК с делегатами Демократического совещания от областных Советов было решено созвать II съезд Советов 20 октября 1917 г. (позже его открытие было перенесено на 25 октября). Именно этот съезд должен был решить вопрос о власти.

Но незадолго до этого в Мариинском дворце 7 октября 1917 г. собрался Предпарламент. Его председателем стал эсер Н.Д.Авксентьев; Мартов, Дан и Б.О.Богданов были избраны в Совет старейшин. Перед Предпарламентом, как и перед последним составом Временного правительства, стояла задача определить ближайшее будущее страны, предотвратив попытки вооруженного захвата власти. Но конструктивной работы не предвиделось, между правыми и левыми компромисс оказался невозможен, дискуссии шли по всем основным вопросам. Так, когда речь зашла об укреплении армии в условиях продолжающейся войны и политико-экономического напряжения внутри страны, предложения возникли прямо противоположные.

Генерал М.В.Алексеев на совещании Предпарламента оценил военно-стратегическое положение страны как тяжелое и предлагал дисциплинировать армию и вернуть изгнанных из нее более 10 тысяч офицеров, способных воевать. Мартов предложил свой вариант от имени возглавляемой им фракции: «Временный Совет республики признает необходимым радикальную чистку командного состава с удалением из армии и Ставки всех контрреволюционных элементов, демократизацию командного состава и штабов путем укрепления армейских организаций, предоставления им

права отвода и аттестации лиц командного состава, развитие институтов и комиссаров с предоставлением центральному органу революционной демократии контроля над их деятельностью, подчинение всех особых воинских частей общему демократическому режиму армии, немедленную отмену смертной казни и восстановление в правах всех заключенных приговорами военно-революционных судов, которые совершили нарушение дисциплины по идейным мотивам, производство расследования по делу Корнилова в полном объеме с преданием обвиняемых суду на общих основаниях для преступлений, совершенных в районе военных действий, взятие на себя Временным правительством инициативы предложения всем воюющим странам немедленно начать переговоры о заключении общего мира с одновременным провозглашением перемирия на всех фронтах и приглашением союзных правительств присоединиться к этой инициативе Российской республики»[81]. Мартов ратовал за дальнейшую демократизацию армии, что в тот конкретный момент не способствовало укреплению ее боеспособности, но для него не было ничего важнее реализации демократических принципов. Когда П.Б.Струве попытался в выступлении на заседании Предпарламента оправдать выступление Корнилова, Мартов возмутился и с места прокричал: «Бонапартист Струве».

Бурно проходили в Предпарламенте и прения о внешней политике страны. Интернационалисты решительно возражали против официального предложения о ведении войны до победного конца, провозглашенного министром иностранных дел М.И.Терещенко и поддержанного меньшевиками-оборонцами. Потресов призвал Совет республики объединиться при обсуждении двух предложений, которые следует обсудить на международной конференции: основным условием мира должен быть публичный отказ «от захватных тенденций», а также укрепление в стране «идеи всенародной обороны». Он заключил: «Если бы мне сказали, что немедленный мир обязателен, что с этим бороться невозможно, тогда я сказал бы: пусть власть берут

большевики и расплачиваются за это дело перед лицом истории». Мартов был против того, чтобы вопрос о мире был отсрочен. Он считал, что русская революция изменила картину мира больше, чем все победы Гиндербурга. «Временному правительству, — говорил он, — навязывается политика, продиктованная интересами буржуазии, которая старается обманчивыми фразами о национальном достоинстве заставить русский народ отложить ликвидацию войны до весны 1918 г., а может быть, и 1919 г. Но вопрос о мире должен быть поднят сейчас. От имени российской революции должны мы сказать, что Россия желает всю оставшуюся энергию концентрировать на деле национального возрождения, которое является сейчас делом дорогим для всего человечества. Тогда вы увидите, что не напрасна была работа тех, которых вы клеймите именем германских агентов, тех циммервальдистов, которые во всех странах подготовили пробуждение правосознания демократических масс. Это правосознание сделает немыслимым стремление хищников-империалистов распинать свободную Россию. Мы знаем и верим, что этого не будет»[82]. Это обсуждение в Предпарламенте происходило 23 октября 1917 г., за несколько дней до захвата власти в столице большевиками. Они тотчас выполнили то, чего опасался Потресов, и приняли декрет о мире.

Г.З.Иоффе обозначил 1917 г. в России именами Ленина, Керенского и Корнилова, хотя политический спектр лидеров и функционировавших тогда более сотни политических партий был значительно шире. Альтернативное развитие российского общества в то время предусматривало два основных пути: демократический и тоталитарный (диктаторский). В этом смысле Ленин и Корнилов были за различные разновидности тоталитарного, а Керенский, Мартов, Церетели, Чернов — за варианты демократического пути развития страны. После быстрого и бескровного пресечения попытки Корнилова установить военную диктатуру демократические силы вновь разошлись между собой и не смогли в октябре столь же дружно, как в ав-

густе Корнилову, противостоять установлению леворадикальной диктатуры большевиков в стране.

В сентябре 1917 г. Ленин признавал, что союз большевиков с эсерами и меньшевиками, переход власти в руки Советов сделал бы гражданскую войну в России невозможной[83]. Стремление к установлению власти только одних единомышленников заставило Ленина отказаться от этого союза и предпочесть ему гражданскую войну[84].

Комментарии

[1] В конце июня 1917 г. И.Г.Церетели, А.Ф.Керенский, Н.В.Некрасов, М.И.Терещенко провели в Киеве переговоры с Центральной Радой Украины, пообещав ей от имени Временного правительства согласовывать все распоряжения в отношении Украины, статус которой определит Учредительное собрание. В результате переговоров управление Украиной переходило к Генеральному секретариату, состав которого определяло Временное правительство по согласованию с Центральной Радой. Руководство кадетской партии назвало результаты переговоров «преступным документом», угрожающим «святости и неделимости Российского государства». 1 июля 1917 г. на заседании кадетского ЦК, по предложению П.Н.Милюкова, 16 голосами против 11 было решено в знак протеста министрам-кадетам покинуть Временное правительство. (Подробнее об этом: *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 174–177.) В.Ф.Верстюк полагал, что начавшийся тогда кризис Временного правительства из-за статуса Украины свидетельствовал о «неготовности российского политического истеблишмента принять идею федеративного устройства страны». (См.: *Верстюк В.Ф.* Февральская революция и украинское национально-освободительное движение // Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 188.) Милюков причину отставки кадетов-министров видел в нарушении их прав как членов коалиции, когда Церетели слишком зависел от решений Совета. Эту точку зрения поддержал и Керенский. (См.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. (1859–1917). М., 1990. Т. 2. С. 334–337; *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. М., 2005. С. 218–219.) На VII съезде партии

(25–27 марта 1917 г.) кадеты переименовались в партию народной свободы и объявили себя республиканцами, а Россию «демократической парламентарной республикой». Тогда эта партия стала правительственной, но отстаивала старые тезисы о единстве страны и войне до победного конца. Л.М.Спирин отмечал, что 2 июля 1917 г. кадеты вышли из состава правительства, решив «попугать» министров социалистов, формально связав это с предоставлением Украине автономии. (См.: *Спирин Л.М.* Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 184–185.) Подобной позиции придерживался и С.В.Тютюкин, когда писал: «В кадетском ЦК возобладало мнение, что социалистов нужно припугнуть разрывом коалиции, а может быть, дать им возможность пойти на такой эксперимент, как создание однородного социалистического правительства, которое, как думали кадеты, неизбежно зайдет в тупик и скоро уступит место чисто буржуазному кабинету». (См.: *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 365–366.) По мнению З.Галили, отставка министров-кадетов была ожидаема меньшевиками, сторонниками Церетели. Но они все равно были за коалицию, в которую приглашались представители буржуазной демократии, способные к проведению радикальных реформ. (См.: *Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции. С. 342–343.)

[2] *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. С. 260. Петроградские газеты начала июля были полны хлестких фраз, пафоса и призывов. В.Г.Короленко призывал правителей уважить человека и «его непосредственное искание правды», отказаться от демагогии и политиканства. «Побольше политической честности, побольше признания истинной свободы по отношению к политическим противникам и пусть малая нравственность не поглощает большую», — заключал он. (Русские ведомости. 1917. 5 июля.) Известный меньшевик публицист С.И.Иванович (Португейс) в статье «Благие намерения» писал о невозможности объединения меньшевистских фракций в единое целое. Он сожалел об этом, так как это было важным условием успешной борьбы с большевиками. Он считал, что «с большевизмом невозможны ни компромисс, ни соглашение на каких-либо очередных задачах, — с большевизмом возможна только решительная и неумолимая борьба». (См.: День. 1917. 2 июля.) Из состава правительства вышли кадетские министры А.А.Мануйлов, В.И.Шаховской, А.И.Шингарев и исполняющий обязанности министра торговли и промышленности В.А.Степанов.

[3] Л.Хеймсон традиционно связывает выход кадетов из

состава правительства с их несогласием заключения договора с Украинской Радой. (См.: *Хеймсон Л.* Из истории июльского кризиса 1917 года // Линия судьбы. М., 2007. С. 252–253.) Думается, что это был лишь повод для представителей кадетской партии в правительстве. Причинами были нарастание революционной ситуации в стране, с которой следовало властям бороться, и стремление к власти, не ограниченной влиянием Совета и социалистов в правительстве. Свидетельства очевидцев первых июльских дней рисуют картины общего недовольства населения, особенно рабочих и солдат, провалом июньского наступления на фронте. З.Г.Френкель, описывая июньское заседание ЦК кадетской партии, отмечал выступление Милюкова, требовавшего выхода кадетов из коалиционного правительства, ссылаясь на то, что зависимость министров-социалистов от Петроградского Совета мешает Временному правительству стать «твердой властью». Он указывал на то, что «изрядная часть кадетского руководства призывала усилить давление на "соглашателей" и требовала даже насильственного установления диктатуры партии народной свободы». Однако, по выражению Френкеля, «голос разума» тогда возобладал, и коалиция на время была сохранена. (См.: *Френкель З.Г.* Записки о жизненном пути // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 56.) 4 июля 1917 г. меньшевистская «Рабочая газета» назвала уход кадетов из правительства «ударом в спину» и бичевала большевиков за критику приказов военного министра Керенского. «Если ленинцы не примут немедленно самых решительных и энергичных мер, чтобы раз навсегда, и не только на словах, но и на деле, отмежеваться от той предательской работы на фронте, которая становится все наглее и беззастенчивее, то вся тяжесть за последствия ляжет на них», — предупреждала редакция газеты.

[4] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 244. *Минц И.И.* История Великого Октября. М., 1978. Т. 2. С. 516–517. Л.М.Спирин считал, что 3 июля демонстрация началась стихийно, а 4 июля ею руководили большевики, хотя стихийные эксцессы стали неизбежностью. (См.: *Спирин Л.М.* Россия. 1917 год. С. 187.) По данным О.Н.Знаменского, 4 июля в демонстрации приняло участие более 400 тыс. рабочих, солдат, матросов. В результате столкновения с правительственными войсками более 400 из них были убиты и ранены. (См.: *Знаменский О.Н.* Июльский кризис 1917 г. М.; Л., 1964. С. 106. *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. С. 43.) Иные цифры погибших во время демонстрации приводят составители сборника документов «Меньшевики в 1917 го-

ду», ссылаясь на регистрацию Центрального пункта по оказанию медицинской помощи пострадавшим: 56 убитых и умерших от ран, 650 раненых. (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 110.)

[5] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 2. С. 316. Суханов писал: «Коалиционный кабинет рухнул в силу внутренней несостоятельности. "Живые силы страны", в лице всей организованной буржуазии, воплощенной в кадетской партии, уходили от революции уже формально, официально и открыто в стан ее врагов. Но ведь революция у нас была "буржуазная". Это, наверное, знала "звездная палата", и, кроме этого, она не знала ничего на свете. Ее особая логика толкала ее глубокомысленных членов к выводу, что буржуазия должна быть у власти. И план "звездной палаты" мог быть только один: если коалиции нет, так выдумать ее». (Там же.)

[6] Согласно В.Далю, слово «кризис» означает «перелом, переворот, решительная пора переходного состояния». (См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 2. С. 194.)

[7] *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. С. 260–161.

[8] См.: Революционное движение в России в июле 1917 г.: Июльский кризис. М., 1959. С. 21.

[9] См.: *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. С. 307–309. Церетели высоко оценивал деятельность Чернова в составе Временного правительства. Он писал: «Популярность Чернова в партии и крестьянских массах была так велика, что всякий раз, как партия ощущала потребность собрать воедино свои силы и бросить их на защиту какой-либо решающей политической акции, вся партия, за исключением левых эсеров, объединялась вокруг Чернова. Так это было и при образовании коалиционного правительства... Легко понять, какую цену придавала революционная демократия пребыванию в правительстве Чернова, признанного вождя этой партии, ставшего в глазах огромного большинства крестьян олицетворением их демократических стремлений». (См.: Там же. Кн. 1. С. 470–471.) Церетели отмечал, что в 1917 г. руководителем партии эсеров был А.Р.Гоц, а Чернов ее идейным вдохновителем. (См.: *Церетели И.Г.* Российское крестьянство и В.М.Чернов в 1917 году // Новый журнал. 1952. Кн. 29. С. 238.)

[10] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. С. 333–334. Ф.Ф.Раскольников (Ильин. 1892–1939) – большевик с 1910 г., в 1917 г. товарищ председателя Кронштадтского Совета.

[11] *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 334.

Р.А.Абрамович (Рейн. 1880–1863) — один из видных меньшевиков, позже, в 1952 г., вспоминая прошлое, писал об июльских днях 1917 г.: «Антивоенные настроения стали расти лихорадочным темпом после злосчастного июньского наступления. Враждебная реакция на эту попытку гальванизировать психологически уже мертвую войну была так сильна, что, по моему личному ощущению того времени, большевистская полупопытка захватить власть удалась бы уже в июльские дни, если бы Ленин и его друзья были более решительны». (Цит. из кн.: *Дойчер И.* Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921. М., 2006. С. 280–281.)

[12] *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. С. 151–152, 359.

[13] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. С. 325; Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 92–93, 98. П.А.Сорокин присутствовал на этом заседании и красочно описал его в своих воспоминаниях. Он отмечал, что после призыва Дана о подчинении принимаемым решениям большевики, «межрайонцы» и левые эсеры ушли из зала заседания, выражая бурный протест. Чхеидзе им ответил резко: «У всех в этом зале нет ни малейшего сомнения в ваших намерениях. Не "Вся власть Советам", а "Вся власть вам в Советах"... Для этого вы провоцируете гражданскую войну. Ну что же, мы принимаем ваш вызов. Уходите и делайте свое подлое дело». Сорокин вспоминал, что на следующий день объединенное заседание продолжалось. Большевики и их сторонники появились вновь. «Они знали, что настал момент, когда они должны либо победить, либо быть побежденными. И для победы они были готовы прибегнуть к крайним средствам силового давления». Но во время их выступлений в зале появились три офицера и доложили, что в городе «бунтовщики рассеяны». Большевики опять покинули зал заседания. (См.: *Сорокин П.А.* Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 92–95.) Сорокин П.А. (1889–1968) — юрист, приват-доцент Петроградского университета, эсер. В 1917 г. редактировал газеты «Дело народа» и «Воля народа». В июле-августе — того же года секретарь Керенского, член Учредительного собрания от партии эсеров. В 1922 г. выслан за границу. Крупный ученый-социолог.

[14] *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. С. 266–267.

[15] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 94. Б.И.Николаевский отмечал, характеризуя Церетели, что он после февраля 1917 г. рассчитывал на соглашение с Лениным и лишь после 10 июня, когда почувствовал, что Ленин «плетет сеть настоящего заговора», убедился в необходимости борьбы с ним.

(См.: *Николаевский Б.И.* И.Г.Церетели и его воспоминания о 1917 г. // Социалистический вестник. 1962. № 9–10. С. 136.)

[16] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 96–106; *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. С. 316; *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 369.

[17] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 104.

[18] Там же. С. 101.

[19] *Церетели И.Г.* Указ. соч. Кн. 2. С. 325.

[20] Ф.А.Степун (1884–1965) – философ и публицист, называвший Мартова человеком тонкого ума и «живой совестью». (См.: *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 2. С. 54.) З.Галили и А.Ненароков писали, что «решающую роль в оценке перспектив, задач и конкретных методов действий в 1917 г. играли, в конечном счете, две политические фигуры – И.Г.Церетели и Ю.О.Мартов». Но «негибкость одного и невозможность практической реализации тактических решений другого в итоге стали гибельными для самой меньшевистской партии». (См.: *Галили З., Ненароков А.* Кризис коалиционной политики и усиление центробежных тенденций в меньшевистской партии. Июль–август // Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 19.) Соглашаясь с первой оценкой авторов, отвергнем вторую, поскольку меньшевистская партия в России продолжала функционировать до середины 1920-х гг. В.П.Булдаков, рассуждая о лидерах меньшевизма 1917 г., утверждал, что тогда партия «расползлась на фракции, ее наиболее авторитетные идеологи и теоретики Ю.О.Мартов и Г.В.Плеханов заняли крайние – от так называемой интернационалистской (близкой к большевизму) до социал-шовинистской – позиции». Он соглашался с тем, что и Мартову, и Плеханову помешали стать лидерами революции «высокая нравственность» и избыток аналитичности, но объединить демократию не удалось и Церетели, менее отягощенному этими качествами. (См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 210.) Л.И.Аксельрод (псевд. – Ортодокс. 1868–1946), сторонница Плеханова, 8 июля 1917 г. писала в газете «Единство» о лозунге передачи власти Советам как «безумном». «Этот безумный лозунг еще понятен в устах Ленина... Но чего хотят Максим Горький, Л.Мартов и большинство писателей из "Новой жизни", также требующие перехода власти к С(овету) Р. и С. депутатов?» – вопрошала она.

[21] См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. С. 321.

[22] Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 363–366; *Черняев В.Ю.* О поездке В.И.Ленина в Нейволу накануне июльских

событий // Лениниана: Поиск. Источниковедение. Археография. Л., 1982. С. 268–285. Г.Е.Зиновьев вспоминал, что тогда большевистский ЦК решил возглавить «мирную, но вооруженную демонстрацию» рабочих и солдат и немедленно послать за Лениным в Финляндию, где он отдыхал. (См.: *Зиновьев Г.* Ленин в июльские дни // Пролетарская революция. 1927. № 8/9. С. 62.) Биографы Ленина освещают его роль в июльских событиях по-разному. Р.Сервис считает, что Ленин был сторонником мирной демонстрации, однако Временное правительство виновными в выступлениях объявило большевиков и их лидера, появились утверждения о его связях с Германией и приказ о его аресте. Вначале обсуждался вопрос о явке Ленина на суд. Опасность расправы вызвала другое решение — Ленин и Зиновьев 9 июля покинули Петроград. (См.: *Сервис Р.* Ленин. С. 324–327.) Это высказывание Сервиса могло опираться на выступление участника июльских событий 1917 г. Сталина, который в политическом докладе VI съезду партии большевиков (26 июля — 3 августа 1917 г.) говорил: «6 июля. Никаких демонстраций. По улице дефилируют новые войска, вызванные с фронта. Из окрестностей Петрограда вызваны юнкера. На улицах кишат агенты контрразведки, проверяют паспорта и арестовывают кого попало. В ночь с 5-го на 6-е меньшевики и эсеры решаются объявить диктатуру и разоружить рабочих и солдат. Вдохновителем, оказывается, явился Церетели. Он еще 10 июня хотел это сделать, но тогда его предложение было отклонено по предложению Мартова, по заявлению которого оружием может править всякий дурак». (См.: Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 19.) Сервис, по существу, высказал большевистский взгляд на развитие событий в начале июля 1917 г. Элен Каррер д'Анкосс предлагает несколько иную точку зрения. Она назвала произошедшее тогда неудавшимся путчем, подготовленным большевиками. (См.: *Д'Анкосс Э.К.* Ленин. М., 2002. С. 158–163.) Подобного мнения придерживается и Р.Пейн. (См.: *Пейн Р.* Ленин. Жизнь и смерть. М., 2002. С. 338–341.) Р.Пайпс выразился наиболее резко, когда писал: «Ни о каком другом событии русской революции не сказано и не написано столько преднамеренной лжи, сколько об июльском восстании 1917 года, и все потому, что восстание это было самым грубым ленинским промахом, ошибкой, которая чуть не привела к уничтожению партии большевиков: по масштабу это можно приравнять к Пивному путчу Гитлера в 1923 году. Чтобы снять с себя ответственность и представить июльский путч стихийной демонстрацией, которую они якобы старались направить

в мирное русло, большевики не останавливались ни перед чем». (См.: *Пайпс Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 93.) Английский посол Дж.Бьюкенен вспоминал о 4 июля, когда «положение правительства стало критическим, и, если бы казаки и несколько верных полков не пришли ему на помощь, правительству бы пришлось капитулировать». (См.: *Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006. С. 314.) Об этом же вспоминал и В.С.Войтинский, когда писал: «Положение было скверное. Кучка вооруженных людей, человек в 200, могла без труда овладеть Таврическим дворцом, разогнать Центральный исполнительный комитет, арестовать его членов». (См.: *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений. С. 181.) Г.Л.Соболев, как бы подводя итоги дискуссии о том, что было в начале июля в Петрограде — большевистский путч или стихийное выступление масс? — ответил однозначно: «Каждая из противоборствующих тогда сторон, исходя из своих интересов, шла к открытому столкновению, провоцируя друг друга и маскируя свои истинные цели». Он же пришел к выводу о не доказанности связи большевиков с германским финансированием. (См.: *Соболев Г.Л.* Тайный союзник. С. 253, 313.) В 1990-е гг. дискуссия о том, брал ли Ленин и его коллеги германские деньги на революцию и выход России из войны, продолжалась весьма активно. (См.: *Фельштинский Ю.* Деньги для диктатуры пролетариата // Родина. 1990. № 11. С. 40–45; *Латышев А.Г.* Рассекреченный Ленин. М., 1996; *Шлиссер Г., Трауптман Й.* Русская рулетка. Немецкие деньги для русской революции. М., 2004.) Однако документальных доказательств этого оказалось явно недостаточно. А.С.Кан полагал, что деньги в большевистскую казну поступали тогда от частных лиц. (См.: *Кан А.С.* Еще раз о публикации документов // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 174–175; и др.) С.Ляндрес, изучив телеграфную переписку между Стокгольмом и Петроградом в то время, установил, что никаких денежных переводов между этими городами тогда не было. (См.: *Ляндрес С.* Немецкое финансовое участие в русской революции // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. СПб., 1993. С. 60–64; *Lyandres S.* The Bolsheviks' «German Gold» Revisited. An Inquiry into 1917 Accusations. Pittsburgh, 1995.)

[23] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 102–103; *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. С. 385.

[24] *Злоказов Г.И.* Материалы особой следственной комиссии правительства об июльских событиях 1917 года // Отечественная история. 1999. № 5. С. 80–81; *он же.* Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М., 1997.

С. 97–99. Показания Г.В.Плеханова // Тайна Октябрьского переворота. СПб., 2001. С. 171–172. Тютюкин считает, что после июльских событий критика большевизма и Ленина стала для Плеханова и членов «Единства» одной из главных задач. Для них работа с ленинцами означала гибель государства и революции. (См.: *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 345.) Д.Б.Павлов, автор примечаний к работам А.Н.Потресова, назвал выступления солдат, матросов и рабочих 3–4 июля 1917 г. «большевистской авантюрой», которая провалилась, а сами ее организаторы от нее открестились, назвав «мирной» демонстрацией. (См.: *Потресов А.Н.* Избранное. М., 2002. С. 353.) Редакция эсеровской газеты «Дело народа» 5 июля 1917 г. назвала лозунг «Вся власть Советам» в то время «провокационным». 14 июля 1917 г. редакция «Дело народа» объявляла большевиков «врагами народа и революции», считая, что именно они с помощью пулеметов пытались захватить власть в стране.

[25] *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений. С. 192–193.

[26] 1917 год в письмах А.В.Луначарского и Ю.Мартова. С. 223–224, 227, 229.

[27] *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 1. С. 76, 85, 91.

[28] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. С. 356.

[29] *Церетели И.Г.* Указ. соч. Кн. 2. С. 342, 345. Репрессивная политика Временного правительства изучена недостаточно. Известно, что 12 июля 1917 г. были созданы военно-революционные суды и введена на фронте смертная казнь, а также и другие репрессивные меры. Например, постановлением правительства «посягательство на изменение государственного строя или покушение на это преступление» каралось каторжными работами. (Подробнее см.: *Максаков В., Нелидов Н.* Хроника революции. 1917 год. М.; Пг., 1923. Вып. 1. С. 67–71, 84.) После июльских событий в тюрьмах стали запирать камеры и отменили отпуска заключенным. (См.: *Скрипилев Е.А.* Тюремная политика и тюремное законодательство Временного правительства. М., 1968. С. 10.) Суханов писал, что Керенский настоял на введении смертной казни, а возражали те, кто «применяли потом массовые казни без суда». (См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. С. 244.) Суханов имел в виду большевистское руководство. Известны многие случаи участия войск в подавлении крестьянских выступлений в то время.

[30] Там же. С. 348, 359, 355, 360.

[31] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 114–121; *Злоказов Г.И.*

Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. С. 112–120. Троцкий описывал состояние большевистского руководства в то время так: «5-го утром я виделся с Лениным. Наступление масс было уже отбито. "Теперь они нас перестреляют, — говорил Ленин. — Самый для них подходящий момент". Но Ленин переоценил противника — не его злобу, а его решимость и его способность к действию. Они нас не перестреляли, хотя были не так далеко от этого... На верхах партии положение было неблагополучно... Большевистская фракция ЦИК чувствовала себя сиротливо в здании Таврического дворца. Она послала за мной делегацию с просьбой сделать доклад о создавшемся положении... Я, разумеется, охотно согласился... Я говорил, что за этим кризисом нас ожидает быстрый подъем... И сейчас я с радостью вспоминаю, как тепло и благодарно меня провожала фракция. "Ленина нет, — говорил Муралов, — а из остальных один Троцкий не растерялся"». (См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Кн. 2. С. 34–35.) «Июльские дни привели к уличным столкновениям и жертвам и закончились разгромом большевиков, которые были объявлены ответственными за несостоятельность февральского режима», — писал Троцкий. (См.: *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 1. С. 436.) Троцкий приводил слова Ленина о том, что «в июле мы наделали немало глупостей», имея в виду преждевременность военного выступления. Он отмечал, что у Ленина в то время было «настроение сдержанного нетерпения и глубокой тревоги». (См.: *Троцкий Л.Д.* О Ленине. Материалы для биографа. С. 49–50. 10 июля Троцкий обратился к Временному правительству с письмом, в котором солидаризировался с действиями Ленина, Зиновьева и Каменева. 23 июля он был арестован. (См.: *Дойчер И.* Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921. М., 2006. С. 285–287.) Расширенное совещание ЦК РСДРП(б) 13–14 июля 1917 г. оправдывало действия большевиков в июльские дни и назвало правительство Керенского, Церетели и других социалистов представительством «мелкой крестьянской буржуазии». Они ставили задачей передачу власти Советам и приняли решение о созыве VI съезда РСДРП(б) в Петрограде 20 июля 1917 г. (См.: Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. СПб., 2003. С. 377–379.)

[32] Церетели писал в воспоминаниях об этом решении: «В среде революционной демократии я... принадлежал к числу тех, кто самым решительным образом боролся с большевиками. И, тем не менее, я переживал глубокое душевное волнение, когда мне пришлось в качестве министра внутренних дел перейти от слов к делу и применить репрессив-

ные меры к тем, кто в прошлом были нашими товарищами в борьбе за свободу». (См.: *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. С. 366.) З.Галили отмечала, что, опасаясь возможности политических манипуляций большевиков, даже «интернационалист Р.Абрамович поддержал подавление большевистского заговора силой». (См.: Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. С. 115.)

[33] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 128–136.

[34] Там же. С. 142–150. 4 июля 1917 г. П.Я.Голиков писал в «Рабочей газете», что главной задачей конференции должен быть вопрос о единении меньшевистских фракций, иначе «мы видим, как на протяжении этих двух месяцев в рядах организации идет брожение, усиливается недовольство, растет развал, падает влияние». На конференции присутствовало около 80 делегатов с решающим голосом, представлявших до 8 тысяч меньшевиков. (См.: Рабочая газета. 1917. 16 июля.) По окончании конференции состоялось совещание меньшевиков-интернационалистов, которые заявили, что «разногласия между обоими основными течениями внутри меньшевизма не настолько глубоки и серьезны, чтобы сделать раскол необходимым». Поэтому «всякая агитация за раскол является... преступной и безответственной». (См.: Рабочая газета. 1917. 19 июля.) Газета «День» (18–19 июля 1917 г.) анализировала статью Мартова «Что же теперь? (Соотношение сил после июльского восстания)», опубликованную в «Новой жизни» (№ 76), отмечая, что в ней предлагаются «вдумчивые указания относительно ближайшей тактики пролетариата». По мнению Мартова, текущий вопрос стоит так: «Или контрреволюционная ликвидация революции, или ее продолжение и развитие путем диктатуры, осуществляемой силами организованной демократии и осуществляющей задачи революционного творчества».

[35] Там же. С. 150–213; *Злоказов Г.И.* Указ. соч. С. 125–143. 23–24 июля 1917 г. состоялся IX съезд кадетской партии. Милюков и П.И.Новгородцев заявили, что кадеты не будут работать в кабинете, проводящем социалистический курс. Резолюция съезда требовала от членов правительства отказаться «от начал классовой борьбы и лозунгов явного и скрытого циммервальдизма», призывала коалицию стать «сильной и независимой властью». Они были за внеклассовое, независимое от политических партий народное правительство. Среди 15 членов нового состава правительства было 4 кадета, 7 меньшевиков и эсеров, 2 радикальных демократа, 2 беспартийных. Особенность создания второй коалиции заключалась в независимости ее действий от

решений Совета. «В этой эмансипации, – отмечала редакция газеты "Речь", – заключается весь политический смысл совершившейся перемены». (См.: *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 184–185.)

[36] *Милюков П.Н.* История второй русской революции. София, 1922. Т. 1. Вып. 2. С. 44–45.

[37] *Церетели И.Г.* Указ. соч. Кн. 2. С. 387, 403, 407, 414, 416. Н.Н.Суханов в «Записках о революции» дал характеристики многих участников событий той поры. Он симпатизировал Мартову и посвятил ему многие страницы своей книги, называя его «звездой первой величины, одной из немногих единиц, именами которых характеризуется наша эпоха». По его мнению, Мартов был «интеллектом необычайной силы и развития... самым умным человеком, какого я когда-либо знал». Центральной фигурой «звездной палаты» был Церетели, считал Суханов. Но «если Церетели был больше вдохновителем и инициатором "комбинаций", то Дан был главным деловым воротилой и исполнителем». (См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. С. 182, 183, 188.) Бьюкенен дал характеристики трем социалистам-министрам Временного правительства. Наиболее благоприятное впечатление на него производил Церетели, человек «безукоризненной честности», благородный и обаятельный. Но он был идеалистом при решении практических вопросов. Скобелев по характеру был «нервным и вспыльчивым», не «обремененным излишним интеллектом, не был человеком способным добиться заметного положения в обществе. Чернов показался ему несимпатичным. (См.: *Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. С. 301.)

[38] *Martov J.* Geschichte der russischen Sozialdemokratie mit einem Nachtrag von Th.Dan: Die Sozialdemokratie Russlands nach dem Jahre 1908. S. 302, 303. В.И.Невский, большевик, один из активных участников событий 1917 г., в 1924–1935 гг. – директор Библиотеки имени В.И.Ленина в Москве. В рецензии на очерк Дана он отмечал, что это «политический, фракционный документ, отображающий идеологию одной из групп социал-демократии». (См.: Каторга и ссылка. 1927. Кн. 34. С. 201.)

[39] См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 200–202, 206–208; *Смирнова А.А.* От коалиции к катастрофе. Петроградские социалисты в мае-ноябре 1917 года. СПб., 2006. С. 135–137.

[40] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. С. 368; Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 159; *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. М., 2005. С. 236.

[41] *Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции. С. 357; Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 25, 36.

[42] *Злоказов Г.И.* Указ. соч. С. 136; Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 195–196.

[43] *Гетцлер И.* Мартов. СПб., 1998. С. 201; *Сапир Б.* Федор Ильич Дан (1871–1947). Очерк политической биографии // Ф.И.Дан. Письма (1899–1946). Amsterdam, 1985. С. XLIV–XLV.

[44] *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 1. С. 284, 290–291.

[45] *А.Н.Потресов.* Посмертный сборник произведений. С. 243, 244, 248, 249, 251.

[46] *Гарви П.* А.Н.Потресов – человек и политик // Социалистический вестник. 1934. № 14. С. 5.

[47] *Николаевский Б.И.* П.А.Гарви в России // *Гарви П.А.* Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк, 1946. С. XXXV. В августе 1917 г. Ларин с группой своих сторонников, сплотившихся вокруг журнала «Интернационал», вступил в большевистскую партию. 18 апреля 1917 г. журнал сообщал: «До приезда тов. Л.Мартова выходит под редакцией тов. Ю.Ларина».

[48] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 75–80.

[49] П.Б.Аксельрод о тактике с.-д. в русской революции. (См.: Рабочая газета. 1917. 5 мая; *Ascher A.* Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. P. 324–325.)

[50] Группа делегатов третьей общегородской меньшевистской конференции приняла заявление, опубликованное в «Рабочей газете» 12 августа 1917 г., с осуждением телеграммы Плеханова французским социалистам, в которой он выступал против созыва Стокгольмской конференции. 16 делегатов конференции сочли текст телеграммы Плеханова недостоверным и от поддержки этой резолюции отказались. (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 260–261, 272–273.) А.Ашер писал, что Аксельрод задержал свой отъезд в Стокгольм из-за телеграммы Плеханова, вызвавшей его возмущение, и поддержал резолюцию конференции, где о Плеханове говорилось как о личности, «совершенно изолированной в революционной России, выступившей против попыток усилиями международного пролетариата ускорить ликвидацию международной бойни». (См.: *Ascher A.* Указ. соч. P. 329.)

[51] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 256–275; Новая жизнь. 1917. 9 авг.; Рабочая газета. 1917. 8, 9 авг.

[52] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 268–271.

[53] *Ненароков А.П.* В поисках жанра. Кн. 1. С. 199.

[54] *Гетцлер И.* Мартов. С. 206–207. Троцкий задолго до

Гетцлера назвал Мартова политиком, в действиях которого преобладала «воля безволия, упорство нерешительности», в силу чего он стал «одной из самых трагических фигур революционного движения». (См.: *Троцкий Л.Д.* Политические силуэты. М., 1990. С. 67–68.) Луначарский, наоборот, видел в подобной «нерешительности» Мартова отстаивание им своих принципов. Так, описывая свое и Троцкого желание в 1917 г. объединить всех интернационалистов «от Ленина до Мартова» в единую партию, они наткнулись на твердый отказ Мартова порвать с оборонцами. Во время дискуссий между ними Мартов «с изумительной гибкостью ума... избегал прямого ответа на то, рвет ли он со своими оборонцами, а Троцкий наступал на него порою очень гневно. Дело дошло до почти абсолютного разрыва между Троцким и Мартовым, к которому, между прочим, как к политическому уму, Троцкий всегда относился с уважением». Но Луначарский в своих очерках советского времени воспевал заслуги Ленина и явно принижал роль Мартова, говоря, что «для роли политического вождя у него не хватало темперамента, смелости и широты охвата». (См.: *Луначарский А.В.* Революционные силуэты. М., 1923. С. 23, 66.)

[55] Мартов и его близкие. С. 109.

[56] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 230–243, 275–297. *Злоказов Г.И.* Указ. соч. С. 187–197. Московское государственное совещание состоялось 12–15 августа 1917 г. На нем присутствовали около 2^5 тыс. делегатов, представлявших различные общественные течения и политические партии. (Подробнее об этом см.: Государственное совещание. Стенограф. отчет. М.; Л., 1930.) В советской историографии совещание рассматривалось как «важное звено в консолидации сил контрреволюции». (См.: *Иванов Н.Я.* Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977. С. 96.) Керенский видел в этом совещании возможность объединить общество. (См.: *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 228.) По Ленину, это было «московское контрреволюционное империалистическое совещание». (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 74.) О совещании как месте консолидации реакционных сил писал Спирин. (См.: *Спирин Л.М.* Россия. 1917 год. С. 210. См. также: *Николаев А.Б.* Историография Государственного совещания // История России первой трети XX в.: историография, источниковедение. Екатеринбург, 1996. С. 80–82.)

[57] 1917 год в письмах А.Луначарского и Ю.Мартова. С. 240.

[58] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 278–297.

[59] Государственное совещание. Стенограф. отчет. С. 204–205. Корнилов в августе 1917 г. говорил о себе: «Я не

контрреволюционер, я ненавидел старый режим, который тяжело отразился на моих близких. Возврата к старому нет и не может быть». (См.: *Цветков В.Ж.* Л.Г.Корнилов // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 63.) Подробнее о Корнилове см.: *Ушаков А., Федюк В.* Лавр Корнилов. М., 2006.

[60] *Катков Г.М.* Дело Корнилова. Париж, 1987. С. 81; *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 248. Корреспондент «Русского слова» рукопожатие Церетели и Бубликова расценил как апофеоз Государственного совещания. Он писал: «Это была минута, по трогательности необыкновенная, потрясающая. Это был неожиданный духовный сдвиг и весь долгожданный смысл Государственного совещания. А Церетели, от имени революционной демократии протянувший руку направо, был истинный главнейший герой совещания, — герой в том смысле, что герои, как гении, первые находят нужнейший жест и нужнейшее слово, по которым томятся в горячем ожидании массы». (Цит. из кн.: *Поликарпов В.Д.* Указ. соч. С. 247.) «Русское слово» восторгалось выступлениями и поступками Церетели, плехановское «Единство» относилось к ним критически. В одной из статей о Церетели содержалось его признание о том, что он руководствуется инстинктом, помогающим ему разбираться в вопросах политической практики. На это высказывание Церетели следовала ремарка о том, что «роль вождя заключается вовсе не в том, чтобы приспособляться к предрассудкам массы, а в том, чтобы смело бороться с ними». Потому нельзя принимать за объективную действительность субъективные настроения части меньшевиков. (См.: Единство. 1917. 13 авг.)

[61] Новая жизнь. 1917. 2 авг.; Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 248, 281–284. Суханов писал о выступлении Мартова в Коммерческом институте, где «огромная аудитория была набита битком и с энтузиазмом приветствовала Мартова». Мартову местные большевики преподнесли «адрес», в котором отмечались его выдающиеся заслуги и пожелание к объединению. (См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 3. С. 66.) Июльские дни 1917 г. Мартов называл безумными и ненормальными. Наверное, нервный срыв, усталость заставили его 8 июля 1917 г. написать Н.Кристи: «Ничто как-то не радует: ни удачно сказанная речь, ни вовремя помещенная статья, ни какая-нибудь победа на собрании. Пожалуй, за все 3 года никогда так чувствовалось, как теперь и здесь, это свинцовое небо, нависшее над человечеством». (См.: Революционная Россия. 1917. В письмах А.Луначарского и Ю.Мартова. С. 229.)

[62] *Герасименко Г.А.* Судьба демократической альтернативы

в России 1917 года и роль ее лидеров // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 12.

[63] Ленин в статье «Русская революция и гражданская война» признавал, что условием победы над Корниловым явился «союз большевиков с эсерами и меньшевиками против кадетов, против буржуазии», испытанный «только по одному фронту, только в течение пяти дней, 26–31 августа, во время корниловщины». (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 221.) Тогда же Ленин отмечал, что «мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость... Это разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя». (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 119–120.) Для Ленина корниловщина — это «заговор генералов» (Там же. С. 217). Советские историки придерживались этой же точки зрения. (См.: *Поликарпов В.Д.* Указ. соч. С. 254–289.) Ныне вопрос об участии кадетов в организации выступления Корнилова является дискуссионным. Кадеты тогда ограничились лишь политической и идеологической поддержкой программы установления твердой власти. (См.: *Егоров А.Н.* Кадеты и выступление генерала Л.Г.Корнилова: дискуссионные проблемы историографии // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 164–165.) Для Каткова это выступление Корнилова скорее «трагическое недоразумение», виновником которого был Керенский. Корнилов в своих показаниях, данных Чрезвычайной следственной комиссии 5 сентября 1917 г., писал, что вначале он ничего не имел против Керенского, «признанного вождя демократических партий», возглавлявшего Временное правительство. Более того, полагал, что «несогласия между Керенским и мной могли бы иметь пагубные последствия», но не скрывал, что как премьер Керенский «не знал того дела, во главе которого он стоял». Корнилов сообщал, что в беседе с посланцем Керенского В.И.Львовым он заявил, что единственным выходом страны из тяжелого положения является установление военной диктатуры и что если Временное правительство предложит ему стать диктатором — он согласится. (См.: *Катков Г.М.* Дело Корнилова. С. 154, 170, 197, 206, 212–213, 216–217.) П.А.Сорокин, в июле 1917 г. секретарь Керенского, позже утверждал: «Мотивы Корнилова... были абсолютно чистыми и патриотическими. Ни в коей мере это не было "контрреволюцией"». (См.: *Сорокин П.* Дальняя дорога. М., 1992. С. 98.) Д.Штурман считала, что Корнилов пытался «всего-навсего остановить развал армии и крах воюющего государства» и был преступно предан Керенским. Она писала о том, что никакого мятежа не было, и Корнилов был готов осуществлять

демократическую программу и предотвратить большевистское выступление. По мнению Штурман, действия Корнилова были направлены на созидание, а большевиков — на разрушение общества. (См.: *Штурман Д.* У края бездны. Корниловский мятеж глазами историка и современников // Новый мир. 1993. № 7. С. 215–216, 222–223, 231.) Сугубо политологический характер аргументации выводов Д.Штурман не убедителен и не позволяет с ними согласиться. Следственная комиссия по делу Корнилова установила, что версия «заговора-мятежа» не подтверждается фактами, что существование заговора против существующего строя и Временного правительства «представляется по делу недоказанным». (См.: Вопросы истории. 2006. № 1. С. 76.) Корнилов ратовал за созыв Учредительного собрания. Это было властное противостояние между Керенским и Корниловым, которого премьер отрешил от должности Верховного главнокомандующего, а тот не понял причины и отказался подчиниться председателю Временного правительства. В результате Корнилов был арестован, а должность Главнокомандующего Керенский взял на себя. (Подробнее об этом см.: *Ушаков А., Федюк В.* Указ. соч. С. 178–236.) Отрицательно отнеслись к выступлению Корнилова и многие представители интеллигенции. В.Г.Короленко увидел в нем «человека легковесного». (См.: В.Г.Короленко в годы революции и гражданской войны. 1917–1921. Benson, 1985. С. 52.) Ю.В.Готье характеризовал Корнилова как решительного, но «младенчески неопытного в политике» генерала, который «выступил вождем предприятия, не имевшего под собой почвы». (См.: *Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 166.) Для П.Б.Струве главными противниками в 1917 г. были социалисты. Он симпатизировал Корнилову в его схватке с Керенским и поражение генерала назвал «Нарвой русской контрреволюции, за которой вскоре последует Полтава». (См.: *Пайпс Р.* Струве: правый либерал. 1905–1944. М., 2001. С. 303, 309.)

[64] И.Г.Церетели, выступая 29 августа 1917 г. на заседании ВЦИК, говорил: «В этот час тяжелых испытаний сомкнулись ряды революционных демократов, образовался единый фронт. И только этому единению мы обязаны быстрой, бескровной победой». (См.: Известия Петроградского Совета. 1917. 30 авг.)

[65] См. об этом: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 3. С. 109, 113; Новая жизнь. 1917. 29 авг.; Рабочая газета. 1917. 2 сент.; Вперед. 1917. 5 сент. *Рабинович А.* Революция 1917 года в Петрограде. Большевики приходят к власти. М., 2003. С. 208. Московский комитет РСДРП 2 сентября поддержал

петроградских меньшевиков-интернационалистов, предлагая в резолюции создать революционно-демократическое правительство. (См.: Вперед. 1917. 5 сент.) Собрание представителей районных меньшевистских комитетов Петрограда 7 сентября требовало от предстоящего Демократического совещания создания правительства, ответственного перед ним в своих действиях. (См.: Рабочая газета. 1917. 8 сент.) Комментаторы сборника документов «Меньшевики в 1917 году» (М., 1996. Т. 3. Ч. 1) рассматривают статью Мартова «Проблемы дня» как неопубликованную (С. 141). Но эта статья была издана. (Об этом см.: *Бургина А.М.* Социал-демократическая литература. Библиографический указатель. Stanford, 1968. С. 245.)

[66] Ленин в статье «О компромиссах» писал, что компромисс заключается в том, что большевики отказываются от своего требования немедленного «перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам», а меньшевики и эсеры соглашаются «составить правительство, целиком и исключительно ответственное перед Советами». (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 135.)

[67] Подробнее об этом см.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 24–34, 131–144; *Злоказов Г.И.* Указ. соч. С. 230–233.

[68] В официальном заявлении, подписанном Керенским и министром юстиции А.С.Зарудным, говорилось: «Считая нужным положить предел внешней неопределенности государственного строя... Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую Республику». (Известия. 1917. 3 сент.) В состав Директории вошли Керенский, «беспартийный» М.Терещенко, меньшевик А.Никитин, генерал А.Верховский и адмирал Д.Вердеревский. (Подробнее об этом см.: *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 287–289.)

[69] См.: *Злоказов Г.И.* Указ. соч. С. 210–211.

[70] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. 27 февраля – 25 октября 1917 года. СПб., 2005. Т. 4. С. 245–247.

[71] *Керенский А.Ф.* Россия на историческом переломе. С. 291–292. С.Кливанский в газете «День» (1917. 26 сент. так откомментировал избрание Троцкого председателем Петроградского Совета: «Петроградский Совет спустил знамя революционной демократии, и взвилось новое – знамя социальной революции в фантазии масс... Историческая

стихия нашла в нем (Троцком. – *И.У.*) своего идеального выразителя».

[72] *Руднева С.Е.* Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.): история форума. М., 2000. С. 90.

[73] См.: *Руднева С.Е.* Из истории предпарламента (1917 г.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 126–127.

[74] Ф.И.Дан вспоминал: «Мысль, руководившая нами при созыве Демократического совещания, состояла в том, чтобы попытаться создать демократическую власть, опирающуюся не только на те элементы революционной демократии... которые сосредоточились в Советах, но и на те, которые имели прочную базу в кооперативах и органах местного самоуправления (городских думах и земствах)... Главная причина неудачи заключалась в позиции, занятой группами "несоветской" демократии... Мне очень врезалось в память одно из последних утренних собраний "звездной палаты" в кабинете М.И.Скобелева с участием представителей «несоветской» демократии перед самим Демократическим совещанием... Здесь буквально в десять минут была похоронена идея образования чисто демократической власти после того, как оглашенному мною списку проектируемого правительства был противопоставлен категорический и единодушный отказ всех "несоветских" демократов без исключения! Все они заявили, что в состав чисто демократического правительства не войдут... При таких условиях Демократическое совещание оказалось в сущности беспредметным». (См.: *Дан Ф.И.* Последняя попытка лидеров ЦИКа. – Революция 1917 года глазами ее руководителей. Рим, 1971. С. 373–376.) Суханов вспоминал, как «великолепно говорил Мартов, разоблачая и незаконность, и нелепость действий делегатов». (См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 3. С. 382.)

[75] Подробнее об этом см.: *Руднева С.Е.* Указ. соч. С. 179; и др.

[76] *Потресов А.Н.* Иллюзия единого фронта // День. 1917. 28 сент.; *А.Н.Потресов.* Избранное. С. 223–224. В то же время газета Плеханова «Единство» вела резкую антиленинскую пропаганду. С подобными статьями выступали Плеханов, Л.Дейч и др. 11 июля 1917 г. газета «Единство» сообщала о ленинцах как об алхимиках революции, пытающихся искусственно ускорить исторический процесс, совершив в России социалистическую революцию. 4 октября «Единство» назвало методы действий Ленина «нечаевско-хулиганскими». О растерянности меньшевистских фракций на Демократическом совещании вспоминал Н.Н.Жордания, когда писал: «На Демократическом совещании только одна группа

знала, что делать. Это была группа Троцкого. Они кричали "Вся власть Советам!" Другие группы требовали создания коалиционного правительства. Даже идея создания демократического правительства исчезла во время словесной дуэли Церетели–Троцкого. Выбрали Предпарламент, туда же выбрали и меня. Мне стало ясно, что этим мы не предотвратим катастрофы. Массы отрываются. Меньшевики и социалисты-революционеры одинаково изолированы как от народа, так и от военных. И оставаться здесь я находил бесполезным. Я присутствовал на одном митинге, где выступали Либер, Дан и другие. Это было не собрание, а панихида. – Идет большевизм, все будет уничтожено! Что нас спасет? – Нет никакого спасения! Одним словом – исключительный пессимизм и отчаяние проглядывало во всех их речах и мыслях. Ясно – после выступления таких лидеров – массы перешли к большевикам...» (См.: *Жордания Н.* Моя жизнь. Stanford, 1968. С. 78.)

[77] *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 1. С. 297, 306.

[78] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 3. С. 180, 196.

[79] *Дан Ф.* К истории последних дней Временного правительства // Октябрьская революция. Мемуары. М.; Л., 1926. С. 115–118.

[80] О полемике внутри социалистических партий и отдельно РСДРП(о) накануне и в ходе Демократического совещания см.: *Смирнова А.А.* От коалиции к катастрофе. Петроградские социалисты в мае-ноябре 1917 года. СПб., 2006. С. 229–247; *Ненароков А.П.* Упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти. Август – первая декада октября // РСДРП(о) в 1917 году. Документально-исторические очерки. М., 2007. С. 231–260; Меньшевики. От революций 1917 года до Второй мировой войны. М., 2009. С. 48–62; *Рабинович А.* Умеренные большевики в октябре 1917 года // Исторические записки. 2008. № 11. С. 334–337; и др.

[81] *Руднева С.Е.* Предпарламент. Октябрь 1917 года. Опыт исторической реконструкции. М., 2006. С. 154–159.

[82] Там же. С. 192, 196–197, 205–207.

[83] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 222. Вряд ли можно согласиться с категорическим утверждением В.П.Булдакова о том, что демократической альтернативы в 1917 г. у российского общества не было и быть не могло. (См.: Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. С. 165.) История многих стран, в том числе и России, показывает, что демократический путь развития страны возможен, что такая альтернатива всегда присутствует. Такая альтернатива

была утеряна в России 1917 г., но она присутствовала тогда в жизни страны.

[84] Известно, что с середины сентября 1917 г. позиция Ленина резко изменилась. Он призвал своих сторонников больше не заниматься разговорами в Демократическом совещании и Предпарламенте, а готовиться к захвату власти вооруженным путем. Призывы Ленина не сразу нашли понимание в большевистском руководстве. Ленинские письма о необходимости восстания часто оставались без ответа. 15 сентября большевистский ЦК решил уничтожить экземпляры писем Ленина «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание», сохранив только один экземпляр. Многие еще помнили последствия июльского выступления и не хотели спешить, ожидая созыва II съезда Советов. Узнав о неприятии его предложений, Ленин во второй половине сентября вернулся из Финляндии в Петроград. (Подробнее об этом см.: *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 152–153; *Рабинович А.* Революция 1917 года в Петрограде. Большевики приходят к власти. М., 2003. С. 227–231, 237.)

ГЛАВА V

Два съезда российских социал-демократов

Объединительный съезд российских социал-демократов открылся 19 августа 1917 г. Его созвали меньшевики. На съезде были представлены 272 организации, объединявшие около 200 тыс. меньшевиков различных фракций и направлений[1]. Перед этим, в конце июля — начале августа, состоялся съезд, созванный большевиками. Это был VI съезд (такую нумерацию он получил позже), названный большевиками также объединительным. Нельзя было не учитывать, что целый ряд социал-демократических организаций еще оставались объединенными — большевистско-меньшевистскими. В какой-то мере повторилась ситуация 1912 г., когда большевики в январе созвали Пражскую конференцию, а меньшевики в августе — Венскую. Те и другие называли свои конференции объединительными[2]. Теперь же в 1917 г. собрались объединительные съезды. Они состоялись в иной ситуации, отличной от 1912 г. Теперь было время революции, когда задача свержения самодержавия, бывшая до этого центральной в программе РСДРП, была решена. Перед съездами 1917 г. стояла задача выбора формы управления страной, выхода из войны, решения насущных социально-экономических и политических проблем.

Каждый из собравшихся съездов предлагал под эгидой его учредителей сплотиться всем социал-демократам. Делегаты съездов обвиняли друг друга в нежелании вновь стать единой РСДРП, пусть со своими фракциями, но единой в достижении цели, как пред-

ставители пролетариата и носители одной марксистской идеологии. Они отмечали совместную работу в Советах всех уровней, прецедент создания общих партийных комитетов и организаций после свержения самодержавия в стране, а также их многолетнее функционирование в рамках РСДРП. Делегаты обоих съездов предлагали объединение, но те и другие — на своих условиях. Большевики звали меньшевиков присоединиться к ним и выполнять указания их руководства. Меньшевики же предлагали объединение при сохранении фракций, как это было в РСДРП, и при завершении своего съезда сначала даже назвали свою партию Объединенная российская социал-демократическая рабочая партия — ОСДРП(о). При этом на первом же заседании ЦК название было уточнено: РСДРП с добавлением в скобках «объединенная», т.е. оставлялась возможность действительного сплочения социал-демократов страны[3].

VI съезд большевиков собрал 157 делегатов с решающим и 110 с совещательным голосом. Съезд открыл М.С.Ольминский, в его президиум, наряду с большевиками, был избран «межрайонец» К.К.Юренев. На съезде стали большевиками и социал-демократы-интернационалисты Ю.Ларин и др.[4] Делегаты съезда аплодисментами встретили выступление Ларина, надеясь, что меньшевики-интернационалисты во главе с Мартовым тоже присоединятся к ним. Делегат съезда большевик А.Ф.Ильин-Женевский вспоминал о впечатлении от речи Ларина: «Трудно описать то, что происходило на съезде, когда он закончил свою речь. Чтобы понять это, нужно представить ту обстановку клеветы и травли, в которой находилась тогда наша партия. В этот момент всякое выражение сочувствия и поддержки было особенно ценно. Казалось, что т. Мартов и вместе с ним и все то, что было живого и талантливого в рядах меньшевистской фракции, возвращается обратно в наши единые социал-демократические ряды»[5]. Этого, однако, не случилось. Мартов отказался от единения с большевиками, ограничившись приветствием съезду.

Мартов тогда продолжал считать большевиков коллегами по РСДРП. На VI съезде в речах Юренева, выступавшего от имени Международной организации объединенных социал-демократов, и Ларина, представлявшего редакцию журнала «Интернационал», говорилось о необходимости единения социал-демократов. Юренев выражал уверенность в том, что «близок час», когда меньшевики-интернационалисты «сольются с нами в единую партию». Ларин призывал большевистских делегатов к «взаимной уступчивости по отношению к близкому течению», советовал «считаться с призраком меньшевиков-интернационалистов, витающим в этом зале, без объединения с которыми не может быть единой РСДРП». Н.И.Бухарин от имени президиума съезда приветствовал Ларина как представителя меньшевиков-интернационалистов. Он заявил о разрыве с «оборонцами» и заверил, что «в этом зале нет ни одного человека, который бы не чувствовал необходимости объединить все силы социал-демократии». Бухарин выразил надежду на то, что «разногласия изживутся и социал-демократы-интернационалисты объединятся в общую партию».

Приветственная телеграмма Мартова и И.С.Астрова от имени меньшевиков-интернационалистов была оглашена на заседании съезда 2 августа. В ней отмечалось, что съезд собрался в тяжелое время для партии — «в разгар преследований и травли, которым подвергается представляемое ею течение в русском социализме». В приветствии вместе с тем констатировалось «глубокое расхождение в вопросе о методах рабочего движения и революционной борьбы», что «делает все еще невозможным то объединение всех партийных элементов, оставшихся верными знамени интернационализма, которое само по себе привело бы к удесятерению силы социалистического пролетариата и влияния его на ход революции». В телеграмме обращалось внимание на негативные последствия возможной «подмены задачи завоевания власти большинства революционной демократии задачей завоевания власти в борьбе с этим большинством и против него».

Юренев весьма вольно и декларативно прокомментировал, по его словам, «письмо Мартова», почему-то игнорируя Астрова как соавтора этого «письма». «Письмо т. Мартова, — докладывал Юренев съезду, — чрезвычайно характерно. Вначале он расшаркивается перед нашим съездом, говорит о желательности объединения, но дальше почти угрожает нам невозможностью объединения в случае принятия нами нежелательных для меньшевиков резолюций. В то же время до сих пор меньшевики-интернационалисты держатся выжидательной тактики и не раскалываются с оборонцами. Но при одном этом условии вопрос объединения с меньшевиками уже сам собой отпадает». В предложенной Юреневым и принятой съездом резолюции «Об объединении партии» меньшевиков клеймили как партию «прислужников российского и союзного империализма». Эту резолюцию делегаты съезда приняли почти без обсуждения. Вместе с тем делегаты съезда призывали «все революционные элементы социал-демократии немедля порвать организационную связь с оборонцами и объединиться вокруг РСДРП»[6]. Эта резолюция означала, что большевики были за объединение с фракцией Мартова, но решительно против примирения с меньшевиками-оборонцами.

Мартов и Астров, направляя приветствие большевистскому съезду, видимо, не теряли надежды на объединенную РСДРП. Они исходили из того, что за большевиками шла значительная часть рабочих и что в 13 областных организациях, объединявших около 20 тыс. человек, большевики и меньшевики работали вместе[7].

Как известно, съезд принял несколько политических резолюций, в том числе о временном снятии лозунга «Вся власть Советам!», которое при этом не было воспринято как обязательное решение во многих провинциальных комитетах партии[8].

Объединительный съезд меньшевистской партии открылся 19 августа 1917 г. Работа по его организации началась 21 июня, примерно за два месяца до его начала. В то время была создана Организационная ко-

миссия по созыву съезда. Состав комиссии был избран социал-демократами всех течений — делегатами I Всероссийского съезда Советов. 15 июля Организационная комиссия обратилась к ЦК большевиков, а 21 июля к ЦК Бунда с предложением принять участие в работе объединительного съезда. 28 июля «Рабочая газета» опубликовала извещение ЦК РСДРП о созыве съезда и вопросах, подлежащих решению его делегатов[9]. В работе съезда участвовали 189 делегатов от меньшевистских и объединенных организаций, 2 делегата представляли латышских социал-демократов, 35 — Бунд[10].

Заметим, что к идее объединительного съезда многие меньшевики относились критически, ведь прошедший незадолго до этого большевистский форум был так же бескомпромиссен. Руководство каждой из партий предлагало объединение на своих условиях, и они тут же отвергались противной стороной. Незадолго до открытия меньшевистского съезда, 3 августа, в газете «День» была опубликована статья А.Н.Потресова на эту тему. Его выводы были категоричны: объединение с большевиками-ленинцами невозможно, трудно объединить и многие течения меньшевизма в единую партию. Он критиковал политику партийного руководства, которое превратилось в «арьергард демократии». Потресов призывал все меньшевистские фракции к единству действий[11]. Этого трудно было ожидать, учитывая приверженность делегатов съезда различным фракциям и течениям.

Первое заседание съезда открыл в 12 часов дня 19 августа В.Н.Крохмаль. Он сразу же заметил, что на съезде присутствуют «не все части Российской партии, но вина за это лежит не на организациях, которые созвали съезд», а на «старой язве раскола» российской социал-демократии, на большевиках, отказавшихся участвовать в его работе[12]. В этом смысле начало меньшевистского съезда мало чем отличалось от большевистского, на котором виновниками раскола назывались меньшевики, а здесь — большевики. И там, и здесь ведущая роль принадлежала руководству партии с той разницей, что многие большевистские лидеры из-за

боязни ареста (Ленин, Зиновьев), а другие, находясь в заключении (Троцкий), не смогли непосредственно участвовать в работе своего съезда. Меньшевиков репрессивные меры Временного правительства не коснулись, и их руководители участвовали в работе съезда за исключением Плеханова, которого на него просто не пригласили.

Наиболее пессимистично о результатах работы съезда высказался Потресов в газетной статье «К итогам "Объединительного" съезда». У него вызвала разочарование анахроничность выступлений на съезде представителей провинции и петроградских лидеров, которые не предлагали никаких творческих решений, хотя именно на них легло все бремя принимаемых резолюций. По его мнению, на съезде «состязались два-три чемпиона фракционно-политической борьбы» вместо формирования коллективного мнения партии. Потресов считал, что резолюции съезда о войне и текущем моменте не содержат конкретного, определенного плана действий и в этом «заключается бледный ужас, выявленный съездом». Потресов предупреждал, что съезд, не решивший ни одного вопроса, может стать предвестником катастрофы для партии.

Столь же критично отнеслись к результатам работы съезда Г.Д.Линдов и Д.И.Заславский. Линдов считал, что съезд, который стремился стать объединительным, своей цели не достиг. Заславский придерживался такого же мнения, заявив, что съезд не объединил социал-демократов страны, а, наоборот, закрепил раскол, превратив фракции в партии. Редакционная статья журнала «Партийные известия», опубликованная через месяц после завершения съезда, акцентировала внимание на продолжающемся в партии размежевании и распаде. «В российской социал-демократии за 20 лет ее партийного существования сложилось немного прочных традиций, но одна, во всяком случае, укоренилась прочно — это традиция раскола, — говорилось в статье. — В этом отношении наша партия, безусловно, выделяется изо всех западноевропейских рабочих партий, переживавших столь же глубокие внутренние раз-

ногласия и ожесточенную идейную борьбу, но никогда не знавших той легкости, с которой у нас совершается обычно переход от идейных разногласий к организационному обособлению»[13].

Действительно, уже при открытии съезда возникла полемика, которую начал представитель Московской объединенной организации Л.М.Минский, предложивший делегатам съезда присоединиться «к протесту против смертной казни», который принял накануне Петроградский Совет. Против этого предложения выступил Церетели, но Минского поддержал Мартов. Съезд большинством в 81 голос против 65 при 12 воздержавшихся это предложение отклонил. Церетели отказался войти в комиссию для выработки согласительного решения по этому вопросу, заявив, что «он расходится с Мартовым настолько, что они не смогут согласовать мнения по этому вопросу»[14].

В докладе Церетели о политическом положении страны, в приветствиях и выступлениях его сторонников говорилось о необходимости участия меньшевиков в коалиционном правительстве и защищалась правительственная политика. М.И.Скобелев призвал делегатов съезда «недвусмысленно выяснить свое отношение к проблеме власти вообще и к участию своих членов в рядах Временного правительства». Церетели заявил о тяжелых условиях, в которых приходилось решать «великую историческую задачу коренного переустройства России на демократических началах». Он оправдывал все действия правительства, в котором сам занимал министерский пост. По его мнению, от участия в войне нельзя было отказаться, потому что сил русской революции для этого было недостаточно, хотя война вызвала общее разорение, а «возможности поднять сколько-нибудь значительно материальное положение трудящихся не было». Так же обтекаемо Церетели говорил и о необходимости участия меньшевиков в работе коалиционного правительства: «Из рядов правительства оказалось невозможным создать правительство, которое могло быть связано со всем демократическим движением». Но «при неумении со сто-

роны крупной буржуазии возвыситься до понимания политических задач — сильная авторитетная власть не могла быть создана без участия пролетариата. Тогда органы демократии взяли формально ответственность за создание новой власти». Церетели оправдывал и репрессивную политику правительства, вызванную, по его словам, необходимостью «предупреждения гражданской войны и разложения на фронте». Он призвал в условиях деморализации общества бороться не только за лучшие условия жизни пролетариата, но и за то, чтобы революция не была повержена[15].

Мартову на съезде пришлось полемизировать с Церетели и Потресовым. В отличие от декларативных заявлений Церетели, Мартов был критичен и конкретен. Он заявил, что будет «говорить от имени той части меньшевиков, для которой слово "пролетариат" не есть только частность революционной демократии, для которой оценки политических явлений с точки зрения общедемократической и с точки зрения классово-пролетарской далеко не совпадают». Мартов иначе, нежели Церетели, оценивал роль буржуазии в современной революционной ситуации. Он, как и Церетели, считал, что буржуазия, вопреки большевистским утверждениям, сыграла ведущую роль в свержении самодержавия. Это подтвердило правильность меньшевистской программы. Но после того^ как буржуазия в ходе революции решила свои задачи, дальнейшие социальные реформы утратили для нее интерес. Церетели полагал, что следует и далее поддерживать союз с буржуазией. Мартов же был против него[16]. Более того, по его мнению, проблемы создания демократической республики, аграрной, национальной и военной реформ угрожали затронуть классовые интересы буржуазии и вынудили ее занять консервативные позиции. Он подчеркивал, что «в задачах радикального переустройства в рамках буржуазного строя слои имущих классов одни за другими будут отпадать от революции, будут объективно становиться под знамя в лагерь контрреволюции». На новой стадии революции, по Мартову, буржуазию сменила революционная демо-

кратия в ее непролетарской части, т.е. «мелкобуржуазная демократия, сплачивающаяся в класс, идущая к классовому самосознанию». Мартов отрицательно относился к участию социалистов в коалиционном правительстве, так как Советы тем самым лишались своей власти, а курс правительства вел к победе контрреволюции. Он весьма критически отнесся к правительственной коалиции, создаваемой после июльского политического кризиса, так как она была уже непохожа «на коалицию революционных классов». И предупреждал, что «вооруженные силы страны в этой коалиции становятся орудием контрреволюционных стремлений во внешней и внутренней политике». Мартов выражал принципиальное несогласие с политикой большинства меньшевистской партии, назвав ее «от начала и до конца политикой полного забвения и отрицания пролетарского марксизма, революционной стороны марксизма»[17].

Потресов, выступивший вслед за Мартовым, напомнил, что в результате создания новой коалиции после июльских событий меньшевики стали государственной партией и в заботе о государстве находится теперь их «первейший классовый интерес». Он считал, что эта государственная партия должна сотрудничать с буржуазией, особенно в период всеобщего кризиса в стране. Потресов подчеркнул в своем выступлении: «Революция не кончилась, революция продолжается, вернее, продолжается сейчас тот процесс, который может этот революционный класс, класс пролетариата еще объединять со всем буржуазным обществом, ибо несомненно, что для буржуазного общества в целом и для носителя этого буржуазного развития, для буржуазии как таковой, так же, как и для пролетариата, предпосылка ее существования — это движение вперед, это предупреждение распада общественного». Он полемизировал с Мартовым, полагавшим, что революционная роль буржуазии завершилась участием в свержении самодержавия. По мнению Потресова, дальнейшее развитие революции в России без участия буржуазии немыслимо, поэтому он был за создание коалиционного

правительства. Потресов аргументировал свое положение об опоре на буржуазию отсутствием «радикальной крестьянской партии с достаточным количеством творческих сил для осуществления тех задач, которые сейчас на очереди». Раз нельзя рассчитывать на крестьянство, союзником пролетариата в данный момент продолжения войны и экономического кризиса может быть только буржуазия. Б.В.Авилов критиковал тактику большевиков и меньшевиков, полагая, что задачей съезда является сплочение под знаменем партии большинства революционной демократии, «иначе никакого создания революционной партии не получится»[18].

Мартов, учитывая разноголосицу мнений и небольшой временной регламент докладов, предложил более полно обсудить на съезде вопросы отношения к правительству, участия или неучастия во власти, о смертной казни. В результате докладчики получили еще по 15 минут для полемики и уточнения своих позиций. Мартов возмутился: «Я не знаю примера из жизни европейских социал-демократов, где открылась бы дискуссия без того, чтобы доклады по главным принципиальным вопросам съезда не были дослушаны до конца».

В повторных выступлениях Церетели и Потресов сошлись на признании важности укрепления государства. Мартов же не согласился с ними и назвал представления о возможности объединения пролетариата с мелкой буржуазией и буржуазией во имя укрепления государства опасной иллюзией, мелкобуржуазной фикцией. Он отрицательно отнесся к идее Церетели сделать из социал-демократии костыль для такого «гигантского нуля», каким являлась, по его мнению, «крестьянская демократия». Мартов сказал, обращаясь к съезду, то, что стыдливо замалчивали другие ораторы: «Ни для кого не тайна, что и политически, и физически у нас не было самостоятельной политики меньшевистской партии. Решения ее игнорировались той частью социал-демократии, которая работала в центральных органах Советов рабочих и солдатских депутатов и фатально вынуждена была приспособляться к этой равнодействующей, в которой социал-демократия очень

много делала как сила организующая и вносила мало своего марксистского социал-демократизма». Мартов заявлял, что не представляет себе, как можно завершить съезд без определения задач социал-демократии. Он был убежден в том, что самостоятельной классовой политики у меньшевиков не может быть, пока будет существовать иллюзорная надежда на то, что страну и революцию можно спасти, «упрочив порядок». В розданных делегатам съезда тезисах доклада Мартова отмечалось, что на очереди стоит проблема завоевания власти революционными демократами, что для этого следует способствовать организации пролетариата в самостоятельную политическую силу, что всякое участие в составе Временного правительства социал-демократия считает несовместимым с принадлежностью к партии.

Прения по докладам руководителей фракций продолжались 20 и 21 августа, из 67 желающих выступили 20. Во многих выступлениях выражалось несогласие с отдельными тезисами Мартова, особенно об отношениях партии и власти. Большинство делегатов поддержали Церетели, заявившего о необходимости работы меньшевиков в коалиционном правительстве. Многие выступления делегатов были весьма эмоциональны. Не сдержал своих чувств и сам Мартов, остановившись в заключительном слове на позиции Церетели и Потресова. Он припомнил Потресову, что в 1914 г. «он и его друзья были со стихией, которая шла с царскими портретами, с пением гимна», но что ныне «пропасть между Потресовым и Церетели засыпана». Мартов предложил свой проект резолюции, однако при голосовании проиграл Церетели (79 против 115). Не прошла резолюция Мартова и по вопросам «О войне и мире» (44 против 95). 25 августа Мартов был избран, тем не менее, в состав ЦК РСДРП от «меньшинства съезда»[19].

На съезде обсуждались аграрный и национальный вопросы, экономическое положение страны, избирательная платформа на выборах в Учредительное собрание. Особо стояли проблемы организации партии,

формирования ее центральных органов и устава, согласно которому партия впредь должна именоваться Объединенной российской социал-демократической рабочей партией – РСДРП(о). Церетели был озабочен доверием ему съезда, а Мартов – демократическими решениями. Когда Церетели предложил не допускать в ЦК представителей одной из фракций, Мартов тотчас назвал это «тактикой русских держиморд». Он был непреклонен там, где вопрос касался демократических принципов решения любых вопросов. «Там, где дело идет о принципах, – говорил он, – там кончается дисциплина, делайте ваше дело, исключайте нас из партии дурацким образом, мы остаемся на своих позициях». На съезде объединения Мартова с Церетели и Потресовым не произошло, но и фракция Мартова из состава партии не вышла.

Мартов писал Кристи 25 августа о завершении съезда следующее: «Раскола не произошло, ибо мы оказались в очень сильном меньшинстве (приблизительно 70 против 110), но большая часть этого меньшинства и слышать не хотела о расколе, очевидно, нуждаясь еще в ряде уроков предметного обучения... Пришлось снова ограничиваться заявлением, что не будем связывать себя дисциплиной и будем открыто выступать, когда нужно, против большинства. Не прочь были нас за это исключить, но ряды большинства под конец дрогнули». В тот день, 25 августа, Мартов, выступая на вечернем заседании съезда, решительно протестовал против призыва Церетели не допускать в ЦК тех делегатов, которые заявили, что, если решения руководства будут нарушать их принципы, они с ними не согласятся. Он считал, что демократическая партия должна включать в себя разные течения и при этом насильственное подавление инакомыслия недопустимо. На практике независимая позиция Мартова проявилась во время заседаний Предпарламента, когда его фракция впервые открыто заявила о своих претензиях на партийное руководство[20].

Современник и сторонник Мартова Б.И.Николаевский упрекал его в нерешительности, полагая, что у

Мартова в то время не было определенной линии поведения и вообще он не был человеком «больших решений»[21]. А какие, собственно, «решения» Мартов мог тогда принимать? Он объяснил в письме Н.С.Кристи 25 августа 1917 г. невозможность для него разрыва со сторонниками Церетели–Потресова и создания самостоятельной партии меньшевиков-интернационалистов, к чему лично Мартов, видимо, не был готов.

И.Гетцлер считал главной задачей Мартова на съезде вновь стать лидером партии. Но ему не удалось тогда «вбить клинья» между «революционными оборонцами» (Церетели) и «оборонцами-самозащитниками» (Потресов). Поэтому съезд прошел «под знаменем решающей победы курса Церетели». Отказ Мартова от создания самостоятельной партии вызвал разочарование у ряда его сторонников. Так, Ю.Ларин перешел к большевикам[22]. Эта версия Гетцлера неубедительна. Мартов не стремился быть лидером партии, продолжая в то время оставаться одним из ее признанных руководителей. На съезде он был, наверное, основным оппонентом той партийной политики, которую проводил Церетели и поддержал в своих выступлениях Потресов. Мартов защищал свое видение ситуации и пути выхода из нее. Это было характерно для любой действительно демократической партии, каковой в то время была партия меньшевиков. Что касается перехода Ларина к большевикам, то это произошло на VI съезде этой партии, т.е. до того, как меньшевики собрались на свой съезд и стало известно об отказе Мартова вместе со своими сторонниками создать самостоятельную партию[23].

Б.И.Николаевский в биографическом очерке о Потресове разъяснял вынужденный характер его объединения с Церетели в ту пору. Потресов был сторонником резкого отмежевания от большевиков и идейного объединения меньшевиков, у которых были оборонцы и интернационалисты, приветствовавшие большевистский съезд. По мнению Потресова, время требовало действий, а объединение с Мартовым «возможно только в “единстве бездействия”»[24].

Председателем партии на съезде единогласно был избран П.Б.Аксельрод, который с 23 августа по 1 сентября был участником Третьей циммервальдской конференции в Стокгольме[25]. Опираясь на его тогдашние публичные заявления, можно утверждать о его солидарности с позицией Церетели, направленной на солидаризацию всех демократических сил страны[26].

Обсуждение на съезде многих важных общественно-политических вопросов вызвало интерес как его участников, так и тех, кто следил тогда за политической жизнью страны. Ведь это был съезд одной из правительственных партий. Н.А.Рожков входил в состав комиссии по созыву объединительного съезда. В то время он полагал, что развитие революции завершится установлением диктатуры революционной демократии и социал-демократы для этого должны объединиться. «Партийное единство и диктатура революционной демократии, — писал Рожков, — вот лозунги текущего политического момента. Здесь залог спасения революции и России». Рожков, как и Мартов, был против участия социалистов в коалиционном правительстве. Он полагал, что «нормальный» ход революции может обеспечить только однородное социалистическое правительство, ответственное перед Советами. На съезде Рожков, наряду с Я.А.Пилецким и П.П.Масловым, выступал с докладом по аграрному вопросу и был за передачу земли в ведение муниципалитетов. На съезде не было больших дискуссий по этому вопросу. Они состоялись при обсуждении вопросов о войне и мире и об очередных задачах социал-демократов. Эти дебаты проходили настолько остро, что несогласная с Церетели и его сторонниками группа московских делегатов, недовольных выступлением Рожкова, заявила о своем интернационалистском видении ситуации и о том, что они не могут согласиться с большинством съезда. Более того, «вопрос о присоединении Московской объединенной организации к меньшевистской организации будет ими перенесен на разрешение московской городской конференции, ввиду чего они отказываются в настоящее время от участия в выборах в Центральный

Комитет». Их поддержали представители Самарской и других организаций. В результате длительных переговоров компромисс между фракциями был достигнут. Рожков и поддержавший его В.И.Яхонтов были избраны в состав ЦК, треть состава которого составили представители меньшинства на съезде. Но прошло совсем немного времени, и Рожков и Яхонтов заявили о своем выходе из состава ЦК, мотивируя это решением Московской объединенной организации и ставя свое пребывание в ЦК в зависимость от итогов Демократического совещания[27].

Л.Майер, автор введения к публикации писем Луначарского и Мартова в 1917 г., писал, что "объединительные съезды" большевиков и меньшевиков привели в действительности к одному и тому же результату: они позволяли укрепить обе партии организационно, интегрировав до этого самостоятельные течения, уклонявшиеся от основной линии»[28]. С подобным выводом трудно согласиться. Применительно к большевикам, укрепившим свои ряды объединением с Троцким и другими интернационалистами, это верно, хотя они и не изменили своего названия, тогда как меньшевики, хотя и изменили название своей партии на РСДРП(о), так и не добились аналогичного единства, ибо даже формального единения их фракций так и не произошло. На большевистском съезде его участники согласились с программой действий партии. На меньшевистском – Мартов и его сторонники заявили о своем праве поступать вопреки решениям руководства партии. Об этом же объявили представители различных местных организаций. Вскоре после завершения съезда начались выходы недовольных из состава ЦК. У большевиков этого не было. У них были вожди – Ленин и Троцкий. У меньшевиков непререкаемых вождей не было.

Разница между съездами заключалась и в том, что большинство делегатов меньшевистского съезда верило в демократическое развитие России даже при коалиционном Временном правительстве, тогда как большевики этому правительству не доверяли и считали,

что будущее страны связано только с их собственным приходом к власти.

Меньшевистский объединительный съезд своей главной цели не достиг. Более того, в результате его работы выявились течения внутри партии, готовые к размежеванию. Принцип демократического централизма, которого придерживались большевики, меньшевиками на своем съезде был отвергнут, так что раскол их партии казался неминуемым. Однако этого в 1917 г. не произошло из-за бурных событий, связанных с приходом к власти большевиков.

Комментарии

[1] Партийные известия. 1917. 20 сент. Сохранилось 256 анкет делегатов съезда. (См.: РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 7, 8, 9, 10.) Согласно анкетам, 93 отнесли себя к меньшевикам, 49 — к интернационалистам, 47 — к оборонцам, 18 — к «объединенцам», 11 — к Бунду, 14 — к большевикам из объединенных организаций, 45% делегатов отнесли себя к интеллигентам, 27% — к рабочим. (См.: *Минц И.И.* История Великого Октября. М., 1978. Т. 2. С. 781–782; Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 588–768. (Личные анкеты делегатов).

[2] Подробнее об этом см.: Конференции РСДРП 1912 года. Документы и материалы. М., 2008; *Урилов И.Х.* История российской социал-демократии (меньшевизма). Часть четвертая. Становление партии. М., 2008; и др.

[3] См.: *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 428.

[4] На съезде присутствовали 4 делегата — «межрайонца» с решающим голосом и 3 с совещательным. С отчетом выступил Юренев, заявивший, что эта организация объединяет около 4 тыс. человек. Среди ставших на съезде большевиками были представители «межрайонки» Троцкий, Луначарский, М.С.Урицкий, А.А.Иоффе и др. Троцкий, находившийся в тюрьме, был избран одним из почетных председателей съезда, а затем членом ЦК. При избрании за него проголосовали 131 из 134 делегатов съезда, и он был признан одним из вождей партии большевиков. (См.: *Панцов А.В.* Л.Д.Троцкий // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 73.) Луначарский вспоминал, что с весны 1917 г. «некоторые близкие Троцкому люди даже склонны были видеть в нем подлинного вождя

русской революции. Так... М.С.Урицкий, относившийся к Троцкому с уважением, говорил как-то мне и, кажется, Мануильскому: "Вот пришла великая революция, и чувствуется, что как ни умен Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого"... та оценка оказалась неверной не потому, что она преувеличивала дарования и мощь Троцкого, а потому, что в то время еще неясны были размеры государственного гения Ленина». (См.: *Луначарский А., Радек К., Троцкий Л.* Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 347–348.) Троцкий в 1934 г. положительно оценивал очерки Луначарского: «В 1923 году Луначарский выпустил томик "Силуэты", посвященный характеристике вождей революции... Уже в следующем году "Силуэты" были изъяты из оборота, и сам Луначарский чувствовал себя полуопальным». (Там же. С. 370.)

[5] *Ильин-Женевский А.* От февраля к захвату власти. Воспоминания о 1917 г. Л., 1927. С. 96.

[6] Протоколы VI съезда РСДРП (большевиков). 26 июля – 3 августа 1917 года. М., 1919. С. 206. Согласно опубликованным протоколам заседаний съезда, обсуждение резолюции «Об объединении партий» происходило так: «*Серго* (*Г.К.Орджоникидзе*). Товарищи, я предлагаю не высказываться по существу резолюции, так как в этом вопросе между нами нет разногласий. Предлагаю перейти к чтению резолюции по пунктам. *Юренев*. Последнее предложение т. Серго неприемлемо, так как резолюция представляет собой нечто целое, не расчлененное по пунктам. *В.П.Ногин*. Я предлагаю отметить в первом абзаце, что раскол на Западе произошел раньше, чем у нас. Мысль, выраженная в резолюции, вполне ясна. Предлагаю голосовать резолюцию в целом, а для окончательной редакции передать в ЦК. *Председатель*. Нет возражений против последнего предложения? Ставлю резолюцию на голосование. (*Голосует.*) Принята единогласно». (Там же.) Резолюция была принята на дневном заседании 3 августа 1917 г. и с редакционными правками передана в ЦК для публикации. (См.: Там же. С. 231–232. См. также: Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года: Протоколы. М., 1958. С. 50, 69–72, 194–195, 239, 240; Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 223–224.) И.С.Астров (И.С.Повес) – меньшевик, член ЦК, неоднократно подвергался арестам в царской и советской России. Весной 1922 г. был сослан в Туркестан. По дороге умер от тифа. К.К.Юренев (Кротовский. 1888–1938) – большевик с 1905 г., «межрайонец» с 1913 г. В 1917 г. Юренев – член Исполкома Петроградского Совета, на VI съезде РСДРП(б) принят в партию большевиков, член президиума этого съезда. Г.О.Бинштok

рассказывал Николаевскому, что в мае 1917 г. во время споров с Лариным и его группой Мартов говорил об общности основной оценки социально-экономического содержания русской революции и этим обосновывал свой отказ от формального организационного разрыва с партией, а тем более отказ от сближения с большевиками, к чему стремился Ларин. (См.: *Николаевский Б.И.* П.А.Гарви в России // *Гарви П.А.* Воспоминания социал-демократа. С. XXXV.)

[7] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 48. Саратовский меньшевик в 1917 г. И.С.Гольц вспоминал о том, что в июльские дни многие меньшевики и эсеры требовали изгнания большевиков из состава городского Совета, так как прибывший к ним М.И.Либер обвинил большевиков в заговоре с целью захватить власть в стране. Он рассказал, как члены меньшевистского комитета партии по просьбе пришедших к ним большевиков бросились спасать осажденный толпой рабочих большевистский комитет, находившимся там угрожали самосудом. Толпу удалось уговорить разойтись. Тогда саратовские большевики благодарили меньшевиков за товарищескую помощь. (См.: *Гольц И.* По дорогам и ухабам жизни (последний меньшевик). Иерусалим, 2003. С. 60–62.) Д.Рейли, говоря о влиянии июльского кризиса на политическую ситуацию в Саратовской губернии, приходил к выводу о том, что «июльские дни значительно осложнили вопрос о власти в губерниях». Это сказалось, в частности, на падении численности меньшевистской организации: в начале июля 3 тыс. членов, в середине августа — около 1 тыс. человек. (См.: *Рейли Д.* Политические судьбы российской губернии. 1917 в Саратове. Саратов, 1995. С. 193, 198.) Ф.А.Селезнев пишет, что после июльских событий нижегородский «губисполком превратился в бессильный придаток Советов». В июле социалисты взяли под свой контроль Нижегородскую городскую думу: председателем стал меньшевик А.В.Таубе, а городским главой — эсер В.Г.Ганчель. (См.: *Селезнев Ф.А.* Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Н. Новгород, 2001. С. 150–151.) О партийной борьбе в Нижегородской и Казанской губерниях в 1917 г. см. также: *Badcock S.* Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. New York, 2007. Ю.П.Денике, говоря о численности меньшевистской партии в 1917 г., замечал: «Ряды партии быстро росли. Но нельзя было обманывать себя ее количественным ростом. Большинство новых членов примыкало к меньшевикам не потому, что они разделяли меньшевистскую идеологию, о которой очень многие не имели никакого понятия, а потому, что считали правильной политику меньшевиков в

данный момент. Наблюдалось и просто тяготение к правительственной партии... с надеждой лучше "устроиться". Численный рост партии не дал значительного увеличения числа активных работников. Таковыми были главным образом "старые" меньшевики и вообще уже испытанные социал-демократы, примкнувшие теперь к меньшевикам». (См.: *Деникe Ю.П.* Меньшевики в 1917 году // Меньшевики. Benson, 1988. С. 47–48.)

[8] А.Рабинович пишет об этом противоречиво. В 2003 г. он заметил, что на основании решений съезда лозунг «Власть Советам!» был снят. (См.: *Рабинович А.* Революция 1917 года в Петрограде. Большевики приходят к власти. М., 2003. С. 127.) Позже Рабинович отметил, что лозунг «Вся власть Советам!» после съезда не был снят и в конце августа вновь был поставлен в повестку дня. (См.: *Рабинович А.* Умеренные большевики в октябре 1917 года // Исторические записки. 2008. № 11. С. 332.) В.Коробков, председатель одесского комитета меньшевиков, вспоминал о расколе в июле 1917 г., когда в бывшем объединенном комитете РСДРП остались большевики и меньшевики-интернационалисты, а меньшевики-«оборонцы» и сторонники Плеханова из общей организации ушли. (См.: *Коробков В.* По ту сторону баррикад (из записок бывшего меньшевика) // Каторга и ссылка. 1932. № 11–12. С. 247.) По заявлению делегатов Поволжья на VI съезде большевиков, Советы сохранили сильное влияние в малых городах после июля потому, что, «каков бы ни был их состав, они взяли на себя роль полновластных органов, и это их спасло». (См.: *Рейли Д.* Политические судьбы российской губернии. 1917 в Саратове. С. 209.)

[9] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 303, 307–308, 311.

[10] *Миллер В.И.* Осторожно: история! М., 1997. С. 112. Миллер замечал, что численность представленных на съезде организаций менялась. Так, со съезда ушла целая группа депутатов, заявивших о своем несогласии с его курсом. Среди них были представители военных организаций Западного фронта. В состав оформленной на съезде меньшевистской партии не вошли и меньшевики-новожизненцы, начавшие осенью оформлять самостоятельную партию. (Там же. С. 111–112.) В 1917 г. общественно-литературная социал-демократическая газета «Новая жизнь» объединила группу социал-демократов, выступавших за единую партию. В январе 1918 г. была организована Российская социал-демократическая партия (интернационалистов). Сохранились 256 анкет делегатов съезда. (См.: РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 7–14; Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 588–790.)

[11] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 311–315. 19 августа,

в день открытия съезда, в газете «Пролетарий» появилась статья Ленина «За деревьями не видят леса». В ней он отстаивал решение большевистского съезда о снятии лозунга «Вся власть Советам!» и нападал на Мартова, который, по его мнению, в вопросе о переходе власти к Советам «запутался самым невероятным, забавным, самым беспомощным образом». В отличие от «кокетки» Чернова и «тупицы» Церетели, Ленин назвал Мартова наиболее революционным публицистом, «наиболее сознательным и искусным». А затем упрекал его в том, что до 4 июля 1917 г. Мартов был против лозунга «Вся власть Советам!», позже — за, а в начале августа — опять против. Критерием смены тактики для Мартова была угроза гражданской войны. Ленина же это отнюдь не пугало. Он считал, что революции неизбежно «превращали классовую борьбу в гражданскую войну». (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 79–85.) У Ленина и Мартова были разные критерии оценок ситуации. Статья Ленина была весьма конъюнктурна. Из ее текста было ясно, что каждый лидер видел в «лесу свое дерево». Мнимое противоречие в поступках Мартова заметил тогда и Лев Дейч из плехановского «Единства», хотя в доказательство привел не относящиеся к этому впечатления Ленина о Мартове. «Знаете, — признавался мне Ленин в те времена, — Ю.Цедербаум доводит меня своими разговорами иногда чуть не до бешенства: я не в силах выносить таких непрерывных потоков. Но надо отдать ему также справедливость: хотя писал он свои статьи урывками, поздно по ночам, после возвращения из ресторанов и кафе-шантанов, они бывали довольно содержательны и выдержаны в марксистском смысле». (См.: Известия Петроградского Совета. 1917. 21 августа.) Публикация статьи Ленина и его положительная характеристика статей Мартова, в изложении Дейча, свидетельствовали о том, что тогда ни Ленин, ни плехановцы не оставляли надежды видеть Мартова своим союзником, полагая, что на съезде лидер интернационалистов решится на создание отдельной партии или соединится с ними. Этого не произошло.

[12] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 322–323. Материалы объединительного съезда меньшевиков проанализированы во многих работах. См.: *Галили З., Ненароков А.* Кризис коалиционной политики и усиление центробежных тенденций в меньшевистской партии: июль-август // Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 54–72; *они же.* Кризис коалиционной политики и усиление центробежных тенденций в меньшевистской партии: июль-август // РСДРП(о) в 1917 году. Документально-исторические очерки. М., 2007. С. 164–190; *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 382–395; *Смирнова А.А.*

От коалиции к катастрофе. Петроградские социалисты в маеноябре 1917 года. СПб., 2006. С. 152–167; и др.

[13] День. 1917. 27 авг.; Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 559–570. Д.И.Заславский (1880–1965) – с 1903 г. активный деятель Бунда; Г.Д.Линдов (Лейтензен. 1874–1919) – с 1903 г. большевик, после февраля 1917 г. примкнул к меньшевикам-интернационалистам. Н.Н.Суханов, называя съезд конференцией, писал, что «конференция... не вышла объединительной». (См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1992. Т. 3. С. 71.)

[14] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 324–326, 434.

[15] Там же. С. 334–337.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 342–351. Вопрос о роли буржуазии в революции в то время интересовал и большевиков. А.Абрамович вспоминал о случайной встрече с Ф.Э.Дзержинским в августе 1917 г. Они разговорились, стоя в очереди за морковным чаем в буфете ВЦИК в Смольном. Дзержинский неожиданно спросил Абрамовича о том, помнит ли он речь Лассаля о «сущности конституции и его теорию о том, чем определяется "соотношение сил в обществе?"». «Я, конечно, помнил. И тогда Дзержинский задал мне такой вопрос: "Как, по-вашему, входит ли в число факторов, определяющих соотношение сил классов, и их численное соотношение? Если да, то нельзя ли путем физического истребления значительной части членов враждебного лагеря изменить соотношение сил в свою пользу?" Должен признаться, что я в тот момент не понял всего значения поставленного Дзержинским вопроса... Передо мной стоял старый знакомый, очевидно всецело поглощенный какими-то неясными для меня теоретическими проблемами... В тот момент я ему только ответил то, что всякий марксист на моем месте ответил бы: что развитие классовых сил определяется не демографическими, а экономическими факторами, а следовательно, истребление даже значительной части какого-либо класса не может изменить общего соотношения сил в стране. Через самое короткое время, в случае истребления рабочих, поредевшие ряды пролетариата быстро заполнятся выходцами из деревни; если же будет произведено истребление капиталистов, то их места немедленно же займут другие, выходцы из других классов. Мой ответ явно не удовлетворил Дзержинского. Ведь его идея была другая: он имел в виду устранить отсталость социального состава России не путем роста рабочего класса, как предполагал марксизм 90-х годов, а, наоборот, путем уничтожения буржуазии. Причем последнее мыслилось им на основе

уничтожения всей экономической системы, которая "воспроизводит" класс капитализма». (См.: *Абрамович А.* Диалектика диктатуры меньшинства // Социалистический вестник. 1951. № 3. С. 58.)

[18] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 351–369. Крестьянской партией называли себя эсеры. В.М.Чернов, лидер этой партии, став министром земледелия Временного правительства, именовал себя «мужицким министром». (См.: *Коновалова О.В.* В.М.Чернов и аграрная программа партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2002. № 2. С. 56; и др.) Видимо, Потресов не считал эсеров «радикальной крестьянской партией».

[19] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 369–376, 381, 388, 402–403, 410–412, 426–429, 499. На съезде полемика делегатов не обходилась без личных оскорблений. 22 августа Мартов говорил о «разжиревших писателях из "Дня", именующих интернационалистов в своих статьях "политическими младенцами". На следующий день Д.Заславский, решив, что это он имелся в виду, вызвал Мартова на суд чести. Мартов отказался, мотивировав тем, что уже имел за это замечание председательствовавшего на заседании съезда. Тогда М.Либер от имени Заславского бросил Мартову: «Трус!» 24 августа Мартов, узнав об обращении Заславского в Президиум съезда, заявил, что не отказывается от участия в третейском суде. (Там же. С. 455, 479, 483, 517.)

[20] РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 51. Л. 160; Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 504, 518–519, 568–570. Подробнее об этом см.: *Галили З., Ненароков А.* Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Смена партийного курса. Первая декада октября — конец декабря. Документально-исторический очерк // Меньшевики в 1917 году. М., 1997. Т. 3. Ч. 2. С. 63–64.

[21] См.: *Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И.* Борис Иванович Николаевский // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 22.

[22] *Гетцлер И.* Мартов. Политическая биография российского социал-демократа. С. 208.

[23] Среди социал-демократов, вернувшихся из эмиграции в Россию, многие колебались в выборе своей партийной принадлежности. Г.В.Чичерин (1872–1936) в 1907 г. примкнул к меньшевикам, в 1915 г. стал меньшевиком-интернационалистом. В мае 1917 г. он говорил И.М.Майскому: «В эпоху революции надо быть горячим или холодным, нельзя быть теплым... Я все больше прихожу к убеждению, что меньшевики — это жирондисты русской революции и их ждет судьба жирондистов... Мне с ними не по пути... Война меня многому научила, и сейчас все мои симпатии на стороне русских

якобинцев». (См.: *Майский И.М.* Путешествие в прошлое. Воспоминания. М., 1960. С. 189.) В январе 1918 г. Чичерин возвратился из Англии в Петроград, вступил в РКП(б) и вскоре стал наркомом иностранных дел советской России. Д.Б.Рязанов (Гольдендах. 1870–1938) — социал-демократ, не примыкавший ни к одной из фракций РСДРП. Даже после вступления группы «межрайонцев», куда формально входил в 1917 г. Рязанов, в большевистскую партию, он говорил о себе: «Я не большевик, я не меньшевик и не ленинист. Я только марксист, и как марксист — я коммунист». (См.: *Рокитянский Я.Г.* Гуманист октябрьской эпохи: академик Д.Б.Рязанов. М., 2009. С. 261.)

[24] *Потресов А.Н.* Избранное. М., 2002. С. 449.

[25] О меньшевистских представителях в Стокгольме см.: *Ерманский О.А.* Из пережитого (1887–1921 гг.). С. 166–177; *Балабанова А.* Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалистки. С. 170–179; *Кап А.* Menshewiken in Stockholm vor und nach 1917 // Die baltischen Lander der Norden. Tartu, 2005. 486–501. Стокгольмская мирная конференция не состоялась из-за разногласий между лидерами социалистических партий, но прошла конференция циммервальдистов. На 3-й циммервальдской конференции в Стокгольме Аксельрод ратовал за восстановление деятельности Интернационала и вел яростные дебаты с представителями большевиков В.В.Воровским и Н.А.Семашко, а также с левыми польскими социал-демократами большевиками Л.С.Ганецким и К.Б.Радеком. Аксельрод и М.С.Панин, представлявшие ОК меньшевиков, были не согласны с манифестом, в котором большевистские делегаты конференции проводили идею невозможности сотрудничества с социал-демократами для достижения мира. Большевики предлагали бороться за мир проведением всеобщей стачки международного пролетариата. О.А.Ерманский, участник конференции, вспоминал, что одним из основных обсуждаемых вопросов было отношение к русской революции. Об этом говорили Аксельрод, Радек и Ерманский. Радек отрицательно характеризовал участие социалистов в коалиционном правительстве, Аксельрод, напротив, это участие оценивал положительно. Радек и Воровский обвинили Аксельрода и Мартова в поддержке правительства, ответственного за репрессии против рабочих. Аксельрод ответил четырехчасовой речью, в которой применил по отношению к большевикам несвойственные ему непарламентские выражения. Председательствующий германский социал-демократ Г.Ледебур потребовал у него извинений, но Аксельрод в знак протеста покинул зал заседания. «До сих пор, — писал Ерманский, — трудно отделаться

от того тягостного и обидного чувства, с каким приходилось быть свидетелем этого эпизода, когда возмущенный Ледебур кричал на заслуженного ветерана и одного из основоположников российской социал-демократии». Ерманский на конференции заявил, что борьбу за социализм можно начать лишь после окончания войны, что призыв Радека к проведению социалистической революции утопичен. (См.: *Ерманский О.А.* Указ. соч. С. 173–176; *Савельев Ю.П.* П.Б.Аксельрод: человек и политик (1849?–1928) // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 183.) А.Балабанова, секретарь конференции, несколько иначе описывала ход конференции: «С самого начала, — писала она, — конференция разделилась на большинство, которое полностью одобряло предложение большевиков захватить власть, и меньшинство, которое возражало против их тактики. Словесные дуэли, которые возникли из-за этого разделения, между Аксельродом и другими меньшевиками, выступающими от имени меньшинства, и теми из нас, кто поддерживал Радека как представителя большевиков, для меня стали еще более трагическими из-за того, что я полностью понимала — даже при том, что я поддерживала его в принципе, — насколько беспринципны были методы Радека по сравнению с методами оппозиции». (См.: *Балабанова А.* Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938. С. 176.) А.И.Балабанова (1878–1965) — активная участница циммервальдского движения, в 1917 г. большевичка, в 1919 г. секретарь ИККИ, в 1921 г. эмигрировала из советской России. К.Б.Радек (Собельсон. 1885–1939) — с 1902 г. член польской социал-демократической организации, с апреля 1917 г. большевик.

[26] См.: *Ненароков А.П.* Последняя эмиграция Павла Аксельрода. М., 2001. С. 64–65. О.А.Ерманский, тогда меньшевик-интернационалист, позже вспоминал, что Аксельрод в то время сближался с «меньшевистским оборонческим ЦК... совершенно оторвавшись от Мартова и его единомышленников». С Аксельродом, продолжал Ерманский, «мы теперь встретились в Стокгольме как люди, говорящие на разных языках». (См.: *Ерманский О.А.* Из пережитого (1887–1921 гг.). С. 166–167.) О.А.Ерманский (Коган. 1866–1941) — социал-демократ с 1892 г., меньшевик с 1905 г., с апреля 1917 г. — меньшевик-интернационалист, в августе 1917 г. — член Предпарламента, в 1921 г. отказался от работы в рядах меньшевистской партии. Б.И.Николаевский в рецензии на воспоминания Ерманского отмечал их тенденциозность и субъективизм. «Характер этой тенденциозности, — замечал Николаевский, — очень часто определяется не характером особенностей позиции автора в те годы, о которых идет

речь, а, наоборот, стремлением затушевать особенности позиции автора в прошлом в интересах того их толкования, которое определяется позицией автора в настоящем. Причины этого явления понять, конечно, можно, но едва ли можно спорить, что в таком случае книгою и в качестве политического отчета пользоваться следует с большой осторожностью». (См.: Каторга и ссылка. 1927. № 37. С. 218–221.)

[27] См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 308, 466–468, 515–516; Т. 3. Ч. 1. С. 72, 104–105; *Рожков Н.* Диктатура революционной демократии. М., 1917. С. 16; *Волобуев О.В.* Н.А.Рожков: историк и политик // Отечественная история. 2008. № 6. С. 83–84; *он же.* Н.А.Рожков: историк и общественный деятель. М., 2012. С. 79–83; *Чернобаев А.А.* Н.А.Рожков: судьба историка и политика (1917–1927 гг.) // Линия судьбы: Сб. статей, очерков, эссе. М., 2007. С. 555–557. Текст заявления Рожкова и Яхонтова был опубликован в «Рабочей газете» (1917. 17 сент.). Подлинник заявления, написанного Рожковым, хранится в РГАСПИ (Ф. 275. Оп. 1. Д. 206. Л. 1–1об.). В ЦА ФСБ РФ (Д. Р.–40072. Т. 3. Л. 131–138) находится подлинник письма, датированного 12 октября 1917 г. Письмо без подписи адресовано на имя Московской организации и содержит объяснение члена ЦК, вышедшего из его состава. Скорее всего, это письмо принадлежит Рожкову. Автор обосновывает свою позицию тем, что в «ЦК создалось невозможное положение — оба крайних крыла (интернационалисты и сторонники Потресова. — *И.У.*) не давали ему возможность выступать против... действий, явно подготовляющих раскол». Его возмутило то, что при подготовке списков с рекомендацией в кандидаты на будущих выборах в Учредительное собрание был исключен Чхеидзе. Автор заявлял, что не может быть членом ЦК, который способствует расколу партии. Н.А.Рожков (1868–1927) — приват-доцент Московского университета, историк, в 1905 г. — большевик, с марта 1917 г. — меньшевик, в августе — член ЦК РСДРП(о). 27 сентября 1917 г. объединенное собрание меньшевиков-интернационалистов, членов ЦК партии, комитета Петроградской организации, Предпарламента и других организаций приняло решение об отзыве своих представителей из ЦК РСДРП(о). (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 371.)

[28] 1917 год в письмах А.Луначарского и Ю.Мартова. М., 2007. С. 83.

ГЛАВА VI

II Всероссийский съезд Советов

25 октября 1917 г. в 22 часа 40 минут Ф.И.Дан от имени ВЦИК первого созыва объявил в зале Смольного института в Петрограде об открытии II Всероссийского съезда Советов. О своей партийной принадлежности заявили 675 его делегатов. Это были 345 большевиков, 98 левых эсеров, 38 эсеров центра, 16 правых эсеров, 30 эсеров, 49 меньшевиков-интернационалистов, 15 меньшевиков, 22 меньшевика-оборонца, 15 национальных социал-демократов, трудовик, анархист, 2 с двойной партийностью, 22 беспартийных, 21 без указания партийности[1]. Согласно анкете съезда, 505 делегатов прибыли на съезд с наказом голосовать за передачу всей власти Советам, 86 — демократии, 79 — коалиционному правительству (из них 21 — за демократическую коалицию без кадетов)[2]. Заметим, что, судя по числу делегатов, готовых передать всю власть в стране Советам, это были не только большевики.

Заместитель председателя ВЦИК первого созыва Дан заявил о выборах президиума для организации работы съезда. Представитель большевистской фракции В.А.Аванесов предложил избрать членов президиума на пропорциональной основе в зависимости от числа членов их фракций и назвал 14 большевиков и 7 левых эсеров. Тогда М.Я.Гендельман от имени правых эсеров сообщил, что они работать в составе президиума не будут. О том же от имени меньшевиков заявил Л.М.Хинчук. После этого представители ВЦИК первого созыва меньшевики и эсеры Б.О.Богданов, М.И.Бройдо,

А.Р.Гоц, Дан, М.И.Либер, В.Н.Филипповский покинули места в президиуме. Там обосновались большевики Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев, А.М.Коллонтай, А.В.Луначарский, В.П.Ногин, левые эсеры Б.Д.Камков, М.С.Мстиславский, М.А.Спиридонова и др.[3]

I съезд Советов в июне 1917 г. был торжеством меньшевиков и эсеров, входивших в состав коалиционного Временного правительства. Они были тогда правительственными партиями. С тех пор прошло три с небольшим месяца, и ситуация резко изменилась, теперь к власти уверенно шли большевики. Что же случилось за это короткое время? Лидерам меньшевиков и эсеров было известно задолго до октябрьского переворота о том, что большевики хотят захватить власть и взять на себя ответственность за управление страной. Ленин заявил об этом еще на I съезде Советов. Тогда это было воспринято социалистами, стоящими у власти, как несерьезная шутка. Эта самоуверенность в том, что их власть нерушима, стала одной из причин поражения Керенского и его сторонников. На первый взгляд, у них были причины для такого поведения. Единение демократических сил не позволило прийти к власти генералу Л.Г.Корнилову. На заседании Петросовета И.Г.Церетели говорил: «Как ни были велики наши разногласия, Корнилов был встречен сплошной стеной демократии... Принципы единения должны быть сохранены»[4]. Но, как заметил Г.И.Злоказов, на заседаниях ВЦИК в начале августа признаков тревоги по поводу выступления Корнилова никак не проявлялось. Поэтому заговор Корнилова «поразил, как громом, революционную демократию»[5]. В октябре подобное повторилось вновь. Только с иным результатом.

Лидеры меньшевиков и эсеров, находившиеся у власти, не воспринимали тех изменений в политическом настроении партий и общественного мнения, которые происходили после ареста Корнилова и его сподвижников. В то время о силе демократического единения говорили представители различных социалистических партий, в том числе и большевики. Ленин тогда писал: «Если есть абсолютно бесспорный,

абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной»[6]. После участия в разгроме корниловщины и начала большевизации Советов с конца августа лидеры большевизма почувствовали себя равноправными в борьбе за власть с другими социалистическими партиями. Но эти равные возможности вскоре обернулись решительным противостоянием сторон.

«В октябре 1917 г. большевики пошли на открытое столкновение с правительством Керенского и умеренными социалистическими партиями — эсерами и меньшевиками», — писал Д.Рейли[7]. В июльские дни наблюдался обратный процесс, когда преследовались большевики. В те дни, несмотря на протесты Мартова и его сторонников, большевиков арестовывали, и некоторые из них были вынуждены скрываться. Теперь большевики для завоевания власти готовы были ее захватить с помощью вооруженного переворота, стремясь легализовать свои действия решениями II съезда Советов[8].

В сентябре — начале октября 1917 г. представители различных политических партий и течений предлагали различные варианты состава правительства страны. 14 августа 1917 г. В.В.Шульгин, выступая на Государственном совещании, заявил, что демократия, «которая не понимает, что управляться выборными коллективами во время страшной войны — это значит вести себя на верную гибель», обречена[9]. Шульгин был сторонником Корнилова и установления генеральского диктата в стране. Представители демократических партий думали иначе. Церетели отстаивал идею дальнейшей работы в коалиционном правительстве, Мартов и его фракция были за создание однородного демократического руководства. Ленин и Троцкий были сторонниками вооруженного захвата власти, но Ленин считал, что властью должна распоряжаться партия, а Троцкий — Советы. Каменев и умеренные большевики

выступали за парламентскую борьбу за власть во время выборов и проведения Учредительного собрания[10]. Мартов в письме П.Б.Аксельроду 19 ноября 1917 г. подробно сообщал о происшедшем захвате власти большевиками: «До прямого восстания все-таки, вероятно, еще долго не дошло бы, ибо городские рабочие массы проявляли несомненную пассивность, не идя далее резолюций... Может быть, иди социалистическое большинство более быстрым темпом к образованию "правительства немедленного мира" (которое могло быть только некоалиционным), и Ленин потерял бы надежду на успешное восстание. У самих большевиков шла упорная борьба против Ленина и Троцкого: Зиновьев, Каменев, Рязанов старались оттянуть развязку, Ленин, очевидно, понял, что надо спешить и разрубил узел "мечом"»[11].

Вопрос о съезде Советов рассматривался 14 октября на пленуме ВЦИК. Там же встал вопрос о готовящемся большевиками вооруженном захвате власти. Дан предлагал присутствовавшим на заседании большевикам «заявить здесь: правильно ли их понимает революционный пролетариат. Зовут ли они к выступлению революционный пролетариат или нет? Подобное выступление, если оно произойдет, будет гибельно для революции и приведет к торжеству погромов и контрреволюции. Необходимо потребовать от большевиков, чтобы они здесь же прямо и честно ответили на эти вопросы: да или нет...» Рязанов ответил неопределенно: «Мы требуем мира и земли». Он согласился с Даном: если такое выступление состоится, то оно «приведет к торжеству погромов и контрреволюции». Его поддержали Б.О.Богданов и Мартов, заявившие, что они являются противниками вооруженного выступления большевиков. ВЦИК не раз выступал против готовящегося лидерами большевизма силового захвата власти. Но революционный экстремизм тогда подпитывался экономическим развалом и затянувшейся мировой войной[12]. ВЦИК предупреждал, но практических мер, кроме переноса начала съезда Советов с 20 на 25 октября, ничего для предотвращения восстания

не сделал. Когда 24 октября Временное правительство попыталось активно противодействовать большевикам, созданный ими Военно-революционный комитет заявил, что вновь корниловцы мобилизуют силы, дабы «раздавить Всероссийский съезд Советов и сорвать Учредительное собрание»[13].

Суханов писал, что Временное правительство могло предотвратить вооруженное выступление большевиков, что оно было низвергнуто не 25, а 21 октября, когда петроградский гарнизон перешел под командование Военно-революционного комитета. Правительство могло вмешаться и предпринять попытку разгромить штаб большевистского восстания. Но этого не произошло. Командующий Петроградским военным округом полковник Г.П.Полковников даже не арестовал солдат, пришедших к нему с требованием согласовывать с ними распоряжения штаба округа. Политика выжидания была неэффективна перед решительными действиями другой стороны[14]. Инициатива в борьбе за власть тогда принадлежала большевикам, выжидательное поведение представителей Временного правительства вело их к поражению. Хотя, подчеркивал Суханов, «сомнений тут быть не могло: хороший отряд в пятьсот человек был совершенно достаточен, чтобы ликвидировать Смольный со всем его содержанием»[15].

18 октября состоялось очередное заседание Временного совета Российской республики. Среди обсуждавшихся вопросов не было даже намека на то, как противостоять намерениям большевиков захватить власть при помощи вооруженного переворота. Этого вопроса не было и на заседании Предпарламента 20 и 23 октября, где обсуждалась внешняя политика Временного правительства, а не сложившаяся тревожная ситуация внутри страны. Мартов на этом совещании говорил о русской революции, которая изменила картину мира. «Временному правительству, — отмечал он, — навязывается политика, продиктованная интересами буржуазии... Но вопрос о мире должен быть поднят сейчас. От имени российской революции должны мы сказать, что Россия желает всю оставшуюся энергию концентриро-

вать на деле национального возрождения, которое является сейчас делом дорогим для всего человечества». Но и он, и другие выступавшие никак не затронул вопрос о противостоянии намерениям большевиков[16].

Будничный ход собрания Предпарламента 24 октября прервало тревожное выступление Керенского, сообщившего о призывах «части демократии» к восстанию. Он прочитал выдержки из воззваний Ленина к восстанию и его заявление, что «промедление смерти подобно». Предложение Керенского об организации отпора восставшим было поддержано не всеми. Левый эсер Б.Д.Камков заявил, что санкций на расправу с народом он дать не может: «Не будем играть в прятки, — заявил он, — разве есть сейчас кто-нибудь, кто доверял бы этому правительству и председателю совета министров». Камков предлагал Временному правительству подать в отставку и передать власть «однородной революционной демократии». Дан был за мирное разрешение возникшего конфликта: «Как бы ни окончилось завтра большевистское восстание, — говорил он, — но если оно будет затоплено в крови и вооруженной рукой будет водворен порядок, то кто бы ни победил — правительство или большевики, на деле это будет торжеством третьей силы, которая сметет большевиков, правительство, демократию и революцию».

Мартов поднялся на трибуну при чьем-то возгласе с места: «Вот министр иностранных дел буржуазного кабинета». Мартов отреагировал мгновенно: «Я близорук и не вижу, говорит ли это министр иностранных дел из будущего кабинета Корнилова». Затем Мартов заявил, что его фракция не будет оказывать никакой поддержки правительству, которое не торопится с заключением мира, передачей земли земельным комитетам и дальнейшей демократизацией армии. «Слова министра-председателя, позволившего себе говорить о черни, когда речь идет о движении значительной части пролетариата и армии, хотя бы и направленным к ошибочным целям, являются словами вызова гражданской войны. Но я не теряю надежды, — говорил Мартов, — что та демократия, которая не участвует

в подготовке вооруженного восстания, не допустит того, чего хотят люди, стремящиеся воспользоваться положением, чтобы остановить развитие революции». Он призвал принять все меры для предотвращения гражданской войны в стране. Для того чтобы принять резолюцию о противодействии готовящемуся большевиками захвату власти, Предпарламенту потребовались день и поздний вечер. В результате была принята декларация, представлявшая собой «целую лекцию о "демократических" способах борьбы с вооруженным мятежом».

Дж.Рид писал о выступлениях Дана и Мартова на заседании ВЦИК, которым возражал Троцкий. В воспоминаниях Рида фигурирует фраза Мартова, сказанная им тогда: «Интернационалисты не возражают против передачи власти демократии, но они осуждают большевистские методы. Сейчас не время брать власть». Предпарламент принял 24 октября решение о создании «Комитета общественного спасения». Назначенное на 25 октября заседание Предпарламента не состоялось, так как его представителей матросы не пустили в здание Мариинского дворца, где они обычно работали. Накануне захвата власти большевиками Предпарламент продемонстрировал свое полное политическое бессилие и 25 октября прекратил существование[17].

Временное правительство всерьез обеспокоилось тревожной ситуацией в столице 24 октября, когда руководимые большевиками и левыми эсерами матросы и солдаты стали захватывать в городе правительственные учреждения. Только тогда появились предупреждающие властные приказы и распоряжения. Так, в приказе по Петроградскому военному округу 24 октября объявлялось, что «все, выступающие вопреки приказу с оружием на улицу, будут преданы суду за вооруженный мятеж». Одновременно «за распространение воззвания с призывом не повиноваться властям и деятельность, направленную против власти», было возбуждено уголовное преследование против Военно-революционного комитета при Петроградском Совете. В Декларации «Комитета спасения родины и револю-

ции» от 3 ноября говорилось о «захвате власти большевиками путем военного заговора»[18].

24 октября, накануне открытия II съезда Советов, состоялись фракционные заседания его партийных участников. К этому времени было понятно, почему Ленин настаивал на захвате власти до открытия съезда. Он опасался, что на нем большинство делегатов проголосует за создание социалистического правительства, тогда как лидер большевиков был за передачу власти только членам своей партии. Так и произошло. В начале работы съезда большинство делегатов согласилось с предложением Мартова о разрешении конфликта мирным путем и создании демократического правительства. Ленин был с этим не согласен и не принял участия в работе съезда, пока ему не сообщили об аресте министров Временного правительства.

Среди большевистского руководства в то время не было единства мнений о плане действий. Одни полагали, что руководство свержением Временного правительства должно принадлежать Советам, к которым и перейдет власть в будущем. Другие считали, что всем должны руководить большевики, а затем их действия следует узаконить решениями съезда Советов. Были и те, кто придерживался мнения о том, что время вооруженного восстания против властей еще не наступило. Часть большевиков поддержала предложение Мартова о мирном разрешении конфликта и создании демократического правительства из представителей только социалистических партий. Троцкий стремился убедить не столько своих коллег по партии, сколько солдат и матросов, что противостояние происходит между Временным правительством и Советом, которому следует передать власть. Его призывы были успешны. Прошедшее 24 октября заседание ЦК большевиков склонилось к решению начать восстание в день открытия II съезда Советов[19].

23 октября состоялось первое заседание фракции РСДРП(о) на съезде под председательством Д.А.Сагарашвили. На нем присутствовали 43 делегата и 7 членов ВЦИК. Дан в докладе «О задачах съезда,

текущем моменте и борьбе за мир» продолжал утверждать, что «переход власти к Советам в настоящее время был бы гибельным для дела революции». 24 октября состоялось второе заседание меньшевистской фракции II съезда Советов. Единого мнения так и не было выработано. Одни делегаты считали, что если в ходе восстания правительство окажет сопротивление, то нужно встать на сторону пролетариата, другие полагали, что в восстании примет участие «ничтожная часть» пролетариата, поэтому с подобным выступлением надо бороться. После прений участники заседания выработали общую резолюцию, в которой были предложения о «полной реконструкции власти», создании однородного демократического правительства и осуждались те, кто провоцировал выступление большевиков. 25 октября меньшевистская фракция Петроградского Совета выступила с протестом против большевиков, которые «за спиной Совета и, прикрываясь его именем, организовали военный заговор». Они объявили его «преступной авантюрой» и заявили об отказе участвовать в работе Военно-революционного комитета, а также о выходе из состава Президиума и Исполкома Петроградского Совета[20].

При открытии первого заседания II съезда Советов лидеры до этого правящих в стране партий меньшевиков и эсеров пытались протестовать против вооруженного выступления большевиков и левых эсеров. Первым с протестом выступил Мартов, призвав прекратить начавшуюся гражданскую войну и создать демократическое правительство. Его выступление было встречено овациями. Ему не возразили ни левый эсер С.Д.Мстиславский, ни ставший большевиком А.В.Луначарский. Но выступившие затем в порядке обсуждения представляющие армию меньшевики Я.Я.Хараш, Г.Д.Кучин, Л.М.Хинчук, а также правый эсер М.Я.Гендельман, бундовцы Р.А.Абрамович и Г.М.Эрлих оскорбительными замечаниями в адрес большевиков быстро разрушили кажущееся единство социалистов.

Капитан Хараш, представитель 12-й армии, высту-

пивший от имени фракций эсеров и меньшевиков, заявил, что «за спиной Всероссийского съезда, благодаря политическому лицемерию партии большевиков, совершена преступная политическая авантюра». Он предупредил о том, что эсеры и меньшевики сделают все, чтобы оказать ей противодействие. Кучин, выступивший от имени армейских комитетов, отметил, что «гражданская война, вызванная авантюрой со стороны большевиков, является ударом в спину армии», и назвал их действия «безумной попыткой» захватить власть. Хинчук огласил меньшевистскую декларацию, в которой клеймился военный заговор большевиков. А после него с подобным же заявлением выступил эсер Гендельман. При этом большая часть делегатов-фронтовиков покинула съезд.

Бундовцы Эрлих и Абрамович выразили протест в связи с действиям большевиков и предложили съезду принять меры для предотвращения кровопролития. Мартов зачитал декларацию фракций меньшевиков-интернационалистов и еврейской социал-демократической рабочей партии Поалей-Цион, где осуждался военный переворот, совершенный большевиками, и съезду предлагалось приостановить свою работу впредь до оглашения результатов работы делегации, избранной съездом для обсуждения с фракциями вопроса о мирном разрешении возникшего кризиса «путем образования общедемократического правительства». Его поддержал Н.Ю.Капелинский, заявивший, что если такая делегация не будет немедленно избрана, то меньшевики-интернационалисты и делегаты от партии Поалей-Цион также покинут съезд. Каменев, председательствовавший на съезде, отказался обсуждать вопрос о создании подобной делегации. Он к этому времени уже знал, что город практически контролируется вооруженными солдатами и матросами, поддерживающими большевистский план захвата власти. Его, по-видимому, не интересовала миротворческая делегация, которая в тот момент казалась ему бессмысленной: ведь власть, по сути, была уже в руках большевиков, и было бы бессмысленно заключать

перемирие или искать пути к нему с уже повергнутым противником...

Н.И.Бару после отказа Каменева обсуждать предложение о создании делегации для заключения перемирия заявил, что делегаты съезда от меньшевиков-интернационалистов и партии Поалей-Цион также покидают его, ибо он превращается в «партийную организацию». Б.В.Авилов, выступивший от имени объединенных социал-демократов-интернационалистов и части меньшевиков-интернационалистов, не ушедших со съезда, утверждал, что «та легкость, с которой удалось свалить коалиционное правительство, объясняется не тем, что левая демократия очень сильна, а исключительно тем, что это правительство не могло дать народу ни хлеба, ни мира». Поэтому перед новым правительством стоят большие трудности. Их можно разрешить только с помощью опоры на большинство революционной демократии[21].

Правые эсеры и меньшевики покинули заседания съезда, и это накалило и без того непростую обстановку для тех, кто остался. Большевики, особенно их радикальная часть во главе с Л.Д.Троцким, были довольны, они становились полными хозяевами положения и могли от имени съезда принимать любые решения. Их не смущала изолированность большевистской партии от общедемократического и социалистического движений, старая ленинская установка на формирование из партии дисциплинированного «ордена крестоносцев», члены которого подчинены партийному ареопагу и его вождю. Они шли к завоеванию власти и ни с кем не хотели ею делиться.

Меньшевики и правые эсеры покинули съезд не только из-за эмоционального раздражения или чувства обиды вчера еще правящей партии, теперь проигрывавшей свою власть. Формально они воспользовались сообщением о том, что представители Петроградской городской думы отправились на Дворцовую площадь, чтобы поддержать осажденных в Зимнем дворце министров Временного правительства. Руководители меньшевистской и правоэсеровской фракций заявили, что

идут туда же из солидарности и в знак протеста против вооруженного захвата власти большевиками. Ныне можно говорить о том, что руководство меньшевиков и эсеров, покидая съезд, преувеличило свои возможности и значение в жизни страны в ту пору и что их уход со съезда был ошибкой. Но произошло то, что произошло. Единый демократический фронт в августе 1917 г. одержал победу над стремлением установить в стране военную диктатуру. Теперь победу одерживали большевики, ранее бывшие частью этого демократического фронта. И они шли к победе вооруженным путем, а им противостояли разрозненные и уже обессиленные демократические партии. И побеждали те, за кем пошли солдаты и матросы петроградского гарнизона. Н.А.Бердяев, рассуждавший о феномене Ленина, приходил к выводу: «Никогда в стихии, и особенно в революции, созданной войной, не могут торжествовать люди умеренных, либеральных, гуманитарных принципов... В революционную эпоху побеждают люди крайних принципов, люди, склонные к диктатуре»[22].

Руководители меньшевиков и эсеров 24 октября предлагали Керенскому создать коалиционное советское правительство, рекомендовали объявить о проведении ряда радикальных реформ. Но все планы миротворцев быстро рухнули, победили экстремисты и радикалы, агрессивность и нетерпимость. Штурм Зимнего и формирование большевистского правительства стали продолжением процесса размежевания в российском социал-демократическом движении, отголоски которого и далее давали о себе знать в борьбе партий за власть. Но они, по мере укрепления власти большевиков, существенного значения уже не имели.

События на съезде после ухода части эсеров, меньшевиков и бундовцев развивались достаточно драматично. Выступления Мартова с призывами решить конфликт мирно воспринимались оставшимися на съезде делегатами явно враждебно. Каменев заявил о невозможности приостановить работу съезда, так как большевики пришли на него, чтобы «победить или умереть вместе с Всероссийским съездом». Троцкий произнес

речь, полную пафоса и гнева. В записи Суханова в ней были такие слова: «Восстание народных масс не нуждается в оправдании. То, что произошло, это восстание, а не заговор... И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю: с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда или которые делают эти предложения?.. Нет, тут соглашение не годится. Тем, кто отсюда ушел и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы — жалкие единицы, вы — банкроты, ваша роль сыграна, и отправляйтесь туда, где вам отныне предстоит быть: в сорную корзину истории... — "Тогда мы уходим!" — крикнул Мартов среди рукоплесканий в адрес Троцкого»[23].

Б.И.Николаевский позже свидетельствовал: «В переполненном зале было шумно, и, несмотря на призыв к тишине, глухой голос больного Мартова (у него уже начался туберкулезный процесс в горле) был почти не слышен даже передним рядам. Неожиданно в зал ворвался гул далекого пушечного выстрела. Все поняли: начался решающий штурм. И в наступившей тишине донеслись срывающиеся слова Мартова: "Это — похороны единства рабочего класса... Мы участниками не будем". При выходе из зала большевик И.А.Акулов бросил упрек: "А мы меж собой думали: кто-кто, а Мартов останется с нами". Эти слова задели Мартова. Он остановился, характерным для него жестом вскинул голову, явно собираясь что-то ответить, но затем раздумал: "Когда-нибудь вы поймете, в каком преступлении вы соучаствуете". И, устало махнув рукой, вышел из зала»[24].

Троцкий огласил декларацию фракции большевиков, в которой подчеркивалась правомерность восстания против Временного правительства и осуждались «соглашатели». Б.Д.Камков, лидер левоэсеровской фракции, вышедший на трибуну вслед за Троцким, заявил, что левые эсеры остаются на съезде, но не согласился с резкой резолюцией Троцкого, полагая, что левые силы не должны «изолировать себя от умерен-

ных демократических сил, а необходимо искать соглашения с ними». Камков был за создание единого социалистического правительства.

Луначарский принадлежал к умеренным большевикам и пользовался определенным авторитетом среди лидеров других социалистических партий. Именно ему поручили ответить Камкову, чтобы сгладить как-то резкость выступления Троцкого. Он говорил примирительно, защищая большевиков и стремясь не дать повода левым эсерам и объединенным социал-демократам-интернационалистам также покинуть съезд. «Тяжесть задачи, выпавшей на нас, вне всякого сомнения, — подчеркивал Луначарский. — Для успешного разрешения этой задачи необходимо объединение различных элементов, действительно революционных элементов демократии. Упреки тов. Камкова по нашему адресу неосновательны. Если бы мы, начав заседание, сделали какие-либо шаги, отметающие или устраняющие другие элементы, тогда тов. Камков был бы прав. Но мы все единогласно приняли предложение Мартова о том, чтобы обсудить вопрос о мирных способах разрешения кризиса. Но ведь нас засыпали градом заявлений. Против нас вели форменную атаку... Не выслушав нас, не обсудив ими же внесенное предложение, они сразу же постарались отгородиться от нас... В своей резолюции мы хотели определенно, честно, открыто сказать, что, несмотря на их предательство, будем продолжать наше дело, мы будем вести пролетариат и армию к борьбе и победе»[25].

Суханов считал уход меньшевиков, а затем Мартова со съезда «преступным» и «несерьезным» поступком. Решение Мартова об уходе во время заседания фракции меньшевиков-интернационалистов было одобрено 14 голосами против 12 (т.е. всего двумя голосами). «Итак, дело было сделано, — писал Суханов. — Мы ушли неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав все будущее своей организации и своих принципов. Этого мало: мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав

их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции»[26].

27 октября 1917 г. «Рабочая газета» опубликовала воззвание меньшевиков-интернационалистов, в котором они оправдывали свой уход со съезда нежеланием брать ответственность за развязывание гражданской войны, дальнейшей борьбой за сплочение демократии. З.Галили полагала, что меньшевики понесли на съезде «жестокое поражение»[27]. Но это было какое-то странное поражение. Ни меньшевиков, ни эсеров со съезда никто не изгонял. Они ушли сами в знак протеста против вооруженного захвата большевиками правительственных учреждений и осады Зимнего дворца, где находились члены Временного правительства, в том числе и представляющие их партии.

Мартов и его фракция уходили последними, скорее всего, в знак солидарности с меньшевиками и вынуждаемые к этому еще и нравственными мотивами: невозможностью быть с теми, кто начал гражданскую войну в стране. Мартов в письме 19 ноября 1917 г. П.Б.Аксельроду объяснял уход меньшевиков и эсеров с заседаний съезда так: «Форма этого захвата и факт его совершения (речь о захвате власти большевиками. — *И.У.*) накануне открытия съезда, где у большевиков было небольшое большинство, были так отвратительны, что нельзя было пенять на решение наших и эсеровских оборонцев немедленно уйти со съезда и покинуть навсегда Смольный. Мы, тем не менее, боролись с этим настроением, требуя, чтобы не уходить, не дав Ленину боя. Мы предложили поставить в самом начале ультиматум о прекращении военных действий (шла осада Зимнего дворца, где заперлись министры) и вступлении в переговоры о мирной ликвидации кризиса путем соглашения об образовании демократического правительства с приемлемой для всех программой. Наши увещевания не подействовали: частью иллюзия, что Ленин, победив, не продержится 3-х дней даже в Питере, побудили меньшевиков и эсеров с энесами уйти в самом начале. Мы остались (около 40 человек) и, поддержанные левыми эсерами и группой "Новой жиз-

ни", предъявили ультиматум. Съезд прошел мимо, и мы ушли через пару часов после оборонцев»[28].

Не все меньшевики ушли со съезда. П.Л.Лапинский, выступая от имени Польской социалистической партии, заявил, что разделяет декларацию меньшевиков-интернационалистов и также считает, что большевики не справятся с властью, которую они берут, но остается на съезде, чтобы отстаивать свою точку зрения[29].

Мартов был создан для выработки компромиссного разрешения конфликта даже в условиях уже начавшегося вооруженного захвата власти большевиками. Он придерживался марксистского положения о том, что всякая политическая партия борется за власть. Мартов писал Н.С.Кристи о своем положении в межпартийной борьбе революционного Петрограда: «Порой нервы взвинчиваются до крайней степени, но... я не выхожу из тарелки: не бросаюсь на людей и ухитрился сохранить человеческие отношения и с министрами, и с ленинцами, хотя и тем, и другим говорю очень горькие истины. В этом отношении — я бы мог, пожалуй, чувствовать себя очень польщенным — занимаю сейчас в революционном лагере особо привилегированное положение: от меня те и другие выслушивают такие истины, какие от других, благодаря раздражению страстей, и слушать не стали бы»[30].

В начале работы съезда предложение Мартова о мирном разрешении конфликта было поддержано представителями всех партий, присутствовавших на первом заседании. Однако взволнованные, оскорбительные для большевиков выступления правых эсеров и меньшевиков, их демонстративный уход со съезда с надеждой, что без них принятые решения будут признаны незаконными, вызвали протест многих делегатов. Резкое выступление Троцкого, услышанная в Смольном уличная стрельба наверняка вызвали эмоциональный порыв Мартова, толкнувший на уход из зала заседаний съезда меньшевиков-интернационалистов и их лидера. Этот решительный разрыв меньшевиков и правых эсеров с большевиками и левыми эсерами в известной мере развязал руки оставшимся

на съезде и усилил влияние сторонников Ленина, требовавшего единства своей партии, передачи власти только ее представителям и ему лично как их вождю[31].

Каменев (председатель съезда) сказал уходящему Мартову, что столь возмутившее его заявление Троцкого не было принято и съезд собирался обсудить его предложение в первую очередь, но «если мартовцы уходят до обсуждения этого вопроса, то, стало быть, их мотивы неискренни и их уход заранее предрешен». Суханов осуждал решение Мартова об уходе со съезда: «Борьба на съезде за единый демократический фронт могла иметь успех... Уходя со съезда... мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей линии Ленина»[32]. Р.А.Абрамович считал, что на съезде Мартов был лидером социалистической оппозиции, выступавшей против вооруженного захвата власти большевиками[33]. Трудно согласиться с Сухановым, что уход со съезда правых эсеров и меньшевиков нанес основной удар планам создания общедемократического правительства, склонность к организации которого вначале проявили и большевики. Было раннее утро 26 октября, когда М.Л.Гутман и Н.Ю.Капелинский от имени партии Поалей-Цион и меньшевиков-интернационалистов предложили голосовать за одобренное при открытии съезда предложение Мартова. Теперь оно было уже отклонено, однако, большинством голосов. Луначарский зачитал текст резолюции о низвержении Временного правительства и решении передать власть в руки Советов, в данном случае — их II съезду. Эту резолюцию поддержало большинство оставшихся на съезде делегатов при двух голосах против и двенадцати воздержавшихся[34].

Ленин спешил захватить власть. Еще до открытия съезда утром 25 октября в ряде газет появилось написанное им воззвание «К гражданам России!», в котором заранее уже сообщалось о низложении якобы Временного правительства и переходе власти в руки Военно-революционного комитета при Петроградском Совете[35].

26 октября, когда утверждался список членов правительства — Совета народных комиссаров, к трибуне, вопреки запретам председательствующего Каменева, подошел представитель Всероссийского исполнительного комитета железнодорожников (Викжеля) и заявил, что его союз не признает захват власти одной партией. Он предупредил, что железнодорожники отрежут Петроград от подвоза продовольствия, если против Викжеля будут приняты репрессивные меры. Представители Викжеля требовали создания «революционно-социалистического» правительства[36].

Съезд избрал новый состав ВЦИК, в состав которого вошел 101 человек, из них 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 объединенных социал-демократов-интернационалистов, 3 представителя Украинской социал-демократической партии и 1 — от фракции эсеров-максималистов. Председателем СНК стал Ленин, председателем ВЦИК — Каменев. Съезд принял декреты о мире, земле и об отмене смертной казни. Съезд завершил свою работу в 5 часов утра 27 октября[37].

В то время, когда большевики формировали правительство только из представителей своей партии, в зал заседания зашел Мартов, чтобы ходатайствовать об освобождении арестованных министров-социалистов. «Не так давно, — писал Троцкий, — ему доводилось ходатайствовать перед министрами-социалистами об освобождении болъшевиков. Колесо истории совершило изрядный поворот. Через высланного к Мартову на переговоры... Каменева ЦК подтвердил, что министры-социалисты переводятся под домашний арест: по-видимому, о них между делом забывали, либо же сами они отказались от привилегий, соблюдая и в Трубецком бастионе принцип министерской солидарности»[38].

ВЦИК 1-го созыва, ушедшие со съезда меньшевики и эсеры не думали сдаваться на милость победителя. Они не признали право большевиков руководить страной. Прежде всего ВЦИК 1-го созыва объявил недействительными полномочия II съезда, как и вновь избранного ВЦИК 2-го созыва. Его представители за-

явили о созыве нового полномочного съезда Советов. Однако ВЦИК 1-го созыва был обречен, за ним не было достаточных сил, которые могли бы защитить его притязания на власть. 11 января 1918 г., после разгона Учредительного собрания, ВЦИК 1-го созыва прекратил свое существование[39].

26 октября ЦК РСДРП(о) распространил листовку, в которой захват власти большевиками он характеризовал как военный заговор, призвав создавать Комитеты общественного спасения революции и не признавать власть «насильников». Меньшевики-оборонцы Петрограда призвали считать властью в стране до созыва Учредительного собрания Временное правительство во главе с Керенским. Их поддержали правые эсеры[40].

Левый эсер С.Д.Мстиславский в газетной статье «После съезда» считал результаты его работы неутешительными. Уход со съезда социалистов означал, по его мнению, политическую изоляцию большевиков, причем на деле это привело к созданию диктатуры большевизма. Мстиславский приходил к выводу, что большевики были поставлены перед выбором: отказаться от своих декретов, принятых на II съезде Советов, или встать на путь диктатуры[41]. Как известно, большевистское руководство избрало второй путь.

Руководство меньшевистских фракций II съезда Советов было против вооруженного захвата власти большевиками. В Декларации меньшевиков, опубликованной 27 октября 1917 г., отмечалось, что фракция РСДРП(о) покинула съезд, отказываясь нести ответственность за действия большевиков, затеявших пагубную для страны и революции авантюру. В заявлении комитета Петроградской организации и членов фракции меньшевиков-интернационалистов съезда отмечалось, что они готовились к этому, «чтобы отстаивать свою революционную программу». Делегаты съезда заявили, что были вынуждены уйти, потому что не могли подчиниться большевистской власти, завладевшей ею путем насилия. Они заявили, что будут требовать от большевиков «не допускать гражданской войны вну-

три трудящегося народа»[42]. Но вскоре сами стали ее участниками.

Первые дни большевистского правительства были весьма тревожными. У него почти не было приверженцев среди прежних чиновников-управленцев и не было достаточного опыта, чтобы самим управлять огромным государственным аппаратом, который, согласно марксистской доктрине, подлежал ликвидации. В Москве шли бои[43], в Петрограде, ожидая вступления верных Керенскому войск в город, вспыхнуло восстание юнкеров[44], представители Викжеля требовали создания общедемократического правительства. В этой тревожной обстановке часть большевистского руководства засомневалась в правильности политики своей изоляции от других приверженцев демократических преобразований в стране. Они стали настаивать на переговорах с Викжелем и другими социалистическими партиями.

Известно, что 26 октября при формировании первого советского правительства большевистское руководство предлагало оставшимся на съезде левым эсерам Б.Д.Камкову, В.Б.Спиро и В.А.Карелину войти в его состав, но они отказались. К концу октября ситуация, связанная с приходом большевиков к власти, обострилась.

Умеренные большевики были обеспокоены непрочностью своей власти и считали необходимым создание единого социалистического правительства, они были уверены в важности переговоров с представителями Викжеля. Большевик В.П.Ногин (1878–1924), в 1917 г. председатель московского Совета, тогда сожалел о расколе в социалистическом движении. Выступая перед московскими коллегами, Ногин говорил: «Я был уверен, что во время Октябрьской революции, как это было и в феврале, все социалисты будут в одном лагере, что другие партии не изменят нам, не предадут нас, оставив идти в одиночестве под расстрел. Я был убежден, что на съезде Советов все партии постараются объединиться и найти общий язык». Лидер пензенских большевиков С.О.Савицкий тогда же заявил,

что «если меньшевики откажутся работать с нами, то провал демократии ясен и едва ли нам удастся спасти положение. Вместо того чтобы соединиться, мы разъединяемся»[45].

За переговоры с Викжелем и создание социалистического правительства тогда высказались многие умеренные большевики во главе с председателем ВЦИК 2-го созыва Каменевым. 29 октября ЦК партии большевиков в отсутствие Ленина принял решение: «ЦК признает необходимым расширение базы правительства и возможные изменения его состава»[46]. Тогда же вести переговоры с представителями Викжеля были уполномочены Каменев, Д.Б.Рязанов и Г.Я.Сокольников[47].

27 октября Луначарский писал жене, характеризуя сложившуюся обстановку: «Взять власть оказалось легко, но нести ее! Социалисты-революционеры и меньшевики, даже интернационалисты, нас начисто бойкотируют... Пока страшная, пугающая изолированность и бешеная злоба... Положение страшно опасно и ответственно... Выходом была бы демократическая коалиция. Я, Зиновьев, Каменев, Рыков за нее. Ленин и Троцкий — против. За нее "Новая жизнь", меньшевики-интернационалисты, но оборонцы — наши бешеные враги, думаю, что они так же мало способны пойти на компромисс, как наши левые большевики». Об этом он писал жене и позже, сообщая ей 1 ноября о том, что, возможно, останется «в министерстве социалистической коалиции»[48].

Мартов также был за создание социалистического, но не однопартийного правительства. Оно пугало его последствиями своих действий. 19 ноября 1917 г. он писал П.Б.Аксельроду: «Самое страшное, чего можно было ожидать, свершилось, — захват власти Лениным и Троцким в такой момент, когда и менее их безумные люди, став у власти, могли бы наделать непоправимые ошибки». Мартов видел два пути развития этой «ленинской авантюры»: или посредством террора, погромов и крайнего ожесточения мелкобуржуазной демократии все завершится русским термидором, или пониманием того, что только пролетариат, демокра-

тическая мелкая буржуазия и интеллигенция смогут справиться с наследием войны и революции и только социалистическая коалиция, куда войдут и большевики, примет программу «начатия мирных переговоров с перспективой немедленного созыва Учредительного собрания»[49]. Переговоры представителей Викжеля с большевиками проходили в Белом зале министерства путей сообщения. Делегация Викжеля выступила с предложением изменить состав правительства, его главой предлагалось назначить эсеров В.М.Чернова или Н.Д.Авксентьева, без участия в его составе Ленина, Троцкого и Керенского. Сохранившиеся протоколы заседаний свидетельствуют о том, что в переговорах принимали участие 26 представителей от 8 партий и 9 организаций. Это были руководители меньшевиков, эсеров, ВЦИК, «Комитета спасения родины и революции», Петроградской городской Думы и др.[50] 29 октября А.Малицкий, открывший совещание от имени Викжеля, заявил, что его целью является примирить социалистические партии и «положить конец братоубийственной войне». Каменев сообщил о возможности создания министерства из представителей всех партий, входящих в Советы, что во ВЦИК, где оставлены места для социалистических партий, «на первом месте стоит программа правительства, его ответственность, а отнюдь не личный состав».

В начавшейся на совещании полемике член ЦК партии эсеров М.Я.Гендельман заявил, что говорить о создании общесоциалистического правительства можно лишь тогда, когда будет ликвидирована большевистская авантюра. А.А.Блюм от имени объединенных интернационалистов приветствовал меньшевиков-оборонцев и эсеров, которые ранее и слышать не хотели об однородном социалистическом правительстве. Он был против подавления большевистского выступления, потому что за меньшевиками и эсерами сил немного и «при поражении большевиков будут стерты и они». Мартов в принципе согласился с ним, когда заявил, что «если большевики будут побеждены силой оружия, то победитель явится третьей силой, которая

раздавит всех нас». Он резюмировал, что спасение от гражданской войны в стране — это «смелое соглашение обоих лагерей демократии». Дан был против соглашения с большевиками, которые победили при помощи военного заговора, а теперь хотят удержаться у власти силой террора. Абрамович поддержал Мартова в стремлении договариваться со всеми, лишь бы прекратить начинавшуюся гражданскую войну. Большевик Г.Я.Сокольников говорил о том, что новая власть должна быть подчинена ВЦИК, что большевики согласны разделить ответственность за управление страной с другими социалистическими партиями. Левый эсер Б.Ф.Малкин предлагал создать правительство на основе пропорционального представительства — 40% большевиков, 40% оборонцев и 20% интернационалистов.

Все выступавшие были едины в требованиях мирного разрешения возникшего кризиса, но каждый представитель партии или городской Думы выдвигал неприемлемые условия, особенно для находившихся у власти большевиков. Заседание даже послало делегацию к Керенскому для выработки условий перемирия. Каменев предложил удовлетворяющие большевиков условия перемирия: соглашение об образовании однородного социалистического правительства с участием всех партий — от большевиков до народных социалистов. Большинство собравшихся проголосовали за заключение перемирия без всяких условий. Мартов на всех совещаниях решительно и последовательно выступал против всех форм террора, проводившегося разными сторонами. В зависимости от успехов Керенского или большевиков на совещании обсуждался вопрос о вхождении большевиков в состав нового правительства. 3 ноября представители Викжеля предложили создать «Временный народный Совет» из 425 представителей ВЦИК Советов и городских Дум Петрограда и Москвы[51].

Р.А.Абрамович подчеркивал самую активную роль меньшевиков-интернационалистов в организации переговоров социалистических партий. Он отмечал, что «никто не протестовал так резко против переворота,

как Мартов», который не считал возможным оказать большевикам вооруженное сопротивление и искал пути соглашения всех социалистических партий. Мартов рассчитывал при этом на раскол в большевистском руководстве, где были сторонники формирования социалистического, а не только большевистского правительства, а также на Викжель, который мог быть посредником для проведения переговоров[52].

Именно Мартову удалось убедить умеренных большевиков и руководителей социалистических партий собраться вместе и попытаться предотвратить гражданскую войну в стране путем выработки компромиссного соглашения. Причем он не хотел быть с теми, для кого свержение большевистского правительства являлось основанием для того, чтобы самим прийти к власти и, прикрываясь демократическими лозунгами, осуществить отход от них на деле. 28 октября на совещании меньшевиков-интернационалистов, левых эсеров, еврейских социалистов, членов ЦК РСДРП(о) и ВЦИК 1-го созыва было принято воззвание «Революция в опасности», опубликованное в ряде газет. В нем «оба лагеря демократии» призывались встать на путь соглашения, сделать все возможное, чтобы «революция не захлебнулась в крови солдат, рабочих и крестьян». В воззвании говорилось о создании правительства, признанного всеми демократами. Мартов, не говоря о меньшевиках-оборонцах, не доверял Ленину, так как он слишком хорошо и давно его знал. Но для него важно было решить вопрос о создании общедемократического правительства мирно, без вооруженного столкновения. Поэтому в резолюцию собрания меньшевиков-интернационалистов 28 октября было включено требование к большевикам, другим социалистическим партиям и демократическим организациям заключить соглашение о «переходе всей власти в руки однородного демократического правительства, способного довести страну до Учредительного собрания»[53].

Противником вооруженной борьбы с большевиками был и Церетели, вернувшийся 7 ноября с Кавказа

в Петроград. «Для меня несомненно, — говорил он 12 ноября на заседании бюро ВЦИК 1-го созыва, — что ликвидация большевистского восстания — это расстрел пролетариата», что «главной задачей демократии» является «объединение своих сил, но не для борьбы с большевизмом... а для ее собственного укрепления и для спасения революции». Потресов был последователен в своем неприятии большевизма. Его особенно возмущал «план большевиков разогнать Учредительное собрание, если оно не пойдет под их лозунгами». Он пророчески заявлял в начале ноября 1917 г., что «скоро будут гнать не только большевиков, но и всех социалистов, и тогда произойдет то, что уже происходило в других странах, — установлен будет на долгое время режим террора, бесправия в нищей и голодной стране»[54]. Ошибался он только в одном: подобие такого режима установили сами большевики.

Пока меньшевики спорили о том, создавать ли новое правительство социалистов вместе с умеренными большевиками или без них, ситуация после разгрома казаков Краснова[55] и юнкерского восстания в Петрограде решительно изменилась в сторону укрепления власти Ленина и Троцкого. 1 ноября Ленин предложил рассматривать переговоры с представителями других социалистических партий и Викжелем как «дипломатическое прикрытие военных действий» и настаивал на отправке солдат в Москву, чтобы укрепить там большевистскую победу, а также потребовал, чтобы Каменев прекратил переговоры с социалистами о создании нового правительства[56]. Правительственный кризис и брожения в большевистском ЦК тогда завершились победой Ленина и Троцкого, но и после этого говорить о высшем органе этой партии как едином монолите, подчиненном воле их вождей, не приходится. Ведь следом были еще подобные же кризисы, связанные с разгоном Учредительного собрания и заключением сепаратного Брестского мирного договора с Германией[57].

Ленин и Троцкий были в курсе попыток Викжеля и заседавших с ним представителей партий и организаций, договаривавшихся о создании правительства без

их участия. С этим они не могли смириться. Известны политические акции Ленина и Троцкого для сохранения своей лидирующей власти. Они вышли победителями из противостояния с умеренными большевиками и не допустили создания общесоциалистического правительства[58]. 7 и 9 ноября 1917 г. в газете «Известия» появились статьи «Кто сорвал соглашение» и «Еще раз: кто сорвал соглашение», где виновниками срыва переговоров назывались меньшевики и правые эсеры. Опубликованные документы и свидетельства очевидцев не позволяют назвать виновниками в срыве переговоров руководство какой-либо одной партии. Ленин и Троцкий были противниками всяких переговоров с теми, кто право на властную партию проиграл. Таким же противником переговоров с большевиками был А.Н.Потресов. Но они непосредственно в переговорах не участвовали. Ленин и Троцкий активно выступили против умеренного большевистского руководства, настроенного на сотрудничество с социалистическими партиями, когда было подавлено юнкерское восстание в Петрограде и остановлены казаки Краснова на подступах к городу. А если бы военное противостояние продолжалось еще несколько дней, то напрашивается вопрос, состоялось ли бы вообще тогда соглашение? Случай в данной ситуации оказался на стороне Ленина и Троцкого. И соглашение было сорвано, а затем Ленин и Троцкий расправились со своими противниками, вызвавшими политический кризис в большевистской партии и в руководстве страной в целом.

Ленин считал, что только партия единомышленников может добиться власти. Он выступал лишь за тактический, временный союз с другими партиями, например с левыми эсерами, но в принципе стремился к однопартийному политическому режиму в стране. Троцкий свидетельствовал, что вскоре после возвращения в Петроград, 10 апреля 1917 г., Ленин выступил за перемену названия партии в Коммунистическую из принципа: «Пора отбросить грязную рубаху, пора надеть чистое белье»[59]. Но это Ленину удалось сделать лишь через год, в марте 1918-го, на 7-м съезде больше-

вистской партии. Ленин в принципе был против того, чтобы поделиться с кем бы то ни было хотя бы частью завоеванной власти. Разумеется, переименование большевистской партии в коммунистическую означало и их уход из рядов мировой социал-демократии, частью которой продолжали оставаться меньшевики. Поэтому отношение различных течений меньшевизма к захвату власти в России большевиками отражало и взгляд на случившееся в стране части международной социал-демократии.

Многие представители революционных партий и ряд историков время от прихода большевиков к власти до разгона Учредительного собрания рассматривали как период возможного формирования коалиционного социалистического правительства в России[60]. Демократические партии страны, объединившись, смогли противостоять попытке генерала Л.Г.Корнилова в августе 1917 г. осуществить военный переворот. Но руководство социалистических партий не смогло договориться между собой, когда встал вопрос о создании правительства, где бы их представители стали государственными людьми. Среди большевиков были приверженцы передачи власти их партии (Ленин и его сторонники) или Советам (Троцкий и др.), а также создания коалиционного социалистического правительства (Каменев и др.). Подобные настроения были и среди меньшевистского и эсеровского руководства. Одни были против всякого сотрудничества с большевиками, другие ограничивали свою неприязнь именами Ленина и Троцкого. Были и левые эсеры, готовые на определенных условиях к сотрудничеству с большевиками, были и центристы. Среди эсеров это был В.М.Чернов, среди меньшевиков Ю.О.Мартов. Оба они были левыми оппонентами руководства своих партий. Именно Мартов, еще выступая на Демократическом совещании, предлагал создать социалистическое правительство, куда входили бы представители не только Советов, но и профсоюзов, кооперативов и других демократических организаций. Но его предложение не получило поддержки. Расчет руководства

правых меньшевиков и правых эсеров на новую коалицию с кадетами, их стремление додержаться в таком качестве до Учредительного собрания оказались проигрышными. В результате победили большевики-ленинцы, настроенные весьма решительно на завоевание власти[61].

Могли ли в то время лидеры социалистических партий договориться и противостоять захвату власти сторонниками Ленина и Троцкого? По мнению Г.Л.Соболева, это было невозможно. «На мой взгляд, — пишет он, — эта возможность в условиях российской действительности 1917 года не выглядит реальной: слишком разными были доктринальные установки большевиков, меньшевиков и эсеров; у всех этих партий были свои представления о путях и способах достижения социализма. Слишком сильны были политические амбиции их вождей, не желавших поступаться не только принципами, но и властью»[62]. Но в руководстве социалистических партий были разные лидеры, причем часть из них занимала умеренные, центристские позиции и готова была к заключению соглашения. Могли ли переговоры при содействии Викжеля завершиться созданием коалиционного социалистического правительства? А.Рабинович полагает, что причиной срыва переговоров стала ошибочная оценка рядом социалистических лидеров слабости большевистского правительства, особенно его руководства. Меньшевики и эсеры покинули заседания II съезда Советов, считая, что одни большевики долго не продержатся. Теперь, надеясь на победу умеренных большевиков в ЦК партии, их лидеры решили, что «большевики находятся на грани краха и, следовательно, разумнее будет не договариваться с ними, а оказать сопротивление».

Попытка говорить с позиции силы большевикам удалась, а их противникам — нет. Рабинович видит в причинах победы большевиков «определяющую роль Ленина (поддержанного Троцким)... его исключительное мастерство политика и отсутствие моральных принципов». Правда, он сообщает, что в ночь с 31 октября на 1 ноября специально созданная комис-

сия ВЦИК приняла решение об исключении Ленина и Троцкого из числа кандидатов на министерские посты в правительстве[63]. В ходе переговоров на базе Викжеля настроения переговорщиков менялись: у большевиков — от согласия на расширение состава правительства и невведения в его состав Ленина и Троцкого до отказа от всякого сотрудничества с социалистическими партиями; у меньшевиков и эсеров — от призыва к созданию правительства без участия большевиков до согласия сотрудничества с ними, а затем отказа от такового. Все это происходило в течение нескольких дней конца октября — начала ноября 1917 г. Неизменным оставались лишь предложения Мартова об обязательном соглашении социалистов для предотвращения гражданской войны в стране.

Р.А.Абрамович позже писал, что Мартов и его сторонники, представители польской и еврейской социалистических партий, «Новой жизни», левые эсеры, участники переговоров с Викжелем первым условием преодоления правительственного кризиса считали отказ от взаимных упреков и воспоминаний о прошлом, думая лишь о том, как вывести совместными усилиями страну из кризиса. Единственно против чего выступал Мартов и его единомышленники, был политический террор. 2 ноября ЦК РСДРП(о) принял резолюцию об условиях продолжения переговоров. Среди них были освобождение из-под ареста всех политических заключенных, прекращение политического террора, восстановление свободы печати, свободы слова, объявление перемирия в районах, где началась гражданская война, передача в распоряжение городского самоуправления вооруженной силы для охраны порядка[64]. Требование о создании социалистического правительства в то время исходило не только от лидеров партий, но и от многих рабочих коллективов и профсоюзов[65], которые активно участвовали в недопущении однопартийной диктатуры в стране.

3 ноября петроградские меньшевики-оборонцы признали ошибочным участие в «образовании совместной с большевиками однородной социалисти-

ческой власти», потому что это не содействовало бы полной изоляции «большевистских заговорщиков». 2 ноября ЦК партии правых эсеров также решил прекратить переговоры с большевиками о создании единого правительства[66]. Дискуссия в ЦК РСДРП(о) на эту тему была достаточно продолжительной и, как известно, сопровождалась выходом ряда членов ЦК из его состава. Затем они вернулись, за исключением П.Н.Колокольникова, который в заявлении, опубликованном в «Рабочей газете» 11 ноября 1917 г., отмечал, что ЦК «своим участием в переговорах... содействовал затяжке большевистской авантюры... и который до сих пор считает возможным соглашение с большевиками по вопросу о власти»[67].

В ЦК большевиков победила тогда ленинская линия отказа от всяких переговоров с социалистами. Это позволило А.Рабиновичу сделать вывод о том, что «чистый итог недельных, зачастую круглосуточных, переговоров по правительственному вопросу и острой борьбы вокруг этого внутри партии большевиков оказался нулевым. Все места в Совнаркоме остались за большевиками». Он же считает, что между 25 октября и 4 ноября 1917 г. бесплодным завершением переговоров с Викжелем «было пресечено движение за создание многопартийного, исключительно социалистического правительства»[68]. Здесь следует заметить, что вскоре в состав Совнаркома вошли левые эсеры, вопрос о создании социалистического правительства обсуждался во время заседания Учредительного собрания и затем не раз поднимался в годы Гражданской войны. Причем одним из условий решения о вхождении левых эсеров в правительство, достигнутого в ночь с 9 на 10 декабря 1917 г., было включение в его состав представителей других социалистических партий[69]. В.П.Булдаков считает, что «большевики дали втянуть себя в переговоры о создании "однородного социалистического правительства" только для того, чтобы выиграть время», и «ухитрились поводить за нос знаменитый Викжель... Лидеры железнодорожников заколебались перед соблазном превращения в коллективного министра»[70].

Но это, на мой взгляд, слишком упрощенное понимание происходивших в то время процессов борьбы за власть. Ведь Викжель тогда объединил представителей социалистических партий, в том числе и умеренных большевиков, которые соглашались на отставку Ленина и Троцкого. Ленину же удалось сохранить руководство Совнаркомом во многом благодаря удачно для него сложившимся обстоятельствам, а не заранее продуманной «хитрости».

Мартов дал наиболее полную характеристику случившегося, указав на ошибочность мнения оборонцев о скором конце большевистской власти. 19 ноября 1917 г. в письме П.Б.Аксельроду он подробно описывал ход переговоров с большевиками и обвинял их в срыве всех соглашений. Мартов подчеркивал трагичность сложившейся для него ситуации. «Поймите, — писал он, — что все-таки перед нами победившее восстание пролетариата, то есть почти весь пролетариат стоит за Лениным и ждет от переворота социального освобождения и притом понимает, что он вызвал на бой все антипролетарские силы. При таких условиях не быть, хотя бы в роли оппозиции, в рядах пролетариата — почти нестерпимо. Но демагогические формы, в которые облечен режим, и преторианская подкладка господства Ленина не дают смелости идти туда, особенно в этот период, когда власть новая еще не утвердилась и... прибегает к насилиям всякого рода». Письмо Мартова грустное и полно пессимистических выводов. Так, признавая поражение меньшевиков на начавшихся 12 ноября выборах в Учредительное собрание, он указывал: «Мы, вообще, почти повсюду не существуем как партия масс». Мартов предвидел разгон Учредительного собрания, и это, полагал он, «начнет гражданскую войну между пролетариатом и мелкобуржуазной демократией». Мартов отмечал свое плохое самочувствие, особенно когда «присутствуешь при разгроме революции и чувствуешь себя беспомощным что-нибудь сделать». Он был растерян, так как не хотел «специально порочить перед Европой большевистскую диктатуру», поскольку это «могло бы объективно помочь врагам ре-

волюции и социализма вообще». Вместе с тем его угнетала мысль, что за рубежом не поймут причин нашего «абсентизма» в «новой революции», и просил Аксельрода заняться этими разъяснениями[71].

Начало борьбы меньшевиков и эсеров с большевиками за демократическую модель развития страны было ими проиграно.

Комментарии

[1] *Стародворцева Н.П.* Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (история, историография, источники). Смоленск, 2003. С. 97, 154. Стенографического отчета или протоколов заседаний съезда, очевидно, не существует. В основу одного из первых документальных сборников о II съезде Советов были положены газетные отчеты, причем его составители-большевики подчеркивали, что публикации газеты «Правда» были «наиболее полные и достоверные». Редакция сборника сообщала, что приглашенные думские стенографистки покинули съезд вместе с правыми эсерами и меньшевиками. (См.: Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1928. С. LV, LVII.) Отмечалось, что каждая газета той поры сообщала отчеты о происходящем на съезде, исходя из интересов партий и редакций, которые они представляли. Подробнее об этом см.: *Афанасьев В.Г., Стародворцева Н.П.* Итоги и перспективы изучения II Всероссийского съезда Советов // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 305–315; *Булдаков В.П.* Октябрь и XX век: теории и источники // Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 11–36; и др. Л.Д.Троцкий вспоминал, что, когда Ф.И.Дан и М.И.Скобелев пришли в Смольный, они направились в зал заседаний съезда через комнату, в которой находились он и Ленин. Ленин был в гриме. «Он был обвязан платком, как от зубной боли, с огромными очками, в плохом картузишке, вид был довольно странный. Но Дан, у которого глаз опытный, наметанный, когда увидел нас, посмотрел с одной стороны, с другой стороны, толкнул локтем Скобелева, мигнул глазом и прошел. Владимир Ильич толкнул меня локтем: "Узнали, подлецы". (См.: Воспоминания об Октябрьском перевороте // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 56.)

[2] Второй Всероссийский съезд Советов... С. 107, 144–153.

[3] Американские журналисты Дж.Рид и А.Вильямс, присутствовавшие на открытии съезда, описали увиденное по-разному. А.Вильямс писал: «В 10.40 Федор Ильич Дан, по профессии врач, многолетний редактор всех меньшевистских газет, на правах председателя старого ЦИКа позвонил в колокольчик. Его круглое, гладко выбритое лицо было, как всегда, холодно-непроницаемым. Прежде чем объявить съезд открытым, он произнес несколько вступительных фраз, пытаясь задать собранию променьшевистский тон, хотя его партия, имевшая когда-то внушительное большинство, оказалась теперь в значительном меньшинстве. Он сказал, что не будет произносить политическую речь, так как в эту минуту его соратники по партии подвергаются обстрелу в Зимнем дворце и, рискуя жизнью, продолжают выполнять свой долг. В поднявшемся реве он объявил съезд открытым». Рид увидел в Дане «бесцветного человека с дряблым лицом, в мешковатом мундире военного врача», который тихо и печально открыл съезд. (См.: *Вильямс А.Р.* Путешествие в революцию. М., 1977. С. 88; *Рид Дж.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1959. С. 90.) В.А.Аванесов (С.К.Мартиросов. 1884–1930) — большевик с 1914 г., в 1917–1919 гг. секретарь ВЦИК. М.Я.Гендельман (1881–1938) — в 1917 г. член ЦК партии эсеров, в советское время неоднократно арестовывался, в 1938 г. был расстрелян. Реабилитирован в 1989 г. Л.М.Хинчук (1868–1939) — меньшевик с 1903 г., в 1917 г. — член ЦК РСДРП(о), с 1920 г. — большевик. В 1938 г. — арбитр госарбитража СНК РСФСР. Тогда же арестован, расстрелян в 1939 г. Реабилитирован в 1956 г.

[4] Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 4. С. 248.

[5] *Злоказов Г.И.* Меньшевистско-эсеровский ВЦИК в 1917 году. С. 187, 209.

[6] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 222.

[7] *Рейли Д.Дж.* «Изъясняться по-большевистски», или Как саратовские большевики изображали своих врагов // Отечественная история. 2001. № 4. С. 79.

[8] В.В.Юрченко установил отсутствие кворума для придания решениям II съезда легитимности. (См.: *Юрченко В.В.* О некоторых правовых аспектах решения II съезда Советов об установлении «советской власти» и его последствиях // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 283–293.)

[9] Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 108.

[10] Троцкий вспоминал, что Ленина не интересовал съезд Советов, считая, что власть должна перейти к возглавляе-

мой им партии. Троцкий полагал, что брать власть «независимо от Совета и за спиной его партия не могла. Это было бы ошибкой». Троцкий был уверен, что власть нужно было взять силой, голосованием этого сделать было нельзя. (См.: *Троцкий Л.Д.* О Ленине. Материалы для биографа. М., 2005. С. 56–58.) Известно, что еще в сентябре, в дни работы Демократического совещания, ЦК большевиков получил копии статей Ленина «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». В них Ленин предлагал организовать восстание немедленно. Большинство членов ЦК тогда отвергло это предложение. Бухарин вспоминал, что во время заседания Демократического совещания большевики, его участники, получили письмо Ленина. «В нем говорилось: Вы будете предателями и негодяями, если сейчас же всю фракцию большевиков не распустите по фабрикам и заводам, не окружите "Демократическое совещание" и не арестуете всех мерзавцев. Письмо было написано чрезвычайно сильно и грозило нам всякими карами. Мы все ахнули. Никто еще так резко вопроса не ставил. Никто не знал, что делать. Все недоумевали какое-то время. Потом, посоветовавшись, решили. Может быть, это был единственный случай в истории нашей партии, когда ЦК единогласно постановил сжечь письмо т. Ленина». Бухарин отмечал, что они тогда верили в победу в столицах, но сомневались в успехах большевиков в провинции. (См.: Из речи Бухарина на вечере воспоминаний 1921 г. // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 319; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). М., 1958. С. 55.) Решение ЦК большевиков о проведении восстания было принято 10 октября 1917 г. Против этого решения тогда выступили Каменев и Зиновьев. Их особое мнение на заседании Петербургского комитета большевиков огласил 15 октября 1917 г. Г.И.Бокий. (См.: Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 504, 515–521.) 18 октября в газете М.Горького «Новая жизнь» появилось интервью Каменева, заявившего от своего и Зиновьева имени о несогласии с проведением вооруженного захвата власти большевиками в то время. Ленин пришел в ярость и потребовал их исключения из партии. ЦК 29 октября обязал Зиновьева и Каменева не выступать публично против его решений. 20 октября 1917 г. Зиновьев писал в ЦК: «Товарищи! Я уже передавал (19 октября) официально через т. Сталина, что к интервью т. Каменева, появившемуся в "Н.Ж." ("Новой жизни". – *И.У.*), я не имел ни малейшего отношения и появление его осуждаю. Заявление это я сделал т. Сталину в присутствии т. Каменева. На всякий случай считаю полезным заявить об

этом и письменно». (См.: Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 49.) Можно предположить, что Ленин не знал об этом заявлении Зиновьева, потому и обругал его наряду с Каменевым. Сталин писал год спустя после прихода к власти большевиков: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы ВРК партия обязана прежде всего и главным образом Троцкому». (См.: *Сталин И.В.* Октябрьский переворот // Об Октябрьской революции. М., 1932. С. 20.) Это утверждение Сталина позже повторили многие, прежде всего зарубежные историки. (См.: *Шапиро Л.* Коммунистическая партия Советского Союза. Edizioni Aurora, 1975. С. 254–255; *Карр Э.* Большевистская революция. 1917–1923. М., 1990. Т. 1–2. С. 96; и др.) В советской историографии роль Троцкого в организации Октябрьского переворота оценивалась отрицательно. Ныне российские историки вернулись к более реальным оценкам его роли в октябре 1917 г. См.: *Волкогонов Д.А.* Троцкий. Политический портрет. М., 1992. Кн. 1. С. 136–145; и др. (См. также: *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификаций. М., 1990. С. 24–27.)

[11] Мартов Ю.О. Письма 1916–1922. Benson, 1990. С. 16.

[12] *Злоказов Г.И.* Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. С. 267–269, 278; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 205. Я.Г.Рокитянский утверждает, что «Октябрьская революция не нуждалась в вооруженном восстании. Власть сама шла в руки большевиков, которым противостояло бездействующее Временное правительство». Рязанов был противником вооруженного восстания. (См.: *Рокитянский Я.Г.* Гуманист октябрьской эпохи: академик Д.Б.Рязанов. Социал-демократ, правозащитник, ученый. М., 2009. С. 267, 269.) Ж.Садуль (1881–1956), представитель французской военной миссии, передал свой разговор с Г.В.Плехановым 18 октября 1917 г. Плеханов сказал ему, что «положение в стране будет ухудшаться впредь до тех пор, пока пропаганда большевиков... будет продолжать отравлять фронт и тыл». Вождями революции Садуль назвал Ленина и Троцкого. (См.: *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции (октябрь 1917 – январь 1919). М., 1990. С. 23, 145–146.) В.Сарабьянов писал иное: «Мы, марксисты, утверждаем, что и без Ленина с Троцким пролетарская революция должна была бы рано или поздно наступить». (См.: *Сарабьянов В.* Исторический материализм. М., 1922. С. 5.) М.Н.Покровский называл такой подход неверным и считал, что без большевистской партии

Октябрьской революции в том виде, как она осуществилась, не было бы. (См.: Труды Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. Т. 1. С. 105.) Разумеется, многое зависело от времени, когда авторы позволяли себе высказывания на эту тему. Ясно и другое, что большевики мирным путем не завоевали бы власти, достаточно вспомнить выборы в Учредительное собрание, когда они не получили достаточного большинства голосов для легитимного формирования правительства и в свойственной им манере разогнали это собрание силой. Поэтому акт захвата власти они сами называли вооруженным переворотом. Л.Г.Протасов вполне резонно писал, что судьба Учредительного собрания показала «несовместимость двух способов преобразования общества — грубо насильственного, через вооруженный переворот, и демократического, через всенародное волеизъявление. Один из них должен уступить другому». (См.: *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива. Два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 5. С. 17.) Как правило, в подобных случаях проигрывает демократия.

[13] *Злоказов Г.И.* Указ. соч. С. 283.

[14] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 3. С. 294–298. Г.П.Полковников (1883–1918) 25 октября 1917 г. был отстранен Временным правительством от должности за «нерешительность». Позже он разработал план юнкерского восстания в Петрограде, после разгрома которого бежал на Дон. В марте 1918 г. был арестован и расстрелян по приговору Ревтрибунала.

[15] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 3. С. 299.

[16] См.: *Руднева С.Е.* Предпарламент. Октябрь 1917 года. Опыт исторической реконструкции. С. 174–176, 184, 198, 206.

[17] *Руднева С.Е.* Указ. соч. С. 207–223, 271; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 184–185. В октябре 1917 г. Мартов выступал со статьями и заметками в газетах «Искра», «Рабочий путь», «Новая жизнь». «Искра» была газетой меньшевиков-интернационалистов, ее редактором был Мартов. Газета издавалась с 26 сентября по 9 декабря 1917 г.«Новая жизнь» — общественно-литературная газета, издавалась под редакцией А.М.Горького, Н.Н.Суханова и В.А.Десницкого. Редакция выражала взгляды левых течений российской интеллигенции. В газете осуждался насильственный захват власти большевиками. 3 октября Мартов писал в «Искре» о том, почему его фракция против создания очередного коалиционного правительства: «Демократии в этот критический для революции момент нужно не такое правительство, которое только старалось бы не раздражать нарочно

народные массы и "по возможности" двигать черепашьим шагом некоторые с наперсток ростом реформы. Революционное время — не сезон для таких политических овощей. Спасти Россию от самой острой гражданской войны может только грандиозная творческая деятельность». В «Рабочей газете» — официальном органе меньшевистской партии — публиковались выступления Мартова в Совете республики и других организациях. (См. также: *Рид Дж.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 78.) Б.Д.Камков (Кац. 1885–1938) — один из лидеров партии левых эсеров, член ВЦИК в 1917 г. В советское время подвергался арестам и ссылкам. Расстрелян 29 августа 1938 г. Реабилитирован в 1989 г.

[18] См.: *Цветков В.Ж.* Репрессивное законодательство белых правительств // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 17.

[19] Подробнее см.: *Рабинович А.* Революция 1917 года в Петрограде. Большевики приходят к власти. М., 2003. С. 305–328. Троцкий об отношении в то время большевистского руководства к происходившему в стране высказывался не раз. Так, он писал: «25-го с раннего утра в Смольном шли заседания фракций. У большевиков присутствовали лишь те, которые были свободны от боевых поручений. Открытие съезда оттягивалось: большевистское руководство хотело предварительно покончить с Зимним. Но и враждебные фракции не торопили: им самим надо было решить, что делать, а это было нелегко. Проходили часы. Во фракциях препирались подфракции. Раскол эсеров произошел после того, как резолюция об уходе со съезда была отвергнута 93 голосами против 60. Только к позднему вечеру правые и левые эсеры стали заседать в разных комнатах. Меньшевики в 8 часов потребовали новой отсрочки: у них было слишком много мнений. Надвигалась ночь. Операция у Зимнего затягивалась. Но ждать дольше становилось невозможным: надо было сказать ясное слово насторожившейся стране». (См.: *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 271.) В воспоминаниях о Ленине Троцкий рассказал, что вождь большевиков рассчитывал на захват власти партией большевиков, а съезд Советов следует поставить перед свершившимся фактом. Троцкий полагал это мнение ошибочным, потому что солдаты и матросы знали Совет и мало знали партию. «И если бы восстание совершилось за спиной Совета, вне связи с ним, не прикрытое его авторитетом, не вытекающее прямо и ясно для них из исхода борьбы за власть Советов, — это могло бы вызвать опасное замешательство в гарнизоне». (См.: *Троцкий Л.Д.* О Ленине. Материалы для биографа. С. 57–58.)

Не было единого мнения о стремлении большевиков

захватить власть и в партии эсеров. В.М.Чернов писал, что тогда партия эсеров «раздиралась внутренними разногласиями. Правая часть ее держалась за политику "коалиции во что бы то ни стало"; левое крыло вело переговоры с большевиками, склонявшими их к новой "революции в революции"; партийный же центр, обессиливаемый одновременным сопротивлением справа и слева, не находил поддержки и со стороны другой социал-демократической партии, меньшевистской, отчасти раздираемой подобными же разногласиями, отчасти же катастрофически терявшей свои кадры, отходившие к большевикам». (См.: *Чернов В.М.* История партии с.-р. // Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива п.с.-р. Собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период Marc Jansen. Amsterdam, 1989. С. 5.) ЦК партии эсеров 22 октября 1917 г. в воззвании к населению призывал воспрепятствовать вооруженному выступлению большевиков. (См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Ч. 1. С. 890.) Но практически мало что было для этого «воспрепятствования» тогда сделано.

[20] См.: *Галили З., Ненароков А.* Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Смена партийного курса. Первая декада октября — конец декабря. Документально-исторический очерк // Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 72–74, 219–220, 226–227, 236. Б.И.Николаевский отзывался о Сагарашвили нелестно. Он писал, что это был меньшевик, который не подчинился решению фракций об уходе из зала заседаний съезда. Выступая на съезде, Сагарашвили заявил, что выступает от имени грузинской социал-демократии, но никаких полномочий для этого он не имел. На I съезде Советов он заявлял о себе как меньшевике-оборонце. В неопубликованных воспоминаниях Сагарашвили сообщал, что был хорошо знаком со Сталиным, который предлагал ему войти в состав Совнаркома. (См.: *Николаевский Б.И.* Меньшевики в дни Октябрьского переворота // Меньшевики. Benson, 1988. С. 95–96; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 243.)

25 октября ЦК партии эсеров в воззвании к демократической России назвал план большевиков о захвате власти в стране «безумием». На следующий день, 26 октября, эсеровское руководство заявило о злоупотреблении большевиков именем Советов, от лица которых они выступали, а также объявило II съезд Советов неправомочным, так как его покинули все социалистические партии, а представители

крестьянских Советов отказались принимать в его работе участие. ЦК партии эсеров предупреждал, что захватом власти большевики сорвали работу собираемого Учредительного собрания и оказались правы. (См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 30–32.)

[21] Второй Всероссийский съезд Советов... С. 4; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 239–248. Джон Рид вспоминал, что во время выступления Мартова неожиданно послышался «глухой гром пушек. Все нервно повернулись к темным окнам, и по собранию пронеслась какая-то дрожь. Мартов попросил слова и прохрипел: "Гражданская война началась, товарищи! Первым нашим вопросом должно быть мирное разрешение кризиса. И принципиально, и тактически мы обязаны спешно обсудить пути предупреждения гражданской войны. Там на улице стреляют в наших братьев! В тот момент, когда перед самым открытием съезда Советов вопрос о власти решается путем военного заговора, организованного одной из революционных партий... Задача съезда заключается, прежде всего, в том, чтобы решить вопрос о власти, и этот вопрос уже поставлен на улицах, он уже разрешается оружием! Мы должны создать власть, которая будет пользоваться признанием всей демократии. Съезд, если хочет быть голосом революционной демократии, не должен сидеть сложа руки перед лицом развертывающейся гражданской войны, результатом которой, может быть, будет вспышка контрреволюции. Возможностей мирного выхода надо искать в создании единой демократической власти... Необходимо избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями..."». (См.: *Рид Дж.* Десять дней, которые потрясли мир. С. 91.) Вильямс, сочувствующий большевикам, был разочарован поведением Мартова, покинувшего съезд, так как он испытывал к нему большую симпатию. Вильямс даже поспорил с Ридом, сказав, что Мартов останется с большевиками, и проиграл. (См.: *Вильямс А.Р.* Путешествие в революцию. С. 90–94.)

[22] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 114–115.

[23] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 3. С. 337. Дж.Рид также свидетельствовал об успехе выступления Троцкого, у которого тогда лицо было «бледно и жестоко», а в «сильном голосе звучало холодное презрение». (См.: *Рид Дж.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 94.)

[24] *Николаевский Б.И.* Страницы прошлого. К 80-летию Л.О.Цедербаум-Дан. (Семья Цедербаумов) // Социалистический вестник. 1958. № 7/8. С. 149–150; *Гетцлер И.* Мартов.

Политическая биография российского социал-демократа. С. 209.

[25] Второй Всероссийский съезд Советов... С. 42–46. Утром 25 октября 1917 г. Луначарский писал жене, что он солидаризировался с большевиками и для него ясно, что власть в России должна принадлежать Советам. По его мнению, создание демократической коалиции (Ленин, Мартов, Чернов, Дан, Верховский) является утопией. (См.: 1917 год в письмах А.Луначарского и Ю.Мартова. С. 287.)

[26] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 3. С. 343.

[27] *Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции. С. 415.

[28] *Мартов Ю.О.* Письма 1916–1922. С. 16. Фракция эсеров съезда объясняла свой уход из зала заседаний в опубликованной позже декларации: «Констатируя захват власти большевиками и руководимым ими петроградским Советом Р. и С.Д., фракция с.-р. возлагает на них всю ответственность за последствия их безумного и преступного шага и, устанавливая вследствие этого невозможность совместной с ними работы, а, кроме того, признавая съезд, за недостаточным представительством фронта и многих Советов, неправомочным, — покидает съезд». (См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Ч. 2. С. 37.)

[29] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 245. Розовский — делегат съезда от ряда местных Советов, выступая от их имени, назвал уход со съезда меньшевиков-интернационалистов «актом ошибочным». (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 246.)

[30] См.: Письма Мартова Н.С.Кристи 7 апреля, 17 июня 1917 г. // Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 246, 590. В 1919 г. Луначарский писал о Мартове: «Я не могу не отметить, что в личных отношениях у Мартова проявляется много очаровательных черт. В нем есть большая симпатичность глубоко интеллектуальной натуры, много непосредственности и искренности, так что в целом его близостью невозможно не дорожить, и люди нейтральные в политическом отношении всегда проникаются к нему великим уважением и горячей симпатией». (См.: *Луначарский А.В.* Юлий Осипович Мартов (Цедербаум) // *Луначарский А., Радек К., Троцкий Л.* Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 275–276.) В.П.Булдаков считает, что по количеству искренних людей тогда, вероятно, всех превосходили меньшевики, среди которых этим качеством выделялся Мартов. Булдаков замечал: «Большевизм — это надежда в сердце дикаря». (См.: *Булдаков В.П.* Большевизм в интерьере российской много-

партийности // Призвание историка. М., 2001. С. 293, 300.)

[31] А.Г.Шляпников вспоминал, что у большевиков иллюзий на «мирный исход» в связи с предложением Мартова не было. Уход со съезда меньшевиков и эсеров «не смутил никого». (См.: *Шляпников А.* К октябрю // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 23.) В этой связи можно предположить, что Ленин и Троцкий достаточно точно рассчитали варианты развития событий во время заседаний съезда, прекрасно представляя себе поведение лидеров партийных фракций. С большой долей вероятности большевистские вожди могли предположить, каким будет выступление Мартова с призывами мирного разрешения конфликта и создания межпартийной комиссии для его решения. Им представлялись действия бывших властных партий, которые считали, что без их участия решения съезда будут нелегитимными и потому быстро покинувшими его заседания. После чего они заявили: мы приняли предложение Мартова, но вы ушли, значит, нечего обсуждать. Большевистские лидеры тянули время, ведь съезд открылся вместо намеченных 2 часов дня только в 22 часа 40 минут. К этому времени предполагалось арестовать министров Временного правительства и объявить о переходе всей власти в руки Советов или однопартийного большевистского правительства. Такой расчет мог быть вполне реальным: достаточно вспомнить любовь Ленина к военным хитростям, а Троцкого — к авантюризму. Троцкий в воспоминаниях рассказал о том, что его интересовала реакция Ленина на выступление в Петроградском Совете 22 октября, где он объявил ложными слухи о готовящемся большевиками вооруженном восстании. Ленин «не только не возражал против оборонительного тона моей речи, но признал этот тон вполне пригодным для усыпления бдительности врага». (См.: *Троцкий Л.Д.* О Ленине. Материалы для биографа. С. 59, 60.) Происходящее на съезде очень напоминало заранее подготовленный и тщательно продуманный спектакль с известными психологическими действиями персонажей.

[32] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 3. С. 343.

[33] *Абрамович Р.А.* Ю.О.Мартов и мировой меньшевизм // Мартов и его близкие. С. 71.

[34] Второй Всероссийский съезд Советов... С. 26.

[35] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 1. ВРК был создан 16 октября 1917 г., его возглавил левый эсер, председатель солдатской секции Петросовета П.Е.Лазимир (1891–1920). Когда Петросовет решил создать ВРК, Мартов обратился с запросом в Совет, что это за комитет и с какой целью созда-

ется? Троцкий ответил вопросом: «Кто дал право Мартову делать такие запросы?» (См.: Воспоминания об Октябрьском перевороте // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 54.) 26 октября 1917 г. жена Керенского была арестована и провела двое суток в заключении за то, что сорвала листовку с текстом этого воззвания. (См.: *Фрейман А.Л.* Форпост социалистической революции. Л., 1969. С. 157.)

[36] Второй Всероссийский съезд Советов... С. 88–89.

[37] В решении съезда о создании правительства говорилось: «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, Временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом народных комиссаров». (См.: Второй Всероссийский съезд Советов... С. 79.) Список членов правительства и ЦИК опубликован. (Там же. С. 79–80, 90–92; Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. (25–26 октября 1917 г): Сб. документов и материалов. М., 1997. С. 153–205). Троцкий вспоминал, что название правительства – Совет народных комиссаров – предложил он. (См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Ч. 2. С. 59–60.) В ночь на 26 октября В.А.Антонов-Овсеенко (1883–1939) от имени ВРК арестовал в Зимнем дворце министров Временного правительства, тогда же комендантом дворца был назначен Г.И.Чудновский (1890–1918). Г.И.Ломов (Оппоков. 1888–1938), большевик, делегат II съезда Советов, нарком юстиции в первом большевистском правительстве, характеризуя его состав, вспоминал: «Наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много... преданнейших революционеров, исколесивших Россию... в кандалах. Каждый из нас мог перечислить чуть ли не все тюрьмы России... Мы знали, где бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств». (Цит. из кн.: *Ирошников М.П.* Создание советского центрального государственного аппарата. Октябрь 1917 – январь 1918 гг. Л., 1967. С. 48.)

[38] *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 288. О судьбе министров Временного правительства см.: *Измозик В.С.* Временное правительство. Люди и судьбы // Вопросы истории. 1994. № 6; *Иоффе Г.З.* «Долой Временное правительство!» (Судьбы «временных» после падения Зимнего) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 109–116. Было арестовано 15 человек. Вскоре выяснилось, что арестовавший их большевик В.А.Антонов-Овсеенко и меньшевики министры А.М.Никитин и П.Н.Малянтович знакомы по совместной революционной работе в царской России.

«Воцарилось неловкое молчание, – вспоминал Никитин, – Одна часть социал-демократии арестовывала другую – глубокая пропасть открылась между ними, и в этой пропасти им погибнуть безвозвратно». (См.: Отечественная история. 2006. № 5. С. 110.) Первыми были освобождены министры-социалисты. Временное правительство продолжало функционировать в стране еще не менее трех недель после 26 октября 1917 г. 17 ноября 1917 г. Временное правительство в обращении к гражданам России заявляло, что и в неполном составе является «единственной в стране законной верховной властью». И готово передать свои полномочия только Учредительному собранию. В ответ на это заявление бывшие министры Временного правительства были арестованы и отправлены в Кронштадтскую тюрьму, тогда же были закрыты все газеты, опубликовавшие это обращение. (См. подробнее об этом: *Демьянова А.* Записки о подпольном Временном правительстве // Архив русской революции. М., 1991. Т. VII–VIII. С. 34–52; *Мочалов И.* «...Ко всем гражданам Российской республики» // Огонек. 1991. № 21. С. 10–13.) 1 декабря 2000 г. председатель Комиссии при Президенте России по реабилитации жертв политических репрессий А.Н.Яковлев сообщил газете «Известия», что рассматривается вопрос о реабилитации членов Временного правительства, за исключением А.Ф.Керенского.

[39] *Злоказов Г.И.* Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. С. 289–291.

[40] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 252–253, 255.

[41] Цит. из кн.: *Смирнова А.А.* От коалиции к катастрофе. Петроградские социалисты в мае-ноябре 1917 года. СПб., 2006. С. 301. С.Д.Мстиславский (Масловский. 1876–1943) – эсер с 1904 г. На II Всероссийском съезде Советов был избран членом президиума, а затем и членом ВЦИК 2-го созыва, выступал за сотрудничество с большевиками. В.М.Зензинов (1880–1953) – в 1917 г. член ЦК партии эсеров отнесся к большевистскому перевороту отрицательно. В воспоминаниях он отмечал, что эсеры начали открытую борьбу с Лениным сразу же после его появления в России, а в ответ на события 25 октября 1917 г. «мы объединились в "Комитет спасения родины и революции". Председателем был избран Н.Д.Авксентьев». (См.: *Зензинов В.М.* Из жизни революционера. Париж, 1919. С. 89, 95.) Н.Д.Авксентьев (1878–1943) – эсер с 1905 г. В 1917 г. – член ЦК партии эсеров, в июле-сентябре был министром внутренних дел Временного правительства. В Декларации ЦК и фракции эсеров II Всероссийского съезда Советов говорилось: «Произведенный партией большевиков и Петроградским Советом Р. и С.Д. захват

власти накануне Учредительного собрания... является преступлением перед родиной и революцией, знаменует начало гражданской войны, срыв Учредительного собрания и грозит гибелью революции». (См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 36–37.) В.М.Чернов писал, что большевики «взамен иллюзорной свободы, которая была чужда диктаторской власти», присвоили себе громкий титул «диктатуры пролетариата», обещая населению страны экономическое равенство и всеобщее процветание. «Эти заманчивые лозунги, – замечал Чернов, – резко контрастировавшие с бесплодностью усилий Временного правительства, и предопределили победу большевиков». (См.: *Чернов В.М.* Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. М., 2007. С. 408.)

[42] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 241, 242, 244, 245, 259–260. Л.Хеймсон, исследовавший отношение к власти Ленина и Мартова в 1917 г., пришел к выводу, что тогда Мартов был единственным, кто последовательно без каких-либо предварительных условий добивался создания правительства революционной демократии. Он подчеркивал гибкость политики Ленина и Мартова в достижении своих целей во время борьбы за власть. (См.: *Хеймсон Л.* В.И.Ленин, Ю.О.Мартов и вопрос о власти в 1917 г. // Исторические записки. М., 2002. № 5. С. 250–251; Russia's Revolutionary experience. 1905–1917. Two essays. L.H.Haimson with an introduction by D.McDonald. New York, 2005. P. 106–107.)

[43] В Москве бои за власть продолжались с 25 октября по 3 ноября 1917 г. Жертвами боев стали несколько тысяч солдат, юнкеров и москвичей. (Подробнее об этом см.: *Грунт А.Я.* Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976; и др.)

[44] А.Ф.Керенский и командир 3-го конного корпуса генерал П.Н.Краснов начали поход на Петроград 26 октября и заняли 27 октября Гатчину, а 28 октября Царское Село, выйдя на подступы к городу. 30 октября наступление казаков Краснова было остановлено, генерал сдался на милость победителя, а Керенский бежал. 28 октября бывший командующий Петроградским военным округом полковник Г.П.Полковников отдал приказ о выступлении юнкеров военных училищ, находившихся в городе. Юнкера захватили несколько зданий, телефонную станцию и отключили Смольный. 29 октября после нескольких боевых столкновений с солдатами и матросами с юнкерским восстанием было покончено. А.Ф.Керенский (1881–1970) назвал время с

24 октября по 1 ноября 1917 г. «последним актом борьбы революционного Временного правительства с большевиками справа и слева». Из Гатчины Керенский бежал, переодевшись в форму матроса. Позже он нелегально жил в Новгородской губернии, Петрограде и Москве. В июне 1918 г. Керенский под чужим именем покинул Россию и прибыл в Англию. (См.: Александр Керенский: любовь и ненависть революции. Чебоксары, 1993. С. 47–49.) П.Н.Краснов (1869–1947) был отпущен советскими властями под честное слово, что больше с ними воевать не будет. Слово свое нарушил и воевал с коммунистами всю оставшуюся жизнь — в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Казнен по приговору Верховного суда СССР.

[45] См.: Меньшевики. От революций 1917 года до Второй мировой войны. М., 2009. С. 85. С другой стороны, часть меньшевиков сочувствовала большевикам и переходила в их ряды. Случаев перехода меньшевиков в РСДРП(б) как правящую партию в то время было достаточно много. Примерами обратного процесса — из партии большевиков в РСДРП(о) осенью 1917 г. — я не располагаю. В провинциальной России длительное время не представляли себе, что в стране появилась новая власть. Так, начальник Мокшанской уездной милиции Пензенской губернии докладывал прокурору окружного суда 23 ноября 1917 г., что Ульянова-Ленина по розыску в районе Мокшанского уезда не оказалось и что, по «слухам», он проживает в Петрограде». (См.: *Кураев В.* Октябрь в Пензе. Пенза, 1927. С. 12–13.) Видимо, это был ответ на розыск Ленина, объявленный в июле 1917 г.

[46] Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 122–123. 1 ноября 1917 г. Ленин, выступая на заседании Петербургского комитета РСДРП(б), назвал происходящее «партийным кризисом, который разразился в то время, когда партия у власти». Он был против соглашений с другими партиями без признания власти большевиков и исполнения их программы. «Троцкий давно сказал, что объединение невозможно, — подчеркивал он. — Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика». (См.: В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 215–216.) На этом заседании рассматривался вопрос о вхождении в советское правительство представителей меньшевиков и эсеров.

[47] Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников (Викжель) был создан на 1-м учредительном съезде железнодорожников (15 июля — 23 августа 1917 г.) в Москве. В комитет вошли 9 левых эсеров, 4 правых эсера, один примыкающий к ним, 3 народных социалиста, 6 мень-

шевиков-оборонцев, меньшевик-интернационалист, 3 «межрайонца», 2 большевика, 1 им сочувствующий, 11 беспартийных. Председателем Викжеля был левый эсер А.Малицкий, ведущими деятелями — народный социалист В.А.Плансон, левый эсер М.Ф.Крушинский, правые эсеры Гар, М.Д.Орехов. Из 40 членов Викжеля 10 были рабочими, остальные служащими и инженерно-техническими работниками. В июне 1918 г. за призыв к забастовке Викжель был распущен. (См.: Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917 –1929: Сб. документов. СПб., 2000. С. 43.)

[48] 1917 год в письмах А.Луначарского и Ю.Мартова. С. 289–290, 293.

[49] *Мартов Ю.О.* Письма . 1916–1922. С. 14, 17.

[50] См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 602–628. Наиболее полно точка зрения советской историографии о переговорах с Викжелем представлена в кн.: *Разгон А.И.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977. С. 114–167. Городецкий заметил, что позиция правых участников совещания при Викжеле менялась в связи с ходом военных действий между большевиками и сторонниками Керенского. Эти колебания выразились в требованиях разоружения красногвардейцев, роспуска ВРК, создания правительства без большевиков вплоть до предложений сформировать кабинет из партий «от большевиков до народных социалистов». (См.: *Городецкий Е.Н.* Рождение советского государства. 1917–1918. М., 1987. С. 93.) О современной оценке переговоров с Викжелем см.: *Keep J.* The Debate on Soviet Power. Mitutes of the All-Russian Central Executive Committee of Soviets. Second Convocation. October 1917 — January 1918. Oxford, 1979. P. 44–67; *Галили З., Ненароков А.* Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Первая декада октября — конец декабря // Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 80–88; *Злоказов Г.И.* Переговоры об «однородном социалистическом правительстве» после Октябрьской революции // Отечественная история. 1996. № 5. С. 132–145; *Рабинович А.* Большевики у власти. М., 2007. С. 57–80; и др.

[51] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 602–628. «У "Комитета спасения родины и революции" не было абсолютно никаких средств на ведение какой бы то ни было борьбы с большевиками, — писала А.Демьянова. — Слабость комитета была очевидной, и это вполне явствовало из того, что большевики весьма мало обращали на него внимания». (См.: Архив русской революции. М., 1991. Т. VII–VIII. С. 47.) «Комитет спасения родины и революции» был создан в Петрограде в ночь на 26 октября 1917 г. Его председателем стал член

ЦК партии эсеров А.Р.Гоц (1882–1940). 10 ноября 1917 г. Комитет был распущен советскими властями как «контрреволюционная организация». Участник совещания Ерманский вспоминал, что как меньшевик-интернационалист в то время он был за соглашение всех социалистических партий, подчеркивая тем самым, что выступал против позиций большевиков и меньшевиков-оборонцев. (См.: *Ерманский О.А.* Из пережитого (1887–1921). С. 183–184.) Эсер С.А.Раппопорт, представитель петроградской городской Думы на совещании, позже писал, как после нескольких дней его работы ему и другим представителям антибольшевистского лагеря «все яснее становилось, что большевики явились на совещание не для того, чтобы пойти навстречу требованию железнодорожного союза, а главным образом для того, чтобы выиграть время, выждав между тем результата сражений под Петроградом и в Москве». Он же дал несколько ярких характеристик выступавшим на совещании. «Далее выступил Мартов-Цедербаум. Смуглый, близорукий, говорит быстро и нервно... Он долго и горячо доказывал, что большевики ведут страну и революцию в бездну, что они никогда не шли на уступки другим социалистическим партиям. Ныне наступила последняя минута, когда еще можно найти общую почву, чтобы вывести страну из страшного кризиса... Раньше я знал Рязанова и человеком спокойным, и сдержанным. Здесь, на совещании он оказался истериком, человеком, совершенно не умеющим владеть собой... Я спросил Каменева: "Что случилось с Рязановым? Ведь с ним разговаривать невозможно?" — "Он очень изнервничался от пережитых событий, — ответил мне Каменев. — К тому же его и мое положение на этом совещании очень трудное. Мы оба — самые умеренные, наши товарищи гораздо левее нас. Они отвергают всякие компромиссы. Нам приходится бороться на два фронта. Если б вы знали, как Рязанов выступает на наших собраниях! Там он еще резче"». (См.: Архив русской революции. М., 1991. Т. VII–VIII. С. 47, 50; *Рокитянский Я.Г.* Гуманист октябрьской эпохи: академик Д.Б.Рязанов. С. 273–280.) Среди участников совещания были: Г.Я.Сокольников (Бриллиант. 1888–1939) — большевик с 1905 г., в 1917 г. — член ЦК РСДРП(б). Затем на военной и советской работе. 30 января 1937 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения с конфискацией имущества. 21 мая 1939 г. убит сокамерником в Таганской тюрьме. Реабилитирован в 1988 г.; Б.Ф.Малкин (1891–1938) — левый эсер, член Президиума ВЦИК 2-го созыва, член ЦК ПЛСР. После июльских событий 1918 г. вышел из партии левых эсеров и по рекомендации Ленина и Свердлова был принят в РКП(б). Позже на советской

работе. 3 сентября 1938 г. был арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.; Н.И.Ракитников (1884–1938) – эсер, к приходу к власти большевиков отнесся отрицательно, но был противником вооруженной борьбы с ними. С конца 1919 г. от политической деятельности отошел. В 1937 г. был арестован, в 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1989 г.; М.Ф.Крушинский – в 1917 г. член Петроградского комитета партии эсеров; С.П.Постников (1883–1964) – эсер, в 1917 г. член и секретарь редакции газеты «Дело народа». А.Л.Колегаев (1887–1937) – один из лидеров партии левых эсеров, член ЦК, сторонник роспуска Учредительного собрания, с осени 1918 г. в РКП(б). В 1936 г. арестован, в 1937 г. расстрелян. Реабилитирован; В.Н.Филипповский (1889–1940) – эсер, член ВЦИК 1-го созыва, депутат Учредительного собрания. В советское время много раз арестовывался, был в ссылках и лагерях. Погиб в лагере на Колыме. Реабилитирован 11 июля 1956 г.

[52] *Абрамович Р.* Викжель (ноябрь 1917) // Социалистический вестник. 1960. № 5. С. 96–97. А.И.Солженицын дал свои характеристики меньшевикам 1917 г.: «Чхеидзе – честный и недалекий провинциал, неуверенный в себе. Стеклов – бесформенный радикал, но с огромными претензиями. Суханов изощрен в своем маленьком ремесле: переводить на язык доктринерства бессилие Исполнительного Комитета, но всегда умничает и тем надоедает. Церетели и Дан – умственно по колено Мартову. (И вот кому Юлик по безволию передал руководство своей партией.) Церетели – радикал южно-французского типа, обтекаемый путаник без резкой ясности мышления... Дан – рассудительный немецкий с.-д. эпохи упадка. Либер – пронзительный кларнет меньшевиков. Еще вот Скобелев – бывший подручный студент Троцкого, энергичный и глупый, отдался теперь под влияние меньшевиков». (См.: *Солженицын А.И.* Царь. Столыпин. Ленин. Из «Красного колеса». М. ; Екатеринбург, 2008. С. 611.)

[53] Новая жизнь. 1917. 29 окт.; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 265; Меньшевики от революций 1917 года до Второй мировой войны. С. 107–108. В зависимости от результатов вооруженной борьбы с большевиками эсеры и меньшевики, участники переговоров на заседаниях Викжеля, так же меняли свои требования, как и большевики. По признанию А.Р.Гоца, после неудачного юнкерского выступления в Петрограде 29 октября 1917 г., когда погибли или были ранены не менее двухсот юнкеров, «мы увидели, что в нашем распоряжении нет сил для немедленного вооруженного свержения большевиков, и мы изменили нашу тактику.

Началась тактика последовательной изоляции большевиков от всех социалистических и демократических сил и от народных масс; в то же время, стремясь к объединению демократии, мы делали все усилия потушить гражданскую войну путем переговоров и соглашений. Я имею в виду переговоры по инициативе Викжеля». Ответственность за срыв мирных переговоров он возлагал на большевиков. (См.: Новая жизнь. 1917. 31 окт.; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Ч. 2. С. 865.) Историк Бунда М.Рафес в начале 1920-х утверждал, что «автором и творцом политики Викжеля» был Р.А.Абрамович, который стремился «восстановить единство революционной демократии». (См.: *Рафес М.* Очерки по истории Бунда. М., 1923. С. 263.) Абрамович совместно с Мартовым и другими в то время выступал за формирование единого социалистического правительства.

[54] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 306–307, 309, 313.

[55] Руководил войсками при защите Петрограда от войск Керенского–Краснова в октябре 1917 г. подполковник царской армии, участник Первой мировой войны М.А.Муравьев (1880–1918), тогда примыкавший к левым эсерам. Подробнее о Муравьеве см.: *Поликарпов В.Д.* Михаил Муравьев в жизни и литературе // Историк и история. Нелегкий путь к истине: Памяти Александра Ивановича Козлова. М., 2010. С. 607–646.

[56] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 43. К октябрю 1917 г. Ленину удалось создать в ЦК партии сильную коалицию из своих сторонников, «левых», поддерживающих его самые радикальные призывы и действия. Среди них были Л.Д.Троцкий, Я.М.Свердлов, Н.И.Бухарин, И.Т.Смилга. (См.: *Сахнин А.В.* Борьба за лидерство в руководстве РСДРП(б) в 1917 году: резервы и пределы внутрипартийной демократии // Отечественная история. 2005. № 5. С. 116.) В сентябре 1917 г. после назначения А.И.Верховского военным министром должность командующего Московским военным округом занял полковник К.И.Рябцев (1879–1919). Он не был ни в какой политической партии, но в 1918 г. на Украине работал в меньшевистской газете, был председателем Плехановского клуба в Харькове. Рябцев пытался избежать кровопролития в Москве, но это ему не удалось. Бои в Москве продолжались с 27 октября по 2 ноября 1917 г. Подробнее см.: *Журавская И.Л.* Полковник К.И.Рябцев. Страницы биографии // Отечественная история. 1998. № 4. С. 66–74.

[57] Современники, лично знавшие Ленина, позже характеризовали его как личность. А.Н.Потресов видел в Ленине «сектанта, прошедшего марксистскую выучку». Он считал,

что «болезнь и смерть избавили Ленина от печальной участи до конца расхлебать эту кашу, заваренную им. Заваренную не по Марксу, а именно во славу того аморализма, который представлялся ему таким практически целесообразным и который оказался, в конце концов, несмотря на временные головокружительные успехи, таким непрактичным и страшным по своим последствиям». (См.: *Потресов А.Н.* Ленин // Источник. 1993. № 4. С. 20–27.) П.Б.Струве, так же как и Потресов, знавший Ленина уже в середины 1890-х гг., отмечал его крайнюю нетерпимость, уверенность в себе, грубость при ведении дискуссий. Он полагал, что «резкость и жестокость Ленина... была психологически неразрывно связана... с его неукротимым властолюбием». (См.: *Валентинов В.* Из прошлого: П.Б.Струве о Ленине // Социалистический вестник. 1954. № 8–9. С. 169–172; *Струве П.Б.* За свободу и величие России // Новый мир. 1991. № 4. С. 219.) Л.Д.Троцкий вспоминал о реакции Ленина после завоевания власти: «Знаете, — говорил он нерешительно, — сразу после преследований и подполья к власти... — Он ищет выражения, — es schwindelt, — переходит он неожиданно на немецкий язык и показывает рукой вокруг головы. Мы смотрим друг на друга и чуть смеемся». (См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Ч. 2. С. 59.)

[58] 4 ноября 1917 г. на заседании ВЦИК обсуждался вопрос о печати. Левые эсеры предложили отменить «Декрет о печати», подписанный Лениным 27 октября и запрещавший издание антисоветской периодики. В результате голосования (34 — за реализацию декрета, 24 — против), «Декрет о печати» стал одним из самых обсуждаемых и осуждаемых мероприятий большевистского правительства. На его основе с октября 1917 г. по август 1918 г. в советской России были закрыты 461 газета, в том числе 235 меньшевистско-эсеровских изданий. (См.: *Окороков А.З.* Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970. С. 310.) На этом же заседании ВЦИК выступил В.П.Ногин, заявивший от имени 4 народных комиссаров (Ногин, А.И.Рыков, В.П.Милютин, И.А.Теодорович), что только создание однородного социалистического правительства даст возможность закрепить все победы рабочих и солдат в октябрьские дни. Другой путь, по их мнению, вел к разгрому революции и «нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК звание народных комиссаров». К ним присоединились Д.Б.Рязанов, Ю.Ларин, К.Юренев и др. Каменев заявил о выходе из состава ЦК большевистской партии и был заменен на посту председателя ВЦИК Я.М.Свердловым. (Подробнее об этом см.: Протоколы за-

седаний ВЦИК 2-го созыва. М., 1918.С. 27; *Сервис Р.* Ленин. С. 360–363; *Д'Анкосс Э.К.* Ленин. С. 198–201.) В.П.Ногин с сентября 1917 г. был председателем Московского Совета рабочих депутатов. Он был в числе умеренных большевиков, выступавших против однопартийной диктатуры. К ним относился и О.А.Пятницкий (Таршис И.А. 1882–1938) – большевик с 1903 г., в октябре 1917 г. – член Боевого партийного центра, руководившего работой московского ВРК. (См.: *Пятницкий В.И.* Заговор против Сталина. М., 1998. С. 35.) Вопрос о создании общесоциалистического правительства обсуждался в ЦК и на заседаниях Петербургского комитета большевиков в начале ноября 1917 г. 1 ноября на заседании комитета выступил Ленин, защищавший свою точку зрения о недопустимости переговоров о создании объединенного социалистического правительства. Он считал большевистское правительство легитимным как избранное съездом, а эсеры и меньшевики ушли со съезда, «не по нашей вине». Луначарский возразил Ленину, считавшему меньшевиков «нереальной» силой. «Но ведь эта нереальная сила, – подчеркивал Луначарский, – сможет сдвинуть с фронта войска и произвести под Винницей бой и не пустить сюда латышских стрелков». Он считал, что соглашение с другими социалистическими партиями желательно перед лицом трудностей в управлении страной. 2 ноября на заседании Петербургского комитета партии выступил В.М.Молотов, рассказавший о требованиях совещания при Викжеле и сказавший, что «с нами пойдут, может быть, левые социалисты-революционеры и, может быть, меньшевики-интернационалисты». Но после предложенной большевиками резолюции и отказа от предложений меньшевиков-интернационалистов последние ушли, т.е. соглашения всех партий не состоялось. (См.: Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. С. 535–546, 554–555.) Выступление Луначарского за создание общесоциалистического правительства противоречило мнениям Ленина и Троцкого. Именно эти разногласия, а не только возмущение Луначарского разрушением исторических зданий во время восстания в Москве стало причиной его ухода из состава Совнаркома. (См.: 1917 год в письмах А.Луначарского и Ю.Мартова. С. 113–116.)

[59] *Троцкий Л.Д.* Уроки Октября // *Троцкий Л.Д.* Соч. М., 1925. Т. 3. С. 33. Подробнее о значении переименования РСДРП(б) в РКП(б) см.: *Журавлев В.В.* Послеоктябрьский большевизм: от «авторитета идей» к «авторитету власти» (октябрь 1917–1920) // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 341–344.

[60] По мнению Г.З.Иоффе, «сентябрьское Демократическое совещание (1917 г.) было, пожалуй, последним шансом на мирное развитие революции». И тут же он продолжал, что «даже 25 октября 1917 года (вооруженное восстание уже шло) шанс на создание многопартийного, однородно социалистического правительства еще не был утрачен». (См.: *Иоффе Г.* Социалистические партии в 1917 году // Коммунист. 1990. № 16. С. 24.) Н.Д.Авксентьев – член ЦК партии эсеров, председатель Временного совета (Предпарламента) Российской республики – в эмиграции вспоминал о росте влияния большевиков к осени 1917 г. Он сетовал на то, что ни на Демократическом совещании, ни на последних заседаниях Предпарламента не удалось достичь консенсуса представителей социалистических партий по вопросу о создании правительства национального единства. Даже 24 октября 1917 г., когда уже было известно о замыслах большевиков захватить власть, в Предпарламенте «шли бесконечные дебаты, переговоры, соглашения и расхождения». Это показывало, «как много дани отдавали деятели революции словесности, какое большое значение придавали ей и как часто думали, что словом можно заменить дело». Авксентьев признавал, что заседания Предпарламента свидетельствовали о его неспособности решить какой-либо важный государственный вопрос. (См.: *Авксентьев Н.* Большевистский переворот // Отечественная история. 1992. № 5. С. 143–153.) Авксентьев как глава «Всероссийского комитета спасения родины и революции» в ноябре 1917 г. подписал обращение этой организации, в котором захват власти большевиками назывался «военным заговором», источником «братоубийственной бойни», уничтожением «гражданских свобод». (См.: Меньшевистские и эсеровские листовки 1917–1918 гг. // Отечественная история. 1993. № 1. С. 170.)

[61] Подробнее об этом см.: *Иоффе Г.З.* Послесловие к воспоминаниям Н.Авксентьева // Отечественная история. 1992. № 5. С. 153–155. В решении насильственным путем захватить власть Ленин и его сторонники могли опираться на высказывание Ф.Энгельса. В письме Триру 18 декабря 1889 г. Энгельс подчеркивал, что пролетариат не может завоевать политическое господство без насильственной революции. И продолжал: «Для меня, как революционера, пригодно всякое средство, ведущее к цели, как самое насильственное, так и то, которое кажется самым мирным». (См.: *К.Маркс и Ф.Энгельс.* Соч. Т. 37. С. 275.)

[62] *Соболев Г.Л.* Ценный источник об истории революционного процесса в России в марте-октябре 1917 года // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 165.

[63] *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год совет-

ской эпохи в Петрограде. М., 2007. С. 59, 62–63, 92. Биографы Ленина Э.К.Д'Анкосс и Р.Сервис подробно сообщали о борьбе вождя большевиков за свою власть в партии и правительстве в те дни. 1 ноября Ленин и Троцкий, понимая, что умеренные большевики готовы принести их в жертву ради компромиссного соглашения с другими социалистами, начинают решительные действия. Ленин заявляет Петербургскому комитету большевиков, что «не может быть и речи о переговорах с социалистами. Наш призыв: никакого компромисса и однородное большевистское правительство». Заметим, что в опубликованном докладе Ленина 1 ноября на заседании Петербургского комитета большевиков названной цитаты нет. Более того, Ленин отмечал, что «на переговоры Каменева во ВЦИК о соглашении я смотрю доброжелательно, ибо принципиально мы не против». Выступление Ленина завершается призывом: «Без соглашений!» (См.: В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 215–217.) Ленину необходимо было выиграть время. Поэтому вначале он соглашался на расширение состава правительства при условии признания большевистской программы, затем согласился на расширение состава ВЦИК и подчинение правительства этому высшему органу власти в стране. Троцкий предложил ввести в состав правительства левых эсеров. От членов большевистской партии Ленин потребовал полного подчинения. Причем, по воспоминаниям А.С.Бубнова, Ленин лично подготовил текст и, вызывая каждого члена ЦК к себе, требовал его подписи о безоговорочном подчинении решениям ЦК. (См.: *Троцкий Л.Д.* Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 7; *Абрамович Р.* Викжель (ноябрь 1917) // Социалистический вестник. 1960. № 6. С. 123.) Каменев, Зиновьев, Рыков, Милютин, Ногин отказались подписывать ленинский текст и вышли из состава ЦК. (См.: *Д'Анкосс Э.К.* Ленин. С. 198–200; *Сервис Р.* Ленин. С. 360–363.)

[64] *Абрамович Р.* Викжель (ноябрь 1917) // Социалистический вестник. 1960. № 5. С. 98, 99; № 6. С. 121; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 274–275.

[65] Подробнее об этом см.: *Абрамович Р.* Викжель (ноябрь 1917) // Социалистический вестник. 1960. № 6. С. 118–119; *Гарви П.* Профсоюзы и кооперация после революции (1917–1921). Benson, 1989; *Чураков Д.* «К черту Ленина и Чернова!» «Третий путь» революции // Родина. 2008. № 6. С. 87–90; Меньшевики. От революций 1917 года до Второй мировой войны. М., 2009. С. 119–123; и др.

[66] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 285–286; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Ч. 2. С. 44–45.

[67] Подробнее об этом см.: Меньшевики от революций 1917 года до Второй мировой войны. М., 2009. С. 141–153. П.Н.Колокольников (1871–1938) — меньшевик с 1903 г. С мая 1917 г. товарищ министра труда Временного правительства М.И.Скобелева. Позже профсоюзный работник, научный сотрудник института экономики. В 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1991 г.

[68] *Рабинович А.* Большевики у власти. С. 80, 91.

[69] См.: *Пайпс Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 209.

[70] *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 183, 196.

[71] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 342–346.

ГЛАВА VII

Социал-демократы и большевистский переворот

Среди лидеров меньшевизма, отрицательно относившихся к захвату власти большевиками, были те, кто не был готов идти с ними ни на какие соглашения, и те, кто таковые допускал. По мнению Б.И.Николаевского, обе меньшевистские фракции (оборонцы и интернационалисты) отнеслись к «восстанию большевиков... резко отрицательно». Но публикуемые им тексты деклараций обеих меньшевистских фракций не дают оснований для столь категорического вывода. Члены фракций то допускали возможность компромиссного соглашения с большевиками, то категорически были против всяких переговоров с ними[1]. Л.Д.Троцкий негативно относился к участию меньшевиков в работе советского правительства. Но его биограф И.Дойчер, ссылаясь на рассказ капитана Жака Садуля о встречах с Троцким во время переговоров с Викжелем, отмечал, что Троцкий признался Садулю в обеспокоенности позицией меньшевиков, тем, как бы они своими претензиями не заставили большевиков поступить с ними жестко и тем углубить раскол между двумя пролетарскими партиями. Это, сказал он Садулю, нервирует его больше, чем наступление казаков Краснова. Несколько позже он признался Садулю, что надеется в будущем, по выполнении большевиками своих основных задач, дождаться приглашения ими меньшевиков вступить в советское правительство[2].

Вопрос о прекращении репрессивной большевистской политики по отношению к своим политическим

противникам и восстановлении свободы слова был основным в требованиях Мартова и его сторонников для продолжения переговоров с большевиками. Известно, что II съезд Советов запретил смертную казнь, хотя единственным противником этого декрета был Ленин. Насилие — всегда признак слабости власти, которая стремится сохранить ее любыми способами, не считаясь с возможными жертвами. Ленина в этом смысле трудно оправдать. Недаром проблема террора стала одной из основных в критике социал-демократами власти большевиков[3].

Задолго до 1917 г. Ленин и его сторонники формировали убеждение, что главным при принятии решений является вопрос об их целесообразности, прикрывающийся фразами о важности реализации этих решений для судеб революции и рабочего класса[4]. Мартов был против подобных формулировок. В 1919 г. он увидел в проводимой большевиками политике их «склонность к решению политической борьбы, борьбы за власть, методами непосредственного применения вооруженной силы... Эта склонность предполагает скептическое отношение к возможностям демократического решения социально-политических проблем»[5]. Мартов же выступал за ненасильственное решение всех проблем дальнейшего развития революции в России.

Большевики, придя к власти, на первых порах вроде бы демонстрировали свою лояльность по отношению к побежденным. Они выпустили из Петропавловской крепости министров Временного правительства, под честное слово отпустили Краснова, позволили жить в своей квартире вплоть до августа 1918 г. бывшему начальнику отдельного корпуса жандармов П.Г.Курлову, но одновременно вели репрессивную политику по отношению к тем, кто, как они считали, угрожал их власти. В ноябре 1917 г. большевики запретили деятельность кадетской партии, тогда же разогнали Петроградскую городскую Думу[6]. Многие политические партии страны в то время не признавали законным захват большевиками власти и были их противниками. Это позволило В.Измозику, Б.Старкову, Б.Павлову

и С.Руднику политическую оппозицию большевизму разделить на две части: внесистемную и внутрисистемную. К первой они отнесли кадетов и другие правые партии, не признавшие власть Советов; ко второй – меньшевиков, эсеров, анархистов, которые не были принципиальными противниками советской власти и участвовали в ее деятельности[7]. Но главными их противниками оставались сторонники демократических принципов управления страной. Это были, прежде всего, меньшевики – конкуренты большевиков в плане влияния на рабочих – основы государства диктатуры пролетариата[8]. Большевистское руководство с ноября 1917 г. стало закрывать меньшевистские газеты «День», «Вперед» и другие. В ночь на 18 декабря 1917 г. были арестованы многие участники собрания в Вольно-экономическом обществе.

На основании постановления Совнаркома, подписанного левыми эсерами наркомом юстиции И.З.Штейнбергом и наркомом имуществ республики В.А.Карелиным, все арестованные были освобождены, за исключением тех, кто произносил провокационные речи. Тогда же Ф.Э.Дзержинский подписал ордер на арест меньшевиков и эсеров А.Р.Гоца, Ф.И.Дана, И.Г.Церетели, В.М.Чернова, М.И.Скобелева и др.[9]

Большевистское руководство, оправдывая проводимую им репрессивную политику, сравнивало себя с якобинцами, с установлением диктатуры пролетариата и нуждами мировой революции. П.Б.Аксельрод с присущим ему сарказмом сравнивал большевиков со сторонниками политического радикализма в России XIX века С.Г.Нечаевым и П.Н.Ткачевым, которые тоже любили ссылаться на М.Робеспьера и Л.Сен-Жюста, называя себя якобинцами. «Разве большой террор, – вопрошал Аксельрод, – не является чудовищным применением к жизни той теории истребления врагов, которую выдвинул Ткачев в оправдание и обоснование практики Нечаева?» И пояснял: «Нечаев, как известно, признавал врагами народа и революции, подлежащими истреблению, не только активных ответственных вождей господствующих классов и злостных агентов старой

власти, но и инакомыслящих социалистов... Но свою "теорию" физического и морального уничтожения врагов... Нечаев мог применять на практике только в микроскопических размерах; большевикам же посчастливилось: они получили возможность тысячами, десятками тысяч истреблять своих противников, принадлежащих к числу испытанных друзей рабочего класса и к самому рабочему классу»[10].

Меньшевистская партия после прихода большевиков к власти оказалась в критической ситуации: власти последовательно преследовали и арестовывали наиболее активных представителей меньшевизма, численность партии неуклонно сокращалась[11], но среди меньшевистского руководства не было единого мнения об отношении к большевистской власти, о стратегии и тактике партии в реально сложившихся условиях.

П.Б.Аксельрод, Г.В.Плеханов, А.Н.Потресов и их сторонники отнеслись к новой власти резко отрицательно. 28 октября 1917 г. в газете «Единство» было опубликовано «Открытое письмо петроградским рабочим», написанное Г.В.Плехановым. В нем он признавал, что происходящие события его не радуют. И объяснил это тем, что «для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому еще не готов... Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года». Плеханов предрекал, что будущее страны будет печальным, «если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или, — еще хуже того, — одной партией». Он считал, что «власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка».

Плеханов, как и Аксельрод, считал Ленина продол-

жателем идей Бакунина и Нечаева и, как практически все меньшевики, опасался осуществления лозунга Ленина о превращении мировой войны в гражданскую войну в России. Плеханов наряду с Мартовым и его сторонниками не считал возможным участвовать в вооруженном свержении большевистской власти, так как она представляла часть рабочих, поверивших им. Еще в 1920-е гг. было опубликовано заявление Плеханова, получившего от Б.В.Савинкова в ноябре 1917 г. предложение возглавить новое российское правительство. С.В.Тютюкин пишет: «Ответ был кратким и жестким: "Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и я не буду его расстреливать тогда, когда он идет по ложному пути. И вам не советую этого делать. Не делайте этого во имя вашего революционного прошлого"»[12].

Биографы Плеханова С.Х.Бэрон и С.В.Тютюкин подробно рассказали о его жизни и деятельности после октября 1917 г. Они отметили унизительное состояние больного Плеханова, когда к нему на квартиру пришли матросы в поисках оружия, указали на его переживания в связи с разгоном Учредительного собрания и убийством в Мариинской тюремной больнице кадетов А.И.Шингарева и Ф.Ф.Кокошкина, упомянули об отрицательном отношении к Брестскому мирному договору с Германией. Бэрон и Тютюкин подробно сообщили о кончине и похоронах Плеханова 30 мая 1918 г. Они проанализировали последние статьи Плеханова и пришли к выводу, что и смертельно больной Плеханов оставался непримиримым бойцом, защитником своих идей и целей[13].

Бэрон назвал Плеханова 1917 г. «отвергнутым пророком» и не только потому, что его роль в политической жизни страны была тогда мало заметна. Приход к власти большевиков означал крушение его теоретических построений, связанных с убеждением о европейском будущем страны, о том, что историческое развитие России и Запада в своей основе идентично. Он считал, что Россия не готова к социалистической революции, что ей должна предшествовать буржуазная революция, но большевики начали насаждать свой

«социализм» силой. Плеханов сомневался после этого даже в том, как говорил он Л.Г.Дейчу, «не слишком ли рано мы в отсталой, полуазиатской России начали пропаганду марксизма?» Тютюкин подробно проанализировал последние статьи Плеханова, опубликованные в газете «Наше единство». Среди них статья Плеханова «Буки Азъ – Ба», от 11 и 13 января 1918 г. (№ 14, 16). Его возмутил разгон Учредительного собрания, и он заявил, что большевики не представляют интересы большинства населения страны. «Их диктатура, – писал он, – представляет собой не диктатуру трудящегося населения, а диктатуру одной части его, диктатуру группы. И именно поэтому им приходится все более и более учащать употребление террористических средств. Употребление этих средств есть признак шаткости положения, а вовсе не признак силы. И уж во всяком случае ни социализм вообще, ни марксизм в частности тут совершенно ни при чем. Тактика Смольного есть тактика Бакунина, а во многих случаях просто-напросто тактика Нечаева»[14].

Современники и исследователи по-разному оценивают роль и деятельность Плеханова в 1917 г. Л.С.Ланде (1901–1976) – меньшевик с 1919 г., а затем эмигрант и сотрудник «Социалистического вестника» – позже в очерке о меньшевиках в 1917 г. давал нелестную характеристику Плеханову и его группе «Единство». Он сетовал на то, что в то время группа «Единство» «отгородилась» от меньшевистской партии, и цитировал «Рабочую газету» от 25 мая 1917 г., где говорилось о «злой шутке», которую история сыграла с Плехановым: «Его, первого наметившего правильный путь к революции, она заставила во время войны всем своим авторитетом противиться революционному движению, а когда революция произошла, – без него и против него, – история оставила его в стороне от борьбы, сохранив только одно утешение – брюзжание».

С.Ю.Волин (Левин. 1892–1976) в 1917 г. – меньшевик, с 1927 г. в эмиграции, сотрудник «Социалистического вестника» в очерке о жизни меньшевиков при нэпе и в эмиграции замечал, что к 10-летию смерти

Плеханова статьи о нем в меньшевистском журнале были полны «больше уважения, чем теплых чувств». И продолжал: «В последние годы жизни Плеханова не только политические, но и личные отношения с ним руководителей большинства партий были далеко не дружественными. Напротив, личный пиетет к Аксельроду сохранялся до самой его смерти». По убеждению Б.М.Сапира, автора «Заметок и размышлений об истории меньшевизма», Плеханов в 1917 г. «окажется полностью изолированным от партии, которая была обязана ему своей марксистской философией»[15].

Плеханов был индивидуален в своих поступках и решениях, и это не могло нравиться тем меньшевикам, которые были связаны партийными установками и критично относились к тем, кто не был с их партией в то время. Вместе с тем Д.Н.Шуб, меньшевик, занимавший в 1917 г. позицию, близкую Плеханову, писал о нем как об одном из самых последовательных противников большевизма. Он цитировал майскую статью Плеханова в газете «Единство»: «Большевики хотят искусственно ускорить исторический процесс, сделать в России социалистическую революцию в такое время, когда еще нет необходимых для нее условий. Их выступления очень дорого обошлись России. Поэтому необходимо как можно скорее отмежеваться от них. И когда они говорят другим социалистам: "Не душите своих друзей, давайте совместно работать", революционное демократическое большинство должно решительно ответить им: "Работать вместе с вами можно только на гибель русского государства и русской революции"». Плеханов не считал себя ответственным за то, что от имени марксизма делали большевики. В своей последней статье он писал: «Покойный Михайловский както заметил, что нельзя считать Дарвина, писавшего о борьбе за существование, ответственным за поступки "дарвиненка", который во имя теории великого английского натуралиста выскакивает на улицу и хватает прохожих за шиворот. Если позволительно сравнивать малое с большим, — нельзя меня, как теоретика русского марксизма, делать ответственным за всякое нелепое

или преступное действие всякого русского "марксенка" или всякой группы "марксят"»[16].

С.В.Тютюкин отмечал, что позиция Плеханова и группы «Единство» в 1917 г. «поставила их вне рядов меньшевистского движения, участники которого относились к Плеханову как историческому реликту и не принимали всерьез как политика»[17]. Плеханова вряд ли можно отнести к такому определению. Он и в то революционное время оставался самим собой, и его поддержкой тогда пытались заручиться и правые, и левые политические партии, а «реликт» не нужен никому.

Б.М.Сапир утверждал, что в 1917 г. Плеханов оказался «полностью изолированным» от партии меньшевиков. А.Н.Потресов думал по-иному, вспоминая свою последнюю встречу с ним. Тогда Плеханов назвал Потресову меньшевиков, готовых сотрудничать с большевиками, «полубольшевиками». «Это была значительная, если не бóльшая, часть меньшевистской партии, — писал Потресов, — той социал-демократии, от которой Плеханова нельзя было отставить, но которая отставила себя от него». Потресов знал Плеханова намного больше и лучше, чем Сапир, у них не всегда были безоблачные отношения между собой, но он считал заслугой Плеханова его резкие высказывания в 1917 г. о неготовности страны к социалистической революции. «В моих глазах, — заключал Потресов статью его памяти, — моральный и умственный облик Плеханова никогда не вырастал в такой степени, как в эту страшную годину». Ныне российские историки подробно рассматривают роль Плеханова в 1917 г. как последовательного противника Ленина и большевизма, видевшего в их приходе к власти трагедию России. Он был борцом, способным идти против течения, классическим примером русского европейца[18].

П.Б.Аксельрод был также противником большевизма, человеком, весьма негативно оценившим их приход в России к власти. В отличие от других видных социал-демократов той поры он, будучи председателем РСДРП, встретил известие о победе Ленина в Стокгольме. Аксельрод тут же решил возвратиться

в Петроград, «чтобы напрямую участвовать в борьбе моих товарищей по партии против путчистов и их подлой деятельности». Но по просьбе меньшевистского ЦК и сына Александра, жившего тогда в Петрограде, он остался в Швеции. Они просили Аксельрода «защищать интересы нашей революции перед Интернационалом» и дать марксистский анализ происшедшего в России. Аксельрод объяснял свое присутствие в Стокгольме необходимостью показать лживость легенд о большевиках, которую исповедуют отдельные западные социалисты. Он прочел серию лекций в разных странах Европы о роли большевиков в борьбе за власть в 1917 г., обвиняя их в антидемократизме. В то время Аксельрод предложил три тезиса, объяснявших, по его мнению, причины прихода большевиков к власти: неспособность Временного правительства справиться с возникшими в России проблемами; приход Ленина к власти как результат спланированных действий меньшинства, использовавшего хаос в стране; победа большевиков «не могла привести к появлению социального порядка, основанного на принципах традиционного марксизма». Отступление Ленина от марксизма также повлияло на негативное отношение Аксельрода к большевистскому режиму и сопутствующим ему страданиям и террору.

А.Ашер подробно рассказал в своей монографии об Аксельроде о том, какие гигантские усилия предпринимал он для того, чтобы европейские социалисты поняли творящийся хаос в большевистской России. Аксельрод, два месяца спустя после Октябрьского переворота, организовал выпуск журналов «Les Echos de Russie», а затем совместно с Н.С.Русановым и В.В.Сухомлиным – «Stimmen aus Russland», в которых разоблачался большевистский режим. Издание журналов прекратилось к осени 1918 г. из-за отсутствия средств. Аксельрод в то время призывал к изоляции большевизма внутри социалистического движения, хотя многие западные социал-демократы вначале видели в нем и его приходе к власти событие мирового значения. Так, редакция немецкой социал-демократи-

ческой газеты «Vorwarts» приветствовала стремление большевистского руководства заключить мир с Германией и сожалела о том, что кандидатуры Ленина и Троцкого в декабре 1917 г. опоздали для рассмотрения Нобелевским комитетом на получение премии мира[19].

Действительно, приход большевиков к власти, провозглашение государства рабочих и крестьян, первые декреты о мире и земле приветствовали социалисты многих западных стран, особенно те, кто относил себя к левым представителям этих общественно-политических течений. Наиболее полно это отразилось на взглядах Розы Люксембург, которая вначале приветствовала победу большевиков. В незавершенной рукописи «О русской революции» она критиковала К.Каутского, П.Б.Аксельрода и Ф.И.Дана за их «фикцию о буржуазном характере русской революции», за стремление меньшевиков «любой ценой сотрудничать с теми классами и партиями, со стороны которых революции и ее первому завоеванию — демократии угрожали величайшие опасности... Партия Ленина была единственной в России, понявшей в этот первый период революции ее истинные интересы; она была ее движущей силой и в этом смысле единственной партией, которая осуществляла истинно социалистическую практику». Р.Люксембург приходила к выводу, что только «та партия способна захватить руководство и власть, которая обладает мужеством выдвинуть радикальный лозунг и сделать из этого все выводы. Этим объясняется жалкая роль русских меньшевиков — Дана, Церетели и др., которые сначала пользовались громадным влиянием в массах, а после длительных шатаний взад и вперед, когда они руками и ногами отталкивались от взятия власти и ответственности, были бесславно сметены со сцены... Ленин, Троцкий и их товарищи в полной мере проявили мужество, решительность, революционную дальновидность и последовательность, на какие только способна партия в исторический час. Большевики были олицетворением революционной чести и способности к действию, которые утратила социал-демократия Запада. Их Октябрьское восстание было не

только фактическим спасением русской революции, но и спасением чести международного социализма»[20].

31 декабря 1917 г. и 25 января 1918 г. в меньшевистской газете «Вперед»[21] были опубликованы статьи К.Каутского «Восстание большевиков» и «Демократия и диктатура». В первой он приветствовал факт овладения пролетариатом правительственной власти, но подчеркивал, что Россия к социалистическому производству не готова. Вторая статья Каутского затрагивала важный вопрос, не раз поднимавшийся им в более поздних работах: насколько совместимы диктатура пролетариата и демократия особенно в ее большевистском варианте их развития? В статье он высказывался об этом сдержанно, ссылаясь на отсутствие данных и незначительное время пребывания большевиков у власти. Поэтому он желал «большевикам успеха», ибо «с их дальнейшей судьбой связано ближайшее будущее русского социализма... и даже русской демократии вообще». Каутский сразу же предупреждал, что «стремление к диктатуре пролетариата ни в коем случае не предполагает хотя бы и временной отмены демократических прав и свобод». Он ратовал за приоритетное развитие прежде всего демократических свобод. Позже Каутский весьма критически относился к власти большевиков, особенно к террору и запрещению демократических свобод. Для Каутского большевики стали «заговорщической организацией», проявившие в борьбе за власть аморализм и выбросившие за борт все демократические идеалы[22].

Аксельрод, в отличие от Каутского и Р.Люксембург, не испытывал никаких колебаний по отношению к большевикам и их пребыванию у власти. Он вел против них последовательную разоблачительную борьбу, которая была воспринята далеко не всеми западными социалистами. По его мнению, «большевистская «революция» была просто военным заговором», а «большевистский переворот был только колоссальным преступлением и ничем иным быть не мог»[23]. В августе 1918 г. он написал открытое письмо «К социалистическим партиям всех стран», которое подписали так-

же эсеры Русанов, Сухомлин и Д.О.Гавронский. В нем международное социалистическое сообщество призывалось заняться беспристрастным изучением большевистского режима в России. Аксельрод отмечал, что западные социалисты не верят тому, что большевики правят при помощи репрессий и террора, ограничения демократических свобод, и потому предлагал создать комиссию, которая отправилась бы в Россию и на месте проверила результаты правления большевистского режима. По мнению авторов письма, правящий в России режим выродился в «отвратительную» контрреволюцию, и его следует морально осудить всем социалистам. Аксельрод не поддерживал идею вооруженного, насильственного свержения власти большевиков. Он предлагал противопоставить большевистскому произволу «организационную и агитационную работу среди масс с целью развить их способность к политической борьбе». Аксельрод даже назвал одну из своих статей «К вопросу о социалистической интервенции». Он был убежден, что только правда о правлении Ленина могла вернуть трудящихся в ряды подлинной социал-демократии[24].

Идея посылки комиссии социалистов в Россию для выяснения реалий правления большевиков не вызвала поддержки многих западных коллег. 14 сентября 1918 г. Аксельрод благодарил руководителя датских социал-демократов Т.Стаунинга за доброжелательное отношение, т.к. «мы живем в такое время духовного замешательства и прямо-таки морально-политического упадка (распада), что приходится считать (чуть ли не) особой заслугой или добродетелью, если представитель иностранной социалистической партии... честно хочет понять нас и не подвергает злостному истолкованию наших слов и мыслей». Он сетовал на то, что германские и другие левые выступили против его предложения о посылке комиссии в большевистскую Россию. И заключал: «Много тяжких грехов и упущений по отношению к русской революции лежит на совести западноевропейских рабочих партий. Но наиболее роковым и, во всяком случае, наименее про-

стительным их грехом является положение, занятое ими по отношению к чисто военному перевороту большевиков и установленному ими кровавому режиму... С современным социализмом и господством пролетариата этот режим имеет еще меньше сходства, нежели средневековая анархия и азиатское варварство прежних времен с современной культурой и современной демократией». Аксельрод был против сравнения большевиков с якобинцами, ибо, по его мнению, это то же самое, «что сравнивать карикатуру с ее оригиналом». Он считал, что «большевистская диктатура есть просто авантюристическая и чрезвычайно трагическая пародия на диктатуру Горы в эпоху первой французской революции». Аксельрод возлагал свои надежды на международное социал-демократическое движение и призывал избавиться от заблуждения, что советская власть — рабочая. Он высказывал опасение, что чувство отчаяния может вызвать у российского населения надежду на любого, кто установит порядок и обеспечит личную безопасность, хотя она будет смешана «с чувством горечи»[25].

В 1900 г. Аксельрод в письмах обращался к Ленину как к «дорогому другу», но после II съезда РСДРП это приветствие исчезло. Потресов, знавший Аксельрода многие годы, в некрологе о нем подчеркивал, что Аксельрод со времени возникновения большевизма «сказал твердо и ясно: большевизм — вот враг. Враг социал-демократии, враг русского рабочего движения». Он упрекал меньшевиков в том, что, почитая Аксельрода, они «за ним в его беспощадной оценке большевизма не захотели последовать»[26]. Аксельрод был противником вооруженной интервенции против советской России, но вначале не очень верил в долговременность функционирования большевистского режима. Лидеры большевизма в то время мечтали о мировой революции и рассчитывали в этом отношении на помощь западноевропейских социалистов, которых Аксельрод и его сторонники призывали этого не делать. Так, у Аксельрода Артур Лютер, один из ведущих немецких пропагандистов и переводчиков русской литературы,

в брошюре «Год большевизма» (Берлин, 1918) заимствовал прогноз развития событий в России, которая вскоре станет «надежнейшей опорой самого кровавого реакционного режима» — то есть радикальной контрреволюции. Поэтому «долг всех демократов и социалистов, если они хотят избежать подобного возврата к "самой мрачной реакции", состоит в том, чтобы объединиться и дать отпор большевизму»[27].

20 декабря 1925 г. В.С.Войтинский подарил Аксельроду свою брошюру «Кто такой Павел Борисович Аксельрод и почему он не с большевиками? 1850–1925 гг.». Брошюра была приурочена к 75-летию Аксельрода и написана Войтинским по поручению Заграничной делегации РСДРП. В ней рассматривалось политическое прошлое Аксельрода, отмечались его выступления против ленинской тактики, потому что «Ленин стремился поставить рабочий класс в подчинение партии, а партию подчинить себе». Войтинский подчеркивал, что основатели российской социал-демократии Плеханов, Аксельрод и В.И.Засулич не пошли с большевиками, так как «те задушили демократию, осквернили марксизм в их понимании»[28].

Аксельрод пользовался среди социалистов неоспоримым авторитетом. Свидетельствами этого являются письма к нему видных представителей социалистического движения, посвященные ему специальные номера журнала «Социалистический вестник». И.Г.Церетели с 1919 г. представлял за рубежом интересы Грузинской демократической республики, а после ее падения (1921 г.) — грузинской социал-демократии. 6 января 1920 г. он писал Аксельроду, что его деятельность является «большим облегчением в... нынешней трудной работе». 13 марта 1923 г. Ф.И.Дан, Б.И.Николаевский и Р.А.Абрамович в связи с 25-летием создания группы «Освобождение труда» приветствовали Аксельрода как человека, «которому меньшевистское крыло социал-демократии более, чем кому-либо, обязано руководящими своими идеями». 26 сентября 1920 г. В.М.Зензинов в письме к Аксельроду предлагал ему сотрудничество с эсеровским журналом «Воля Рос-

сии», сообщив, что в Праге находится С.Д.Щупак, «с которым мы дружно работаем вместе»[29].

Авторы статей «Социалистического вестника», посвященных Аксельроду, подчеркивали антибольшевистский характер его выступлений. Ф.И.Дан отмечал, что при самом зарождении большевизма «Аксельрод предвидел, что торжество его означало бы самый чудовищный маскарад, самую злую шутку, какую только история могла бы сыграть над русским пролетариатом». Позже Дан писал о «глубокой борозде между пролетарским социализмом Аксельрода... и крепостническим социализмом Ленина». Для Аксельрода были неприемлемы «методы большевистской диктатуры с ее культом физического насилия, попрания личности, казенщиной обязательной мысли, идейной нечестностью и моральной неразборчивостью»[30].

А.Н.Потресов был, наверное, еще большим и решительным противником большевизма, нежели Аксельрод. Ведь он на себе испытал этот режим: в сентябре 1919 г. Потресов был арестован петроградской ЧК по обвинению в участии в «Союзе возрождения России» и «Тактическом центре». В качестве заложников арестовывались его жена и дочь. В ноябре 1919 г. он был освобожден под поручительство Мартова, Дана и других меньшевиков, а также большевиков Н.И.Бухарина, Л.Б.Красина и др. В апреле 1920 г. Потресов был арестован вновь и освобожден под поручительство директора института К.Маркса Д.Б.Рязанова[31].

Конечно, большевистские аресты усилили отрицательное отношение Потресова к властям. Но такие чувства по отношению к Ленину, его приходу к власти у него сформировались намного раньше. Потресов был одним из основателей РСДРП. Он, Ленин и Мартов были вместе в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» (1895–1897), а в 1900–1903 гг. вместе редактировали «Искру». В очерке о Ленине (1927) Потресов отмечал, что основой его написания являются восемь лет (1895–1903) встреч «и временами, например, в Мюнхене, моей почти совместной жизни с молодым и начинающим Лениным».

Потресов вспоминал, что работать с Лениным было сложно, т.к. он «органически не переваривал мнений, отличных от его собственных». Но признавал его лидерство: «Плеханова — почитали, Мартова — любили, но только за Лениным беспрекословно шли как за единственным бесспорным вождем». Его вывод был весьма скептичен: «Болезнь и смерть избавили Ленина от печальной участи до конца расхлебать эту кашу, заваренную им. Заваренную не по Марксу, а именно во славу того аморализма, который представлялся ему таким практически целесообразным и который оказался в конце концов, несмотря на временные головокружительные успехи, таким непрактичным и страшным по своим последствиям». Ленин в одном из писем Горькому оценивал Потресова более лаконично: «Экий подлец этот Потресов»[32].

Статья Потресова к десятилетию со дня смерти Плеханова проникнута горечью и разочарованием. Плеханов приехал на родину только за тем, писал Потресов, «чтобы собственными глазами лицезреть, как Россию опять заковали в цепи. И в какие цепи? — Со штемпелем пролетариата! И кто? — Его же прежние ученики! Трудно представить себе худшую египетскую казнь, чем этот тяжелый удар судьбы, который обрушился на Плеханова... Он был шекспировским королем Лиром, которого покинули и предали его собственные дети...»[33]

Отношения Ленина и Потресова, бывших друзей юности, завершились яростной враждой[34]. Ныне известно письмо Ленина Сталину 16 июля 1922 г., в котором предлагалось ускорить высылку из России меньшевиков, народных социалистов и кадетов. Особняком в этом послании стояла фамилия Потресова. Ленин считал необходимым всех их «решительное искоренение» и безжалостное изгнание за границу, чтобы «очистить Россию надолго»[35]. Но разрешение на отъезд в связи с болезнью Потресов получил только в 1925 г., уже после смерти Ленина. Именно тогда, измученный болезнью и разочарованный тем, что произошло в России, Потресов 20 августа 1925 г. писал Аксельроду: «Думаю, что и Вам, дорогой Павел Борисович, как и мне, хочет-

ся больше всего дожить до того дня, когда падет, наконец, наше новое российское самодержавие. Вероятно, и тогда будет не очень сладко жить, но, по крайней мере, будет снято позорное клеймо с социализма...»[36]

Все, без исключения, историки российского меньшевизма подчеркивают бескомпромиссную позицию Потресова по отношению к политике Ленина и приходу большевиков к власти в октябре 1917 г. В отличие от Мартова он не фетишизировал идею единства партии, справедливо полагая, что объединение со старой большевистской фракцией при лидерстве Ленина невозможно. Да и эта фракция с 1912 г. именовала себя отдельной партией большевиков. Потресов был решительно против какого-либо сотрудничества с большевиками. Он считал, что «пролетарская среда... никогда не простит меньшевистской социал-демократии» то, что она «не посмела разорвать с большевизмом так основательно и беспощадно, как это полагается делать социал-демократии со всякой контрреволюцией и тем более с контрреволюцией, свившей себе гнездо в недрах рабочих масс»[37].

Потресов защищал свои позиции меньшевика-«оборонца», сторонника коалиционного Временного правительства, и был не согласен с взглядами Мартова и его сторонников — интернационалистов, настроенных не столь радикально по отношению к большевистской власти. В статье «Полумарксистам» (февраль 1918 г.) Потресов сформулировал свое политическое кредо того времени. «Центральным моментом для... социал-демократов марксистов должен явиться вопрос о дальнейшем возможном капиталистическом развитии России... Мы хотим ясности от наших оппонентов. Мы говорим им: одно из двух — или вы принимаете вместе с большевиками, что Россия совершает социалистическую революцию — пролог мировой... и тогда вы будете правы и последовательны, отвергая всякую мысль о совместном действии с той буржуазией, которая этой революцией обрекается на уничтожение. Или вы этого принять — в меру своей социалистической совести — не можете^ и тогда вы признаете другое и... долж-

ны констатировать, что Россия страдает сейчас не от избытка капиталистического развития, а наоборот, — от его недостаточного развития... Если Россия еще в состоянии выйти из настоящего исторического тупика на широкую дорогу прогресса, то ясно — она выйдет из него общими усилиями своих передовых, хотя и друг другу антагонистических, классов»[38].

Для Потресова большевизм был «контрреволюцией». На вечере памяти Потресова его единомышленник Ст.Иванович (С.О.Португейс) говорил о нем как о человеке, для которого «большевизм был не только система власти, а воплощение всего антиморального... для него неприемлемы были те люди, которые насильно насаждали марксизм»[39]. В середине 1918 г. Потресов покинул ряды партии, в создании и укреплении которой он весьма активно участвовал. Потресов не смог смириться с политикой Мартова, ставшего лидером партии, готовым на сотрудничество хотя бы в чем-то с большевистскими властями.

У Мартова было свое, особенное отношение к большевикам и завоеванию ими власти в стране. У него было отрицательное отношение к новой партии власти и ее вождю, но его весьма смущало не только общее прошлое пребывание в РСДРП, но и то, что за большевиками шла часть пролетариата, а воевать с ними он не мог, сам представляя этот класс как член и один из руководителей рабочей партии.

Биографы Мартова и историки российского меньшевизма для характеристики его взглядов на происшедшее в стране 25 октября 1917 г. используют его высказывания разных лет. Их выводы не вызывают сомнения, хотя такой подход не отражает эволюции взглядов Мартова. Сводятся они к следующему: 1. В отличие от многих своих современников, Мартов не верил в скорое падение власти большевиков. 2. Мартов не призывал к реставрации керенщины и был согласен поддержать большевиков на условиях создания коалиционного демократического правительства, отказа от утопических социалистических экспериментов и террора. 3. Мартов предлагал меньшевикам не участвовать

в гражданской войне, критиковать антидемократические деяния большевиков, бороться за сплочение пролетариата на основе социал-демократизма. 4. Мартов считал возможным демократизировать установленную большевиками советскую систему, рассчитывая на разочарование населения в большевизме, раскол внутри РСДРП(б), мировую революцию[40].

Д.Ю.Далин — один из сподвижников Мартова по руководству фракцией меньшевиков-интернационалистов — писал в очерке «Меньшевизм в период советской власти»: «В своем отношении к ленинской власти Мартов колебался между крайностями понимания и сочувствия, с одной стороны, и протеста и возмущения — с другой... Идея "соглашения" с большевизмом сохранила для Мартова свою силу на многие годы как представление о здоровом, демократическом выходе из тупика; ее называли нормативной идеей. Она была для Мартова не той примитивной программой советского правительства Ленина и Мартова... Мартов не обманывался насчет Ленина». Далин отмечал, что постепенно эту идею восприняли многие меньшевики, считаясь с необходимостью предупредить «братоубийственную войну» или «гражданскую войну внутри пролетариата».

Далин, рассказывая о деятельности Мартова в 1917 г., подчеркивал его антибольшевизм, для которого октябрьский переворот был большой катастрофой, но и «исторической необходимостью». Он отмечал «раздвоение» Мартова в отношении к большевистской власти, его отталкивали терроризм и примитивизм, с которыми они начали властвовать. Но он не мог выступить против рабочего класса, именем которого большевистское правительство правило советской Россией. По его мнению, став руководителем меньшевистской партии в декабре 1917 г., Мартов не стал ее вождем, потому что в отличие от Ленина в нем не было «ничего от диктатора и даже от человека, обладавшего единоличной властью в своей партии»[41]. Мартов, говоря о внутрипартийных разногласиях, сообщал 30 декабря 1917 г. Аксельроду о своем видении создавшейся

ситуации: «Мы не считаем возможным от большевистской анархии апеллировать к реставрации бездарного коалиционного режима, а лишь к демократическому блоку... мы за преторианско-люмпенской стороной большевизма не игнорируем его корней в русском пролетариате, а потому отказываемся организовывать гражданскую войну против него...»[42] Много позже, 20 октября 1921 г., И.А.Виляцер писал Аксельроду, что различие его и Мартова в отношении к большевикам состоит в том, что Аксельрод хочет их власть в России свергнуть, а Мартов – исправить[43].

Эти две точки зрения по отношению к большевистской власти были главными среди меньшевистского сообщества той поры. Меньшевистское руководство примыкало к тому или иному решению этой насущной проблемы. Н.С.Чхеидзе – председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, председатель ВЦИК 1-го созыва и член ЦК партии меньшевиков с августа 1917 г. – встретил приход большевиков к власти отрицательно и тогда же уехал в Грузию, где стал одним из руководителей независимой Грузинской демократической республики. Н.Н.Жордания – с августа 1917 г. кандидат в члены ЦК РСДРП (о) – выступал против власти большевиков. Позже Жордания вспоминал, что в Грузии «мы надеялись, что в России смогут положить конец большевизму, сумеют создать нормальное правительство», но этого не произошло. Жордания был избран депутатом Учредительного собрания, но грузинские меньшевики послали в Петроград только Церетели. Когда Учредительное собрание было разогнано, отмечал Жордания, это означало отделение Грузии от России[44].

И.Г.Церетели – в 1917 г. министр Временного правительства и член ЦК РСДРП(о), один из лидеров центристов в партии меньшевиков. Вспоминая осень 1917 г. и поражение коалиционного правительства в борьбе с большевиками, он писал: «Подлинная причина, почему руководящие круги демократии не сумели тогда создать власть, способную справиться с этой задачей, коренилась в психологии самих этих руково-

в 1917 г. «играл решающую роль среди так называемых революционных "оборонцев", — течения, главенствующего в партии меньшевиков до съезда в ноябре-декабре 1917 г. ...на котором большинство перешло к меньшевикам-интернационалистам и на котором Дан присоединился к Мартову, лидеру последних»[48]. Заметим, что Дан до приезда в Петроград после свержения самодержавия был интернационалистом и поддерживал Мартова. Вернувшись из Туркестанского края, где служил врачом, он присоединился к Церетели и вместе с ним и Чхеидзе стал одним из руководителей центристов – революционных «оборонцев» в меньшевистской партии[49]. Дан был вместе с Мартовым в годы войны, после Февраля он идет работать в Петроградский Совет, ставший одним из центров власти в стране, и становится «оборонцем», а в дни октябрьских событий снова уходит к Мартову, понимая, что Временное правительство вместе с поддерживавшими его «оборонцами» уступили власть большевикам. Дан был прагматичен в своих поступках и жаждал реального дела, а не только принципиальной политической борьбы за свои убеждения.

В октябрьские дни 1917 г. Дан был против захвата власти большевиками. Он предлагал, выступая в Совете республики 24 октября, принять политические меры, дабы выбить «из-под ног большевизма ту почву, на которой он вырастает, как гнилой гриб», а именно заявить о своем решении вопросов мира, земли и демократизации армии. Об этом же Дан говорил в тот же день, 24 октября, на экстренном объединенном заседании ВЦИК. Тогда Дан заявил, что он и его соратники считали, что «России необходим светлый мир, без какого бы то ни было ущерба для нашей страны». Но «оказалось, что народные массы слишком измучились, доведены до последнего предела отчаяния и уже не в состоянии дождаться возможности осуществления такого мира». Поэтому, подчеркивал Дан, нужно идти к миру ускоренным путем и заключить мир, издать декрет о передаче частновладельческих земель в руки земельных комитетов как можно быстрее.

В конце октября 1917 г. Дан, как и многие другие

меньшевики, полагал, что большевики не смогут выполнить свои обещания народу и «их временная победа через небольшой промежуток времени сменится горьким поражением». 3 ноября на заседании меньшевистских фракций Совета республики, ВЦИК II-го съезда Советов и Петроградского Совета Дан предложил тактику поведения однопартийцев, в которой главной задачей видел капитуляцию большевизма, необходимую для предотвращения гражданской войны, «отделение большевизма от рабочего движения», а также признание равноправия всей демократии[50]. Реализации надежд Дана не произошло. 10 января 1918 г., выступая на заседании ВЦИК 1-го созыва, он признавал: «Наши надежды на крушение большевистского режима не оправдались, и теперь трудно быть оптимистом, чтобы сказать, что это скоро случится». Вместе с тем, как подчеркивал Д.Ю.Далин, цитируя Дана, «уверенность в том, что большевизм — преходящее явление, что жизнь ему отмерена короткими сроками, сочеталась с оппозицией большевизму во всех его проявлениях»[51]. Ясно было одно: Дан, как и Мартов, хотел решить вопрос о власти с большевиками демократическим путем.

Дан позже, осмысливая политику революционного «оборончества» в 1917 г., назвал ее ошибочной из-за «неправильной оценки международной обстановки и внутреннего положения русской революции». По его мнению, это произошло в результате надежд Временного правительства на поддержку союзников в войне и заключение демократического мира, тогда как нужно было соглашаться на сепаратное перемирие. Дан отмечал, что после захвата власти большевиками меньшевики отказались участвовать в начавшейся гражданской войне под началом Керенского и стремились путем компромисса создать объединенное правительство из представителей всех социалистических партий. Однако эта политика расколола ряды меньшевизма. Значительная его часть — «революционные оборонцы» видели в большевиках только «авантюристов и узурпаторов» и потому отвергали любое сотрудни-

чество с ними. Это разделение меньшевизма на левое и правое течения было закреплено в конце 1917 г. на съезде РСДРП(о)[52].

Дан во многих своих работах и выступлениях не случайно не раз возвращался к оценкам политики меньшевиков в 1917 г. Этот год был особенно памятен для Дана прежде всего как политика и общественного деятеля: тогда он был редактором газеты «Известия», занимал важные посты в партии, ВЦИК 1-го созыва и Петроградском Совете. Это было время взлета и падения влияния меньшевистской партии, которые Дан пережил вместе со своими коллегами, отрицательно относившимися к приходу к власти большевиков[53].

Октябрьский переворот вызвал оживленную дискуссию в наиболее тогда авторитетной в Европе социал-демократической партии Германии. Известно, что К.Каутский весьма скептично отнесся к утверждению большевиков, что ими совершена социалистическая революция. Он считал, что нечто подобное могло произойти лишь в развитом индустриальном обществе, а не в экономически отсталой России. Его поддержал меньшевик А.Н.Штейн (1881–1948), проживавший тогда в Германии. Он заявил, что «диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства», провозглашенная большевиками, оказалась сразу же после их победы диктатурой одной партии, причем переговоры о создании социалистического правительства были сорваны Лениным и Троцким. Штейн отметил борьбу большевистских властей с инакомыслием в стране, закрытие оппозиционных газет и журналов, произвольные репрессии. Каутского и Штейна не поддержали, однако, Ф.Меринг и К.Цеткин, заявившие, что революции делаются не в замшевых перчатках...[54]

Наиболее остро вопрос об отношении меньшевиков к захвату власти большевиками стоял на экстренном, чрезвычайном съезде РСДРП(о) 30 ноября – 7 декабря 1917 г.[55] Незадолго до его открытия, 19 ноября 1917 г., в газете «Луч» появилось обращение 11 меньшевиков-интернационалистов, в том числе и Мартова, к партии. В нем весьма резко утверждалось,

что съезд собирается в «трагический момент», когда стоит вопрос о дальнейшем существовании меньшевизма «как партии вообще, как партии рабочего класса в особенности». В обращении подчеркивалось «великое политическое поражение партии» 25 октября, в том числе и как организации, которая через три месяца после объединительного съезда «находится в состоянии внутренней анархии». Мартов и другие подписанты обращения высказывали претензии руководству партии за бесконечные колебания в политической линии; отставание теоретической мысли и партийных директив от практики местных организаций; склонность к «каучуковым» резолюциям; попытки поддерживать единство партии методом «механического соединения противоречивых тенденций». Они видели две перспективы: или большевистский захват власти будет безболезненно ликвидирован образованием социалистического правительства, или же вмешательство «марксистского авангарда пролетариата окажется уже пришедшим слишком поздно». Подтвердилась вторая перспектива с существенной поправкой: большевики на короткое время позволили разделить с ними власть левым эсерам, но не отнять ее у Ленина.

Мартов, готовясь к съезду, выступил с рядом газетных статей. 20 ноября 1917 г. он писал в «Искре» о причинах и характере Октябрьского переворота, а также отвечал Дану, почему политические неудачи преследуют меньшевиков-интернационалистов. Мартов говорил о недовольстве населения политикой Временного правительства, вместе с падением авторитета которого падал и престиж связанных с ним меньшевиков. В результате, подчеркивал он, банкротство политики меньшевиков-«оборонцев» и сторонников коалиции привело к поражению всего меньшевизма, в том числе и интернационалистов. В то время Мартов ратовал за переход власти к Учредительному собранию и считал, что в результате его разгона возникнет гражданская война внутри демократии, которая станет «самоубийством русского социалистического пролетариата»[56].

Чрезвычайный съезд РСДРП(о) открылся в 12 ча-

сов дня 30 ноября 1917 г. в зале Тенишевского училища в Петрограде. На съезде были представлены 132 814 организованных членов партии, избравших 121 делегата, хотя точное число прибывших на съезд неизвестно[57]. Съезд открыл К.М.Ермолаев, заместитель председателя ЦК РСДРП(о) П.Б.Аксельрода. Он был краток и резок: «...В партии царит полное разложение, делающее партию неспособной почти ни к какой политической деятельности»[58]. Председателем в первый день работы съезда был В.Н.Крохмаль. В состав Президиума съезда были избраны В.Н.Крохмаль, Р.А.Абрамович, С.С.Девдариани, А.Б.Романов, О.А.Ерманский, И.Н.Дементьев и Д.К.Глухов. Секретарями – Е.Л.Бройдо и С.М.Зарецкая. Съезд приветствовал избранных членов Учредительного собрания, тех, кто пострадал от большевистского насилия, заболевшего Церетели и подтвердил право делегатов на свободное голосование. На съезде обсуждались вопросы о задачах партии в Учредительном собрании и «текущем моменте», мире и перемирии, единстве партии, об участии в работе Советов, о национальной и областной автономии, рабочем контроле и регулировании промышленности и др. Дан и Мартов предложили образовать комиссию для выработки резолюции протеста против большевистского террора и ознакомить с ней членов Интернационала. В комиссию делегаты съезда избрали Дана, А.Н.Потресова и А.С.Мартынова. Член ВЦИК и делегат съезда М.В.Мысков предложил от имени собравшихся приветствовать Г.В.Плеханова, «подвергшегося грубому насилию со стороны большевиков»[59].

На съезде столкнулись различные мнения об отношении к новой власти и перспективах дальнейшей работы партии. Правых, непримиримых к большевикам, представляли А.Н.Потресов и М.И.Либер[60]; колеблющийся центр – Ф.И.Дан; левых, согласных при ряде условий на сотрудничество с большевиками, – Ю.О.Мартов. Прения развернулись по докладам Либера, Мартова и Потресова. Убедить им друг друга не удалось, но в своем большинстве делегаты поддержали Мартова.

Каковы же были аргументы докладчиков? Мартов в речи о текущем моменте исходил из того, что «переворот 25 октября» не являлся случайностью и был предопределен «всем ходом русской революции». Перед ней, по его мнению, стояли три основные задачи: прекращение войны, создание условий для нормального развития экономической жизни страны и радикальное решение аграрного вопроса. Коалиционное Временное правительство их решить не смогло. Более того, «коалиция с буржуазией, стремление государственную власть в революции сделать во что бы то ни стало общенациональной сделала мелкую буржуазию непригодной для роли общенационального вождя революции», несмотря на возможность поддержки ее пролетариатом. Мартов возлагал «известную долю ответственности» за это на РСДРП. «Своим отношением к идее коалиции, господствующим в партии так долго, — говорил он, — мы тормозили самоопределение буржуазной демократии... Топтание революции на одном месте привело партию к гниению. Большевистское восстание 3–5 июля продлило дни коалиционного правительства. Корниловский мятеж вызвал подъем демократии, что создало условия "для мирного распространения идеи однородной революционной власти"». Но Демократическое совещание отвергло ее, и это способствовало обострению противоречий между настроением народа и властей. И тогда вопрос встал так: произойдет ли взрыв до Учредительного собрания или последнее предупредит его?

В отличие, пожалуй, от всех других меньшевистских лидеров, Мартов отмечал, что «мы, как партия политического реализма, должны отдать отчет в том, что независимо от наших симпатий и антипатий пролетариат и те, кто идет за ним путем этого переворота, пытаются осуществлять агрессивно-прогрессивные задачи, перед которыми запнулась буржуазная демократия». И утверждал: «Неверно, что этот переворот контрреволюционен. Он, конечно, может быть прологом к контрреволюции... Можно предвидеть, что попытка скачка социалистической революции иначе,

как крахом, и не может кончиться. Но в существе своем переворот вызван неудовлетворенными потребностями рабочего класса». Мартов подчеркивал, что партия, которая пришла к власти при помощи заговора, «не может управлять иначе, как путем террора, доведенного до конца, и в этом ее историческое осуждение. Крушение ее неизбежно». Он считал тогда, что выбор существует между коалицией с большевиками или с цензовиками, но «при условиях, в которых последнее возможно только на трупах пролетарского движения». От большевиков Мартов требовал отказа от «анархистских приемов диктатуры против демократии». Он ставил задачу собирания пролетарских сил и сохранения «классовой самостоятельности» меньшевиков. Не исключая возможность соглашения, Мартов считал недопустимым «растворения» меньшевизма в демократической стихии.

По докладу Мартова о текущем моменте была принята предложенная им резолюция (50 — за, 31 — против, 8 — воздержавшихся). В ней предлагалось способствовать единению пролетариата и мелкобуржуазной демократии для проведения демократических реформ в стране; бороться с «режимом анархии и террора» за признание всей полноты государственной власти за Учредительным собранием[61]. В 1919 г. Мартов, объясняя, почему он предпочел большевиков генералам и интервентам, вспомнил о Чрезвычайном съезде меньшевиков в конце 1917 г., когда он и его единомышленники признали «из программы октябрьского переворота то, что в нем было не утопическим и лежащим на линии революционного развития: немедленный мир, передача земли крестьянам, государственное регулирование всего производства»[62].

Первым на съезде выступил М.И.Либер. Он представлял «оборонцев», впервые в 1917 г. оказавшихся на меньшевистском форуме в меньшинстве. Выступление Мартова было и ответом на речь Либера, который считал, что для того, чтобы «определить свою будущую тактику, нам необходимо понять, что, собственно, случилось. Наши разногласия в области линии прак-

тического поведения коренятся в коренном разногласии в оценке происшедшего... Главная причина переживаемого кризиса — неудачи затяжной войны». Он полагал, что народы страны «жаждали мира во что бы то ни стало. И это-то и привело к перевороту 25 октября». Либер говорил об ошибочности участия партии в коалиционном правительстве. Также квалифицировал он и призыв Мартова к созданию однородного социалистического правительства. «Если бы мы взяли власть», — утверждал он, то «удержаться у власти мы могли бы лишь методами большевиков». Либер говорил о разочаровании рабочих в революции, которое он увидел в их изменившемся отношении к «самим принципам демократии, в необходимости демократических учреждений: всеобщего избирательного права, свобод, демократической республики, Учредительного собрания и т.д.» Либер весьма пессимистически отнесся к происходящему тогда в стране, говоря, что большевики воспитывают презрение к демократии, «привычку всего ждать от власти, лишь беспрекословно подчиняться ей... привычку к насилию, бесправию и произволу...» По его мнению, в стране произошла «не неудачная социалистическая революция», а «удачная контрреволюция».

Либер, исходя из этого определения, ставил задачу: защитить завоевания революции и спасти хотя бы часть завоеванного у царизма — всеобщее избирательное право, Учредительное собрание, демократические свободы. «Мысль о сохранении всего этого должна господствовать, если только мы остались социал-демократами», — подчеркивал он. Либер был против любых блоков с большевиками, но указывал на возможность подобных компромиссов с кадетами. Он призывал к решительной борьбе с большевизмом, но предлагал вести ее сугубо политическими методами, хотя и признавал право народа на восстание против власти большевиков[63].

Мартов практически ответил на всю критику меньшевиков-«оборонцев», высказанную Либером. Главным здесь было непризнание октябрьских со-

бытий как контрреволюции. Потресов выступал от имени правых «оборонцев» на первом заседании съезда, заменив объявленного до этого докладчиком П.Н.Колокольникова. Потресов в начале своего выступления подчеркнул роль солдат Петроградского гарнизона в свержении царизма (февраль) и захвате власти большевиками (октябрь 1917 г.) и указал на пассивность рабочих в этих событиях. Он выступал уже после докладов Либера и Мартова и выразил свое несогласие с каждым из них. Потресов весьма саркастично сравнивал октябрьский переворот, совершенный большевиками, с дворцовыми сменами власти XVIII века — тогда они прямо назывались переворотами, тогда как в России его назвали «социалистической революцией». По его мнению, царизм пал из-за продовольственной разрухи и «боязни предательства, зародившегося при царском дворе», а не усталости армии, как считал в своем докладе Либер. Потресов исходил из того, что не было и коалиционного правительства, а была «однородная социалистическая власть... с небольшими фиговыми листиками в виде отдельных буржуа-министров». Он считал, что миновать этап буржуазной революции в России нельзя и потому нужно свергнуть власть большевиков любыми средствами. «Большевизм тем характерен, — говорил Потресов, — что он никогда не позволял себя причесывать. Он непоколебим. Его можно сломить, но нельзя согнуть». Потресов полагал, что большевики шли за массами, да и левые меньшевики народу не были нужны: «К чему, в самом деле, большевики второго сорта, когда есть первосортные», — добавлял он, имея в виду меньшевиков. Потресов был настроен мрачно: он требовал всячески отмежеваться от большевиков, его расстроили результаты выборов в Учредительное собрание, показавшие, что «нас (меньшевиков. — *И.У.*) нет на политической арене».

Потресов возражал против стремления Мартова представить захват власти большевиками «на русский лад пролетарской диктатурой». «Всякий, кто был (свидетелем), знает, что пролетариат в Петрограде остался

пассивен, — отмечал Потресов. — Были отряды красной гвардии, но в рабочих кварталах было не то выжидательное, не то равнодушное настроение. Нельзя говорить о (народной) волне, поднявшей и снесшей коалицию. Это было бы вопиющим надругательством над фактическим характером революции — поразительное равнодушие масс, позволяющих группе режиссеров, опирающихся на силу штыков, осуществить переворот. И в этом перевороте гораздо больше не Европы, а Азии... Делать социалистическую революцию за четыре недели до Учредительного собрания — это странная диктатура, которая началась с отрицания всеобщего избирательного права». Потресов был уверен, что в центре внимания партии должна быть задача создания национального единства[64].

30 ноября на вечернем заседании съезда и 1 декабря продолжилось обсуждение прослушанных докладов. Среди 13 вечерних выступлений (А.Виляцер, А.Э.Дюбуа, В.И.Дан, К.Орлов, Н.А.Рожков, Б.С.Кибрик, О.А.Ерманский, П.Н.Севрук, С.М.Зарецкая, Б.И.Горев, И.Г.Волков, П.Н.Колокольников, Г.А.Кипен)[65] выделялась речь Дана. Он заявил о своем несогласии с выводами Либера, Мартова и Потресова. По его мнению, Мартов «дал совершенно неверный, исключительно абстрактный анализ революции, не создав картины действительного соотношения сил». Дан увидел это в словах Мартова о том, что приход к власти большевиков не был «контрреволюцией», а лишь прологом к ней, что переворот был совершен деклассированными элементами, крестьянами, мобилизованными в армию, которая, по Мартову, могла быть союзником пролетариата. В отличие от Мартова, Дан считал создание однородного социалистического правительства лишь временным средством спасения. Он признавал, что в октябрьский переворот было «втянуто огромное большинство пролетарских масс, подчиненных ему иллюзией с помощью штыков совершить социальный переворот». Поэтому Дан делал вывод о том, что ликвидация «большевистской диктатуры» должна происходить не вооруженной силой, а так, чтобы «рабочий

класс кроваво не пострадал бы». Дан говорил о возможности соглашения «не с теперешними лидерами большевизма, а с теми, кто идет под большевистскими лозунгами». Завершил он выступление довольно мрачно: «Только мы, повернувшись лицом к рабочему классу, сможем спасти его от кровавого разгрома. Если же нам этого не удастся, то этим путем мы придем все же, может быть, и через 10–20 лет, но к созданию действительной социал-демократической рабочей партии»[66].

Н.А.Рожков отметил в своем выступлении по первым трем докладам, что «террор, анархия и бонапартизм большевиков... являются следствием политики коалиционного правительства». Б.С.Кибрик ошибку Мартова и Ерманского видел в их «сливании рабочего класса с большевизмом», тогда как главной задачей противостояния большевизму являлась, по его мнению, «идейная борьба». П.Н.Севрук говорил о том, что лозунги о мире, хлебе и земле были разговорами в коалиционном правительстве, а реализовать их стали большевики, поэтому меньшевикам следует работать под этими же призывами и тогда «ликвидируется большевизм». С.М.Зарецкая была решительно против каких-либо соглашений с большевиками[67]. Проблемы соглашения на определенных условиях с большевистской властью или отказ от соглашения с ней и сохранения единства партии в новых условиях была основной во многих выступлениях делегатов съезда. Это особенно проявилось на утреннем заседании второго дня его работы, когда завершились прения и с заключениями выступили докладчики первого дня Потресов, Мартов и Либер.

Прения по первым докладам на съезде завершили Р.А.Абрамович и В.О.Левицкий. Абрамович предлагал признать большевизм не только солдатским движением, но и «выражением стихийных неизбежностей, настроений рабочих масс». Он уточнял: «Большевизм — не только солдатский бунт, это единственная историческая форма рабочего движения, единственная историческая форма, в которой и социализм, и революция понятны массам». Левицкий, выступивший с

резкой критикой ряда формулировок, прозвучавших с трибуны съезда, заметил по поводу высказывания Абрамовича, что это «теоретическое обоснование похабной политики». Левицкий указал на «безжизненность и бессодержательность» предложения Дана заключить соглашение «с большевиками, но без их вождей, на нашей программе». Он подчеркнул, что когда речь идет о культуре, имениях и инвентаре, он готов объединиться с кадетами против большевиков[68].

Первым с заключительным словом выступил Потресов. Он был зол, напорист и полемичен. «Мы несколько часов препираемся о текущем моменте, — начал Потресов. — Чем дальше я слушаю, тем меньше ощущается мне реальная атмосфера. То, что происходит сейчас на улицах, что и всюду, — колоссальная драма, которая, казалось бы, должна занимать центральное место в наших прениях. Но этого нет». Потресов был решительно против каких-либо соглашений с большевиками и призывал к решительной борьбе с ними, как это было во время свержения царизма. В этом плане он считал кадетов более последовательными, нежели меньшевиков-интернационалистов, и полагал, что, «когда народ развращается партией, называющей себя социал-демократической, тогда в народе убивают начинающий развиваться демократизм». Потресов резко и откровенно возражал против характеристики рабочего класса, данной Р.А.Абрамовичем: «Надо брать рабочий класс как он есть, рабочий класс не дорос до коалиции». По мнению Потресова, российские пролетарии «вообще не доросли до социал-демократии, а только до большевизма, до анархизма, до анархических, бунтарских движений!» В ответ на реплику Абрамовича: «Так бросьте рабочий класс!» он ответил: «Нет! Не брошу! Я только не имею претензии быть представителем всего рабочего класса в каждый момент, а только его авангарда!»

Потресов отрицал всякое признание большевизма. Он вопрошал: «В Австрии, когда большинство рабочих было за антисемитами, разве с ними социал-демократы боялись бороться?.. Мы должны пойти в рабочий класс с отчетливой проповедью борьбы с большевиками.

Надо сказать: у нас нет ничего общего с большевиками. И у нас больше общего с буржуазной демократией, чем с ними. Как в Европе, у социалистов больше общего с либералами, чем с социализмом дураков»... Потресов считал, что для спасения чести социал-демократии необходимо свергнуть большевизм[69].

Мартов в заключительном слове защищал политику своей фракции интернационалистов, назвал ее «преследуемой группой». Он подчеркивал, что революция в стране «не оправдала надежд, потому и победили большевики. Сводить его (большевизм) к авантюре — закрывать глаза (на действительность)». Мартов признавал, что соглашение с большевиками остается «жгучей проблемой». Но, по его мнению, те, «кто думает, что буржуазия более прогрессивна, чем утопическое крестьянство, должны признать, что большевизм на годы отбросил буржуазию к контрреволюции». Судя по газетной публикации, Мартов завершил свое выступление точными, сильными и корректными формулировками: «Соглашение с большевиками, конечно, компромисс... Почва для соглашения может быть создана лишь в ходе событий, разочарования масс в большевизме и их деления на своих вождей. Пока этой почвы нет. Может быть, ее и не будет. Но совесть наша будет чиста. Потресов думает, что, изолируясь от меньшевизма и изолируя пролетариат, мы добьемся того, что, разочаровавшись в большевизме, массы пойдут к нам. Нет, они покатятся дальше и сметут и нас. Может быть, это и произойдет. Но спасение возможно лишь по пути дальнейшего наступательного движения революции по пути разрешения ее задач». Мартов был уверен, что «не спиной надо поворачиваться к новой стадии революции», а работать в новых условиях[70].

М.И.Либер выступал с заключительным словом последним из первых трех докладчиков съезда. Он сетовал на то, что меньшевики еще не освоились с мыслью, что «большевики не та партия, которая подлежит расстрелу, а которая имеет власть. Нам надо определить отношение к большевикам не как к партии, а как к правительству, которое может прислать разогнать нас».

Либер считал, что соглашаться с большевиками ни в чем нельзя. Для него было ясно, что «этот преторианский большевизм» нельзя «примирить с идеей Учредительного собрания. Разве им не ясно, как и вам, что Учредительное собрание с ними покончит?» Он выступал против «кабинетной политики» руководства партии. В отличие от Мартова, говорившего, что большевики имели успех из-за неправильной точки зрения, Либер утверждал, что не массы идут за большевиками, а большевики идут за массой. Он упрекал меньшевиков-интернационалистов в заигрывании с большевиками и считал, что в результате выборы и в Учредительное собрание, и в Петроградский Совет были меньшевиками проиграны. И делал вывод: «Зачем вы нужны, когда есть большевики первого сорта?» Либер был согласен с Потресовым в необходимости изменения тактики партии, в том, что «ни в коем случае нельзя смешивать нас со Смольным». В газетной публикации завершение его выступления выглядит иначе, чем в записи Николаевского. Либер заявил: «Единство в эти трудные дни крайне необходимо. Но если это будет единство для перекидывания моста к Смольному, то такой ценой покупать единство мы не согласны. В такой партии никто из социал-демократов не останется»[71].

2 декабря на утреннем заседании съезда председательствовал Р.А.Абрамович. Докладчиками были Дан, Абрамович и Потресов. Тема обсуждения — вопрос о мире и перемирии. Дан защищал позицию «оборонцев» в войне и критиковал интернационалистов, призывавших к братанию и миру, а не к защите страны. Запись его выступления и газетная публикация отличались настолько, что авторы сборника документов сочли необходимым издать оба варианта. Дан считал, что «дальнейшее продолжение войны грозит революции смертельной опасностью» и потому следует стремиться к заключению демократического мира. При этом он возлагал все надежды на Учредительное собрание, которое этот мир могло, по его мнению, приблизить[72].

Абрамович возражал Дану, заявляя, что его высту-

пление — «блестящая иллюстрация того, какое банкротство потерпела их тактика»[73]. Потресов был наиболее пессимистичен в оценке сложившейся ситуации, полагая, что при призывах большевиков к сепаратному миру германские войска могут войти в Петроград. Он считал, что при дилемме — принять «похабный мир» или организовать отпор врагу следует избрать последнее: «Пусть это грозило бы гибелью, но честь революции была бы спасена»[74]. Заметим, что Мартов в то время увидел важность защиты чести социал-демократов в другом, а именно в борьбе с карательной политикой большевиков. В статье «Вопрос чести» Мартов призвал рабочих протестовать против насилия над политическими заключенными. Он возмущался поведением большевиков и левых эсеров, которые сами в недавнем прошлом были узниками царизма и требовали прекращения тюремных истязаний, а теперь же они, придя к власти, стали творить то же самое. Мартов считал, что рабочие должны организовать контроль за тюрьмами: «Если есть у русского пролетариата чувство чести, — писал лидер левых меньшевиков, — он не пройдет молча мимо этих безобразий, он не допустит, чтобы его именем покрывались насилия и, может быть, подготовленные заранее убийства пленников новой власти... Безоружный и плененный враг неприкосновенен — это азбука всякой цивилизации»[75].

На вечернем заседании съезда 2 декабря продолжались прения по докладам о войне и мире. Они, по сути, свелись к нападкам «оборонцев» на интернационалистов и перепалке между ними. Мартов не выдержал и заметил в своем выступлении: «Часть съезда превратила дебаты по вопросу о войне и перемирии в суд над интернационалистами», что, по его мнению, было недопустимо. В небольших заключительных выступлениях докладчики — Потресов, Абрамович и Дан — в основном защищали свои позиции[76].

Утром 3 декабря, на четвертый день работы съезда, началось голосование по проектам, предложенным докладчиками по анализу текущего момента. Это были проекты Потресова, Мартова, Либера и Дана. При го-

лосовании резолюция Мартова набрала наибольшее число голосов: 50 – за, 31 – против, 8 – воздержавшихся. За резолюцию Потресова проголосовало 10 делегатов, Либера – 13, Дана – 26. Резолюция Мартова была принята за основу решения съезда по данному вопросу. Для ее окончательного редактирования и согласования была избрана комиссия в составе Мартова, Абрамовича и А.А.Югова (интернационалисты), Дана и Череванина (центристы) и Г.А.Кипена («оборонец»), призванная найти какой-то компромисс.

В резолюции Потресова основное внимание уделялось защите демократических завоеваний и Учредительного собрания, которое может «спасти часть... рабочего класса от опасности полного разгрома как неизбежного результата большевистской контрреволюции». Либер также призывал РСДРП(о) «отказать в признании и поддержке партии, захватившей власть», и объединиться под лозунгом поддержки Учредительного собрания. Дан считал необходимым вести борьбу против актов насилия и произвола большевистской власти и был за «восстановление всех политических свобод, уничтожение системы политического террора и окончательную организацию демократически-республиканского строя». Потресов, Либер и Дан считали невозможным и любые контакты с большевиками, а Мартов защищал несколько иную точку зрения. Он был убежден, что Россия не готова к социалистическому преобразованию общества и в том, что пролетариату следует отказаться «от социального утопизма и от попыток власть всей демократии подменить диктатурой меньшинства», так как это «грозит пролетариату беспримерным в истории кровавым подавлением его движения». Мартов был решительным сторонником «единства пролетарского движения на основе самостоятельной классовой политики и освобождения его от анархических и утопических примесей». Это было для него главным. За это и проголосовало большинство делегатов съезда[77]. Резолюция Мартова привлекла их, вероятно, своей более, чем у других, миролюбивой направленностью, стремлением примирить явно не-

примиримое, но главное – избежать разгоравшуюся в стране гражданскую войну. Наверное, немалую роль в принятии резолюции Мартова сыграло и то обстоятельство, что Дан и Либер представляли собой ту часть партии, которая проиграла власть и потерпела поражение от большевиков. Поэтому делегаты предпочли поддержать бывших оппозиционеров в партии, надеясь с ними снова победить.

На заседаниях съезда 3 и 4 декабря обсуждался вопрос о единстве партии. Основным докладчиком был Мартов. Он был пессимистичен и резок. Для него не существовало единства ради формального объединения, его не устраивал опыт прошлого, когда «отдельные члены партии считали возможным, вопреки партийному решению, принимать участие в гражданской войне» или выступать на выборах в Учредительное собрание отдельными партийными списками. По мнению Мартова, «позиция центра с его попытками механического сглаживания разногласий путем каучуковых формул резолюций, дающих право каждой стороне вкладывать в них свое собственное содержание, только способствовала усилению партийной разрухи». Он считал, что «единство возможно только тогда, когда существует достаточно сильное большинство, которое может в основных политических вопросах выразить отчетливую линию и проводить ее достаточно энергично в жизнь, не нарушая, конечно, прав меньшинства на выражение мнений внутри партии». Мартов исходил из того, что если партия начнет разлагаться, то вместо одной получится 4 и больше фракций.

В обсуждении выступления Мартова приняли участие более десятка делегатов. Начал дискуссию Дан, сразу язвительно заметивший, что докладчик говорил «скорее о расколе, чем о единстве». Он исходил при этом из того, что большинство делегатов не объединяет идейная спаянность. О себе же лично Дан сказал, что он сторонник единства, но не разделяет «линии теперешнего большинства». О.А.Ерманский защищал позицию Мартова и ответил Дану очень резко: «Нас

связывает с вами только отрицание большевизма. Если бы не это, мы давно не были бы с вами. Единство нужно идейное». Концовка выступления Ерманского по-разному передана в газете и сборнике документов. В последнем читаем: «Нельзя спасти его ценой единства организационного» (С. 440), а в газете «Новый Луч», на которую обычно ссылаются при цитировании выступления Ерманского, говорится: «Надо спасти его ценой единства организационного». Вероятно, эту опечатку, которая меняет весь смысл фразы Ерманского, допустили составители сборника.

С.С.Девдариани, выступивший как сторонник Мартова, заявил о согласии с Даном в том, что «объективные условия никогда не благоприятствовали единству так, как теперь, при большевистском правительстве, когда в партии "оборончество" как руководящая линия ликвидировано». П.Я.Голиков заметил, что ко времени съезда существуют в партии две линии: «Одна тяготеет к Смольному, другая — хранящая традиции меньшевизма, ...считает единство невозможным». Он полагал, что раскол в партии необходим. Рабочий В.Г.Чиркин четко заявил: он против раскола и потому его не устраивают ни позиция Ерманского, ни позиция Голикова. «Если мы не преодолеем препятствий к единству, будет закрыт последний путь сопротивления тем волнам анархии, которые захлестывают рабочий класс», — сказал он. Его поддержал представитель Урала Брусин. По его мнению, на Урале нет раскола в партийной организации, а на съезде «злоупотребляли» словами: «Да здравствует раскол!» Но он стоит за лозунг «Да здравствует единство партии!» И.С.Астров призвал к единению, даже если будут созданы партийные группы. А.С.Мартынов согласился с ним, но по отношению к Потресову заметил: «Лед и пламень, вода и камень не могут быть так различны, как мы с Вами». С.М.Зарецкая заявила, что единство партии возможно только тогда, «когда большинство не хочет изгонять меньшинство», что избранный центр партии должен быть не дискуссионным клубом, «а политическим вождем».

На утреннем заседании съезда 4 декабря с заключительным словом по докладу «О партийном единстве» выступил Мартов. Он был решителен и резок. По его мнению, из-за позиции правых (Либера и др.) в ноябре было сорвано возможное сотрудничество с умеренными большевиками. Мартов считал, что меньшевизму нужно сохранение единства на принципах интернационализма, межпартийной солидарности и классовой политики. Однако предложенный Мартовым проект резолюции не был принят и была создана комиссия для его редактирования, куда вошли Мартов, его брат В.Ежов (С.О.Цедербаум), И.И.Ахматов, Б.С.Кибрик. Отредактированный текст резолюции был принят не сразу, а после довольно бурного обсуждения. В конечном счете за резолюцию проголосовали 58 делегатов, против – 5, воздержались – 20[78].

В довольно ускоренном темпе на съезде происходило обсуждение вопросов «Об автономии и федерации» (доклады М.И.Либера и С.Ю.Семковского), «О рабочем контроле» (доклады Ф.А.Череванина и И.М.Майского), «Об отношении партии к Советам, органам местного самоуправления и общественным организациям» (доклады А.С.Мартынова, Б.С.Кибрика, П.Н.Колокольникова).

В программе РСДРП по национальному вопросу говорилось о равноправии наций и их праве на самоопределение и создание областных федераций. Но отношение различных социал-демократических фракций к созданию федеративного государства было различным. Накануне Первой мировой войны Ленин был против права наций и на отделение и создания федерации[79]. 16 мая 1917 г. был опубликован в «Рабочей газете» проект резолюции по национальному вопросу Общероссийской конференции меньшевиков. Принять этот проект, где говорилось о предоставлении «широкой политической автономии для областей, отличающихся как национальными и этнографическими, так и культурно-историческими и социально-экономическими особенностями», конференция не смогла. Вопрос оказался сложным и дискуссионным.

На августовском меньшевистском съезде по докладу С.Ю.Семковского была принята резолюция, где отмечалась важность предоставления равных прав всем нациям, населяющим страну, и подчеркивалось, что это является неотъемлемой частью демократизации государственного строя. Законодательно признание «за всеми нациями права на полное самоопределение» должно было оформить Учредительное собрание[80].

Декабрьский съезд меньшевиков 1917 г. собрался в новых условиях, когда к власти в стране пришли большевики, а в январе готовилось открытие Учредительного собрания. После свержения царизма начала распадаться прежде единая и неделимая Российская империя. В марте 1917 г. Временное правительство восстановило автономию Финляндии, а в июне ее независимость была провозглашена финским сеймом. Временное правительство признало независимость Польши. В июне-июле 1917 г. о своей независимости заявили украинская и белорусская Рады. С призывами к независимости и равноправию выступили мусульманские съезды. С этими фактами нельзя было не считаться. 2 ноября 1917 г. советское правительство приняло «Декларацию прав народов России», где провозглашались равенство и суверенность всех народов страны и их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. В то время Ленин отказался от своего отрицания федерального устройства государства, и в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», предложенной большевиками Учредительному собранию (5 января 1918 г.), советская республика учреждалась на основе союза свободных наций как федерация национальных республик. Поэтому на съезде меньшевиков столкнулись две разные точки зрения на будущее устройство российского государства.

Либер в то время видел Россию «союзом автономных областей», а федерацию считал «прогрессивным явлением», не возражая и против предлагаемого, например, в Поволжье создания культурно-национальных автономий. Для Срезневского федерализм был

регрессивным явлением, и он видел в федерации раскол страны и призывал к ее единству. Выступившие в прениях Сумской и С.Л.Вайнштейн поддержали точку зрения Либера, П.Н.Севрук и А.С.Сандомирский – позицию Семковского. Принятая 4 декабря съездом резолюция «Об автономии областей» подчеркивала важность создания областных автономий, которые, по мнению делегатов, могли сохранить демократический строй управления в стране, охваченной гражданской войной. Вместе с тем они ратовали за сохранение единства государства, выступали против обособления наций, считали необходимым формирование областных организаций «для руководства борьбой рабочего класса всех национальностей данной автономной области», полагая, что эти организации будут подчиняться центральным органам партии[81].

Доклады Ф.А.Череванина и И.М.Майского на съезде были посвящены организации рабочего контроля на предприятиях страны. Большевистское правительство инициировало принятие ВЦИК 14 ноября 1917 г. «Положения о рабочем контроле» над производством и распределением, согласно которому фабрично-заводские комитеты и другие рабочие организации контролировали куплю, продажу и хранение продуктов и сырья, финансовую деятельность предприятий и отмену коммерческих тайн. Это «Положение» вызвало возмущение предпринимательских организаций[82]. Поэтому его реализация и не была поддержана меньшевиками.

Череванин считал, что не нужно бойкотировать органы рабочего контроля, но там следует «разоблачать неправильность этого пути вмешательства в экономическую жизнь», а в том случае, «если органы контроля станут на путь захвата фабрик, оттуда нужно будет уйти». Майский был вообще за бойкот органов рабочего контроля. Он полагал, что в результате их действий «профессиональные союзы превращаются из органов классовой борьбы в органы контроля и руководства предприятиями, в органы анархистских утопий». Майский считал, что введение рабочего контроля неизбежно потерпит крах и «это будет крахом и нашей

промышленности, и партий», связанных с ним. Он остерегался поддержки лозунга большевиков: «Рабочий контроль — путь к социализму». Поэтому, говорил он, для рабочих масс контроль — это и есть социализм, а крах контроля будет для них крахом и социализма. На съезде было решено прения по докладам о рабочем контроле не открывать. При голосовании резолюция Череванина получила 45 голосов, резолюция Майского — 31, воздержались 6 делегатов. Это была еще одна победа сторонников Мартова на съезде. В принятой 5 декабря резолюции меньшевикам предлагалось вести среди рабочих агитацию «за необходимость государственной системы регулирования экономической жизни, противопоставляя ее гибельным для пролетариата опытам проведения "рабочего контроля"». Съезд предлагал партийным работникам не отказываться от участия в органах рабочего контроля, используя свое право вмешательства в борьбу против заводского сепаратизма и против полного захвата рабочими управления предприятием[83].

На вечернем заседании съезда 5 декабря обсуждался вопрос об отношении партии к Советам, органам местного самоуправления и общественным организациям. Дискуссии по этим вопросам нашли отражение в трех небольших докладах. А.С.Мартынов считал необходимым участие меньшевиков в работе большевистских Советов в целях «воздействия на массы, противодействия большевистской диктатуре и для проведения политики соглашения». П.Н.Колокольников был против этого, т.к. Советы превратились в органы большевистской власти. Он видел основную задачу партии в «сплочении сил демократии около органов самоуправления и Учредительного собрания». Б.С.Кибрик был за сотрудничество с Советами, которые «должны существовать как органы, способные быстро схватывать настроение масс и овладевать этим настроением». Разошлись мнения докладчиков и по вопросу о возможности участия меньшевиков в работе ВЦИК.

Прения по этому вопросу на съезде, развернувшиеся вечером 6 декабря, были бурными, резкими и не отли-

чались парламентской вежливостью. О.Е.Ерманский был за работу меньшевиков во ВЦИК «не только для того, чтобы вести борьбу внутри его, но и для того, чтобы не оторваться от масс». Дан заявил, что меньшевики не должны участвовать в работе ВЦИК и Советов. Он остро отреагировал на замечание Ерманского о том, что правая часть съезда его не поймет, так как «в этом зале представлены два различных мира», заявив, что «вот пришел товарищ из другого мира и дал нам образец такой психологии». Мартов поддержал резолюцию, предложенную Мартыновым, считая, что при определенных условиях можно войти в состав ВЦИК. «Мы ушли со съезда, — говорил он, — потому, что увидели крушение прежней линии Совета и вместе с тем политическое крушение нашей партии. Мы не считали возможным оставаться в качестве маленькой, слабой, протестующей группы. Но в этом отношении положение сейчас не улучшилось, а ухудшилось... Однако я надеюсь, что как быстро отхлынули от нас массы, так же быстро они могут и возвратиться к нам... Я именно и полагаю, что наша политика соглашения дает возможность безболезненного перехода от революционного периода к нормальному демократическому строю». Мартов назвал выступление Дана признаком «большой близорукости».

М.И.Либер подчеркнул разницу во взглядах на роль Советов сторонников Мартова и так называемых правых. «Основная ошибка, допущенная ораторами, — говорил Либер, — это отсутствие исторической постановки вопроса. Товарищи забыли, что мы всегда считали Советы лишь теми лесами, которые мы возводим, пока не созданы нормальные политические организации. В этот период Советы и сыграли свою крупную роль. Товарищи слева забыли об этой исторической роли Советов и встали на точку зрения противопоставления их органам самоуправления и Учредительному собранию. Это не что иное, как диктатура, лениновщина, отсутствие веры в демократию». Либер спрашивал своих коллег по партии: «Когда Советы выступят определенно против органов всеобщего избиратель-

ного права, пойдем ли мы с общественными организациями против Советов?» Мартынов в заключительном слове назвал рассуждения Либера об исторической роли Советов «классическим примером либерального историзма», а его речь в целом — «парламентским кретинизмом» и вновь призвал к работе в Советах. В резолюции по этому вопросу, принятой 6 декабря, отмечалось, что меньшевики должны оставаться в Советах «в целях противодействия политике террора и анархо-синдикалистским опытам, равно как и в целях возвращения Советов на путь совместной с другими органами демократии борьбы за осуществление общедемократических задач революции». Меньшевиков призывали к работе в органах местного самоуправления и по возможности предупреждению «гражданской войны внутри революционной демократии»[84].

7 декабря на заключительном заседании съезда его делегаты избирали членов ЦК РСДРП(о)[85]. Выборы происходили бурно. 22 делегата заявили, что воздержатся от голосования, и их поддержали 9 делегатов с совещательным голосом. Они сделали это в знак протеста против признания большинством делегатов «возможности создания социалистического правительства и соглашения с большевиками для этой цели». Среди воздержавшихся от голосования были Потресов, Либер, Голиков, Колокольников, Дюбуа и др. Эта группа делегатов на заседаниях в начале декабря 1917 г. заявила о создании Временного бюро «оборонцев» как альтернативы избранному ЦК партии. О.А.Ерманский вспоминал, что его избранию в ЦК противодействовал Дан. И только позже, когда Дан добился избрания в ЦК Либера по рекомендации Мартова и Мартынова, членом ЦК стал и он[86].

Результаты работы съезда вызвали у меньшевиков двойственные чувства. Прежде всего, единства в партии достигнуто не было. В редакционной статье газеты «Новый Луч» от 10 декабря 1917 г. выражалась надежда, что примирение разных фракций в меньшевизме состоялось: «Если в основу резолюции о текущем моменте был положен проект тов. Мартова, то в основу

резолюции о войне и мире — проект тов. Дана». Авторы (или автор) редакционной статьи надеялись, что меньшевиков объединит идея «решительной борьбы с большевизмом» и восстановления «единого демократического фронта». И тут же они сетовали на отказ многих видных меньшевиков участвовать в работе центральных органов партии, делая неутешительный вывод, что без воссоздания партийного единства «социал-демократия вообще осуждена на превращение в политический нуль». Эту же мысль в значительной степени повторило обращение избранного 15 декабря на съезде ЦК партии в связи с завершением его работы. В нем подчеркивалось, что «восстановление единства демократии предполагает тактику, не исключающую возможности соглашения с большевиками, поскольку за последними идут рабочие массы и поскольку большевики проявят готовность отказаться от своей антидемократической политики насилия». Признание необходимости в интересах рабочего класса и революции такого соглашения вызвало заявление группы делегатов съезда (в том числе и 10 членов бывшего ЦК) об их коллективном отказе участвовать в работе ответственных органов партии. «Избранный на съезде новый ЦК не может не высказать своего сожаления по поводу того, что в наиболее тяжелой для партии обстановке, когда ей приходится быть на положении гонимой и нести все последствия отчуждения широких рабочих масс, которые надо вновь завоевывать, на другой день после политического поражения, испытанного ею на выборах, видные партийные работники оставляют свои посты»[87].

Вновь избранный ЦК предпринял несколько попыток найти компромисс с теми, кто не поддержал мнения большинства делегатов съезда. 15 декабря состоялось заседание согласительной комиссии меньшевиков-«оборонцев» и интернационалистов, где говорилось о том, что на выборах в Учредительное собрание необходимо идти единым списком. Однако меньшевики-«оборонцы» Петрограда заявили о создании самостоятельной организации и начали перегово-

ры об объединении с «Единством» Плеханова и о выпуске самостоятельной газеты. Наверное, единственное, что тогда объединяло всех меньшевиков, — это выборы в Учредительное собрание и готовность выполнять его решения[88]. Мартов в статье «Революция и Учредительное собрание» видел в нем «орудие осуществления задач демократической революции». Он утверждал, что большевики выступают против работы собрания, потому что быть «органом социалистического переворота» оно не может[89]. Петроградские меньшевики-«оборонцы» в отчете о своей деятельности в ноябре-декабре 1917 г. сообщали, что их «политическая жизнь второй половины декабря концентрировалась, главным образом, вокруг вопроса о созыве Учредительного собрания». Часть из них (Б.О.Богданов, В.О.Левицкий и др.) вошла в состав «Всероссийского Союза защиты Учредительного собрания». 17 декабря 1917 г. газета «Новый Луч» сообщала, что в субботу, 16 декабря, солдаты, войдя в помещение «Союза защиты Учредительного собрания», предъявили ордер ЧК за подписью Сталина об аресте находившихся там граждан и обыске квартиры. 25 арестованных на грузовиках отправили в Петропавловскую крепость. Среди арестованных были меньшевики Б.О.Богданов, К.М.Ермолаев, С.Л.Вайнштейн и др.[90]

Результаты работы съезда его участники оценили по-разному[91]. В результате завоевания большинства делегатов съезда Мартов снова возглавил партию, став ее лидером.

В то время монолитных политических партий в России не существовало. Не были ею и большевики, в руководстве которых и на местах продолжали оставаться «умеренные» и наиболее «левые», а из партии социалистов-революционеров в ноябре 1917 г. выделилась самостоятельная партия левых эсеров. Среди меньшевиков появилась после декабрьского съезда также и влиятельная группа «правых». Но ни среди большевиков, ни среди меньшевиков отдельных правых партий тогда не возникло. Г.Я.Аронсон, один из первых историков правого течения в меньшевизме, отмечал, что

«все группировки правых меньшевиков, независимо от своих взаимоотношений с официальными инстанциями РСДРП, принадлежатистории меньшевизма»[92]. Наиболее ярким представителем этого направления в меньшевизме был А.Н.Потресов. Мартов и Потресов знали друг друга много лет еще со времени организации и работы вместе с Лениным в «Петербургском союзе борьбы за освобождение рабочего класса» (1895) и совместной работы в газете «Искра». Теперь их пути разошлись. В то время Мартов и Потресов еще оставались в одной партии, тогда как Ленин со своими сторонниками создал самостоятельную большевистскую партию. Мартов после прихода большевиков к власти был склонен к сотрудничеству с ними на определенных условиях, среди которых основным была демократизация нового режима управления страной. Потресов же не хотел сотрудничать с Лениным ни на каких условиях, считал это для себя невозможным. В принципе он оказался прав, и Мартов пришел к такому же выводу, только позднее.

По свидетельству Б.И.Николаевского, выступление Потресова на съезде по вопросу о «войне и перемирии» произвело большое впечатление, а его предсказание, чем может завершиться сепаратное «перемирие», заставило присутствовавших на съезде сравнить его с библейским пророком[93]. Результат работы съезда и победа на нем интернационалистов во главе с Мартовым разочаровали Потресова. Он писал: «Только что закончивший свои заседания съезд не открывает каких-либо перспектив, не позволяет делать каких-либо обнадеживающих предположений. По своей идеологии, как и по своей психологической настроенности, этот съезд принадлежит не наступающему моменту перелома, а отходящему в глубь истории прошлому». Потресов не мог простить мартовскому руководству съездом то, что оно в «годину несчастья, когда большевизм опустошающим смерчем пронесся по народным массам, не посмело разорвать с большевизмом так основательно и беспощадно, как это полагается делать социал-демократии со всякой контрреволюцией...» Он

был категорически против решений съезда, называя интернационалистов «мертвыми душами», потому что они могли «отныне направлять, не стесняясь ничем, партийный свой корабль к берегам большевизма». И с горечью приходил к выводу, что «партийная среда консервативна донельзя и в наше революционнейшее время»[94]. Потресов надеялся на то, что революция начинает приводить «в сознание и тот рабочий класс, именем которого диктатура совершала и совершает свои преступления». В этой обстановке, отмечал он, социал-демократия не должна остаться в изоляции[95].

Приход большевиков к власти оказал сильное воздействие на все социалистические партии страны. Победа Мартова на декабрьском съезде РСДРП(о) свидетельствовала о полевении значительной части партии и была воспринята Потресовым как капитуляция перед большевиками. Он счел для себя невозможным поддерживать новую линию меньшевизма и честно заявил об этом. После его смерти П.А.Гарви писал, вспоминая декабрьский (1917 г.) съезд меньшевистской партии: «Кто знал Потресова, тот понимает, что выход его из партийной организации был внушен не фракционным ослеплением, а тем чувством, которое он сам на своем образном языке назвал "социалистической тревогой"»[96]

Конечно, вникая в послеоктябрьские события, становится ясно, что большевики, усиливая свои позиции и спешно создавая жестокий карательный аппарат, готовились править с позиции силы, ни с кем не желая делиться властью. Надежды Мартова на соглашение с ними ныне кажутся утопией, но тогда в это верили он сам и многие его сторонники настолько, что Мартов вновь стал лидером партии, потерпевшей до этого поражение в борьбе за власть. Людям свойственно надеяться на лучшее...

После завершения съезда перед Мартовым как лидером партии и перед теми, кто встал ему и его программе действий в оппозицию, была уже одна задача — передать власть в стране демократически избранному Учредительному собранию.

Комментарии

[1] *Николаевский Б.И.* Меньшевики в дни Октябрьского переворота // Меньшевики. Benson, 1988. С. 86. Р.Абрамович так вспоминал об общем настроении соратников по меньшевистской партии в то время: «Когда Федор Дан официально открыл съезд от имени Центрального исполнительного комитета, все было уже решено. Меньшевики и социалисты-революционеры знали, что игра проиграна, что восставшие большевики застали правительство врасплох и что было слишком поздно пытаться организовать в столице серьезное им сопротивление. Чувство обреченности было особенно сильно на заседании делегации меньшевиков и делегации социалистов-революционеров, проходившем в кабинете Чхеидзе». Его самого «мучил жестокий приступ мигрени, его голова была обмотана мокрыми полотенцами, и создавалось впечатление, что собрание происходит дома у постели тяжело больного человека. Больным человеком была демократическая революция, раненная большевиками». (См.: *Abramovitch R.* The Soviet Revolution. 1917–1939. New York, 1962. P. 101.) Л.С.Ланде (1901–1976), меньшевик с 1919 г., позже писал: «Руководящая роль, которая выпала на долю социал-демократии за 8 месяцев Февральской революции, не привела к соответствующему укреплению меньшевистской партийной организации». (См.: *Ланде Л.* Состояние партийной организации к моменту Октябрьского переворота // Меньшевики. С. 68. Рукопись статьи Ланде хранится — BAR. Boris Sapir collection. Box 27. Ser. 1. В сб. «Меньшевики» статья Ланде опубликована в отредактированном и неполном виде.)

[2] *Дойчер И.* Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921. М., 2006. С. 342.

[3] Л.Д.Троцкий вспоминал, как Ленин, узнав о декрете съезда, отменившем смертную казнь, возмутился: «Вздор... Как это можно совершить революцию без расстрелов». Ленин предлагал декрет отменить. (См.: *Троцкий Л.Д.* О Ленине. Материалы для биографа. М., 1925. С. 72–73. См. также: *Мартов Л.* Долой смертную казнь! М., 1918; *Каутский К.* Терроризм и коммунизм. Берлин, 1919; *он же.* От демократии к государственному рабству (ответ Троцкому). Берлин, 1922; *Ленин В.И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37; *Троцкий Л.Д.* Терроризм и коммунизм // *Троцкий Л.Д.* Соч. М.; Л., 1925. Т. XII.) Б.Рассел, побывав в советской России в 1920 г., писал, что «основной источник всей цепи зол лежит в больше-

вистском мировоззрении, в его догматизме, ненависти и его вере, что человеческую природу можно полностью преобразовать с помощью насилия». (См.: *Рассел Б.* Политика и теория большевизма. М., 1991. С. 100.) Его мнение мало чем отличалось от высказывания Н.И.Бухарина той поры. «С более широкой точки зрения, — писал Бухарин, — т.е. с точки зрения большого по своей величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». (См.: *Бухарин Н.И.* Экономика переходного периода. М., 1920. Ч. 1. С. 146.) Бертран Рассел (1872–1970) — британский философ и историк. Подробнее о нем см.: *Зайцев В.П.* Бертран Рассел // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 52–68.

[4] В.И.Ленин в 1904 г. говорил Н.В.Валентинову, что будущая революция должна быть якобинской и не нужно бояться прибегать к гильотине. (См.: *Валентинов Н.В.* Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1979. С. 185.)

[5] *Мартов Ю.О.* Мировой большевизм. Берлин, 1923. С. 13.

[6] З.Г.Френкель — гласный Петроградской городской Думы — вспоминал, как 20 ноября 1917 г. в зал заседания Думы ворвались матросы и, потрясая револьверами, предложили всем разойтись. Дума прекратила свое существование 10 января 1918 г. (См.: *Френкель З.Г.* Записки о жизненном пути // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 59.) С.Д.Щупак (1880–1944), меньшевик, корреспондент Аксельрода и Мартова, в 1917 г. был одним из руководителей Петроградской городской Думы, возглавляя в ней меньшевистскую фракцию. Он оставил «Странички воспоминаний (Из дневника)». (См.: IISH. П.Б.Аксельрод. Коллекция. Машинопись. 54 с.) Щупак обращал внимание на то обстоятельство, что Октябрьский переворот не был осуществлен широкими народными массами, «все петроградские фабрики и заводы» 23–26 октября 1917 г. работали, митингов на предприятиях не было, т.е. это было «рабочее восстание без рабочего класса» (Л. 12). Он писал о том, что городская Дума была разогнана 20 ноября, а Управа работала до 4–5 декабря, выдавая заграничные паспорта (Л. 15). Щупак подробно описал силовой акт закрытия городской Думы и избрания ее нового состава, совершенный под руководством большевика М.И.Калинина (С. 18–28).

[7] *Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С.* Подлинная история РСДРП–РКП(б)–ВКП(б). СПб., 2010. С. 313.

[8] В справке ОГПУ, составленной в конце 1920-х гг. при

подготовке к суду над меньшевиками в 1931 г., отмечалось, что в 1917 г. «именно меньшевизм, а не кадеты и не эсеры являлся главным, самым активным и опасным врагом большевизма... Опасны меньшевики были тем, что у них имелись связи в рабочем классе, что они сохранили значительное влияние даже его передовых слоев, что к ним тяготела мелкая радикальная буржуазия, интеллигенция и что, наконец, у них был налаженный партаппарат, известные традиции и навыки политической борьбы». (См.: ЦА ФСБ РФ. Д. 1123. Т. 1. Ч. 1. С. 16.)

[9] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2565. Л. 1–2. Карелин В.А. (1891–1938) – эсер с 1907 г., член ЦК партии левых эсеров, нарком имуществ республики до середины марта 1918 г. В советское время не раз подвергался репрессиям. Расстрелян в 1938 г., реабилитирован. Штейнберг И.З. (1888–1957) – эсер с 1906 г., юридическое образование получил в Московском и Гейдельбергском университетах. Член ЦК партии левых эсеров, нарком юстиции. С 1923 г. в эмиграции. Позже Штейнберг всячески осуждал государственный террор, полагая, что «террор – это узаконенный план массового устрашения, принуждения, истребления со стороны власти». По его мнению, террор может развратить революцию, а потому «лучше отказаться от социализма, чем победить с помощью террора. Лучше исправить сроки, чем родить урода». (См.: *Штейнберг И.З.* Нравственный лик революции. Берлин, 1923. С. 18, 113–114.) 7 ноября 1917 г. М.Горький писал в газете «Новая жизнь»: «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия». Подробнее о первых большевистских репрессиях против социалистических партий см.: *Павлов Д.Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999. С. 21–30.

[10] *Аксельрод П.Б.* Пережитое и передуманное. Берлин, 1923. Кн. 1. С. 197–199. По Ленину, «диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества». (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 27.) Но Ленин строил однопартийное государство и говорил: «Наша партия – правительственная партия, и то постановление, которое вынесет партийный съезд, будет обязательным для всей республики». (См.: Там же. Т. 43. С. 62.) Слова о диктатуре пролетариата были громкой фразой, учитывая заявление

Ленина о том, что диктатура класса может быть выражена в диктатуре одного лица. (См.: Там же. Т. 36. С. 199.) Лидер советских профсоюзов М.П.Томский в 1927 г. сформулировал отношение правящей партии в стране к другим партиям так: «В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные в тюрьме». (См.: *Гимпельсон Е.Г.* Путь к однопартийной диктатуре // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 108.) В 54 книгах собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса, изданных на русском языке, словосочетание «диктатура пролетариата» употребляется 7 раз, не создавая при этом целостного учения о его реализации. Главным разработчиком этой проблемы был Ленин, утверждавший, что «научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть». В результате ленинское учение о диктатуре пролетариата представляло собой разновидность идеологии тоталитаризма, основой которого являются репрессивно-террористические методы правления. Это были антидемократические принципы управления страной. (См.: *Новопашин Ю.С.* Миф о диктатуре пролетариата // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 41–50.) Троцкий высмеивал гуманизм и сострадание, когда резюмировал: «Мы были революционерами в оппозиции и остались ими у власти. Чтобы сделать личность священной, нужно уничтожить общественный строй, который ее распинает. А эта задача может быть выполнена только железом и кровью». (См.: *Троцкий Л.Д.* О терроризме // Коммунистический Интернационал. 1920. № 11. С. 1758.) Дж.Кип увидел «поразительный парадокс русской революции в том, что противники большевиков были, во всяком случае, в большей степени марксистами, чем большевики». (См.: *Keep J.* The Bolshevik Revolution. Prototype or Myth? // The Anatomy of Communist Takeovers. New Haven, 1975. P. 53.)

[11] По подсчетам В.И.Миллера, общая численность партии меньшевиков к осени 1917 г., видимо, по-прежнему составляла около 200 тыс. членов, но в то же время ряды большевиков росли, а рост числа меньшевиков осенью 1917 г. практически прекратился. (См.: *Миллер В.И.* Осторожно: история! С. 114–115.)

[12] Группа «Освобождение труда». М.; Л., 1926. Сб. 5. С. 288–289; *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 352–353; *он же.* Меньшевизм: страницы истории. С. 522. Меньшевики. От революций 1917 года до Второй мировой войны. М., 2009. С. 241. В декабре 1924 г.

чекист И.И.Сосновский записал рассказ Б.В.Савинкова о встрече с Плехановым: «Во время движения красновских частей на Петроград (ноябрь 1917 года), перед Пулковским боем, казаки красновских частей в лице председателя дивизионного комитета есаула Ажогина заявили, что они драться за Керенского не согласны. Дивизионный комитет решил в случае победы под Пулковом и свержения большевиков либо предложить Керенскому отречься, либо его арестовать и создать новое правительство. Есаул Ажогин в беседе с Савинковым (в присутствии Ф.Клепикова) решил предложить формирование правительства Плеханову. Савинков после этого разговора пошел к Плеханову, заготовив два текста постановлений: один — отказ Керенского от власти, другой — приказ об аресте Керенского. Плеханов вполне согласился с этими проектами и внес в их текст собственноручные поправки. Относительно формирования правительства Плеханов оговорился, что он боролся 40 лет за рабочих и поэтому воевать с ними не будет. Савинков отметил, что ведь программа и тактика нового правительства будут зависеть именно от Плеханова. Плеханов расспрашивал Савинкова подробно относительно казачьих войск. В конце разговора Плеханов дал свое согласие на формирование правительства под его председательством в случае победы казаков». Р.М.Плеханова была несогласна с этими утверждениями Савинкова. Узнав об этом, Савинков записал в своем тюремном дневнике 29 апреля 1925 г.: «Старуха Плеханова пнула меня в тюрьме. Но ведь она не могла не знать, что Плеханов согласился составить правительство, если бы мы победили под Пулковом. Ведь он исправлял текст постановления об аресте Керенского, написанный мной по соглашению с комитетом казачьей дивизии (вероятно, с ведома Краснова) и переписанный Флегонтом. Она поступила так почему? Потому, что Госиздат купил сочинения Плеханова, потому, что она имеет право въезда в Россию. Пусть так. Я не хочу осуждать. Но зачем же играть в благородство? Зачем же через дочерей просить меня похлопотать о визе во Францию? И я ходил унижаться к этому сукину сыну Манделю...» (См.: Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001. С. 120–121, 191.) Савинков и позже не оставлял своих намерений привлечь Плеханова к активной борьбе с большевизмом. Он говорил во время суда над ним в 1924 г., что основной целью его поездки в Петроград в начале 1918 г. «было увидеться с Плехановым, чье мнение я высоко ценил. Но Плеханов был уже при смерти, мне не удалось встретиться с ним, и я уехал в Москву». (См.: Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР. М., 1924. С. 40.) Р.М.Плеханова

сообщала в связи с этим заявлением Савинкова, что окружение Плеханова отказало ему во встрече, зная негативное отношение Плеханова к планам Савинкова. (См.: Меньшевики. От революций 1917 года до Второй мировой войны. С. 241.) Б.В.Савинков (1879–1925) — эсер, один из руководителей боевой организации этой партии. С Плехановым познакомился в предвоенные годы, их сблизила патриотическая позиция во время Первой мировой войны. В 1917 г. был активным противником большевизма. И.И.Сосновский (1897–1937) — большевик с 1921 г. В 1922–1927 гг. — начальник 6-го (белогвардейского) отделения КРО ГПУ-ОГПУ. Флегонт Клепиков — эсер, в 1917 г. один из секретарей Керенского. Заявление Савинкова следует считать версией, поскольку подтвердить его невозможно, как и сомнения Р.М.Плехановой, отвергавшей все, что могло как-то скомпрометировать Г.В.Плеханова. Достаточно указать на письма Р.М.Плехановой к Б.И.Николаевскому, готовившему к изданию переписку Г.В.Плеханова с П.Б.Аксельродом. Тогда, в 1923 г., Плеханова потребовала изъять из публикации отдельные факты, например о поддержке Плехановым Ленина на II съезде РСДРП. Николаевский ответил отказом. Подробнее об этом см.: *Урилов И.Х.* История российской социал-демократии (меньшевизма). М., 2000. Ч. 1. Источниковедение. С. 206–208.

[13] *Бэрон С.Х.* Г.В.Плеханов — основоположник русского марксизма. СПб., 1998. С. 433; *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 353–361. Подробнее о реакции общественности на смерть Плеханова см.: *Литвин А.Л.* Реакция современников на смерть Г.В.Плеханова // Линия судьбы: Сб. статей, очерков, эссе. С. 542–546.

[14] *Бэрон С.Х.* Указ. соч. С. 414, 434, 438; *Тютюкин С.В.* Указ. соч. С. 355–357; *Плеханов Г.В.* Буки Азъ — Ба // *Плеханов Г.В.* Год на Родине. Полное собрание статей и речей. 1917–1918 гг. Paris, 1921. Т. 2. С. 257–269. «Единство» — легальная общественно-политическая газета, издававшаяся в Петрограде с 18 мая 1914 г. под редакцией Плеханова. С 19 декабря 1917 г. называлась «Наше единство». Издание прекратилось 20 января 1918 г. из-за отсутствия средств и болезни Плеханова. Членами редколлегии газеты в разное время были Л.И.Аксельрод, Л.Г.Дейч, В.И.Засулич, Н.И.Иорданский и др. В.А.Костицын вспоминал о своем участии в партии Плеханова «Единство», о том, как заседания ЦК проходили в Царском Селе на квартире болевшего Плеханова. Он отмечал авторитаризм Плеханова — «возражать ему было нельзя: он сейчас же выходил из себя и переходил на личности» или грозил выходом из организа-

ции. (См.: Автобиография профессора В.А.Костицына // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 94–95.)

[15] Меньшевики. От революций 1917 года до Второй мировой войны. С. 26, 442, 488.

[16] *Шуб Д.* Политические деятели России (1850-х – 1920-х гг.): Сб. статей. Нью-Йорк, 1969. С. 248–249, 257.

[17] См.: Общественная мысль России. XVIII – начало XX века. М., 2005. С. 407. С.И.Ожегов понимал под словом «реликт» «животный или растительный организм, сохранившийся как пережиток древних эпох». (См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1982. С. 602.)

[18] Меньшевики. От революций 1917 года до Второй мировой войны. С. 488; *Потресов А.Н.* Памяти Плеханова. К десятилетию со дня его смерти // Дни. 1928. 30 мая. Л.Д.Троцкий, выступая 4 июня 1918 г. на объединенном заседании ВЦИК, назвал себя учеником Плеханова и призвал присутствующих «молчаливо и торжественно почтить память Плеханова вставанием». (См.: *Троцкий Л.Д.* Политические силуэты. М., 1990. С. 66–67.) Н.К.Крупская отмечала, что Ленин был привязан к Плеханову, но порвал с ним, когда он стал «оборонцем». (См.: Воспоминания о В.И.Ленине. М., 1984. Т. 1. С. 587.) Г.Е.Зиновьев видел трагедию Плеханова в том, что он принадлежал к поколению «мирных социалистов-просветителей» и не был готов сражаться за рабочее дело с оружием в руках. (См.: *Зиновьев Г.Е.* Г.В.Плеханов (вместо речи на могиле). Пг., 1918. С. 21; *Орлов Б.С., Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов и современная Россия // Отечественная история. 2006. № 6. С. 180–191.)

[19] *Ascher A.* Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. P. 331, 332, 336, 340–343. Н.С.Русанов (1859–1939) – эсер, в 1917 г. был делегирован руководством партии для участия в Стокгольмской международной социалистической конференции; В.В.Сухомлин (1885–1963) – эсер, в 1917 г. член редакции газеты «Дело народа».

[20] *Люксембург Р.* Рукопись о русской революции // Роза Люксембург. Актуальные аспекты политической и научной деятельности. М., 2004. С. 205–206, 207–208. См. также: *Драбкин Я.С.* Владимир Ленин, Роза Люксембург и другие революционеры // Левые в Европе XX века: люди и идеи. М., 2001. С. 39–41. Большевистский приход к власти поддержало левое крыло норвежской рабочей партии. См.: *Фомин-Нилов Д.В.* Норвежская рабочая партия: путь к власти (1887–1935). М., 2010. С. 72–74; и др.)

[21] «Вперед» – с 19 декабря 1917 г. орган Московской организации РСДРП(о). Членами редакции были Ф.Дан, Л.Мартов, А.Мартынов, А.Малкин, С.Кац, В.Позин.

[22] В 1918-м и последующие годы Каутский отрицательно относился к большевистскому эксперименту по осуществлению социалистического строительства в России. Каутский писал в автобиографии, опубликованной в 1924 г., что он начал борьбу против большевизма, «как только большевики захватили государственную власть в России... Едва только я смог сколько-нибудь ясно разглядеть, что происходило в России после Октябрьской революции 1917 г., я счел своим долгом выступить против этого: как против веры в то, что такая отсталая страна, как Россия, в состоянии опередить промышленный Запад на пути к социализму, так и против безумной идеи, будто социализм может быть построен несколькими богатырскими взмахами руки и притом привилегированным меньшинством наперекор подавляющему большинству народа, которое приходится держать в узде при помощи вооруженной силы и террора». (См.: *Райсберг А.* Ленин и немецкое рабочее движение. М., 1974. С. 211–212.) Каутский в книге «Терроризм и коммунизм» (Берлин, 1919) утверждал, что «большевизм победил в России, но социализм потерпел поражение» (С. 196), что «русский коммунизм стал воистину социализмом казармы» (С. 203), что «террор, режим ужаса стал неизбежным последствием коммунистических методов» (С. 204). Он считал, что «большевизм останется темной страницей в истории социализма», что презрение к личности является его отличительной чертой. (См.: *Каутский К.* От демократии к государственному рабству (ответ Троцкому). Берлин, 1922. С. 159, 166.) Эту книгу издали эмигрировавшие из России меньшевики, а работа Каутского «Большевизм в тупике» вышла на русском языке в Берлине в 1930 г. в издательстве «Социалистического вестника». Об этом см. также: *Кретинин С.В.* Русская революция и Карл Каутский // Отечественная история. 1997. № 6. С. 75–81; *Каутский К.* Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству; Большевизм в тупике. М., 2002; и др.

Р.Люксембург в «Рукописи о русской революции» выражала свое несогласие с большевиками и Каутским в понимании демократии. Она писала: «Основная ошибка теории Ленина–Троцкого состоит именно в том, что они, как и Каутский, противопоставляют диктатуру демократии. «Диктатура или демократия» — такова постановка вопроса как большевиками, так и Каутским. Последний решает для себя вопрос, естественно, в пользу демократии, а именно буржуазной демократии, ибо именно ее он противопоставляет как альтернативу социалистическому перевороту. Ленин–Троцкий, напротив, решают в пользу диктатуры в противо-

вес демократии и тем самым диктатуры горстки людей, т.е. буржуазной диктатуры. Таковы два противоположных полюса, оба равноудаленные от истинной социалистической политики». По ее мнению, «свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма "справедливости", а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если "свобода" становится привилегией». (См.: *Люксембург Роза.* Актуальные аспекты политической и научной деятельности. С. 223, 226–227.)

[23] *Аксельрод П.Б.* Кто изменил социализму. Нью-Йорк, 1919. С. 28, 30.

[24] *Ascher A.* Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. P. 343–346. Одним из поводов для написания этого обращения стало письмо Г.М.Эрлиха Аксельроду в Стокгольм, датированное 8 августа 1918 г. Он предупреждал Аксельрода, что позиция Русанова и Сухомлина перестала быть «позицией их партии», поэтому издания от имени двух ЦК партий невозможны. В ответ на это Аксельрод опубликовал совместное с эсерами письмо ко всем социалистическим партиям мира. (См.: Меньшевики в 1918 году. М., 1999. С. 607–608.) Д.О.Гавронский (?–1949) — эсер, депутат Учредительного собрания, в 1918 г. в Стокгольме вместе с Русановым и Сухомлиным входил в состав Заграничной делегации партии эсеров. Позже профессор философии в Бернском университете. Г.М.Эрлих (1882–1942) в 1917–1918 гг. — член ЦК РСДРП(о), один из лидеров Бунда. Покончил жизнь самоубийством в советской тюрьме.

[25] IISH. П.Б.Аксельрод. П. 63. В феврале 1919 г. в Берне собралась международная социалистическая конференция, на которой было принято предложение о посылке в советскую Россию комиссии для информирования Интернационала об условиях политической и экономической жизни в стране, где правят большевики. Большевики не возражали, но правительства Англии и Франции отказались выдать паспорта ее членам для поездки в Россию. (См.: Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива П.с.-р. собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период Marc Jansen. Amsterdam, 1989. С. 589, 594.) 22 февраля 1919 г. Аксельрод писал Н.С.Чхеидзе, что он возвращается к мысли о создании международной социалистической комиссии для изучения положения дел в России,

но опасается, что большевики могут такую комиссию не пустить или дискредитируют ее членов как «агентов международного империализма». 8 мая 1925 г. Аксельрод писал И.Г.Церетели, что важно создать комиссию и отправить ее в «большевистское царство». (См.: IISH. П.Б.Аксельрод. П. 54.) 14 (27) июня 1918 г. в меньшевистской «Искре» была перепечатана статья Аксельрода из «Les Echos de Russie» (№ 15–16), где он писал о большевиках: «Они привели Россию на край пропасти и предали интересы не только русской демократии, но и международного пролетариата. Жестоко обманываясь сами, большевистские властители обманывают весь мир, когда объявляют свою преторианскую диктатуру диктатурою рабочего класса и прославляют свой дезорганизаторский и развращающий режим как могучий рычаг для установления господства коммунизма во всем мире». (См.: BAR. Boris Sapir collection. Box 71. Ser. 1.)

[26] *Потресов А.* П.Б.Аксельрод // Дни. 1928. 19 апр. П.А.Гарви в траурные дни, вспоминая Аксельрода, замечал, что «если бы аракчеевская утопия Ленина — насаждение социализма в аграрной России средствами насилия сверху — и осуществилась в нарушение всех законов экономики, Аксельрод не признал бы эту сытость в рабстве за социализм». (См.: Социалистический вестник. 1928. № 8/9. С. 14.)

[27] Троцкий вспоминал, что в первое время после прихода к власти он спрашивал себя: «Останемся ли у власти или будем сброшены, предвидеть нельзя». (См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. С. 65.) Ленин, выступая с докладом «О войне и мире» 7 марта 1918 г. на Седьмом экстренном съезде РКП(б), подчеркивал важность для утверждения результатов Октябрьского переворота «немецкой революции», без которой «мы погибнем». На съезде речь шла о ратификации мирного Брест-Литовского договора с Германией. (См.: *Ленин В.И.* Соч. 3-е изд. М., 1935. Т. XXII. С. 322.) Подробнее об этом см.: *Чубарьян А.О.* Брестский мир. М., 1964; *Фельштинский Ю.* Брестский мир. М., 1992; и др. Ленин, заключая с Германией «похабный, грабительский мир», спасал свою власть в России до наступления мировой революции. См. также: *Кёнен Г.* О духе русской революции // Германия и русская революция. 1917–1924. М., 2004. С. 64, 66.

[28] IISH. П.Б.Аксельрод. П. 79. Брошюра В.С.Войтинского хранится в виде машинописной копии (23 л.). См.: Л. 13, 22.

[29] IISH. П.Б.Аксельрод. П. 10; П. 48; П. 47. Журнал «Воля России» издавался эсерами-эмигрантами в Праге в 1922–1932 гг. Журнал публиковался как продолжение газеты под тем же названием. Одним из редакторов газеты был В.М.Зензинов.

[30] *Дан Ф.И.* Патриарх русской социал-демократии // Социалистический вестник. 1925. № 15/16. С. 5; *он же.* Апостол пролетарского социализма // Социалистический вестник. 1928. № 8/9. С. 4. К.Каутский в статье «Что нам дал Аксельрод» отмечал, что «не духу Ленина, а духу Аксельрода будет принадлежать конечная победа. Этот дух придает меньшевизму его великое значение, которое обеспечит за ним руководство русским пролетариатом, как только песня ленинской секты окажется спетой». (См.: Социалистический вестник. 1925. № 15/16. С. 22.) Б.И.Николаевский в статье «П.Б.Аксельрод. (Основные черты политической биографии)» назвал Аксельрода «первым пионером новой школы западничества — западничества рабочего», в отличие от западника — интеллигента Плеханова. (Там же. С. 10.)

[31] Подробнее об арестах и освобождении Потресова см.: *Николаевский Б.И.* А.Н.Потресов. Опыт литературно-политической биографии // *Потресов А.Н.* Избранное. М., 2002. С. 451–452; *Павлов Д.Б.* От составителя // Там же. С. 11–16; Показания А.Н.Потресова следствию // Там же. 471–477. В РГАСПИ (Ф.5. Секретариат В.И.Ленина. Оп. 1. Д. 2595) хранится фотокопия машинописной копии с рукописной правкой «Протокола допроса А.Н.Потресова», привлеченного в качестве обвиняемого по делу «Тактического центра», с датировкой 2 сентября 1918 г. Этот документ опубликован в сборнике документов «Меньшевики в 1919–1920 гг.» (М., 2000. С. 814–816) с указанием, что он ошибочно датирован 2 сентября 1918 г., а нужно его датировать 2 сентября 1919 г. (Там же. С. 906.) С датировкой авторов публикации документа можно согласиться, так как известно о двух арестах Потресова — в 1919 и 1920 гг. Но определенные сомнения остаются в связи с отсутствием доказательной источниковой аргументации. Опубликованный документ представляет собой, видимо, часть следственного допроса и является одним из показаний Потресова. Он подписан Потресовым, и именно последний поставил дату 2 сентября 1918 г., т.е. в ошибочности датировки повинен сам Потресов. Публикация этого документа в кн.: *Потресов А.Н.* Избранное (С. 471–472) дана с более правильным, на мой взгляд, заголовком: «Показания А.Н.Потресова следствию». Д.Б.Павлов был составителем обоих названных томов документов. И.С.Розенталь отметил, что в сентябре 1919 г. Потресов был арестован петроградской ЧК по обвинению в участии в «Союзе возрождения России» и в «Тактическом центре». 20 июня 1919 г. как заложники были арестованы его жена и дочь. Во время следствия в Москве он отрицал свое участие в антисоветских организациях, будучи в эми-

грации это участие признал, но считал этот свой поступок ошибочным. (См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 479.) «Союз возрождения России» и «Тактический центр» были созданы в мае-июне 1918 г. В числе членов «Союза возрождения России» чекисты называли меньшевиков Потресова и В.Н.Розанова. (См.: Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 33, 37,105, 291.) С.П.Мельгунов (1879–1956) – историк и политик. Позже в эмиграции вспоминал о совместной работе с Потресовым в «Союзе возрождения России»: в 1918–1919 гг. «я был близок к позиции А.Н.Потресова, рука об руку мы работали в период гражданской войны в "Союзе возрождения". Для Потресова, очевидно, то был период эмоций, когда чувство не выдерживало большевистских насилий». (См.: HIA. Boris Nicolaevsky Collection. Box 58. Fol. 5.)

[32] А.Н.Потресов. Посмертный сборник произведений. С. 293, 299, 301, 303; *Волкогонов Д.А.* Ленин. Политический портрет. М., 1994. Кн. 1. С. 142.

[33] *Потресов А.Н.* Памяти Г.В.Плеханова: К десятилетию со дня его смерти // Дни. 1928. 30 мая.

[34] Б.И.Николаевский видел в Потресове единственного человека, могущего написать воспоминания о начале социал-демократического движения в России. Он писал Потресову об этом 10 апреля 1923 г., возвратившись с похорон Мартова. «Есть периоды, о которых уже никто, кроме Вас, рассказать не сможет, – говорилось в письме Николаевского. – И в первую очередь это относится к периоду "старой" и "новой" "Искры". Особенно "старой". О "новой" еще есть люди, из центральных же фигур "старой" живы П.Б.Аксельрод, Ленин и Вы. Но Ленин уже не напишет воспоминаний; едва ли сможет написать их, довести до 1900–1902 гг. и П.Б., у которого к тому же сильно ослабла память... Остаетесь Вы... До сих пор была надежда, что об этом периоде расскажет Ю.О. – теперь этой надежды нет». Николаевский просил Потресова ответить на вопрос о сущности разногласий Плеханова и Ленина, позиции Мартова в них. Не получив ответа от Потресова, 23 апреля 1923 г. Николаевский в письме к нему повторяет свою просьбу написать воспоминания. «Ведь Вы и сами превосходно знаете, – отмечал он, – как много Вы можете рассказать такого, о чем никто уже рассказать не сможет, – и притом не мелкого, случайного, а существенного для истории социал-демократического движения». (См.: HIA. Boris Nicolaevsky collection. Box 57. Fol. 3. Ser. 19.)

[35] В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922.

С. 544–545. 18 сентября 1922 г. Г.Ягода представил Ленину проскрипционный список лиц для высылки за границу. Список из 69 человек был подписан Л.Каменевым, Д.Курским и И.Уншлихтом. В списке выделялись профессора, литераторы, инженеры, врачи, агрономы и кооператоры. (См.: РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1245. Л. 2. Об этом же см.: *Главацкий М.Е.* «Философский пароход»: год 1922-й. Историографические этюды. Екатеринбург, 2002.) 2 сентября 2000 г. Главная военная прокуратура Российской Федерации признала Потресова привлеченным к уголовной ответственности незаконно и необоснованно, по политическим причинам и его реабилитировала. (См.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. С. 478–479.)

[36] HIA. Boris Nicolaevsky Collection. Box 661. Fol. 4. Ser. 279.

[37] *Потресов А.Н.* Мертвые души // А.Н.Потресов. Посмертный сборник произведений. С. 268.

[38] Там же. С. 278–279.

[39] Последние новости. Париж. 1934. 26 июля. Редактор газеты П.Н.Милюков. С.О.Португейс – меньшевик с 1903 г., в 1917 г. сторонник Потресова, выступал за вооруженную борьбу с большевиками. Подробнее см.: *Кара-Мурза А.А.* Первый советолог русской эмиграции: С.О.Португейс (1880–1944). М., 2006. Год рождения Португейса 1880-й назван Г.Аронсоном в некрологе о нем. (См.: Социалистический вестник. 1944. № 5–6. С. 66.) А.П.Ненароков ошибочно назвал дату его рождения 1860 г. (См.: Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной делегации РСДРП. 1922–1951. М., 2010. Ч. 2. С. 448.)

[40] И.Гетцлер утверждал, что после захвата власти большевиками Мартов начал кампанию «за "выпрямление" революционной линии большевиков». Он пытался уговорить их разделить власть с другими социалистическими партиями и предотвратить гражданскую войну в стране. (См.: *Гетцлер И.* Мартов. Политическая биография российского социал-демократа. С. 221; *Савельев П.Ю., Тютюкин С.В.* Ю.О.Мартов (1873–1923): человек и политик // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 150–151.) С.В.Тютюкин, опираясь на письма Мартова конца 1917 г., писал: «В создавшейся ситуации Мартов сначала выступил инициатором переговоров о создании многопартийного социалистического правительства с участием большевиков, затем после их провала у него возникло желание вообще "умыть руки" и отойти в сторону, чтобы не иметь ничего общего с большевистской властью, и наконец, пришло решение продолжать борьбу за идеалы демократического социализма в рамках советской законности,

выступая в роли оппозиции коммунистам, но решительно отмежевываясь при этом от антисоветской контрреволюции и международного империализма». (См.: *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 434.) В архивном фонде Б.М.Сапира хранится папка с выписками из разных работ и свидетельств о деятельности Мартова. В одной из них цитировался отрывок из очерка М.Горького о Ленине, в котором упоминался Мартов. «Ленин резко выступал против Мартова, но Горькому говорил: "Жаль Мартова нет с нами, очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек!" Помню, как весело и долго хохотал он, прочитав где-то слова Мартова: "В России только два коммуниста: Ленин и Коллонтай". А посмеявшись, сказал, со вздохом: "Какая умница!" Эх...» (См.: BAR. Boris Sapir Collection. Box 57. Ser. IV; *Горький М.* В.И.Ленин // *Горький М.* Собр. соч.: В 16 т. М., 1979. Т. 16. С. 171.)

[41] Меньшевики. Benson, 1988. С. 154–156; *Далин Д.Ю.* Введение // Меньшевики. От революций 1917 года до Второй мировой войны. С. 169–170. Д.Ю.Далин (Левин. 1889–1962) — меньшевик с 1907 г., с августа 1917 г. — член ЦК РСДРП(о), активный сторонник Мартова. С 1921 г. в эмиграции.

[42] *Мартов Ю.О.* Письма. 1916–1922. С. 25.

[43] IISH. П.Б.Аксельрод. П. 42а. И.А.Виляцер (1883–1952) — меньшевик с 1903 г. В 1917 г. — член Донского комитета РСДРП, сторонник правого меньшевизма. В 1920 г. был арестован ВЧК, в 1921 г. Верховный трибунал приговорил его к 5 годам тюремного заключения. Бежал в Варшаву, его жена и дочь тогда проживали в Копенгагене. Вскоре он уехал в Берлин, а в октябре 1924 г. с семьей переехал в Нью-Йорк, где работал в русском отделе американской социалистической партии и стал одним из основателей группы содействия РСДРП. В письме Аксельроду 14 июля 1921 г. он оценивал реакцию ростовских меньшевиков на приход большевиков к власти и их отношение к красным и белым во время гражданской войны. Он писал: «Большинство нашей организации... расценивало победу большевизма в русской революции как победу его дезорганизаторских тенденций над силами творческими, и день 25 окт. 1917 г. мы считали днем крушения многообещающих надежд Февральской революции». Он был уверен, что путь к социализму лежит через демократию, и цитировал Ф.Энгельса о том, что нет худшего несчастья для пролетариата, как преждевременное «овладение властью». У Виляцера остались неприятные воспоминания о пребывании в Ростове-на-Дону и красных, и белых. Он писал: «"Демократичность" белых

диктаторов почти ничем не отличалась от "демократичности" их антиподов. Легальное существование нашей партии... было столь же невозможно при Краснове и Деникине, как и при ленинских головорезах». Он отмечал, что меньшевистская организация в Ростове-на-Дону была единственной демократической оппозицией при всех режимах. // (См.: П.Б.Аксельрод. П. 42 а.)

[44] *Жордания Н.* Моя жизнь. Stanford, 1968. С. 82–83; *Джавахишвили Н.Г.* Грузинские социал-демократы в российской власти (1917 г.) // Социал-демократия в российской и мировой истории. М., 2009. С. 240–245.

[45] *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Paris, 1963. Кн. 2. С. 408; *он же.* Исторические задачи российской социал-демократии // Социалистический вестник. 1946. № 2. С. 53–54.

[46] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2 . С. 295–301, 308–313.

[47] *Жордания Н.* Моя жизнь. С. 83.

[48] Ф.И.Дан. Письма (1899–1946). Отобрал, снабдил примечаниями и очерком политической биографии Дана Борис Сапир. Amsterdam, 1985. С. XLVII.

[49] Н.Н.Суханов отмечал, что из меньшевиков «звездной палаты», кроме Церетели, самостоятельную величину представлял, в сущности, один Дан», проводивший самостоятельную «левую» политику». (См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 3. Кн. 6. С. 155–156.) Мартов был разочарован поведением своего в прошлом единомышленника, когда писал П.К.Ольбергу 22 мая 1917 г., что, приехав в Петроград, «мы застали положение худшее, чем ждали. Большинство влиятельных меньшевиков, бывших до революции антиоборонцами, стали "революционными оборонцами" (Дан, Церетели, Чхеидзе, Скобелев, Ежов и многие другие». (См.: *Мартов Ю.О.* Письма. 1916–1922. С. 12. П.К.Ольберг (1879–1960) — меньшевик с 1903 г., в 1917 г. был в Стокгольме зарубежным корреспондентом газеты «Новая жизнь». Остался в эмиграции, став членом социал-демократической партии Швеции. Б.М.Сапир писал: «Весьма возможно, что Мартов, лишившийся, вследствие политических расхождений, сотрудничества с Даном в 1917 г., тем самым намного уменьшил свои шансы на приобретение влияния в партии и в стране в февральский период революции». (См.: *Сапир Б.* Федор Ильич Дан и его последняя книга. Машинопись. Л. 5 // BAR. Boris Sapir collection. Box 15. Ser. 1.)

[50] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 184, 221, 224, 281.

[51] *Далин Д.* Меньшевизм в период советской власти // Меньшевики. С. 142.

[52] *Martow J.* Geschichte der Russischen Sozialdemokratie Mit einem Nachtrag von Th. Dan: Die Sozialdemokratie Russlands nach dem Jahre 1908. S. 305–306. Н.В.Вольский спустя много лет также писал о расколе среди меньшевиков из-за их различного отношения к захвату власти большевиками. Он отмечал, что в 1917 г. в социал-демократии боролись два мировоззрения, из которых одно вело к демократии, а другое — к тоталитаризму. С другой стороны, писал он, среди меньшевиков были те, которых Плеханов называл «полуленинцами», считавшими, что разгром большевизма недопустим, так как он может привести «к торжеству контрреволюции и полному подавлению рабочего и крестьянского движения». Другие не хотели иметь с большевиками никаких дел, но были против антибольшевистского террора. (См.: *Юрьевский Е.* (один из псевдонимов Вольского). Год семнадцатый // Социалистический вестник. 1953. № 10/11. С. 194–197.) Р.А.Абрамович также утверждал, что «в своем отрицательном отношении к большевистскому эксперименту в целом наша партия была почти единодушна». (См.: *Абрамович Р.* Путь Ф.И.Дана // Социалистический вестник. 1947. № 1–2. С. 9.) 18 марта 1930 г. в изложении корреспондента газеты «Возрождение» были опубликованы тезисы речей Дана, Церетели и Керенского о причинах победы большевиков в 1917 г. Корреспондент газеты Л.Любимов писал, что выступавшие внесли в один из залов Латинского квартала Парижа атмосферу Смольного. По его мнению, разница состояла в том, что тогда они спорили о том, как воспрепятствовать победе большевиков, а теперь — как побороть победивший большевизм. В выступлении Дана он выделял признание им необходимости большевистской революции, потому что «ослабленная старым режимом российская социал-демократия не оказалась в состоянии ни... вывести страну из войны, ни дать народу землю». Церетели возразил против утверждения Дана о том, что в большевистской России преклоняются перед трудом. «В России преклоняются перед кнутом, — отмечал Церетели. — И поэтому нашим священным долгом должна быть борьба с властью кнута». (См.: HIA. Boris Nicolaevsky Collection. Box 662. Fol. 4. Ser. 279.) Газета «Возрождение» издавалась в Париже в 1925–1940 гг. Ее первым редактором был П.Б.Струве. В 1930-е гг. выходила как «орган русской национальной мысли».

[53] Меньшевики были едины в своем отрицательном отношении к захвату власти большевиками, но по-разному решали для себя вопрос о том, что делать дальше. Н.А.Рожков к большевистскому перевороту отнесся отрицательно. Он считал, что демократическое развитие России могло бы обе-

спечить только однородное социалистическое правительство, ответственное перед Советами. Причину происшедшего Рожков видел не только в экстремизме большевиков, но и крахе коалиции социалистов и представителей буржуазии. (См.: *Волобуев О.В.* Рожков Н.А. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия. С. 458–459; *он же.* Н.А.Рожков в 1917 году // К истории русских революций. События, мнения, оценки. М., 2007. С. 708–709; *он же.* Н.А.Рожков: историк и политика (к 140-летию со дня рождения) // Отечественная история. 2008. № 6. С. 84–85.) Большевик М.Н.Покровский вспоминал разговор с Рожковым в трамвае по пути в Таврический дворец в январе 1918 г. «Рожков говорил: "Вы идете на явную гибель, вы идете на разгром, я очень вас жалею, ибо вы все скоро станете покойниками". Я ему говорил: "Без покойников вообще нельзя устраивать революций; не всегда побеждает тот, кто остается в живых, иногда победителями оказываются покойники"». (См.: *Покровский М.Н.* Н.А.Рожков (Стенограмма доклада на заседании Общества историков-марксистов от 14 февраля 1927 г., посвященном памяти Н.А.Рожкова) // Историк-марксист. 1927. Т. 4. С. 184.) В.К.Иков (1882–1956) – меньшевик с 1903 г., в 1917 г. меньшевик-«оборонец». К приходу большевиков к власти отнесся отрицательно. В воспоминаниях (опубликованы под заголовком «Листопад», см.: Вопросы истории. 1995. № 8–11/12) писал: «Жизнь доказала глубокую ошибочность... всю надуманность и кабинетную высиженность наших представлений о том, что будет на другой день после социальной революции... Я еще не предвидел, да и никто не предвидел грядущих событий, в частности того, во что может вылиться социал-демократическое движение, когда партия станет у власти, осуществив т.н. диктатуру пролетариата». (См.: Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 72.) И.Б.Орлов, анализируя содержание меньшевистской печати конца 1917 г., приходил к выводу, что в ней отражалась двойственная оценка большевистского переворота. Это соответствовало положению в партии, где одни выступали противниками новой власти, а другие колебались, считая невозможным для социалиста решать вопрос о власти силой оружия. (См.: *Орлов И.Б.* Оценки Октябрьского переворота в меньшевистской печати конца 1917 – начала 1918 г. // Социал-демократия в российской и мировой истории. Обобщение опыта и новые подходы. М., 2009. С. 293.)

Совещание при ЦК Бунда 7(20) ноября 1917 г. приняло резолюцию, осуждающую большевиков за захват власти в стране. В ней отмечалось, что большевики «будут упорно держаться за власть, наша задача заключается в том, чтобы

концентрировать всю революционную демократию вокруг идей непризнания этой власти и изолировать ее для того, чтобы подготовить падение и переход власти ко всей революционной демократии». (См.: *Рафес М.* Очерки по истории Бунда. С. 421–422; Бунд. Документы и материалы. 1984–1921. М., 2010. С. 1102–1104.) М.Г.Рафес (Вильнер. 1883–1942) — член Бунда с 1903 г. В 1917 г. — член Исполкома Петроградского Совета от ЦК Бунда. Позже на советской работе. В мае 1938 г. арестован, умер в лагере. Реабилитирован. Руководство партии правых эсеров в редакционных статьях газеты «Дело народа» (28 окт. 1917 г.) назвало захват власти большевиками «успешным военным заговором» и заявило о необходимости ликвидации «большевистской авантюры». (См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Ч. 2. С. 38–41.) П.А.Сорокин призвал всех на борьбу с большевиками. (См.: Воля народа. 1917. 27 окт.)

А.Балабанова вспоминала, что «не только буржуазная пресса, но и большая часть рабочей прессы в мире враждебно отнеслась к большевистской власти». (См.: *Балабанова А.* Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938. С. 182.) Так, одна из американских газет назвала печальным событием приход большевиков к власти, потому что они хотят заключить немедленный мир с Германией; другая заявляла: «Мы должны помочь России, но не большевикам...» (См.: *Strakhovsky L.* American opinion about Russia. 1917–1920. Toronto, 1961. P. 49, 62.) Октябрьский переворот вызвал отрицательное отношение к нему многих представителей российской интеллигенции. В.Г.Короленко критически отнесся к стремлению «Ленина и Троцкого идти к насаждению социалистического строя посредством штыков и революционных чиновников» (запись в дневнике 13 ноября 1917 г.). // В.Г.Короленко в годы революции и гражданской войны. 1917–1921. Биографическая хроника. Benson, 1985. С. 64. Н.А.Бердяев четко определял разницу между взглядами Ленина и меньшевиков на революцию и соединявший их марксизм. «Для Ленина марксизм, — писал он, — есть, прежде всего, учение о диктатуре пролетариата. Меньшевики же считали невозможной диктатуру пролетариата в сельскохозяйственной, крестьянской стране. Меньшевики хотели быть демократами, хотели опираться на большинство. Ленин не демократ, он утверждает не принцип большинства, а принцип подобранного меньшинства». (См.: *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 98.) В письме к А.В.Тырковой 7 ноября 1922 г. Бердяев утверждал, что большевистский социализм «ведет к безобразной карикатурно-

сти, тьме и небытию». (См.: Исторический архив. 1995. № 3. С. 179.) Отрицательно отнеслись к большевистскому перевороту философы Г.П.Федотов, Ф.А.Степун (См.: *Федотов Г.* И есть и будет. Размышления о России и революции. Париж, 1932; *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990. Т. 1–2.) Историк академик С.Ф.Платонов признавался следователю ОГПУ в октябре 1930 г., что «Октябрьский переворот с его боями и репрессиями показался мне чрезвычайно кровавым и жестким и вызвал во мне недоумение и внутренний протест». (См.: Академическое дело 1929–1931 гг. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1993. Вып. 1. С. 199.) Подобных высказываний множество. Они даны с одной целью — показать, что меньшевики не были одиноки в своем негативном отношении к большевистскому перевороту.

[54] См.: *Царуски Ю.* От царизма к большевизму // Германия и русская революция. 1917–1924. М., 2004. С. 109–110.

[55] Подробнее о работе съезда см.: *Haimson L.* The Mencheviks after the October revolution // The Russian review. Vol. 38. October 1979. № 3; Vol. 39. April 1980. № 4; Протокольные записи, рабочие документы и газетные отчеты о заседаниях съезда // Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 370–526; *Галили З., Ненароков А.* Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Смена партийного курса // Там же. С. 94–120; *они же.* Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Смена партийного курса // РСДРП(о) в 1917 году. Документально-исторические очерки. С. 319–354; *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 445–461; и др.

[56] *Мартов Л.* Заговор против Учредительного собрания // Искра. 1917. 27 нояб.

[57] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 600–602. По данным В.И.Миллера, на съезде были представлены свыше 143 тыс. меньшевиков, но не было представителей меньшевистских организаций Закавказья, Севера Европейской части России, Сибири и Дальнего Востока, а также значительной части Поволжья и Северного Кавказа. Поэтому, полагает он, осенью 1917 г. численность меньшевиков в стране составляла около 200 тыс. членов. Накануне Октября в стране насчитывалось 350 тыс. большевиков. (См.: *Миллер В.И.* Осторожно: история! С. 113–114.) На съезде не было незадолго до его открытия арестованного большевиками В.С.Войтинского и тяжело заболевшего Церетели. Съезд не имел достаточного финансирования, потому выступления делегатов не стенографировались. Протоколы заседаний сохранились в записи Б.И.Николаевского и его неиз-

вестного помощника. Известны также газетные репортажи с заседаний съезда, его отдельные документы, опубликованные в тогдашней периодике, упоминания о нем в письмах и воспоминаниях участников. На этом съезде Николаевскому поручили быть хранителем партийного архива. До этого на основании мандата ВЦИК он был комиссаром по охране архива Департамента полиции, но 28 октября 1917 г. направил в Военно-революционный комитет заявление об отказе от этой должности, ссылаясь на решение своей партии. Он и лично осуждал захват власти большевиками. Об этом см.: *Ненароков А.П.* Мастера русской историографии: Б.И.Николаевский // Исторический архив. 2008. № 5. С. 110; *Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И.* Б.И.Николаевский // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 23. Авторы комментариев к публикациям протокольных записей съезда отмечают, что существуют четыре их варианта. (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 370.) В них есть различия.

[58] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 15. Л. 23. В публикации протокольных записей эта фраза из выступления Ермолаева передана иначе: «Партия в нынешнем виде не в состоянии решить выдвинутых событиями последних месяцев колоссальных задач». (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 370.) К.М.Ермолаев (1884–1919) — меньшевик, с 1907 г. — член ЦК РСДРП, в 1917 г. член ЦК РСДРП(о).

[59] Новый Луч. 1917. 1 дек. З.Галили и А.Ненароков считают, что членами комиссии были Дан, Мартов и Потресов. (См.: РСДРП(о) в 1917 году. С. 322.) Газета «Новый Луч» издавалась с 1 декабря 1917 г. до июня 1918 г., когда была закрыта властями. Газета выходила вместо запрещенной «Рабочей газеты». Ее редакторами в декабре 1917 г. были Дан, Мартов и Мартынов. (См.: *Бургина А.М.* Социал-демократическая меньшевистская литература. Библиографический указатель. Stanford, 1968. С. 347–348.) Речь шла об обыске на квартире Плеханова 31 октября 1917 г. Обыск у Плеханова вызвал общественное осуждение, и власти пообещали, что подобное не повторится.

[60] Г.Я.Аронсон полагал, что группа правых меньшевиков считала себя частью РСДРП(о), хотя и отличалась от левых своей непримиримостью к большевизму. На съезде, писал он, произошло объединение Либера с Потресовым, а Мартова — с Даном. Он считал, что формальному существованию правого течения внутри меньшевизма был положено на Чрезвычайном съезде партии, когда они решительно отказались принять идею соглашения с большевиками, принятого большинством его делегатов. (См.: *Аронсон Г.* К истории правого течения среди меньшевиков // Меньшевики

после Октябрьской революции. Benson, 1990. С. 177, 180.) М.И.Либер (Гольдман. 1880–1937) — член Бунда с 1897 г., с 1908 г. — меньшевик. В 1917 г. член ЦК РСДРП(о). Товарищ председателя ВЦИК 1-го созыва. Расстрелян в марте 1937 г. Реабилитирован посмертно. В.Н.Крохмаль (1873–1933) — меньшевик с 1903 г. В 1917 г. — кандидат в члены ЦК РСДРП(о). Революционный «оборонец».

[61] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 15. Л. 17–20. Новый Луч. 1917. 1 дек.; Вперед. 1917. 6 дек. Текст доклада Мартова в рукописной записи и различных газетных изложениях идентичен по смыслу, но не по редакции. (См. также: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 385–389.) Мартов писал Аксельроду 1 декабря 1917 г. об открытии съезда: «Съезд пока протекает тихо (сегодня 1-й день), но кончится ли благополучно, трудно сказать». Он сетовал на то, что не смогли приехать 40 представителей Кавказа, потому что многие из них во главе с Жордания могли бы поддержать «наше левое крыло». Он делился своими планами с Аксельродом, говоря, что при помощи кавказцев, Дана и Череванина они могли бы создать на съезде большинство «для ведения действительно социал-демократической политики, которая могла не сделать нашу неизбежную борьбу с ленинизмом частью похода всей буржуазии и мелкой буржуазии против рабочего класса (к чему ведет фатально ленинский террор). При отсутствии кавказцев такое большинство может оказаться маленьким и непрочным и тогда будет продолжаться развал партии, в нынешних условиях более опасный, чем тот откол потресовского крыла, которым дело ограничилось бы в первом случае (они уйдут, наверное, к Плеханову, ибо сейчас, под влиянием ленинского башибузукства, настроились черт знает как враждебно к самому рабочему классу в его нынешнем виде)». 30 декабря Мартов сообщал Аксельроду об итогах прошедшего съезда. По его мнению, из-за отсутствия кавказцев его сторонники имели на съезде 50 голосов из 120 и потому были вынуждены опираться на поддержку тех, кто разделял взгляды Дана и Череванина. Таким образом, писал Мартов, «мы добились удовлетворительных результатов без существенных компромиссов. Фактически партийный аппарат перешел в наши руки, ибо не только крайняя правая (Потресов, Голиков и др.), но и просто правая (Либер, Богданов, Батурский, Зарецкая) объявили "бойкот" центрам ввиду-де "большевистского" уклона наших решений». Мартов разъяснял свое отношение к большевикам. «"Большевизм" этот, — отмечал он, конечно, заключается в том, что мы не считаем возможным от большевистской анархии апеллировать к реставрации бездарного коалиционного

режима, а лишь к демократическому блоку; что мы за преторьянско-люмпенской стороной большевизма не игнорируем его корней в русском пролетариате, а потому отказываемся организовывать гражданскую войну против него и что мы отвергаем большевистскую "политику мира" во имя интернациональной акции пролетариата за мир, а не во имя "восстановления согласия с союзниками", т.е. продолжения войны до весны или далее». Мартов информировал Аксельрода о том, что Церетели отказался войти в ЦК партии. В результате в ЦК вошли интернационалисты и «центр». Мартов сообщал, что «пока уживаемся без серьезных трений, хотя и приходится бороться с некоторыми тенденциями бывших оборонцев, которых чересчур уж слепая вражда к большевикам заставляет иногда уходить в сторону от политической линии, которую сами они признали единственно возможной». 30 декабря 1917 г. Мартов писал и Н.С.Кристи о том, что после съезда ЦК в руках интернационалистов, а в редакции «Луча» — он, Мартынов, Дан и И.С.Астров. (См.: *Мартов Ю.О.* Письма. 1916–1922. С. 24–29.) Н.Череванин (Ф.А.Липкин. 1869–1938) — меньшевик с 1904 г. В 1917 г. один из редакторов «Рабочей газеты», член ВЦИК, выступал против захвата власти большевиками. С декабря 1917 г. — член ЦК РСДРП(о). 8 марта 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в марте 1989 г. Б.О.Богданов (1884–1960) — меньшевик с 1903 г. В 1917 г. — член ВЦИК, делегат меньшевистских съездов, после Октября 1917 г. вышел из состава ЦК, считая невозможным для себя любое соглашение с большевиками. В дореволюционное и советское время неоднократно подвергался репрессиям. Реабилитирован 28 августа 1992 г. Подробнее о Богданове см.: *Богданова Н.Б.* Мой отец — меньшевик. СПб., 1994. С.М.Зарецкая (1881–?) — меньшевичка с 1904 г. В 1917 г. член ВЦИК и ЦК РСДРП, представляла правое течение партии. Подробнее о ней см.: *Гарви П.А.* Революционные силуэты. Нью-Йорк, 1962. Б.С.Батурский (Цейтлин. 1879–1920) — меньшевик с 1903 г., член ЦК РСДРП(о) в 1917 г., член Исполкома Петроградского Совета. Выступал против захвата власти большевиками. Умер от сыпного тифа. П.Я.Голиков (1892– ?) — меньшевик с 1910 г. , в 1917 г. член ЦК РСДРП(о), петроградский меньшевик-«оборонец».

[62] *Мартов Л.* Линия социал-демократии // Оборона революции и задачи социал-демократии: Сб. статей. Пг.; М., 1920. С. 4. В 1917 г. жители России стали гражданами. Подробнее об этом см.: *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть. СПб., 2012. С. 282–283.

[63] Меньшевики в 1917 году. Т. 3.Ч. 2. С. 376, 378, 382, 383, 385; Новый Луч. 1917. 1 дек. В текстах выступлений есть раз-

ночтения между записями Б.И.Николаевского и газетными публикациями.

[64] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 15. Л. 28, 48, 54; Д. 52. Л. 19; Новый Луч. 1917. 1 дек.; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 389–392. П.Н.Колокольников (1871–1938) — меньшевик с 1903 г., в 1917 г. — товарищ министра труда Временного правительства, позже — профсоюзный работник, выступал за создание независимых от властей профсоюзов. В 1918 г. официально вышел из состава РСДРП, хотя после ареста в 1922 г. признал ответственность за ее действия.
В 1938 г. расстрелян, реабилитирован в 1991 г. О.В.Волобуев и Г.И.Ильящук писали, что речь Мартова на съезде произвела на делегатов «неоднозначное впечатление». Некоторых не устраивало «копание в прошлом». Ее не восприняла и часть делегатов, не принадлежащих к «оборонцам», из-за малодоступности по форме и «излишнего теоретизирования». (См.: *Волобуев О.В., Ильящук Г.И.* Послеоктябрьский меньшевизм // История СССР. 1991. № 2. С. 37.) С этим заключением можно было бы согласиться, если бы резолюция, предложенная Мартовым по этому докладу, не получила одобрения большинства делегатов съезда, которых не смутила ни «малодоступность», ни «излишнее теоретизирование» докладчика.

[65] А.Э.Дюбуа (1881–1958) — в 1903–1906 гг. большевик, затем меньшевик-«оборонец». В 1917 г. был комиссаром 12-й армии. С 1922 г. в эмиграции. К.Орлов — меньшевик-интернационалист в 1917 г., член ВЦИК. Б.С.Кибрик (1884–1938) — меньшевик, участник партийных съездов 1917 г. П.Н.Севрук — меньшевик-«оборонец» в 1917 г. Б.И.Горев (Гольдман. 1874–1937) — в 1903–1907 гг. большевик, позже меньшевик, член ВЦИК, член ЦК РСДРП(о). В 1920 г. вышел из партии. Расстрелян, реабилитирован. 3 декабря 1917 г. И.Г.Волков — петроградский меньшевик, член Предпарламента, делегат съезда.

[66] Новый Луч. 1917. 2 дек.; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 394–396. Позже Дан так объяснял выдвинутое им положение: «Поскольку пограничная линия в гражданской войне проходила внутри рядов демократии и рабочего класса, то обострение гражданской войны должно неизбежно привести к взаимному уничтожению демократических и пролетарских слоев, к такому ослаблению этих элементов, что невозможно будет далее сдерживать победный поход реакции. Исходя из этих соображений, социал-демократический Центральный комитет уже в первые дни большевистской власти и начинающейся гражданской войны заявил, что задача социал-демократии на новом, большевистском

этапе революции состоит в первую очередь в том, чтобы предотвратить взаимную борьбу на уничтожение в рядах пролетариата; поэтому нужно стремиться к тому, чтобы на пути компромисса и создания объединенного правительства из представителей всех социалистических партий восстановить мир внутри демократии и рабочего класса, с одним лишь условием, что большевики откажутся от методов террора. Это постановление Центрального комитета имело решающее значение для всей дальнейшей политики социал-демократии в условиях большевистской диктатуры вплоть до сегодняшнего дня. Оно было принято Центральным комитетом после жарких внутренних дискуссий, и только потому, что часть "революционных оборонцев" (Дан и др.) объединились с группой Мартова и обеспечили созданному левому крылу большинство в партии». (См.: *Martow J.* Geschichte der russischen Sozialdemokratie Mit einem Nachtrag von Th.Dan: Die Sozialdemokratie Ruslands nach dem Jahre 1908. S. 305–306.) А.П.Ненароков, рассматривая научное наследие Л.Хеймсона, отмечал, сколь скрупулезно американский историк анализировал статьи Дана, опубликованные в октябрьско-ноябрьских 1917 г. номерах газет «Заря» и «Клич». Именно в них Дан писал о поражении послефевральской политики РСДРП, которое стало «трагедией самой революции». По мнению Ненарокова, Хеймсон был первым среди исследователей, кто попытался определить роль Чрезвычайного съезда, отметив вывод Дана о том, что партийный раскол внутри РСДРП(о) стал одной из главных причин катастрофического состояния партии во время выборов в Учредительное собрание. (См.: *Ненароков А.П.* «Меньшевистский проект» Леопольда Хеймсона // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 170.

[67] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 396–399.

[68] Там же. С. 400–403. Позже Абрамович отмечал, что «Российская социал-демократия была первой в истории рабочей партией, которой пришлось разрешить для себя и для своего пролетариата проблему отношения к "пролетарской власти", установленной путем насилия не только над большинством народа, но и над другими социалистическими партиями». (См.: *Абрамович Р.* Путь Ф.И.Дана // Социалистический вестник. 1947. № 1–2. С. 9.)

[69] Новый Луч. 1917. 2 дек. № 2; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 403–406. Между записями выступления Потресова Николаевским и газетной публикацией есть редакторские правки. Например: возглас Мартова в записи Николаевского: «Конституционные демократы еще тверже!» в газете звучит так: «Кадеты в этом вопросе еще тверже!» и др.

[70] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 406–409. Заключительное слово Мартова в сборнике публикуется по расшифровке архивной записи, автор которой не указан. В газетной публикации (Новый Луч. 1917. 2 дек. № 2) это выступление Мартова изложено более конкретно и компактно: «Мартов начинает с возражений предыдущим ораторам. Потресов предлагал бороться с большевиками так же, как западноевропейские социалисты борются с антисемитизмом. Но сейчас речь идет лишь о том, примкнуть ли к буржуазии для подавления большевизма или бороться самим путем критики».

[71] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 409–411; Новый Луч. 1917. 2 дек. № 2. Либер был хорошо знаком к этому времени с демагогией и провокационностью действий большевиков. И.С.Гольц, саратовский меньшевик, вспоминал о встрече с Либером в 1921 г. в саратовской тюрьме. Гольц рассказал Либеру о том, как незадолго до захвата власти большевиками в Саратове он увидел на солдатском митинге своего знакомого, который еще в 1916 г. дезертировал из армии. Теперь он в грязной солдатской шинели призывал митинговавших громить меньшевиков и эсеров и следовать большевистским призывам. Когда Гольц спросил своего знакомого, когда он снова попал в армию, тот отмахнулся и Гольц понял, что он просто переоделся в солдата, чтобы ему, большевику, больше доверяли. Либер рассказал Гольцу подобный же случай, произошедший с ним в Петрограде летом 1917 г. Он вместе с эсером А.Р.Гоцем выступил на солдатском митинге с призывом грузиться в эшелоны и отправляться на фронт. Им удалось это сделать, и они отправились в здание Совета. Но вдруг туда позвонили с Варшавского вокзала и сообщили, что солдаты вышли из вагонов и перед ними выступает солдат с призывом не отправляться на фронт и не подчиняться решению эсеро-меньшевистского Совета. Либер и Гоц в машине быстро вернулись обратно и увидели на трибуне большевика В.Володарского. На нем была неряшливая, обычная для той поры солдатская шинель. Увидев Либера и Гоца, Володарский тут же сбежал с трибуны и исчез в солдатской толпе. (См.: *Гольц И.* По дорогам и ухабам жизни (Последний меньшевик). С. 69.) В.Володарский (М.М.Гольдштейн. 1891–1918) — с 1905 г. член Бунда, затем меньшевик, с августа 1917 г. — большевик. В армии не служил. В 1917 г. вернулся из США, где проживал с 1913 г.

[72] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 412–417, 425–428; Новый Луч. 1917. 3 дек. № 3.

[73] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 417–419; Новый Луч. 1917. 3 дек. № 3.

[74] Там же. С. 419–423; Новый Луч. 1917. 3 дек. № 3.

[75] Искра. 1917. 4 дек. № 12. «Искра» — газета меньшевиков-интернационалистов, издавалась в Петрограде с 26 сентября по 4 декабря 1917 г. Всего вышли 12 номеров под редакцией Мартова. Издание было прекращено после избрания представителей меньшевиков-интернационалистов в редакцию центрального органа РСДРП(о) «Новый Луч» на основании решения Чрезвычайного съезда партии.

[76] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 433, 434–436; Новый Луч. 1917. 5 дек. № 4.

[77] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 436, 446–453; Новый Луч. 1917. 6 дек. № 5. Проекты резолюций Потресова, Мартова, Либера и Дана были опубликованы в газетах «Новый Луч» (1917. 3, 6 дек. № 3, 5), «Партийные Известия» (1918. 20 янв. № 8). А.А.Югов (Фрумсон. 1876–1954) — меньшевик, в 1917 г. член ЦК РСДРП. С 1922 г. в эмиграции. Г.А.Кипен (1881–?) — меньшевик, в 1917 г. — заместитель председателя Московского Совета, член редакции «Известий Московского Совета рабочих депутатов». (См.: *Грунт А.Я.* Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976. С. 70.) После октября 1917 г. Кипен — секретарь московской группы меньшевиков. Арестован в 1930 г. Дальнейшая судьба Кипена мне неизвестна.

[78] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 437–446, 454–459, 476; Новый Луч. 1917. 6 дек. № 5. С.С.Девдариани (1877–?) — меньшевик с 1903 г. В 1919 г. работал в Харькове, был редактором марксистского журнала «Мысль».

[79] 6 декабря 1913 г. Ленин писал С.Г.Шаумяну, что «отделение вовсе не наш план. Отделения мы вовсе не проповедуем. В общем, мы против отделения». И далее утверждал: «Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства». (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 235.)

[80] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 446–447; Т. 2. С. 556–557.

[81] Там же. Т. 3. Ч. 2. С. 460–461, 464, 466–469, 473–475. Среди большевиков также были сторонники централизованного государства. И.В.Сталин, выступая на 3-м Всероссийском съезде Советов 15 января 1918 г., заявил о «необходимости ограничения принципа самоопределения». Он считал, что этот принцип «должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма». Верховным органом власти для всей страны должен быть съезд Советов. Выступивший вслед за Сталиным правый эсер Д.В.Львович-Давидович заявил, что «вся речь тов. Сталина пропитана централистской политикой, которая сквозит в каждом его слове». (См.: Третий Всерос-

сийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пг., 1918. С. 73, 74.) 3-й съезд партии эсеров (25 мая – 4 июня 1917 г.) принял резолюцию по национальному вопросу, в которой поддерживался принцип федерального обустройства страны. (См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Ч. 1. С. 604.)

[82] Рабочий контроль осуществлялся на небольшом числе предприятий (от 3,2% до 10,8%) еще до прихода к власти большевиков. После Октября повсеместное введение рабочего контроля рассматривалось Лениным как переход к социалистической национализации промышленности. Осенью 1918 г. система рабочего контроля была ликвидирована в советской России в связи с проведением национализации промышленности. Подробнее об этом см.: *Журавлев В.В.* Декреты советской власти. 1917–1920 гг. как исторический источник. М., 1979. С. 38–58.

[83] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 480–485, 490–491; Новый Луч. 1917. 8 дек. № 7.

[84] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 492–494, 508–514; Новый Луч. 1917. 10 дек. № 8. Еще в конце ноября 1917 г. Петроградская организация меньшевиков-интернационалистов приняла решение о направлении Н.Н.Суханова для работы во ВЦИК с совещательным голосом для того, чтобы «на парламентской арене, в качестве парламентской оппозиции» вести борьбу против правительственной политики. (Искра. 1917. 27 нояб.)

[85] В состав ЦК РСДРП были избраны П.Б.Аксельрод, Р.А.Абрамович, И.С.Астров, И.И.Ахматов, Б.Н.Бер, Е.Л.Бройдо, А.Волков, Б.И.Горев, К.Г.Гогуа, Ф.И.Дан, С.О.Ежов, Ю.О.Мартов, А.С.Мартынов, И.М.Майский, А.П.Пинкевич, С.Ю.Семковский, Ф.А.Череванин, Г.М.Эрлих, А.А.Югов. (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 515.)

[86] Там же. С. 515–516, 523; *Ерманский О.А.* Из пережитого. С. 184–185.

[87] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 525–526, 551–552. Гектографированная листовка с обращением ЦК РСДРП(о) «Ко всем партийным организациям» хранится не только в РГАСПИ (Ф. 275. Оп. 1. Д. 53. Л. 1), на которую ссылаются авторы названного сборника документов. Несколько гектографированных листовок, в том числе и названное обращение, хранятся в ЦА ФСБ РФ. Д. Р–40072. Т. 3. Л. 74, 83–84, 90; и др. Среди них датированное также 15 декабря обращение «Ко всем партийным организациям» с призывом пополнить партийную кассу и организовать подписку на газету «Новый Луч».

[88] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 537–549, 553–554.

[89] Новый Луч. 1917. 15 дек. № 12; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 554–556; *Мартов Ю.О.* Избранное. М., 2000. С. 361–363. 22 декабря 1917 г. в газете «Новый Луч» (№ 18) была опубликована небольшая заметка Мартова «Рабочие за Учредительное собрание». В ней он отмечал, что без рабочего класса «немыслимо отстоять Учредительное собрание». 23 декабря 1917 г. в газете «Вперед» (№ 243) Мартов опубликовал статью «Роль партии пролетариата (к событиям в Ростове)». В ней шла речь о начале гражданской войны в этом городе, где власть большевиков была свергнута атаманом Донского казачества генералом А.М.Калединым (1861–1918). В результате большевистский террор сменился казачьим. Только меньшевики, по его словам, в то время протестовали против террора. Он считал, что под влиянием их агитации рабочие города на собраниях требовали передачи власти Учредительному собранию. Он сообщал о соответствующей решениям съезда политике местных меньшевиков. «И вполне уверенно можем мы заключить, — писал Мартов, — что, что бы ни было в будущем, связь между нашей партией и ростовским пролетариатом сильно окрепла за эти дни, когда партия, резко выступив против большевистского авантюризма, ясно и отчетливо показала пролетариату, что она остается с ним и готова заслужить почетную ненависть всех крупных, средных и мелких буржуа своим отказом соучаствовать в травле и политической изоляции сбившихся с пути рабочих масс».

[90] Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 558–559. «Союз защиты Учредительного собрания» был создан 23 ноября 1917 г. эсерами (правыми и центра), меньшевиками, народными социалистами, районными думами Петрограда, профсоюзами и представителями отдельных воинских частей. Во главе «Союза» стал эсер и депутат Учредительного собрания В.Н.Филипповский (1889–1940). «Союз» проводил рабочие конференции и устраивал демонстрации в защиту Учредительного собрания. После 9 января 1918 г. большевики объявили «Союз» контрреволюционной организацией, и он был распущен.

[91] Победу на съезде одержали сторонники Мартова. Из 19 членов ЦК, избранного съездом, 9 были представителями группы Мартова. Меньшевики-«оборонцы», отказавшиеся работать с новым руководством партии, 20 декабря 1917 г. обратились с воззванием ко всем членам РСДРП(о), где заявили, что считают невозможным для себя «нести ответственность за принятую большинством съезда политическую линию, пагубную для революции... Необходимо уже

теперь показать рабочему классу, что не вся социал-демократия пошла на поводу за большевиками, что в рядах ее есть элементы, оставшиеся верными заветам марксизма». (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 569.) В то время раскол происходил и в других социалистических партиях.
26 ноября – 5 декабря 1917 г. в физической аудитории Петроградского технологического института состоялся Четвертый съезд партии социалистов-революционеров. И почти одновременно, 19–26 ноября 1917 г., часть бывших эсеров во главе с М.А.Спиридоновой провела отдельный съезд, объявивший о создании самостоятельной партии левых эсеров (интернационалистов).

[92] *Аронсон Г.Я.* К истории правого течения среди меньшевиков // Меньшевики после Октябрьской революции. Benson, 1990. С. 176.

[93] Б.И.Николаевский в статье памяти П.А.Гарви писал: «Этот съезд, – последний партийный съезд, – состоялся в конце ноября – начале декабря, в дни, когда бежавшие из Финляндии солдаты громили винные склады, а большевики, подготавливая разгон Учредительного собрания, упражнялись в репрессиях против печати. Съезд собрался в Соляном городке, большой зал которого выглядел как-то особенно неприютно. Оппозиционеры мобилизовали все свои силы. М.С.Каммермахер привел делегацию печатников, которая просила благословения для создания особого комитета борьбы за свободу печати. М.И.Либер, только что вернувшийся с юга, рассказывал об областных демократических правительствах, которые там формировались вокруг органов местного самоуправления, и предрекал, что спасение придет таким путем... Наиболее сильное впечатление производил А.Н.Потресов, который, – поднимаясь до пафоса библейских пророков, – в полусумраке надвигавшегося вечера рисовал картины тех бед, которые несут большевики». И далее Николаевский с учетом прошедшего с тех пор времени, в 1944 г., приходил к выводу: «В свете пережитого за истекшую четверть века содержание его (Потресова) речей бледнеет, но и тогда всем нам оно казалось выходящим из границ возможного вымыслом: видно, правильно сказано, что человеческое воображение, как правило, весьма ограничено... Думалось: все как-нибудь устроится, и съезд пошел за теми, кто отказывался продумать далекие перспективы, кто старался российским «авось» приукрасить суровую действительность. «Курс на соглашение» победил, тогда, когда большевики уже ни о каком соглашении не хотели и говорить!» (См.: *Николаевский Б.И.* П.А.Гарви (Черты к политической биографии) // Социалистический вестник.

1944. № 7–8. С. 95; *он же.* П.А.Гарви в России // *Гарви П.А.* Воспоминания социал-демократа. Статьи о жизни и деятельности П.А.Гарви. С. XXXVI.

[94] *Потресов А.Н.* Избранное. С. 234, 450–451. *Он же.* Мертвые души; На перевале // А.Н.Потресов. Посмертный сборник произведений. С. 267, 268, 270, 271.

[95] РГАСПИ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–4.

[96] *Гарви П.А.* А.Н.Потресов — человек и политик // Социалистический вестник. 1934. 25 июля. № 14. С. 5.

ГЛАВА VIII

Учредительное собрание как эпилог демократических преобразований в стране

Истории созыва Учредительного собрания в России, итогам выборов и его разгону посвящены многие сборники документов и научные исследования[1]. Это не случайно. Интерес к истории российского парламентаризма не иссякает, особенно среди политологов и историков. Свидетельством этого являются многочисленные работы об Учредительном собрании и дискуссии о его роли в истории страны.

Советская историография при изучении истории Учредительного собрания исходила из ленинского указания о том, что «республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием». Поэтому работы советских исследователей всячески оправдывали это указание вождя. В них подчеркивалась правильность решений Ленина по осуждению Л.Б.Каменева, Ю.Ларина, В.П.Милютина, В.П.Ногина, А.И.Рыкова, Д.Б.Рязанова и других, которые, будучи членами бюро большевистской фракции Учредительного собрания, выступали против его роспуска и хотели на заседаниях бюро объединить усилия всех социалистических фракций. Они предлагали собрать съезд или конференцию большевистской партии, дабы коллективно определиться в отношении к Учредительному собранию. Однако ЦК партии, по предложению Ленина, 11 декабря 1917 г. решил действовать в соответствии с предложенными им «Тезисами об Учредительном собрании». Все призывы умеренных большевиков были при этом проигнорированы[2].

Ленин и Троцкий были за власть большевистских Советов и ни в коем случае не хотели передавать ее Учредительному собранию. Ленин еще на заседании ЦК 10 октября 1917 г. заявил, что «ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять задачу» завоевания власти. Предложение Ленина о роспуске Учредительного собрания было поддержано левыми эсерами[3].

В отличие от Советов, представлявших в то время интересы рабочих и крестьян, Учредительное собрание выражало волю всего населения страны и всех политических партий. Наиболее парламентскими партиями тогда были правые эсеры, меньшевики и кадеты. Они были за скорейший созыв Учредительного собрания и передачу ему демократическим путем всей власти в стране. Эти партии были за установление в России западного, или близкого ему, парламентаризма. Поэтому его депутаты в своем большинстве отказались признать советские декреты, так как считали себя избранниками народа, высшей властью в стране. С этим Ленин и его сподвижники мириться не могли. Большевистское руководство готовилось разогнать Учредительное собрание, проведя при этом ряд «профилактических» мер. Это относится к решению Совнаркома о переносе срока открытия Собрания с 28 ноября 1917 г. на 5 января 1918 г., к объявлению кадетской партии вне закона, заявлению о лишении депутатов неприкосновенности, арестам отдельных депутатов из числа кадетов, меньшевиков и правых эсеров[4], установлению кворума в 400 депутатов для открытия Собрания. Новые правители страны создали комиссию по делам созыва Учредительного собрания и в день его открытия назначили комиссара этой комиссии М.С.Урицкого комендантом Таврического дворца и т.д.

Первый раз около 50 членов Учредительного собрания собрались в Таврическом дворце Петрограда 28 ноября 1917 г. Собрались эсеры и кадеты, узнавшие о своем избрании. Они избрали временным председателем собрания лидера эсеров В.М.Чернова. Они были вместе за передачу власти Учредительному собранию —

и кадеты, и эсеры, и меньшевики, все, кроме большевиков и левых эсеров, уже имевших власть и не желавших с нею расставаться или даже делиться.

В выборах участвовали более 50 политических партий, представители которых избирались по примерно 220 спискам. Это было 67% всего электорального контингента, или около 50 млн человек. В списках желающих стать депутатами Учредительного собрания было 7 тысяч кандидатов, а избранными оказались лишь 767[5]. Все они были представителями политической элиты России той поры. Для эсеров Учредительное собрание было воплощением народного суверенитета, высшим институтом демократии. Мартову Учредительное собрание также виделось «орудием осуществления задач демократической революции», хотя реально «быть органом социалистического переворота российское Учредительное собрание не может». Ленин поддерживал Учредительное собрание только в том случае, если оно поможет легализовать захваченную большевиками власть. Член ЦК партии кадетов юрист В.М.Гессен (1868–1920) тогда же высказал опасение, что революционная модель, предложенная представителями левого радикализма, может перерасти в революционную деспотию «одного лица или нескольких». Керенский был лаконично категоричен, когда писал: «Государственный переворот 7 ноября решил судьбу Учредительного собрания. Впрочем, этого сразу не понял никто — ни народ, ни лидеры антибольшевистских демократических партий. Они даже не представляли себе возможности покушения большевиков на суверенное волеизъявление народа, которое предстояло выразить Учредительному собранию»[6].

Керенский ошибался. Практически все антибольшевистские партии, за исключением тех, кто их тогда поддерживал, понимали, что большевики разгонят Учредительное собрание, если его депутаты откажутся признать советскую власть легитимной[7]. Меньшевики и эсеры активно протестовали против попыток большевистского руководства отсрочить или запретить сбор депутатов Учредительного собрания. Руковод-

ство этих партий предлагало двоякие формы протеста: мирный и вооруженный, но предпочло мирный, а большевики не остановились перед силовым разгоном Учредительного собрания. Оно могло стать стабилизирующим фактором в создании демократического государства, а стало «яблоком раздора» внутри демократических партий. Силовой разгон Собрания привел к гражданской войне, во главе противодействующих сторон которой вначале стали социалистические партии.

Среди меньшевиков и эсеров были сторонники мирного и силового решения вопроса о защите Учредительного собрания. Мартов и шедшие за ним меньшевики защищали метод мирного давления на большевиков, Потресов и правые меньшевики были за оказание вооруженного сопротивления властям при их стремлении разогнать Собрание силой. Чернов и его сторонники стремились не допустить обострения отношений с большевиками, а эсер В.Н.Филипповский был за вооруженное сопротивление властям.[8]

Известно, что 3 января 1918 г. заседание ЦК партии эсеров отвергло предложение Филипповского о проведении вооруженного выступления в день открытия Учредительного собрания и предложило ограничиться мирной демонстрацией. Она состоялась и была расстреляна большевиками, и только после того, как улицы Петрограда, примыкавшие к Таврическому дворцу, были очищены от сторонников Учредительного собрания, дворец распахнул входные двери для его депутатов[9].

Накануне открытия Учредительного собрания большевистское руководство угрожало закрыть собрание, если его депутаты не примут предложенные им советские документы. 4 января 1918 г. в «Известиях» и «Правде» было опубликовано постановление ВЦИК, написанное Лениным, где подчеркивалось, что вся власть в стране принадлежит Советам. «Поэтому всякая попытка со стороны какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема как контрреволюционное действие. Всякая такая попыт-

ка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы»[10]. Столкновение принципов парламентаризма и диктаторского правления завершилось победой последнего[11].

Казалось бы, позиция большевистского руководства была ясна: Учредительное собрание представляет все население страны и все наиболее активные политические партии. Советы, руководимые большевиками, защищали интересы прежде всего правящей партии. В.Д.Бонч-Бруевич заметил, что в начале 1918 г. Ленин назвал «глупостью» обещание большевиков созвать Учредительное собрание. Троцкий разъяснял, почему такое обещание было все-таки выполнено: «Если мы не отвергли формально Учредительное собрание заранее, — писал он, — то потому лишь, что оно противопоставлялось не власти Советов, а власти самого Керенского... При этом нами было решено заранее, что если бы в Учредительном собрании большинство оказалось за нас, то Учредительное собрание должно было распустить себя, передав власть Советам, как это сделала впоследствии Петроградская городская Дума»[12]. Эти надежды не оправдались, и Собрание было распущено с применением силы.

Среди тех, кто тогда активно защищал важность выборов в Учредительное собрание и считал его высшим демократическим органом власти в стране, были меньшевики. Это было одним из программных заявлений РСДРП(о). После свержения царизма меньшевики стали одной из правительственных партий страны и ратовали за созыв Учредительного собрания, называя правительство, в которое они входили, Временным. Большевики в то время также были за созыв Учредительного собрания и, даже захватив власть, тоже назвали свое правительство «Временным». Но когда они поняли, что представляют в созываемом Собрании меньшинство, то решили захваченную ими власть никому не отдавать. Конечно, можно предположить, как бы поступили партии, входившие во Временное правительство, если бы Учредительное собрание собралось

при них и им пришлось бы передать ему власть? Можно с большой долей уверенности утверждать, что меньшевики бы с этим согласились.

Меньшевистское руководство по-разному оценило свое участие в избирательной кампании по выборам в Учредительное собрание. Мартов в письмах Аксельроду (19 ноября, 1 и 30 декабря 1917 г.) весьма пессимистично оценивал успехи меньшевиков в этой политической кампании. В первом письме Мартов сообщал Аксельроду, что 12 ноября в Петрограде и ряде губерний начались выборы в Учредительное собрание. Он отмечал успехи большевиков и кадетов в столице. «Мы получили всего 10 тысяч (в августе – 25). Потресовцы, шедшие отдельным списком, – 16 тысяч, ...а плехановцы – меньше 2 тысяч... Мы, вообще, почти повсюду не существуем как партия масс (Кавказ не в счет), и это независимо от того, идем ли мы дружно или (как это было в Питере и Харькове) по двум фракционным спискам. Везде мы в городах имеем 5–10% избирателей, т.е. элиту рабочего класса и части интеллигенции, массы же идут за большевиками, кадетами и эсерами... Наших же будет минимальное количество». Мартов полагал, что в Собрание будет избрано 30 меньшевиков, Дан – что не более 20. Он знал, что его не избрали депутатом Учредительного собрания так же, как и Дана, Абрамовича, Мартынова, Ерманского. Мартов тревожно писал о возможности разгона большевиками Учредительного собрания, так как выясняется, что у них не будет там большинства голосов. Он считал, что подобный акт будет «страшным ударом по революции», который может стать началом гражданской войны «между пролетариатом и мелкобуржуазной демократией». Мартов предсказывал, что эта война может закончиться в любом случае плохо: победят ли кадеты или воцарится «худшая форма солдатской диктатуры, компрометируя пролетариат».

1 декабря в письме Аксельроду Мартов выражал опасение, что «режим террора, попирания гражданских свобод и надругательств над Учредительным собранием во имя "классовой диктатуры" убивает в

корне зачатки демократического воспитания, приобретенного народом за 8 месяцев, и готовит самую благодатную почву для всякого бонапартизма». Своей задачей Мартов считал объединение социалистического большинства Учредительного собрания, соглашение с большевиками и всеми остальными партиями для разрешения вопросов о мире, аграрной реформе, регулировании промышленности, отказе от террора и социально-утопических экспериментов. 30 декабря Мартов вновь возвратился к вопросу об Учредительном собрании и пришел к выводу, что в создавшейся обстановке «нет никаких шансов на то, что Учредительное собрание явится орудием возрождения», потому что против него «сила, стоящая за большевиками», а против них — «лишь распыленная масса крестьян»[13].

Выводы Мартова были вполне обоснованны. Можно отметить, что накануне созыва Учредительного собрания меньшевики вели активную пропаганду за Учредительное собрание, а большевики — против него. Мартов был последователен в борьбе за созыв Учредительного собрания и за передачу ему всей полноты власти в стране. Но он был и после насильственного разгона Учредительного собрания противником вооруженной борьбы с большевиками, поскольку они представляли часть рабочего класса, а с пролетариями Мартов воевать не мог. Он знал, что на выборах в Учредительное собрание меньшевики набрали меньше голосов, чем другие ведущие социалистические партии. Нужно было понять, почему это произошло: ведь эсеры и кадеты так же активно работали во Временном правительстве, как и представители меньшевизма, и ссылки на то, что их не избрали за прошлые «прегрешения», не объясняли провала на выборах. Мартов не был сторонником коалиционных правительств, а теперь он возглавил партию и по-прежнему ратовал за единое социалистическое революционное правительство. Возможно, смена меньшевистского руководства произошла слишком поздно и избиратели не были знакомы с новым курсом партии меньшевиков? Но и лично Мартов выборы проиграл. Во всем этом руковод-

ству партии следовало разобраться для определения своих последующих действий и тактики поведения в условиях разгорающейся гражданской войны.

Меньшевистское руководство активно вело пропагандистскую кампанию по выдвижению своих кандидатов, хотя Плеханов и Потресов часто шли по отдельным, самостоятельным избирательным спискам. Меньшевистские газеты отводили центральное место выборам в Учредительное собрание, подчеркивая, что РСДРП(о) признает власть «хозяина земли русской», и призывая голосовать за их списки. От имени ЦК меньшевистской партии и ее отдельных кандидатов в депутаты Собрания издавались отдельные агитационные листовки. Так, список № 16 кандидатов в Учредительное собрание включал фамилии Мартова, Ерманского, Суханова, рабочих различных заводов Петрограда. В приложении к нему разъяснялось: «Во главе нашего списка стоит один из сильнейших старых вождей Российской социал-демократии Юлий Осипович Мартов (Цедербаум). Имя это хорошо известно не только передовым русским, но и европейским рабочим, особенно по его борьбе за дело мира и идей интернационализма...» Далее излагались данные об участии Мартова в революционном движении и подчеркивалось, что он ведет борьбу за «создание однородной демократической власти и одновременно против опасных уклонов и авантюр большевизма»[14].

Многие листовки, издаваемые в конце 1917 — начале 1918 г., посвященные защите Учредительного собрания или резким протестам против его разгона, были опубликованы в различных документальных изданиях. Документы, как правило, исходили из ЦК РСДРП(о), отдельно местных организаций, а также Петроградского комитета меньшевиков-«оборонцев». Среди них перепечатки из меньшевистских газет с обращениями ЦК РСДРП(о): 29 декабря 1917 г. с предупреждением, что объявление о созыве очередного съезда Советов 8 января 1918 г. означает «смертельный удар Учредительному собранию»; протокол заседания общеполитической комиссии меньшевистской фракции

Учредительного собрания 30 декабря 1917 г., свидетельствующий о знании меньшевиками предстоящего разгона Собрания. Мартов на этом заседании выступил против проведения демонстраций в его поддержку, т.к. «Учредительное собрание убито не только большевиками, но и бессилием крестьянской демократии и окраинами»[15].

Учредительное собрание открылось 5 января 1918 г. Этому предшествовали полицейские меры, принятые большевиками для его охраны и закрытия: в Петрограде было введено военное положение, улицы патрулировались солдатами и матросами, верными большевистским властям, а комендант Таврического дворца М.С.Урицкий ввел специальные пропуска для входа во дворец[16]. Известно, что ЦК РСДРП(о) намеревался представить один список 19 обязательных меньшевистских депутатов от Мартова до Потресова. Но различные течения в меньшевизме объединить не удалось. В результате от имени партии были представлены три списка, которые возглавляли Мартов, Плеханов и Потресов. Эти конкурирующие партийные списки, разумеется, не способствовали успеху меньшевистских кандидатов в депутаты.

В конце 1917 — начале 1918 г. состоялись заседания шести комиссий социал-демократической фракции Учредительного собрания: общеполитической, по выработке основных законов, по внешней политике, аграрной, по регулированию народного хозяйства, по национальной политике. Комиссии признали неоспоримым считать верховной властью в стране Учредительное собрание. Мартов полагал, что нельзя сразу противопоставлять власть Учредительного собрания власти Советов. «Нужно объяснить, — говорил он, — почему нужно полновластие Учредительного собрания, почему Советы должны быть опорой Учредительному собранию». Ф.И.Дан, Н.В.Стрелков, Ф.А.Череванин не согласились с Мартовым, считая, что нужно в декларации фракции заявить о пагубной роли большевиков в революции. Церетели придерживался подобных же взглядов, считая, что на пролетариат не должна лечь

«ответственность за преступления против демократии». А.А.Трояновский был категоричен: «Мы вызвали настроение в рабочих кругах, и мы не удовлетворим их, если будем замалчивать проступки большевиков». Дан от имени политической комиссии предложил проект декларации меньшевистской фракции, в которой члены Учредительного собрания предупреждались о том, что большевики готовятся разогнать его, если оно не подчинится их власти. Избиратели призывались встать на защиту Учредительного собрания. Московский комитет РСДРП(о) 3 января 1918 г. констатировал: «Только полновластное Учредительное собрание, создав общедемократическую революционную власть из представителей всех социалистических партий и опираясь на всю организованную демократию, пользуясь ее авторитетом, сможет прекратить гражданскую войну и ослабить губительные последствия всеобщей разрухи и ввести классовую борьбу в организованные формы»[17].

А.Ненароков, Д.Павлов и У.Розенберг в документально-историческом очерке в сборнике документов о деятельности меньшевиков в 1918 г. отмечали, что «борьба вокруг Учредительного собрания, несмотря на всю затраченную меньшевистским руководством энергию, в значительной мере являлась символической»[18]. Обосновывали они свое утверждение тем, что выборная кампания, проведенная меньшевиками, завершилась их поражением: в Учредительном собрании их представляли всего 20 депутатов. Это верно. Но вряд ли можно называть их борьбу за выборы в Учредительное собрание «символической». Более прав в данном случае С.В.Тютюкин, отметивший крайнюю серьезность отношения меньшевистского руководства к избирательной кампании[19].

По уточненным данным Л.Г.Протасова, больше всего избирателей голосовало за эсеров — 19 110 074 человека, или 39,5%. На выборах большевиков поддержали 10 889 437, или 22,5%; кадетов — 2 180 488, или 4,5%; меньшевиков — 1 522 467, или 3,2%; энесов — 439 200, или 0,9%. Национальные партии неонароднического и социал-демократического толка собрали 14,5% го-

лосов; 9,6% голосов были за национальные партии и списки несоциалистического автономистского и федералистского толка. Еще 5% достались отдельным конфессиям, кооперативам, казакам, областникам и т.д. Всего в Учредительное собрание предполагалось избрать 820 депутатов, однако по 74 округам избрали 767[20].

В составе Учредительного собрания было 20–22 депутата-меньшевика, причем многие из них представляли Закавказье (Е.П.Гегечкори, Г.Г.Георгадзе, В.Г.Джибладзе, Н.Н.Жордания, А.Г.Зурабов, И.И.Рамишвили, Н.В.Рамишвили, И.Г.Церетели, Н.С.Чхеидзе, А.И.Чхенкели), М.И.Скобелев, Н.А.Стрелков, А.А.Трояновский и др. Среди них 16 были с высшим образованием[21].

Опубликованная стенограмма зафиксировала 54 выступления 34 ораторов в день заседания Учредительного собрания. По фракциям это выглядело так: эсеры — 20 выступлений (13 ораторов), большевики — 9 (6), левые эсеры — 9 (5), меньшевики — 3 (3), прочие — 13 (7). Эти цифры отражали активность разных политических фракций. В прениях наиболее активны были эсеры и меньшевики. Выступавшие эсеры, большевики и меньшевики были сторонниками революционного права. В эсеровских выступлениях преобладали эмоции, в большевистских — митинговость и крикливость, в меньшевистских — аналитичность[22].

Открытие Учредительного собрания 5 января 1918 г. в 16 часов дня сопровождалось пением «Интернационала». «Кошачьим концертом», организованным большевиками, было отмечено появление на сцене одного из старейших по возрасту представителей эсеровской фракции С.П.Швецова (1858–1930). Он объявил Собрание открытым. Далее говорить ему не дали. На сцене появился Я.М.Свердлов и еще раз открыл собрание по поручению ВЦИК, теперь уже под шум эсеров и их выкрики. Свердлов предложил депутатам признать все принятые советские декреты, а также написанную Лениным и Бухариным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», где Россия провозглашалась советской республикой. В этом документе

роль Учредительного собрания сводилась к поддержке советской власти и декретов Совета народных комиссаров, его депутаты должны были признать, что их «задачи исчерпываются общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства общества»[23].

Г.Л.Лордкипанидзе, выступивший вслед за Свердловым от имени фракции эсеров, предложил избрать председателя Учредительного собрания. Его избирали в течение трех часов. Председателем был избран лидер эсеров В.М.Чернов, набравший 244 голоса. М.А.Спиридонова, которую поддерживали левые эсеры и большевики, набрала 153 голоса. Голосовали шарами, подсчитывали их представители всех фракций. После этого Чернов выступил с двухчасовой речью. Его выступление много раз прерывалось аплодисментами с одной стороны и шумом — с другой. Речь председателя с призывами «Давайте жить дружно» не произвела большого впечатления. После этого секретарем собрания был выбран эсер М.В.Вишняк[24].

Оппонентом Чернова был Бухарин, настаивающий на обсуждении главного вопроса — вопроса о власти. Он предложил депутатам признать власть Советов в соответствии с озвученной Свердловым «Декларацией». Бухарин был откровенен, когда под шумные овации своих сторонников заявил: «В этот момент, когда заревом революционного пожара загорится если не сегодня, то завтра весь мир, мы с этой кафедры провозглашаем смертельную войну буржуазно-парламентарной республике»[25]. Затем, после непродолжительного обсуждения порядка дальнейшего хода Собрания, слово было предоставлено И.Г.Церетели.

5 января на заседании Учредительного собрания выступили два представителя фракции меньшевиков — Церетели и А.А.Трояновский. Внеочередное заявление огласил М.И.Скобелев. Их выступления прерывались, но они были аргументированны, полемичны и разоблачительны для большевиков. Церетели был опытным оратором и блестящим полемистом. Он заявил об Учредительном собрании как высшем органе

власти в стране и спрашивал, почему депутаты должны утверждать то, что им предлагают, без доказательства необходимости действий власти. Церетели было непонятно, зачем большевики предлагают депутатам признать свою власть, если они не признают верховенства власти за Учредительным собранием. В заключение Церетели от имени фракции меньшевиков заявил о главных задачах, которые Собрание должно решить. Меньшевики считали, что в России нужно установить демократическую республику, добиваться заключения всеобщего демократического мира, закрепить законом безвозмездный переход земли к крестьянам, восстановить разрушенную промышленность, принять необходимые социальные законы и законы о гражданских свободах, гарантировать равные права всем национальностям, населяющим страну.

Скобелев выступил с протестом в связи с расстрелом властями мирных рабочих демонстраций в защиту Учредительного собрания. Вскоре от фракции большевиков выступил Ф.Ф.Раскольников, заявивший, что раз Собрание не признает советскую власть, то они его покидают. Трояновский выступил после ухода большевистских депутатов из зала и говорил, что у него и меньшевистской фракции надежды на окончание войны связаны только с работой Учредительного собрания. В 4 часа 40 минут ночи 6 января Учредительное собрание разошлось, чтобы встретиться 6 января в 5 часов вечера. Но этого не произошло. На стене у ворот дворца появилось объявление, что здание Таврического дворца закрыто.

В стенограмме закрытие собрания представлено так: к председателю Чернову подошел матрос А.Железняков и сказал: «Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал (*Голоса*: нам не нужно караула.)

Председатель: Какую инструкцию? От кого?

Матрос: Я являюсь начальником охраны Таврического дворца и имею инструкцию от комиссара Дыбенко.

Председатель: Все члены Учредительного собрания также очень устали...

Матрос: ...Я прошу немедленно покинуть зал заседания».

М.В.Вишняк вспоминал: «Началось препирательство между В.М.Черновым, настаивающем на том, что "Учредительное собрание может разойтись лишь в том случае, если будет употреблена сила", и "гражданином матросом", настаивавшим, чтобы "немедленно покинули зал заседания". Физическая сила, увы, была на стороне "анархиста-коммуниста" и победил не Виктор Чернов, а Анатолий Железняков»[26]. Тогда Чернов предложил остававшимся в зале депутатам без прений принять закон о земле, обращение к «союзным державам», о провозглашении России республикой. Он объяснил, что это необходимо, иначе большевики могут заявить, что члены Учредительного собрания допускают возможность восстановления в стране монархии. Более того, эсеры решили лишить царскую семью всех прав и заявили об уничтожении навсегда монархического образа правления[27].

Особенно большое число различных обращений и прокламаций в связи с разгоном Учредительного собрания было принято и опубликовано меньшевиками. Так, в обращении ЦК РСДРП(о) к гражданам России говорилось: «Учредительное собрание разогнано силой штыков. Оно разогнано прежде, чем народ успел узнать, что сделало Учредительное собрание в своем первом и единственном заседании... С разгоном Учредительного собрания закончилась комедия, как по нотам разыгранная Лениным и Троцким... Перед вами два пути. Или довериться партии, могущей управлять только силой штыков, только подавлением всех социалистических партий и идти к дальнейшему усилению голода и разрухи, к войне против всех в самой России... Или же заставить большевистскую партию отказаться от самодержавия и террора, признать Учредительное собрание... Первый путь — через гражданскую войну к контрреволюции. Второй путь — через соглашение к спасению революции. Выбирайте!»[28].

Дан не был 6 января в Таврическом дворце, его не пригласили большевики, выдававшие пригласительные билеты на открытие Учредительного собрания. Ознакомившись с тем, что там произошло, и с фактом разгона Собрания, он написал 8 января Аксельроду в Стокгольм: «Мне не пришлось быть на заседании Учредительного собрания, но, по единогласному свидетельству участников, газеты и в отдаленной степени не передают того невыносимо позорного и недостойного положения, в которое было поставлено Собрание большевистской свистопляской и грубейшим вмешательством вооруженных матросов, заполнивших и хоры, и самую залу. Площадная ругань, крик, свист висели в воздухе. Это было больше похоже на кабак, чем на собрание не то что верховного органа народной воли, а хотя бы самого жалкого, законосовещательного учреждения. Несомненно, мир не видел ничего подобного, и нужно было сочетание большевистского бандитизма, разгула солдатчины и специфического русского хамства, чтобы создать эту постыдную картину. Но и в этой обстановке, в которой способна была покраснеть ломовая лошадь, Церетели после бесконечных перерывов, криков "кровопийца!", "палач" и даже направленных на него винтовок и револьверов сумел заставить себя слушать. Его речь и декларация произвели огромное впечатление и были, по общему отзыву, единственным достойным выступлением»[29].

Позже многие меньшевистские деятели, вспоминая Октябрь 1917 г. и разгон Учредительного собрания, обвиняли большевиков и персонально Ленина в аморализме, демагогии и преступных действиях, несовместимых, по их мнению, с демократией. Е.А.Ананьин (1887–1965), меньшевик с 1905 г. и одно время секретарь П.Б.Аксельрода, задал ему вопрос: «Возможно ли было при иной тактике правящих партий 1917 года избежать "октября" или же он был (в русских условиях) фатальным?» Аксельрод после легкого колебания ответил: «Вряд ли» и притом махнул безнадежно рукой: «все равно, мол, стихия одолела бы»[30]. Г.В.Плеханов также резко осудил захват власти большевиками и раз-

гон Учредительного собрания. По мысли Плеханова, это был «триумф клики, обреченной отныне постоянно обращаться к террору, чтобы сохранить власть против воли народа»[31].

А.Н.Потресов в очерке о Ленине отмечал его организаторские способности подбирать себе людей, которые ему беспрекословно подчинялись и были готовы «ко всякой авантюре». Причину утери товарищеских отношений между ними Потресов видел в аморализме Ленина, в его якобинско-сектантских взглядах. Б.И.Николаевский писал, что разгон Учредительного собрания, подписание большевистским правительством Брестского мира, гражданская война звали социал-демократию активно участвовать в борьбе с большевиками. Потресов в газетной статье об Учредительном собрании говорил о безнаказанности его разгона, о том, что оно продолжает «выситься сейчас как традиционное знамя демократии, которое нет никаких оснований спускать». Потресов предлагал провести новые выборы в Учредительное собрание, так как старое не смогло себя защитить[32].

С критикой большевиков в связи с прекращением деятельности Учредительного собрания выступали тогда Мартов, Дан и другие. Они делали это и тогда, и позже на III съезде Советов[33]. Большевистские лидеры сразу же противопоставили его разогнанному ими Учредительному собранию, провозгласив съезд Советов высшим органом власти в большевистском государстве. Троцкий весьма цинично заявил, выступая на заседании этого съезда Советов, что Учредительное собрание «имело единственной целью упразднить все завоевания Октябрьской революции», что его депутаты хотели создать «палату теней Февральской революции», что в борьбе с ними было нарушено «формальное право». Троцкий, будучи опытным политическим демагогом, продолжил: «Мы не скрываем также и того факта, что мы употребили насилие, но мы сделали это в целях уничтожения всякого насилия, мы сделали это в борьбе за торжество величайших мировых идеалов». По его мнению, «власть Учредительного собрания оз-

начала бы лишь власть партии Керенского, Чернова и других, чуть-чуть дополненных Церетели»[34]. Эти заявления были далеки от истины, но они совершенно не смущали политика. Ленин его поддержал: «Разгон Учредительного собрания советской властью есть полная и открытая ликвидация формальной демократии во имя революционной диктатуры». Согласно заявлению Ленина, «демократия есть одна из форм буржуазного государства, за которую стоят все изменники истинного социализма... утверждающие, что демократия противоречит диктатуре пролетариата». Ленин был убежден, что «ни один еще вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе, как насилием»[35]. Для Ленина депутаты, не признавшие высшей властью Советы, были «людьми с того света», а время заседания Собрания — «потерянным днем»[36]. Он был за силовое решение борьбы с инакомыслием и не видел этому альтернативы. Сталин на III съезде Советов 10 января пренебрежительно и откровенно заявил: «Буржуазный парламентаризм мы похоронили, и напрасно Мартовы тащат нас к мартовскому периоду революции... властвуют не те, кто выбирает и голосует, а те, кто правит»[37].

Большевиков поддержали левые эсеры. М.А.Спиридонова назвала правильным разгон Учредительного собрания, заявив, что только съезд Советов является главным представительным органом народов России. Спиридонову поддержал большевик Г.Е.Зиновьев: «Когда мы в этом зале на первом и последнем заседании Учредительного собрания разошлись с контрреволюционерами, мы тогда еще предсказали, что в этом зале скоро соберется настоящее народное Учредительное собрание».

Выступление правого эсера Д.В.Львовича-Давидовича о том, что только Учредительное собрание является выразителем воли населения страны, было встречено отрицательно. Мартов выступал на съезде несколько раз, оппонируя Ленину, Троцкому и Сталину. Он отмечал, что «методы террора не нужны той партии, которая осуществляет желания большинства против корысти меньшинства». Мартов был против проведе-

ния государственного террора и против провоцирования гражданской войны в стране. Когда Ленин в докладе сравнил Парижскую коммуну (1871 г.) и советскую власть, Мартов с этим не согласился, отметив, что в течение существования коммуны «пролетариат Парижа гордился тем, что не нарушил гражданских свобод», а советская власть «лишением многих избирательного права — разбила зеркало, в котором фактически отражалась "воля народа"». Мартов уверял, что ошибки в проведении правительственной внешней политики связаны прежде всего с неправильной внутренней политикой советских властей. Мартов был убежден в различии избрания в Советы и парламент, отмечая, что «выборы в Советы не всеобщие, не прямые, не равные и не всегда тайные». Он был уверен, что «форма советских организаций ниже демократизма во всех отношениях».

Н.Н.Суханов и Р.А.Абрамович критиковали большевистское правительство за ведение борьбы лишь против тех, кто не согласен с Лениным. Суханов отметил, что «принципы Ленина чисто анархистские, не имеющие ничего с социал-демократизмом. И теперь всех социалистов и оборонцев, и интернационалистов, боровшихся с вами против коалиции, вы объявили контрреволюционерами, если они отвергают ленинский анархизм». Ленин, отвечая Мартову, подчеркнул, что Парижская коммуна пала только потому, что недостаточно использовала для своей защиты вооруженную силу. Он обратил внимание и на реплику Суханова, заявив, что «теперь, в эпоху коренной ломки буржуазного строя, понятия об анархизме принимают, наконец, жизненные очертания»[38].

III съезд Советов одобрил ранее принятые решения Совнаркома и ВЦИК о роспуске Учредительного собрания. Этот акт означал завершение демократического этапа развития революционных преобразований в России 1917 г., их бесславный эпилог. Представители различных политических партий протестовали, левые эсеры и большевики твердили об укреплении своего союза.

К.В.Гусев, рассматривая ход Учредительного собрания, писал, что представители народа, одетые в солдатские шинели и флотские бушлаты, присутствовали в зале Таврического дворца. По замыслу устроителей разгона Собрания, они должны были изображать «разгневанный народ», требовавший разогнать депутатов. По мысли Гусева, это был не народ, а шумная беспорядочная улица, свистевшая и хулиганившая, полагавшая, что ей все дозволено. Он цитировал отрывок из статьи Чернова «Охлос и демос», в которой осуждалось поведение охлоса, нацеленного на погром в Таврическом дворце, и демоса, действительно представлявшего народ во время мирной демонстрации 5 января в защиту Собрания, а также хоронившего ее жертвы на Преображенском кладбище. Чернов восхищался поведением демоса[39].

В.М.Чернов написал возмущенное открытое письмо В.И.Ленину. В нем он обвинял Ленина в аморализме, в том, что большевистский вождь «расчистил себе путь к власти» «грязными делами»: расстрелом 5 января 1918 г. мирной уличной демонстрации петроградских рабочих и разгоном Учредительного собрания. Он упрекал Ленина в том, что ранее большевики были готовы признать Учредительное собрание высшей властью в стране, а в выборе между своим правлением и всенародно избранным предпочли не отдавать свое властное господство. Чернов всячески клеймил большевистскую власть за произвол и насилие, сравнивая расстрелы демонстраций 9 января 1905 г. и 5 января 1918 г.[40]

8 и 11 января 1918 г. Петроградский комитет меньшевиков-«оборонцев» резко высказался в адрес «смольных правителей», указав на варварский расстрел мирной манифестации в защиту Учредительного собрания; 25 и 27 января 1918 г. ЦК РСДРП(о) обратился ко всем партийным организациям. В первом обращении содержался призыв участвовать в перевыборах Советов: «Уйдя со 2-го съезда Советов в виде протеста против большевистского заговора и введенной Лениным и К° системы террора, — теперь, когда

большевистская власть принимает длительный характер и не встречает еще массового протеста со стороны рабочих, мы должны идти туда, где создается или фальсифицируется мнение и воля рабочего класса, как бы ошибочны и губительны они ни были, как бы ни была тяжела та атмосфера, которая там царит». Во втором — членам партии предлагалось продолжить борьбу за Учредительное собрание, «символизирующее восстановление единого революционного фронта демократии»[41].

Вопрос о разгоне и возобновлении работы Учредительного собрания обсуждался на многих и различных совещаниях антибольшевистских движений все время гражданской войны в России. Мартов увязывал его с демократизацией государственного строя страны. 9 января 1918 г. он, выступая на I Всероссийском съезде профессиональных союзов, говорил об отсутствии в России условий для построения социалистического общества и ратовал за независимость профсоюзов и необходимость проведения в первую очередь демократических реформ. Но сторонники РСДРП(о) были в меньшинстве на съезде и тогда, по предложению Г.Е.Зиновьева, утвердили резолюции о сращивании профсоюзов с органами государственной власти[42].

Американский журналист А.Р.Вильямс присутствовал на заседаниях Учредительного собрания. В своих мемуарах он описал его роспуск и заметил: «Через несколько дней об Учредительном собрании осталось одно воспоминание. О нем горевали только на Западе и в посольских особняках Петрограда. В России его оплакивали лишь те, кто пострадал от революции»[43]. Вильямс был неправ. Разгон Учредительного собрания объединил все политические антибольшевистские силы и способствовал началу гражданской войны в стране[44]. Насилие, примененное при роспуске Учредительного собрания, вскоре переросло в государственный, большевистский террор по отношению к инакомыслящим, а противники большевиков и левых эсеров получили возможность выступать против них под социалистическими лозунгами. Именно тогда, в январе

1918 г., большевистское руководство (многие из них были депутатами Учредительного собрания) избрало в качестве будущего государственного устройства страны модель однопартийного тоталитарного правления, отвергнув ее демократическое, парламентское будущее на десятки лет. В то время приобрели силу государственный террор и произвол с явным усечением прав человека и запретом небольшевистских организаций.

Мартов, еще до начала работы Учредительного собрания, заявил о своем неприятии большевистского «социализма». 30 декабря 1917 г. он писал Н.С.Кристи, что для него «социализм всегда был не отрицанием индивидуальной свободы и индивидуальности, а, напротив, высшим их воплощением». И характеризовал происходившее так: «Действительность сильнее всякой идеологии, а потому под покровом "власти пролетариата" на деле тайком распускается самое скверное мещанство со всеми специфически русскими пороками некультурности, низкопробным карьеризмом, взяточничеством, паразитизмом, распущенностью, безответственностью и проч... Ужас берет при мысли, как надолго в сознании народа дискредитируется самая идея социализма и подрывается его собственная вера в способность творить своими руками свою историю. Мы идем через анархию, несомненно, к какому-нибудь цезаризму, основанному на потере всем народом веры в способность самоуправляться»[45].

Меньшевистское руководство активно выступало за Учредительное собрание и выражало естественное возмущение его насильственным роспуском. В конце декабря 1917 г. меньшевики ратовали за быстрейшее открытие Учредительного собрания[46]. Но были и разногласия в тактике отдельных групп меньшевизма в ту пору. 15 декабря 1917 г. в обращении ЦК РСДРП(о) по поводу завершения работы Чрезвычайного съезда партии говорилось, что «восстановление единства демократии предполагает тактику, не исключающую возможности соглашения с большевиками, поскольку за последними идут рабочие массы и поскольку большевики проявят готовность отказаться от своей анти-

демократической политики насилия». Меньшевики-«оборонцы» отказывались от всякого возможного сотрудничества с большевиками[47].

Сразу же после разгона Учредительного собрания ЦК РСДРП(о) выступил с несколькими заявлениями, в которых решительно осуждались насильственные действия большевистского руководства, разжигающего в стране гражданскую войну. Но Мартов продолжал оставаться верным тактике отказа от силового противостояния с ним, заявляя, что «не может вести часть пролетариата на вооруженную борьбу с другой частью его, даже если эта часть совершает гибельную и преступную ошибку»[48]. Д.Ю.Далин назвал это убеждение Мартова его «нормативной идеей», основанной в то время на поиске своих сторонников среди умеренных большевиков, а главное, на том, что необходимо любыми способами предупредить «гражданскую войну внутри пролетариата». Ю.П.Денике видел в роспуске Учредительного собрания «страшный удар для всех демократически настроенных людей в России». Денике подчеркивал, что это событие сплотило социалистов, хотя многие, в том числе меньшевики, реагировали на него по-разному. Позицию Мартова, например, решительно не разделяла группа Потресова, для которого «любой контакт с большевиками означал соучастие в их преступлениях»[49].

По утверждению Д.Ю.Далина, после разгона Учредительного собрания меньшевики не видели оснований для отказа от призыва продолжить его работу. Среди них был и Мартов. В статье «Рабочие и государственная власть» он отвергал лозунг «Вся власть Советам», заявляя, что власть должна перейти к Учредительному собранию. Мартов считал, что в жизни советская власть «превратилась в безответственную, бесконтрольную, несправедливую, тираническую и дорогостоящую власть комиссаров, комитетов, штабов и вооруженных банд». С ним солидаризировался его брат В.О.Левицкий, писавший 16 июня 1918 г. П.Б.Аксельроду, что Советы вырождаются, что «в них исчезла и последняя тень демократизма». Он указывал

на наступление поры апатии населения, которое было против политики всех партий, обманувших его ожидания[50]. Б.М.Сапир много позже, вспоминая и анализируя планы меньшевиков в конце 1917 — начале 1918 г., отмечал, что ЦК РСДРП(о) тогда «ориентировался на эволюцию большевистской власти в демократическом направлении» и не видел целесообразности в вооруженной борьбе с ней[51]. Наверное, следует согласиться с тем, что позиция Мартова была одной из альтернатив общественно-политического преобразования России в то время.

Сапир считал, что организационно меньшевизм никогда не был объединен единым централизованным руководством. Но все же, подчеркивал он, и после 1917 г. были черты морально-психологического характера, роднящие Потресова с Мартовым — автором брошюры «Долой смертную казнь!»[52]. Они хорошо знали друг друга, и их расхождения по отдельным вопросам как-то мало касались личных уважительных отношений. Достаточно отметить глубоко скорбную реакцию Потресова на смерть Мартова...

Отношение к разгону Учредительного собрания очень скоро в политике социалистических партий превратилось в выбор между гражданским миром и гражданской войной, между демократическим или диктаторским правлением в стране. Одним из первых на эту проблему обратил внимание К.Каутский, который 6 января 1918 г., вероятно, еще не зная о разгоне Учредительного собрания, выступил с работой «Демократия или диктатура». Каутский утверждал, что идея диктатуры пролетариата должна отступить перед идеей демократии, иначе пролетариат сам подпилит тот сук, на котором сидит[53]. Характерной в этом плане является и статья Мартова «Накануне русского термидора». Он увидел проявление термидора в репрессивном разгоне Учредительного собрания и в заключении Брестского мира, означавшего превращение русской революции из части мировой в только российскую. Мартов назвал политику Ленина того времени «протермидорианской». В 1918 г., как и в 1794 г., Мартов указал на трех

основных актеров политической сцены: диктатора, окруженного группой фанатиков; подлинных революционеров или демократов; термидорианцев. Он относил большевиков к первой группе, а их диктатуру, в отличие от якобинской, называл «трагическим фарсом». Подлинными революционерами в его глазах были меньшевики, термидорианцами — «двусмысленные авантюристы, порожденные диктатурой и террором». В России — это «вся... прожорливая саранча, примазавшаяся к вчерашним победителям и перешедшая на сторону победителей сегодняшних, образовала авангард термидорианцев». По Мартову, «русский термидор» — это упадок революции, проявляющийся в гибели демократически настроенных настоящих революционеров. Мартов ставил вопрос о судьбе демократии при диктатуре большевиков. Он предлагал теоретически отличный от французского путь перехода от диктатуры к буржуазно-демократическому режиму. Его успех зависел от того, насколько большевикам удастся организовать пролетариат для защиты демократии. Он хотел, «чтобы исторически неизбежное восстановление классового господства буржуазии не совершалось путем подавления и лишения прав пролетариата, но осуществлялось в рамках самой широкой демократической свободы». Мартов верил в необходимость Учредительного собрания «как естественного наследника не промотанной большевиками части революционного наследства»[54].

Мартов был первым из российских меньшевиков, кто еще в марте 1918 г. стал говорить и писать о большевистском термидоре. Его точку зрения разделял его брат, В.О.Левицкий, когда 16 июня 1918 г. писал П.Б.Аксельроду, что в России «опыт, начатый во имя диктатуры пролетариата, привел к диктатуре над ним и против него». Левицкий вместе с другими меньшевиками в декабре-январе 1918 г. сидел в Петропавловской крепости, арестованный за участие в работе «Союза защиты Учредительного собрания», и очень возмущался появившейся в «Правде» статьей Ф.Меринга, восхвалявшего большевизм. «А теперь Меринг поет осанну

этому режиму форменного бонапартизма, внедряющего реакцию во все слои общества», — писал он[55].

Разгон Учредительного собрания был неоднозначно воспринят и в провинциальной России. О своем возмущении этим актом большевиков заявили меньшевики-«оборонцы» Нижнего Новгорода, Самары, Забайкалья. Более осторожно по этому поводу высказывались меньшевики-интернационалисты[56]. Меньшевик С.Д.Щупак в начале января 1918 г. находился в Новониколаевске, куда как один из руководителей Петроградской городской думы, он поехал за продовольствием для города. Щупак вспоминал, что в начале сибирский кооперативный съезд решил направить в адрес Учредительного собрания 50 млн пудов хлеба. Но когда участники съезда узнали о разгоне Учредительного собрания и расстреле большевиками мирной демонстрации его защитников, они решили им хлеба не давать. Щупак писал, что тщетно представители столицы пытались переубедить собравшихся, что решение съезда плохо отразится «на несчастном, измученном, ни в чем не повинном голодном населении» города. Но сибиряки, так же как и участники подобных съездов на Дону и Украине, заявили представителям Петрограда, что готовы отправить хлеб только в адрес Учредительного собрания, в каком бы городе оно ни собралось[57].

Роспуск Учредительного собрания вызвал дискуссию и внутри большевистского руководства. Это проявилось на Пленуме ВЦИК 2-го созыва, где обсуждался вопрос о правомерности насильственного закрытия Собрания. Пленум собрался в ночь с 6 на 7 января 1918 г., что свидетельствовало о важности принятого решения. Главным докладчиком выступил Ленин. «Народ хотел созвать Учредительное собрание — и мы созвали его, — говорил вождь большевиков. — Но он сейчас же почувствовал, что из себя представляет это пресловутое Учредительное собрание. И теперь мы исполнили волю народа, — волю, которая гласит: вся власть Советам»[58]. Этот тезис Ленина носил явно пропагандистский характер. Народ на свободных выборах

избрал депутатов, большинство из которых были настроены антибольшевистски, т.е. отказал в доверии партии, захватившей власть в стране. Учредительное собрание заседало один день, и его депутаты подтвердили необходимость реализации всех демократических декретов, принятых II съездом Советов. Каким же образом народ, голосовавший за Учредительное собрание, в течение суток изменил свое мнение о его надобности и предпочел власть Советов? Вероятно, подобный вывод Ленин сделал, исходя из бессилия защитников Учредительного собрания, из-за отсутствия массовых протестов против его разгона...

К тому же Ленин, действуя с позиции силы, мог опираться на свою партию, правительство, солдат и матросов. «Разгон Учредительного собрания советской властью есть полная и открытая ликвидация формальной демократии во имя революционной диктатуры», — говорил Ленин Троцкому в то время[59]. Решением ВЦИК 6 января 1918 г. Учредительное собрание распускалось.

История Учредительного собрания до сих пор является предметом исследования и дискуссий для историков. Одни считают, что политическим результатом его разгона стал «рост враждебности к большевикам части демократической интеллигенции, усиление административных методов управления в условиях хаоса»[60]. Меньшевики видели в разгоне Учредительного собрания бонапартистский переворот, устроенный большевиками как правящей партией в стране. До III съезда Советов большевистская власть считала себя временной, незаконной. Теперь она приобрела уверенность, ее признал таковой съезд Советов, а Учредительное собрание перестало существовать как нечто важное в большевистском лексиконе.

Наиболее подробно проблема Учредительного собрания обсуждалась за «круглым столом» Института российской истории РАН в 2008 г., где были высказаны различные мнения о значении Собрания в судьбах российского парламентаризма. О роли меньшевиков в истории Собрания на этой встрече было сказано не-

многое. Эту тему затронул В.П.Булдаков, характеризуя вождей той поры. «Громадной популярностью в 1917 г. пользовался Церетели — главным образом за счет искренности и убежденности в собственной правоте. Но он настаивал на соглашении с буржуазией — призывы к "консенсусу" в расколотом обществе самоубийственны. Другой выдающийся лидер меньшевиков — Мартов, также блестящий оратор, не мог иметь успеха как "недобольшевик". Строго говоря, все они попросту "разогревали" публику перед выходом на авансцену истории большевиков», — констатировал он[61]. С выводом Булдакова трудно согласиться. Невозможно восхищаться теми, кто звал к уничтожению своих политических противников, а тех, кто хотел единения людей, дабы подобное предотвратить, считать самоубийцами. Нельзя оправдывать действия победителей, если они связаны с гибелью и унижением миллионов людей.

Разгон большевиками Учредительного собрания завершил процесс демократизации российского общества, начатый в феврале-марте 1917 г. Политика большевиков, направленная на монополизацию власти в стране, неминуемо привела к конфронтации с другими социалистическими партиями, к гражданской войне. Кризис власти в декабре 1917 г. — январе 1918 г., связанный с созывом и разгоном Учредительного собрания, превратил в глазах Ленина меньшевиков из оппонентов во «врагов внутри рабочего движения»[62]. Меньшевики также не были в восторге от его правления. Хотя умеренные большевики и левые меньшевики продолжали на первых порах сохранять личные отношения и даже сотрудничать по отдельным вопросам.

Прошло 10 лет, и в 1927 г. большевик и глава профсоюзов страны М.П.Томский точно сформулировал позицию правящей в стране партии ко всем остальным политическим объединениям: «В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все другие в тюрьме»[63]. Эта репрессивная политика велась большевистским руководством

для установления однопартийной системы в стране с самого начала завоевания власти. Ее жертвами постепенно стали социалистические и другие политические партии, что продемонстрировал и разгон большевистскими властями Всероссийского Учредительного собрания.

Комментарии

[1] Первый день Всероссийского Учредительного собрания. Стенографический отчет. Пг., 1918; Всероссийское Учредительное собрание. 5 января 1918 г. Стенографический отчет / Подготовил к печати И.С.Малчевский. М.; Л., 1930; Учредительное собрание. Россия. 1918. Стенограмма и другие документы / Сост. Т.Е.Новицкая. М., 1991; *Святицкий Н.В.* Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание // Год русской революции (1917–1918 гг.). М., 1918. С. 104–119; *Рубинштейн Н.Л.* К истории Учредительного собрания. М.; Л., 1931; *Вишняк М.В.* Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932; *Radky O.H.* The Elections to the Russian Constituent Assembly. January 1918. New York, 1953; *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976; *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997; *он же.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008; и др.

[2] См.: *Журавлев В.В., Симонов Н.С.* Причины и последствия разгона Учредительного собрания // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 3–18; *Медушевский А.Н.* Учредительное собрание как политический институт революционного периода // Отечественная история. 2008. № 2. С. 3–29; Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания// Отечественная история. 2008. № 6. С. 167–211; и др. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 162–166. В.Д.Набоков (1869–1922) — кадет, депутат Учредительного собрания, член Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание — вспоминал: «Все ожидали, что большевики начнут кампанию против Учредительного собрания. Они оказались хитрее». (См.: *Набоков В.* Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. I. С. 89.) Эта «хитрость», по Набокову, состояла в том, что большевистское

правительство вначале не препятствовало выборам в Учредительное собрание и, лишь убедившись, что его депутаты могут не признать легитимность Совнаркома, разогнало его, перед этим запретив кадетскую партию и проведя ряд арестов. См.: История КПСС. М., 1967. Т. 3. Кн. 1. С. 488–499; *Городецкий Е.Н.* Рождение советского государства. 1917–1918. М., 1987. С. 262–282; и др. См. также: *Рабинович А.* Умеренные большевики в октябре 1917 года // Исторические записки. М., 2008. № 11. С. 343.

[3] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 264. Троцкий вспоминал о том, что «в первые дни, если не часы, после переворота Ленин поставил вопрос об Учредительном собрании». Он предлагал отсрочить выборы, обновить избирательные списки, дав избирательные права 18-летним. Ленин быстро выяснил, что большевики будут там в меньшинстве даже вместе с левыми эсерами. И тогда он заявил: «Надо, конечно, разогнать Учредительное собрание», тем более что левые эсеры в лице М.А.Натансона пришли к такому же мнению. По предложению Ленина в Петроград был срочно переведен латышский полк. Ленин сказал Троцкому после разгона Учредительного собрания: «Конечно, было очень рискованно с нашей стороны, что мы не отложили созыва, — очень, очень неосторожно. Но, в конце концов, вышло лучше. Разгон Учредительного собрания советской властью есть полная и открытая ликвидация формальной демократии во имя революционной диктатуры. Теперь урок будет твердый». Троцкий с сарказмом писал об эсеровских депутатах Учредительного собрания, которые в то время, как большевики готовились их разогнать силой, запаслись бутербродами и свечками. По его мнению, «в лице эсеровской Учредилки февральская республика получила оказию умереть вторично». (См.: *Троцкий Л.Д.* О Ленине. Материалы для биографа. М., 2005. С. 72–76.) К.Каутский осенью 1918 г., оспаривая тезис Ленина о том, что Советы являются более высокой формой демократии, чем Учредительное собрание, замечал: «Жаль только, что к этому выводу пришли (большевики) лишь после того, как оказались в меньшинстве в Учредительном собрании. Раньше никто не требовал его более бурно, чем Ленин». (См.: *Каутский К.* Диктатура пролетариата. Wien, 1918. С. 89.) Каутский считал, что «единственное учреждение, которое до известной степени может еще удержать государство от распада, — не рабочие Советы, не диктаторское правительство, а лишь выбранное всеми частями государства Учредительное собрание». (См.: *Каутский К.* Терроризм и коммунизм. Берлин, 1919. С. 223.)

Володарский и А.И.Слуцкий на заседаниях Петербургского комитета большевиков 8 и 16 ноября 1917 г. также говорили о возможном разгоне Учредительного собрания штыками. (См.: Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. С. 562, 565.) Ленин писал о дне работы Учредительного собрания как о потерянном времени. На эту оценку Лениным работы Учредительного собрания обращали внимание многие советские историки. Позже появились свидетельства того, что Ленин тяжело пережил принятое им решение о разгоне Учредительного собрания. К.А.Икрамов (1927–1989) в документальной повести об отце, А.И.Икрамове (1898–1938), бывшем руководителе коммунистов Узбекистана (1929–1937), дружившем с Н.И.Бухариным, передал малоизвестные в прошлом подробности. Со слов отца, К.А.Икрамов поведал о том, как в 1933 г. Бухарин, возвращаясь в Москву из Ташкента, вспоминал: «В ночь разгона Учредительного собрания Владимир Ильич позвал меня к себе. У меня в кармане пальто была бутылка хорошего вина, и мы (следовало перечисление) долго сидели за столом. Под утро Ильич попросил повторить что-то из рассказанного о разгоне Учредилки и вдруг рассмеялся. Смеялся он долго, повторял про себя слова рассказчика и все смеялся, смеялся. Весело, заразительно, до слез хохотал. Мы не сразу поняли, что это истерика. В ту ночь мы боялись, что мы его потеряем». (См.: *Икрамов К.А.* Дело моего отца. М., 1989. С. 162.) Логика борьбы за власть вынудила Ленина разогнать конкурирующий властный орган, но как опытный политик он не мог не понимать последствий этого антидемократического акта.

В резолюции первого съезда партии левых эсеров об Учредительном собрании (28 ноября 1917 г.) отмечалось, что «всякую попытку превратить Учредительное собрание в орган борьбы с Советами... съезд считает посягательством на завоевания революции». В январской (1918 г.) резолюции ЦК партии левых эсеров роспуск Учредительного собрания назывался «целесообразным и соответствующим интересам революции и социализма». (См.: Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 2000. Т. 1. С. 170, 178–179.)

[4] Во время выборов в Учредительное собрание кадеты вышли в 13 городах страны на первое место по числу собранных голосов избирателей, а в 32 городах, включая Петроград и Москву, — на второе место после большевиков. Среди арестованных утром 27 ноября 1917 г. на квартире графини С.В.Паниной были известные представители кадетской партии Ф.Ф.Кокошкин и А.И.Шингарев. Аресто-

ванные под охраной латышских стрелков были препровождены в Смольный, а затем в одиночные камеры Трубецкого бастиона. 6 января 1918 г. они по состоянию здоровья были переведены в Мариинскую тюремную больницу и поздним вечером этого же дня убиты ворвавшимися в больницу матросами. Суда над убийцами не было. Подробнее об этом см.: *Шелохаев В.В.* Судьба русского парламентария (Ф.Ф.Кокошкин) // Отечественная история. 1999. № 5. С. 44–73. А.И.Шингарев (1869–1918) — врач, член ЦК кадетской партии, депутат Государственной думы, министр земледелия, а затем финансов Временного правительства. Ф.Ф.Кокошкин (1871–1918) — профессор кафедры государственного права Московского университета, член ЦК кадетской партии, председатель Особого совещания по выработке Проекта о выборах в Учредительное собрание. Меньшевики-«оборонцы» считали единственным виновником этого преступления «"правительство" палачей из Смольного». (См.: Наше единство. 1918. 11 января.)

Н.Д.Авксентьев (1878–1943) — в 1917 г. член ЦК партии эсеров и комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание, председатель Всероссийского Совета крестьянских депутатов, министр внутренних дел Временного правительства, депутат Учредительного собрания. В декабре 1917 г. был арестован большевистскими властями. П.А.Сорокин (1889–1968) — в 1917 г. приват-доцент Петроградского университета, советник Керенского, депутат Учредительного собрания. 2 января 1918 г. арестован ВЧК и два месяца провел в Петропавловской крепости. Позже Сорокин цитировал свои дневниковые записи: «Октябрь-декабрь 1917 года... Выборы в Учредительное собрание должны быть проведены по всей России. Эти выборы — ответ страны на большевистскую революцию. Если коммунисты правы, то они получат большинство голосов... Большевики потерпели явное поражение. И все мы знаем, что они не намерены смириться с этим вердиктом. Пока надеялись на благоприятный исход голосования, большевики не возражали против Учредительного собрания. Теперь они попытаются запретить и разогнать его. Тем временем я продолжаю играть роль мышки, убегающей от кошки... Я устал и измучен, частью напряженной работой, частью голодом». (См.: *Сорокин П.А.* Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 100–101.)

[5] *Спирин Л.М.* Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 238. Подсчеты Спирина итогов выборов в Учредительное собрание значительно уточняли и расширяли данные, предложенные в статье Н.В.Святицкого «Итоги выборов во Всероссийское Учредительное

собрание». (См.: Год русской революции (1917–1918 гг.). С. 108–109. См. также: *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968. С. 416–425; *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. С. 5, 7, 8.) По подсчетам О.В.Будницкого, не претендующим на точность, политическая элита той поры составляла немногим более трех тысяч человек. (См.: Евреи и русская революция. Материалы и исследования / Ред.-сост. О.В.Будницкий. М.; Иерусалим, 1999. С. 14.) Депутаты Учредительного собрания, безусловно, были политической элитой страны, несмотря на то, что среди них не было Г.В.Плеханова, Ю.О.Мартова, Ф.И.Дана, М.И.Либера, Н.А.Рожкова и многих других видных представителей различных политических партий страны. Но наличие в избирательных списках кандидатов Учредительного собрания до 7 тыс. человек предполагает увеличение численности политической элиты страны в то время более чем в два раза.

[6] *Мартов Ю.О.* Революция и Учредительное собрание // Новый Луч. 1917. 15 дек. № 12; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 554–556; *Гессен В.М.* Русское Учредительное собрание и выборы в него. Пг., 1917. С. 22. *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. М., 2005. С. 368–369; *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. С. 236–238; *Медушевский А.Н.* Учредительное собрание как политический институт революционного периода // Отечественная история. 2008. № 2. С. 9–10.

[7] В декабре 1917 г. Ленин писал: «Врагов социализма можно лишать на время не только неприкосновенности личности, не только свободы печати, но и всеобщего избирательного права. Плохой парламент надо стараться "разогнать" в две недели. Польза революции, польза рабочего класса – вот высший закон». (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 185.) Г.А.Соломон позже вспоминал, как при встрече с Лениным в декабре 1917 г. он его спросил об Учредительном собрании и вождь ему сказал: « Ну, знаете, эта тема такая, что я сейчас еще не хочу говорить о ней... Скажу только, что "Учредилка" – это тоже старая сказка, с которой вы зря носитесь. Мы, в сущности, прошли уже мимо этого этапа... Мы обещали, а там посмотрим, посмотрим... Во всяком случае, никакие "Учредилки" не вышибут нас с нашей позиции. Нет!..» (См.: *Соломон Г.А.* Среди красных вождей. М., 1995. С. 10.)

[8] Эсеровское руководство после неудачной попытки открыть Учредительное собрание 28 ноября 1917 г. решило отказаться от своего излюбленного метода борьбы – тер-

рора и вооруженного сопротивления властям. Но продолжала работать эсеровская Центральная военная комиссия, формирующая боевые рабочие дружины. ЦК партии эсеров усмотрел в действиях Филипповского авантюру и не поддержал его начинания. ЦК партии эсеров не приветствовал и создание Ф.М.Онипко беспартийной террористической группы, ставящей задачей «изъятие всей большевистской головки», в первую очередь Ленина и Троцкого, в качестве заложников. (См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Ч. 2. С. 11–12; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.). Сб. документов. М., 2002. С. 900–901.) Вечером 1 января 1918 г. произошло первое известное покушение нескольких офицеров на Ленина. (Подробнее об этом см.: *Бонч-Бруевич В.Д.* Три покушения на В.И.Ленина. М., 1930. С. 10; *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 30, 50–51.) В.Н.Филипповский (1889–1940) — в партии эсеров с 1903 г., старший лейтенант флота, в 1917 г. член исполкома Петроградского Совета, депутат Учредительного собрания. В 1930-е гг. был репрессирован. Реабилитирован 11 июля 1956 г. Ф.М.Онипко (1880–1938) — эсер, депутат I Государственной думы, в 1917 г. комиссар Балтийского флота. Депутат Учредительного собрания. Был репрессирован в 1930-е гг.

[9] По данным Г.З.Иоффе, во время расстрела демонстрации в поддержку Учредительного собрания было убито от 8 до 30 человек, ранено более 200. (См.: *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. С. 213.) Р.Пайпс отмечал, что в демонстрации приняло участие около 50 тыс. человек. (См.: *Пайпс Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 224–225; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 12.) М.Горький и многие представители небольшевистских партий осудили расстрел мирной демонстрации в защиту Учредительного собрания. Они, как правило, сравнивали происшедшее с 9 января 1905 г. На похоронах жертв расстрела рабочая делегация возложила венок с надписью: «Жертвам произвола самодержцев из Смольного». (См.: *Горький М.* Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 110–111; *Пайпс Р.* Указ. соч. С. 225.) В апреле 1922 г. в Берлине на конференции 3 интернациональных объединений Заграничная делегация партии эсеров представила меморандум, где вспоминался расстрел большевиками 5 января 1918 г. безоружных рабочих, солдат, студентов и матросов, которые в день открытия Учредительного собрания с Красными знаменами и пением Интернационала отправились его приветствовать. Подобные инциденты, го-

ворилось в меморандуме, происходили и в других городах. (См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 824.) М.В.Вишняк подробно описал военную подготовку большевиков к защите от сторонников Учредительного собрания. (См.: *Вишняк М.В.* Всероссийское Учредительное собрание. С. 100–102.) В.Погудин, обозревая новогодние (1918 г.) российские газеты, отмечал, что их главной темой была борьба вокруг Учредительного собрания. Большевистская печать решительно утверждала наличие в стране власти Советов и не допускала возможности провозгласить ею Учредительное собрание. (См.: *Погудин В.* Первый новый год в советской России. По страницам газет конца 1917 – начала 1918 г. // Коммунист. 1978. № 1. С. 45–47.) В.М.Пуришкевич (1870–1920) – один из руководителей монархических организаций России – заявил в ноябре 1917 г., что он за власть Учредительного собрания и за союз с кадетами и группой Б.В.Савинкова. (См.: *Тоболин И.* Заговор монархической организации В.М.Пуришкевича // Красный архив. 1928. Т. 26. С. 171, 179.)

[10] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 226.

[11] М.Малиа писал, что большевистская партия управляла страной при помощи Советов и комиссариатов. «Подобная структура, которую называли то "партией-государством", то "двойным государством", есть величайшее политическое изобретение большевиков». (См.: *Малиа М.* Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М., 2002. С. 142.)

[12] *Бонч-Бруевич В.Д.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1931. С. 245; *Троцкий Л.* Терроризм и коммунизм. Пг., 1920. С. 43. К.Каутский назвал книгу Троцкого о терроризме и коммунизме «гимном бесчеловечности и близорукости». (См.: *Каутский К.* От демократии к государственному рабству (Ответ Троцкому). Берлин, 1922. С. 162.) По мнению Каутского, разгон Учредительного собрания был государственным переворотом. Он относился к этому антидемократическому акту резко отрицательно. Каутский считал, что «большевизм победил в России, но социализм потерпел там поражение». (См.: *Каутский К.* Терроризм и коммунизм. Берлин, 1919. С. 196. См. также: *Кретинин С.В.* Русская революция и Карл Каутский // Отечественная история. 1997. № 6. С. 78; *Орлов Б.С.* Демократия – необходимое условие существования цивилизованного общества. Перечитывая Карла Каутского // *Каутский К.* Большевизм в тупике. С. 11.)

[13] *Мартов Ю.О.* Письма. 1916–1922. С. 20, 21, 23, 24, 26.

[14] ЦА ФСБ. Д. ПФ-536. Л. 90.

[15] См.: Меньшевики в советской России. Сб. документов. С. 14–15, 17–20; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 577, 589; Меньшевики в 1918 году. С. 95–97; и др. 3 января 1918 г. Петроградский комитет меньшевиков-«оборонцев» в обращении «Все на защиту Учредительного собрания!» видел только в нем учреждение, способное «прекратить братоубийственную междуусобицу» в стране. Они предлагали объединиться всем демократическим силам и покончить с «большевистским самодержавием». (См.: ЦА ФСБ. Д. Р-400072. Т. 3. Л. 231–232.)

[16] В.М.Чернов вспоминал: «И вот 5 января, собравшись неподалеку от Таврического дворца, мы идем туда к назначенному часу основной массой приблизительно человек в 200. Литейный проспект пустынен. Но дворы по обеим сторонам живут своей настороженной боевой жизнью. Время от времени оттуда как из-под земли вырастают вооруженные патрули, раздаются вызывающие возгласы: "Кто идет?" Учредителей все же мрачно пропускают. Подходим к Таврическому дворцу. Площадка перед самым дворцом загромождена легкими орудиями, пулеметами и боеприпасами — для наступательных действий или для выдерживания осады? Свободен один узкий боковой вход, туда впускают по одному, после проверки билетов некоторым задается вопрос, нет ли с собой оружия... Входим в большой зал заседаний. Он пуст. Нет ни одного большевика и никого из их левоэсеровских союзников. Те и другие уединились в своих фракционных комнатах. К общему заседанию они еще не готовы... Наконец все в сборе». (См.: *Чернов В.М.* Перед бурей. М., 1993. С. 349–353.)

[17] Меньшевики в 1918 году / Отв. ред.: З.Галили, А.Ненароков; отв. сост. Д.Павлов. С. 57–66, 71.

[18] Меньшевики в 1918 году. С. 25.

[19] *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 462–463.

[20] *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание. С. 164; *он же.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. С. 46–47.

[21] *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание. С. 164. Авторы введения к сборнику «Меньшевики в 1918 году» называют цифру в 20 депутатов-меньшевиков, ставших членами Учредительного собрания (С. 25), Протасов говорит о 22 меньшевиках, прошедших на выборах в Учредительное собрание. В Учредительное собрание было избрано 374 эсера и 180 большевиков. (См.: *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания. С. 84, 111.) Указанные в списке депутатов-меньшевиков С.В.Тютюкиным С.М.Ломтатидзе,

Г.Ш.Лурье, М.Н.Смирнов в списках, составленных Протасовым, не числятся. (См.: *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 467.)

[22] *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания. С. 185, 186.

[23] Учредительное собрание. Стенограмма и другие документы. М., 1991. С. 70–159. О Швецове см.: *Шульгин В.Н.* С.П.Швецов — от неонародника к участию в социалистическом строительстве // Научная биография — вид исторического исследования. Л., 1985. С. 83–98. И.Н.Лордкипанидзе (1889–1937) — правый эсер, в 1917 г. — председатель Одесской городской думы, депутат Учредительного собрания. Расстрелян НКВД в октябре 1937 г.

[24] М.В.Вишняк (1883–1976) — эсер, журналист. В 1918 г. по поручению В.М.Чернова издал сборник «Первый день Всероссийского Учредительного собрания. Стенографический отчет» (Пг., 1918. 112 с.). См. также: *Вишняк М.В.* Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932.

[25] Учредительное собрание. Россия. 1918. Стенограмма и другие документы. М., 1991. С. 90.

[26] *Вишняк М.В.* Всероссийское Учредительное собрание. С. 115. П.Е.Дыбенко (1889–1938) — большевик с 1912 г., в 1917 г. — председатель Центробалта, в январе 1918 г. — член Комитета по военным и морским делам советского правительства, депутат Учредительного собрания. Позже он вспоминал, что отдал приказ Железнякову распустить Учредительное собрание. Ленин, узнав об этом, приказ отменил и предложил Собрание не разгонять до окончания заседания. Но Железняков послушался Дыбенко. (См.: *Дыбенко П.Е.* Мятежники (из воспоминаний о революции). М., 1923. С. 110–111.) В распоряжении Ленина говорилось, что не следует караульной службе Таврического дворца «допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания и, свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов». (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 477–478. Примечания; *Куделли П.* Роспуск Учредительного собрания и Ленин // Красная летопись. 1927. № 2. С. 228.) По свидетельству депутата Учредительного собрания правого эсера Н.В.Святицкого (1886–1937), тогда все разошлись и никто не был арестован. (См.: *Святицкий Н.* 5–6 января 1918 г. Из воспоминаний бывшего эсера // Новый мир. 1928. С. 228.)

[27] *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. С. 319. Ж.Садуль заметил в связи с предложениями Чернова, что его программа «с не-

которыми формальными оговорками практически схожа с программой правительства. Единственное – он предлагает вместо большевистской "Вся власть Советам!" формулировку "Вся власть Учредительному собранию!"» (См.: *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции (октябрь 1917– январь 1919). С. 157.)

[28] Меньшевики в советской России. Сб. документов. С. 19–20.

[29] Меньшевики в 1918 году. С. 108. А.П.Ненароков, анализируя выступление И.Г.Церетели при открытии Учредительного собрания, отмечал в нем «резкую критику всей демагогической прогностически невыверенной и хотя бы только поэтому явно авантюристической политики новой власти», видя в этой речи «одну из форм активного политического сопротивления большевистскому режиму». (См.: *Ненароков А.П.* Правый меньшевизм. Прозрения российской социал-демократии. С. 340–341.) Соглашаясь с этим выводом, все же заметим, что, как писал Б.И.Николаевский, «попытки изобразить Церетели как деятеля, который с самого начала революции был одержим злостными антибольшевистскими настроениями, совершенно неправильны». (См.: *Николаевский Б.И.* И.Г.Церетели и его воспоминания о 1917 г. (статья вторая) // Социалистический вестник. 1962. № 9/10. С. 136.)

[30] Е.Ананьин позже вспоминал: «В натуре Мартова был своего рода вежливый и утонченный фанатизм. Это было не что иное, как глубокая и утонченная беспредельная верность и преданность делу, которому он служил, и которые выходили за пределы личных чувств и отношений. Но одновременно с этим редкая чуткость к отдельным лицам, к их нуждам, потребностям, чаяниям и надеждам. Плеханов требовал поклонения своей личности, в его отношении к людям было нечто от сюзерена, принимающего поклонение своих вассалов. Ленин не допускал ни малейшего отклонения от своих идей; у Потресова я находил глубоко человечную, но чуть-чуть холодноватую толерантность, и лишь Аксельрод и Мартов, при всем различии их характеров, проявляли глубокую сердечность, которая позволяла соединить глубокое уважение к этим людям с теплотой товарищеских отношений... К большевизму Аксельрод относился резко отрицательно... Никаких "смягчающих" обстоятельств большевизму он не находил. Мне кажется, что его точка зрения в этом пункте сильно отличалась от мнения Юлия Осиповича. Мартова одолевал страх перед контрреволюцией...» Аксельрод своей задачей «ставил объяснить деятелям международного социализма истинную суть большевизма и разоблачить его террористическую диктатуру». (См.: *Ананьи*

ин Е. Из воспоминаний революционера. 1905–1923 // Меньшевики. С. 214, 235, 236.

[31] Подробнее об этом см.: *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 356–357. См. также: *Д'Анкосс Э.К.* Ленин. С. 208.

[32] *Потресов А.Н.* Посмертный сборник произведений. С. 80, 302, 303; Новый день. 1918. 29 марта. № 15; *Потресов А.Н.* Избранное. М., 2002. С. 252–254. В.С.Войтинский, вспоминая «роковые ошибки русской демократии», главную из них видел в отсрочке с выборами Учредительного собрания. «Только быстрый созыв Учредительного собрания мог спасти демократию в России», – заключал он. (См.: *Woytinsky W.* Stormy passage. New York, 1961. P. 19.) Б.Ф.Соколов (1889–1979) – правый эсер и депутат Учредительного собрания – позже сетовал на то, что депутаты не смогли его защитить, что его разгон «знаменовал собой глубочайший кризис русской демократии». (См.: *Соколов Б.* Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XIII. С. 6, 52.)

[33] III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов начал работу в Таврическом дворце Петрограда 10 января 1918 г. 13 января съезд объединился с III Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, вначале работавшим отдельно. В состав ВЦИК, избранного съездом, вошли 160 большевиков, 125 левых эсеров, 7 правых эсеров, 7 максималистов, 3 анархиста-коммуниста, 2 меньшевика-интернационалиста и 2 меньшевика-«оборонца».

[34] Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пг., 1918. С. 17, 69. Стенограмма съезда, видимо, не сохранилась. Текст издания содержит краткое или протокольное изложение выступлений.

[35] *Троцкий Л.Д.* О Ленине. Материалы для биографа. М., 2005. С. 75. Третий Всероссийский съезд... С. 41.

[36] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 229.

[37] Третий Всероссийский съезд... С. 80–81.

[38] Там же. С. 35, 40, 42, 47, 59, 73–76. Новая жизнь. 1918. 14 янв. № 10. Тогда же ЦК партии левых эсеров признал постановление ВЦИК о роспуске Учредительного собрания «целесообразным и соответствующим интересам революции и социализма». (См.: Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 178.) Правые эсеры выступали против роспуска Учредительного собрания и считали борьбу за восстановление его работы главным в своей политике. (См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 308–315.)

[39] *Гусев К.В.* В.М.Чернов. Штрихи к политическому пор-

трету (Победы и поражения Виктора Чернова). М., 1999. С. 116–121.

[40] *Чернов В.М.* Открытое письмо В.И.Ульянову-Ленину // Megapolis-Express. М., 1991. 31 янв. П.Д.Климушкин (1886–1969) – правый эсер, депутат Учредительного собрания – писал, что после разгона Учредительного собрания «было решено к 1 февраля всем съехаться в Киев и оттуда начать борьбу за Учредительное собрание. Оставшееся же время употребить на поездки по всем губерниям для доклада о петроградских событиях, выяснения настроения масс и организации сил». (См.: *Климушкин П.Д.* Правда об Учредительном собрании. Самара, 1918. С. 17.) В 1918 г. центром борьбы за Учредительное собрание стала Самара.

[41] ЦА ФСБ. Д. Р-40072. Т. 3. Л. 54, 77–79, 228–230; Меньшевики в советской России. Сб. документов. С. 14–23.

[42] Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 7–14 января 1918 г. Полный стенографический отчет. М., 1918. С. 82.

[43] *Вильямс А.Р.* Путешествие в революцию. М., 1977. С. 210.

[44] Л.Г.Протасов пишет: «По сути, полномасштабная гражданская война в России вырастала из недр Учредительного собрания. Если его роспуск послужил сигналом к началу вооруженной борьбы, то депутатский корпус поставлял кадры ее руководителей для обеих сторон». (См.: *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. С. 207.)

[45] *Мартов Ю.О.* Письма. 1916–1922. С. 26. Подобного мнения придерживался и писатель В.Г.Короленко, когда в интервью корреспонденту РОСТа говорил в июне 1919 г.: «Основная ошибка Советской власти – это попытка ввести социализм без свободы. На мой взгляд, социализм придет вместе со свободой или не придет вовсе». (См.: В.Г.Короленко в годы революции и гражданской войны. 1917–1921. Биографическая хроника. Benson, 1985. С. 185–186.)

[46] См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 549–550, 570–575, 577.

[47] Там же. С. 551, 569; РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.

[48] См.: Меньшевики в 1918 году. С. 93–107. О предложениях социалистов по возобновлению работы Учредительного собрания см.: Доклад Ю.О.Мартова «Политика партии в 1918 году»; *Трояновский А.А.* Первое Учредительное собрание // Меньшевики в 1918 году. С. 734–735, 756–757. Своеобразный план решения вопроса об Учредительном собрании предложила Роза Люксембург. По ее мнению, Ленин и Троцкий, распустив Учредительное собрание, избранное

еще до прихода к власти большевиков, в новых условиях должны были бы объявить о выборах следующего Учредительного собрания. Она утверждала: «Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для одной партии... — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих». И продолжала: «Разумеется, каждое демократическое учреждение имеет свои рамки и недостатки, как, впрочем, и все другие человеческие институты. Но только найденное Троцким и Лениным целебное средство — устранение демократии вообще — еще хуже, чем тот недуг, который оно призвано излечить». (См.: *Люксембург Р.* Рукопись о русской революции // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 23–25, 27. См. также: *Люксембург Р.* Актуальные аспекты политической и научной деятельности. М., 2004. С. 218–220.) Исходным пунктом критики политики большевистского руководства был для Р.Люксембург роспуск Учредительного собрания. (См.: *Фляйшер Г.* Между Марксом и Лениным // Германия и русская революция. 1917–1924. М., 2004. С. 141.)

[49] Меньшевики. От революций 1917 года до Второй мировой войны. С. 171, 175, 197. А.П.Ненароков, анализируя высказывания представителей отдельных групп меньшевизма той поры, заключал: «Все, что случилось после разгона Учредительного собрания, доказывает, что переход политической партии на положение внутрисистемной оппозиции, каким бы обличением реакционной сути правящих кругов, утопизма, выдвигаемых ими лозунгов, а так же аморализма путей их реализации это ни сопровождалось, не делает ее, партию, субъектом сопротивления режиму». В доказательство своего вывода Ненароков писал, что сторонники Мартова признавали планы большевиков по строительству социализма в России, «только без ленинских крайностей, без насилия и террора». Это, по его мнению, «не могло не вести к падению престижа и влияния партии, критикующей режим, но обещающей достижение тех же целей только в так называемых "чистых перчатках"». (См.: *Ненароков А.П.* Правый меньшевизм. Прозрения российской социал-демократии. С. 341.) С этими выводами Ненарокова трудно согласиться. Меньшевики и большевики длительное время были в одной социал-демократической партии, ставящей целью построить в России социализм. Метод реализации и видение этого социалистического общества были у Ленина и Мартова разными. Мартов, выступая на I съезде профсоюзов, говорил, что сам факт захвата власти большевиками еще не означает возможности построения социализма в экономически отсталой стране. Он считал, что в России отсутствовали по крайней мере несколько условий для этого:

наличие многочисленного и влиятельного пролетариата; рабочие не имели опыта управленческой работы; крестьяне не готовы были принять социалистическое производство; не было достаточной концентрации промышленности. В такой ситуации, полагал Мартов, использование государственной власти для прыжка в социализм, для проведения утопического эксперимента может завершиться только катастрофой для рабочего движения. (См.: Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 7–14 января 1918 г. С. 113–116. См. также: *Гетцлер И.* Мартов. С. 227–229.) В данном случае, речь идет не о сходности лозунгов или методике «белых» и «красных» перчаток при построении социализма в стране, на чем акцентирует внимание Ненароков, а о невозможности, по Мартову, построить социализм в России по ленинскому плану в принципе. Наверное, нужно учитывать убеждение Мартова и его сторонников быть частью европейской социал-демократии, партии которой в демократических странах, являясь частью внутрисистемной оппозиции, приходили к власти мирным путем, на основе свободного избирательного процесса. Стремление Ненарокова объяснить несбывшееся тогда с современных позиций в принципе антиисторично. Вероятно, вывод Ненарокова более подходил бы к странам с тоталитарным либо авторитарным режимом, но в начале 1918 г. таковой только задумывался Лениным для России и его план начал осуществляться лишь в ходе победоносной для большевиков гражданской войне. По мнению Николаевского, Церетели также не был «оптимистом по вопросу о возможности насильственного свержения большевиков, полагая, что решающий конфликт будет связан с моментом созыва Учредительного собрания». (См.: *Николаевский Б.И.* Меньшевики в дни Октябрьского переворота // Меньшевики. С. 92.) Заметим, что после прихода к власти большевиков многие общественные деятели страны не знали, что делать: ждать, что будет дальше, работать с большевиками или бороться с ними. См.: *Шелохаев В.В.* Д.Н.Шипов: личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010; и др.

[50] Новая заря. 1918. 22 апр. № 1. С. 15; Мартов и его близкие. С. 62–63; Меньшевики. С. 163.

[51] BAR. Boris Sapir collection. Box 16. Ser. 1. С. 46–49. Сапир вспомнил выступление Мартова в московском партийном клубе весной или летом 1918 г., когда он с горечью «характеризовал меньшевиков в пооктябрьский период как «умную ненужность» и прочитал письмо, полученное ЦК от одной из провинциальных чисто рабочих организаций. В письме говорилось о трудности удержаться на марксист-

ских позициях в условиях разгула революционных страстей. А заканчивалось оно обращением к ЦК, сводящемся к просьбе: «облегчите наше положение и разрешите нам поглупеть». (Там же. Л. 50.)

[52] HIA. Boris Nicolaevsky collection. Box 673. Fol. 14. Ser. 279. Л. 5; BAR. Boris Sapir collection. Box 10. Ser. 1.

[53] Подробнее об этом см.: *Плимак Е.Г.* Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. М., 2004. С. 181–188.

[54] Вперед. 1918. 22 (9) марта. Статья Мартова обосновывала причины враждебности меньшевиков к большевикам. Большевистские публицисты ответили на эту статью Мартова стихотворным фельетоном Д.Бедного, оскорбительными статьями Л.Сосновского, историков М.Н.Покровского и Н.М.Лукина. Лукин выступил в «Правде» со статьей «Историческая экскурсия Мартова», в которой говорил о неправомерности сравнений Французской и Октябрьской революций (заметим, что когда об этом говорил или писал Ленин, его никто в этом не упрекал). По мнению Лукина, нельзя сравнивать якобинцев с большевиками, поскольку последние опирались на «огромное большинство пролетариата и беднейшего крестьянства» и поэтому им падение не грозит. Лукин обосновывал правомерность большевистских репрессий по отношению «к контрреволюционным силам — буржуазии и помещикам, — а порою и их подголоскам — правым эсерам и меньшевикам». (См.: Правда. 1918. 21, 26, 27 марта, 2 апр.) Это были не аргументы против статьи Мартова, а, скорее, популистское подтверждение большевистского понимания ситуации. Н.М.Лукин (1885–1940) — большевик с 1904 г., историк, с 1929 г. академик, брат жены Бухарина. Арестован в августе 1938 г. Умер в советском концлагере в июле 1940 г. от инфаркта. Реабилитирован в 1957 г. Л.С.Сосновский (1886–1937) — большевик, в 1918–1924 гг. — редактор газеты «Беднота». Ф.Меринг (1846–1919) — один из руководителей левых в германской социал-демократии.

[55] Мартов и его близкие. С. 65.

[56] Подробнее об этом см.: *Гаврилов А.Ю.* Меньшевистские оценки сущности, хода и последствий революционного процесса в России. 1917 — середина 1920-х годов. М., 2009. С. 91–99.

[57] *С.Д.Щупак.* Странички воспоминаний. С. 30–32 // IISH. Fol. 43. П.Б.Аксельрод. С.Д.Щупак (1880–1944) — член Бунда, затем меньшевистской партии. В 1917 — начале 1918 г. в Петрограде, один из руководителей городской думы. В конце 1918 г. эмигрировал. 29 декабря 1918 г. Аксельрод писал Щупаку, что рад его приезду за границу. // Меньше-

вики в 1918 году. С. 724. В 1944 г. Щупак погиб в нацистском концлагере во Франции.

[58] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 139. На заседании ВЦИК с протестом против разгона Учредительного собрания выступили большевик Д.Б.Рязанов, социал-демократы-интернационалисты С.А.Лозовский и В.Строев. Эсер Крамеров воскликнул на весь зал, когда Ленин шел к президиуму: «Да здравствует диктатор!» Ленин на этот возглас не реагировал. (См.: *Пейн Р.* Ленин. Жизнь и смерть. М., 2002. С. 448; *Keep J.* The Debat on Soviet Power. Oxford, 1979. P. 260–267, 419–421; *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007. С. 196–199; и др.)

[59] *Троцкий Л.Д.* О Ленине. М., 2005. С. 75.

[60] *Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С.* Подлинная история РСДРП-РКП(б) – ВКП(б). Без умолчаний и фальсификаций. СПб., 2010. С. 317. Л.С.Леонова также полагает, что роспуск Собрания ускорил превращение большевистской партии в государственную структуру. (См.: *Леонова Л.С.* Объективные и субъективные факторы формирования политической системы России–СССР. 1917–1936 // От античности до современности. М., 2012. С. 224.) В.В.Журавлев рассматривал разгон Учредительного собрания как отказ Ленина от союза с меньшевиками и эсерами, как призыв к гражданской войне. Он заключал: «Подавляя партийно-политическую оппозицию, РСДРП(б) добровольно взваливала на себя непосильный для одной партии груз политической ответственности за все, что происходило в огромной многоукладной стране. Этим она как политическая партия обрекала себя на превращение в государственную структуру репрессивно-диктаторского характера». (См.: *Журавлев В.В.* Послеоктябрьский большевизм: от «авторитета идей» к «авторитету власти» (октябрь 1917–1920) // Политические партии в российских революциях XX века. М., 2005. С. 341.) С ним не согласился В.Б.Миронов. Он посчитал этот вывод «кажущимся правдоподобием» и попытался оправдать действия Ленина, называя левых эсеров и меньшевиков «левыми буржуазными лидерами». Миронов видел в Учредительном собрании желание буржуазии «обуздать революцию руками умеренных социалистов». (См.: *Миронов В.Б.* Великая русская революция. М., 2011. С. 102, 106.) Выводы Миронова в данном случае отражают старые взгляды советской марксистско-ленинской историографии и не могут быть восприняты даже как поиск истины для решения проблемы о судьбах парламентаризма в России. По мнению С.В.Тютюкина, Учредительное собрание осталось символом демократии, поскольку не успело дать народу ничего ново-

го, что он уже получил от советской власти. (См.: *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 472.) С.В.Леонов отвергал мнение тех, кто считал отношение к разгону Собрания индифферентным, потому что миллионы людей узнали об этом спустя недели после этого события. На заседании ВЦИК 11 января 1918 г. подчеркивалось, что «всюду замечается перелом – выносятся резолюции в поддержку Учредительного собрания». В результате антибольшевистские силы получили консолидирующий лозунг. (См.: *Леонов С.В.* Рождение советской империи: государство и идеология. 1917–1922 гг. М., 1997. С. 159–160.) Р.Пайпс считал, что разгон Учредительного собрания «определил судьбу России больше, чем Октябрьский переворот», так как этим актом лидеры большевизма продемонстрировали возможность не считаться с народным мнением. Большевики 5 января 1918 г. приобрели уверенность в своей полной безнаказанности использования силы как средства политического убеждения. (См.: *Пайпс Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 229, 231.) Дж.Кип справедливо утверждал, что Учредительное собрание было «незаконно и жестоко разогнано большевиками». (См.: *Keep J.* The Russian Revolution. A study in Mass mobilization. New York, 1976. P. 471.) Л.Шапиро заключал, что разгон Собрания привел большевиков к террору против всех инакомыслящих. (См.: *Шапиро Л.* Коммунистическая партия Советского Союза. Firenze, 1975. С. 264.) По мысли М.Малиа, у Учредительного собрания не было собственной программы и отсутствовала поддержка избирателей, получивших из рук Советов землю и надежду на скорый мир. (См.: *Малиа М.* Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М., 2002. С. 141–142.)

[61] По мнению А.Медушевского, Учредительное собрание создавало основу для дальнейшего развития российского общества без гражданской войны и террора. М.Вандалковская полагала, что разгон Собрания сорвал направление развития страны в сторону западного парламентаризма. А.Боханов, А.Соколов и другие рассматривали вопрос об обреченности или жизненности идеи Собрания в условиях властвования большевиков. Л.Протасов отметил, что 60% депутатов Собрания погибли насильственной смертью в годы гражданской войны и последующих репрессий, что Собрание не имело перспективы для своей работы, а его роспуск стал поводом для развертывания гражданской войны в стране. (См.: Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания // Отечественная история. 2008. № 6. С. 168, 179–180, 184–185, 190.)

[62] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 14.

[63] См.: Отечественная история. 1996. № 4. С. 208. Писатель Б.Л.Васильев сетовал на то, что мирное сосуществование российских властей с различными политическими партиями продлилось недолго, с февраля 1917 г. по 6 января 1918 г., когда было разогнано Учредительное собрание. Этим завершился на многие годы парламентский, демократический путь развития страны. (См.: *Васильев Б.* Люби Россию в непогоду... // Известия. 1989. 18 янв.)

Заключение

1917 г. стал одним из знаменательных в российской истории прежде всего своими революционными потрясениями. Именно тогда, после свержения царизма, появилась реальная альтернатива дальнейшего развития страны по демократическому или тоталитарному направлению. Известно, что в октябре 1917 г. был избран путь радикального переустройства общества под властью «диктатуры пролетариата» и различными социалистическими лозунгами.

История российских революций 1917 г. до сих пор является предметом бурных дискуссий. Так, одни полагают, что Февральская революция — это победа демократии над самодержавием, а другие видят в ней первый шаг к тоталитаризму. В Октябрьской революции часть исследователей видит большевистский государственный переворот, другая — народное восстание. Одни связывают победу большевиков с именем Ленина, другие с Петроградским Советом, от имени которого тогда выступал Троцкий[1].

Исследования настроений российской провинции показали, что в то время политические партии играли ведущую роль в жизни наиболее просвещенных граждан страны, тогда как основная часть населения не демонстрировала устойчивой партийной принадлежности, в его сознании преобладали региональные и локальные нужды. Число защитников большевизма в стране с преобладающим крестьянским населением особенно выросло после публикации и начала реализации Декрета о земле[2].

Победа большевиков в борьбе за власть в стране означала поражение их противников. После свержения царизма власть в России последовательно переходила от либералов и умеренных социалистов к радикальным социалистам. Разумеется, представителей этих общественных течений, исследователей до сих пор интересует вопрос о победе радикалов и экстремистов в ходе революции, о причинах выбора в то время тоталитарного пути развития страны.

П.Б.Струве, хорошо знавший Ленина, вспоминал о его ненависти к людям, мешающим ему завоевать власть или конкурировавшим с ним по этому поводу[3]. Меньшевики были и первыми и вторыми, ведь они также, как и Ленин, видели в рабочем классе мессию, способную преобразить мир. В связи с этим Ленин видел в меньшевиках главных врагов, когда говорил: «Победа большевиков над меньшевиками требовала не только до Октябрьской революции 1917 г., но и после нее применения тактики лавирования, соглашательства, компромиссов, разумеется, такого и таких, которые облегчали, ускоряли, упрочивали, усиливали большевиков насчет меньшевиков»[4]. Эта формулировка Ленина отражала лишь идеологическую борьбу бывших фракций РСДРП, но не затрагивала репрессивную политику большевистских властей по отношению к меньшевикам, что выражалось в арестах лидеров, закрытии газет и т.д.[5]

В 1917 г. меньшевики не были едины в своем восприятии действий Временного правительства и особенно большевистского. А.Н.Потресов не переставая критиковал Мартова и его сторонников за попытку нейтрально относиться к большевикам и по отдельным вопросам сотрудничать с ними. «Меньшевизм, — писал он, — признавший в принципе допустимость, хотя бы и временную, хотя бы и частичного бесправия, отрезал себе также и путь радикального, безусловного, сплошного, принципиального отрицания всех подобных покушений на права "человека и гражданина"»[6]. Это был взгляд представителя правого меньшевизма. Левый меньшевизм, возглавляемый Мартовым, ставшим в

декабре 1917 г. лидером партии, стремился мирными средствами создать демократическую Россию. Мартов верил, что они с Лениным стоят на «одном классовом базисе», у них одинаковые социалистические цели и расходятся они лишь в средствах ее достижения. Мартов тогда резко осуждал и критиковал широко практиковавшиеся большевиками методы насилия и красного террора, репрессивную политику, направленную на бесправие людей и безнаказанность большевистских властей. 20 октября 1921 г. И.А.Виляцер, примыкавший к правым меньшевикам, писал П.Б.Аксельроду, что его и Мартова различие по отношению к большевикам состоит в том, что он хочет их режим свергнуть, а Мартов — исправить. Только в 1922 г., в эмиграции, Мартов назвал большевистский режим как протобонапартистское извращение революции[7]. Мартов умел признавать крах своих иллюзий. Ф.И.Дан, выступая перед эмигрантами в Париже в марте 1930 г., оправдывал поддержку меньшевиками большевиков после их прихода к власти, т.к., по его мнению, тогда они защищали интересы трудящихся. Церетели был не согласен с выводами Дана, заявив, что в советской России преклоняются не перед трудом, а перед кнутом[8].

Ю.П.Денике в воспоминаниях о 1917 г. писал, что Временному правительству не удалось создать полноправную и подчиненную ему администрацию в стране и это было одной из причин его поражения. Денике признавался, рецензируя воспоминания Церетели о Февральской революции, что не знает, был ли в то время путь спасения демократической революции от большевизма? «Я этого не знаю. И тогда не знал, и теперь не знаю», — писал он[9]. М.В.Вишняк отзывался о крушении Временного правительства эмоционально: «Февраль потерпел поражение из-за упадка воли и бессилия демократии»[10].

Исследователи называют несколько причин политического поражения меньшевизма в 1917 г. Среди них разрозненность партии, «властобоязнь», большевистские репрессии, а также ориентация меньшевиков на демократическое, западное направление развития

страны и рабочего движения. С.В.Тютюкин в результате своего исследования истории меньшевизма утверждал: «Меньшевики — это очередное издание "русских европейцев" начала XX в., значительно интеллектуально обогнав основную массу населения своей страны, которая еще явно "не доросла" до европейских культурно-бытовых и политических стандартов (и с этим объективным фактом нельзя было не считаться), — не получили поддержки собственного народа и в середине 1920-х гг. сошли с исторической дистанции»[11].

С этим выводом трудно согласиться. С ним не согласился и рецензент монографии Тютюкина В.В.Журавлев, предложивший представленную формулу переакцентировать. По мнению Журавлева, в 1917 г. дело было не в массах, которые «не доросли», а в самих меньшевиках, не сумевших увязать менталитет населения и существо предлагаемых партией преобразований[12]. Думается, что эти заявления не корректны. Большинство населения России в 1917 г. составляли крестьяне. Их мало волновали социалистические лозунги и программы, их интересовала частная собственность на землю. Эта проблема на Западе была решена в ходе происшедших там буржуазных революций. Против передачи бывших помещичьих земель крестьянам не возражала ни одна российская социалистическая партия, в том числе и меньшевистская. Главными носителями этого решения были эсеры, получившие большинство во время выборов в Учредительное собрание. Но этот эсеровский лозунг был воплощен большевиками в Декрете о земле[13]. В этом плане «интеллектуально обогнать» крестьян, твердо знавших, чего они хотят, меньшевики никак не могли. Весной и летом 1917 г. меньшевистские Советы пользовались большой популярностью среди рабочих больших городов. В силу целого ряда причин они уступили власть в ряде основных Советов большевикам осенью того же года. Так бывает в борьбе политических партий за власть, особенно когда одна из них борется за единовластие. Правые меньшевики работали в составе коалиционного правительства, а Мартов и его сторонники выступали за формирование

однородного социалистического правления. Поэтому говорить об отсутствии у меньшевиков «поддержки собственного народа» без указания времени и причин происходящего вряд ли следует.

Меньшевики и большевики в 1917 г. представляли себя сторонниками марксизма и защитниками интересов рабочего класса. Но в год революционных потрясений их интересы разошлись как никогда. Радикально настроенная часть большевиков во главе с Лениным и Троцким завоевывала власть в стране, используя для этого все известные им методы и средства. Меньшевики (правые и левые) продолжали оставаться частью мирового социал-демократического движения и делать все возможное для предотвращения гражданской войны в стране.

Комментарии

[1] Дж.Энтин на вопрос: Чем являлась Октябрьская революция? – отвечал, что «она имела некоторые черты идеологически мотивированного государственного переворота и некоторые – народного восстания. Она продемонстрировала гениальность Ленина и Троцкого и силу идеологии». На их стороне были везение и удача. (См.: *Энтин Дж.* К истолкованию русской революции 1917 г. // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 168.) С этим выводом можно было бы согласиться, если бы они были подтверждены фактическим материалом. Известно, что Ленин настаивал на захвате власти перед открытием II съезда Советов, который, по его замыслу, должен был новую власть легализовать. Народное движение возникнет позже, когда съезд примет решение о проведении демократических реформ о земле, мире и т.д., когда нужно было эти реформы реализовать и защищать. Б.М.Сапир писал, что в 1917 г. Советы рабочих депутатов создавали меньшевики и почти полностью руководили их работой, что только после прихода к власти Ленин «полицейскими методами изгнал меньшевиков из Советов». (См.: BAR. Boris Sapir collection. Box 57. Ser. 1.) Но большевик Троцкий возглавил Петроградский Совет 25 сентября 1917 г. и стал сторонником советской власти.

[2] В.Д.Бонч-Бруевич вспоминал, как рано утром 26 октяб-

ря 1917 г. у него на квартире за чаем Ленин читал Декрет о земле. «Вот только бы объявить его и широко распубликовать и распространить, — говорил он. — Пускай попробуют тогда взять его назад! Нет, шалишь, никакая власть не в состоянии была бы отнять этот Декрет у крестьян и вернуть земли помещикам». (См.: *Бонч-Бруевич В.Д.* Как писал Владимир Ильич Декрет о земле // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 369. Картон 17. Д. 30. Л. 29.) Ленин к достоинствам большевистской власти относил освобождение страны от пережитков крепостничества. «За какие-нибудь десять недель, начиная от 25 октября (7 ноября) 1917 г. до разгона учредилки (5 января 1918 г.), мы сделали в этой области в тысячу раз больше, чем за восемь месяцев своей власти сделали буржуазные демократы и либералы (кадеты) и мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсеры)». (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 145.) Категория «мелкобуржуазности» занимала в ленинской историко-философской системе важное место. К ним он несправедливо относил и социалистические партии, не согласные с большевистской доктриной, в том числе и меньшевиков. Подробнее об этом см.: *Овсянников А.А.* Эпоха в советской исторической науке: Ленин // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 56–57.

[3] *Струве П.Б.* За свободу и величие России // Новый мир. 1991. № 4. С. 219–220.

[4] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 59.

[5] Подробнее об этом см.: *Павлов Д.Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. С. 21–30.

[6] *Потресов А.Н.* Избранное. С. 296.

[7] См.: *Гетцлер И.* Мартов. С. 286, 288; IISH. П.Б.Аксельрод. П. 42а.

[8] HIA. Boris Nicolaevsky collection. Box 662. Fol. 4. Ser. 279.

[9] *Денике Ю.П.* Меньшевики в 1917 году // Меньшевики. С. 37; *он же.* Воспоминания И.Г.Церетели // Новый журнал. Нью-Йорк, 1964. Кн. 76. С. 225.

[10] *Вишняк М.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 317.

[11] *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 547. Подобного вывода придерживаются многие российские историки. С.И.Романовский писал: «"Особая судьба" России — это историческая данность, опирающаяся и на евразийскую природу российской государственности, когда азиатская география, азиатская история и азиатские традиции входят в явное противоречие с европейской культурой, техникой и наукой». (См.: *Романовский С.И.* Нетерпение мысли или исторический портрет радикальной русской интеллигенции.

СПб., 2000. С. 358.) По мнению А.Н.Боханова и А.Н.Сахарова, крах Временного правительства в России произошел не только потому, что оно опоздало с проведением либеральных реформ, а прежде всего из-за того, что «уровень развития народных масс исключал возможность приложить к России модели западной демократии, которым так упоенно были преданы новые демократические лидеры страны». (См.: *Боханов А.Н., Сахаров А.Н.* Заметки о книге А.А.Искандерова «Закат империи» (М., 2001) // Отечественная история. 2003. № 4. С. 157; и др.

[12] Вопросы истории. 2003. № 12. С. 157.

[13] Ленин позже признавал: «В самый момент Октябрьского переворота мы заключили не формальный, но очень важный (и очень успешный) политический блок с мелкобуржуазным крестьянством, приняв целиком, без единого изменения, эсеровскую аграрную программу». (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 57.)

Урилов, Илья Ханукаевич

У68 История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 5: Звездные и трагические дни партии (Февраль 1917 — январь 1918 гг.) / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр истории мировой социал-демократии; И. Х. Урилов ; науч. ред. С. В. Тютюкин . — М. : Собрание, 2013 . — 464 с. — ISBN 978-5-9606-0120-7

Новое исследование доктора исторических наук И.Х.Урилова является продолжением его трудов, посвященных истории российского меньшевизма. Монография раскрывает важные страницы деятельности РСДРП в 1917 году. Ее отличие от многих публикаций на эту тему состоит не только в привлечении малоизвестных документальных материалов, но и в синхронном рассмотрении действий в то время двух бывших фракций РСДРП — меньшевистской и большевистской. Каждая из них предлагала в то время воссоединение в единую партию, но на своих условиях. Очерковый характер предлагаемой работы позволил раскрыть внутренние противоречия и различия в политике меньшевиков и большевиков.

Для специалистов, преподавателей, студентов и всех интересующихся отечественной историей.

УДК 94(47)''1908/1918''
ББК 63.3-4

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ
С.А.Стулов

Подписано в печать 20.03.2013 г.
Гарнитура NewBaskerville. Формат 84×108/32
Усл. печ. л. 29,0. Уч.-изд. л. 24,54.
Тираж 1000 экз. (Первый завод — 300 экз.) Заказ № 2834

ООО «Издательство «Собрание»
109559, Москва, Тихорецкий бульвар, 1, стр. 5
Тел.: + 7 (495) 389 68 88

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография "Наука"»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

История российской социал-демократии (меньшевизма)

Новое исследование доктора исторических наук И.Х.Урилова является продолжением его трудов, посвященных истории российского меньшевизма. Монография раскрывает важные страницы деятельности РСДРП в 1917 году. Её отличие от многих публикаций на эту тему состоит не только в привлечении малоизвестных документальных материалов, но и в синхронном рассмотрении действий в то время двух бывших фракций РСДРП – меньшевистской и большевистской. Каждая из них предлагала в то время воссоединение в единую партию, но на своих условиях. Очерковый характер предлагаемой работы позволил раскрыть внутренние противоречия и различия в политике меньшевиков и большевиков.

9 785960 601207